

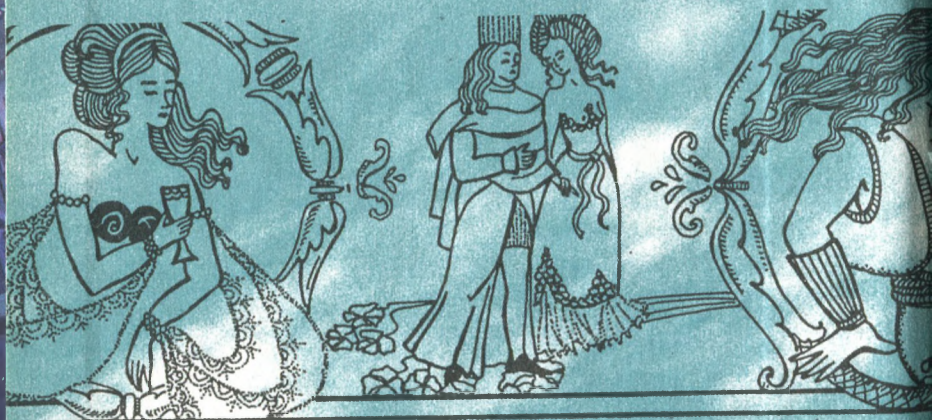
ЭПОПЕЯ «САГА О ВЛАСТИТЕЛЯХ ЗЛА»

Дворец любви

ДЖЕК
ВЭНС

ДЖЕК
ВЭНС

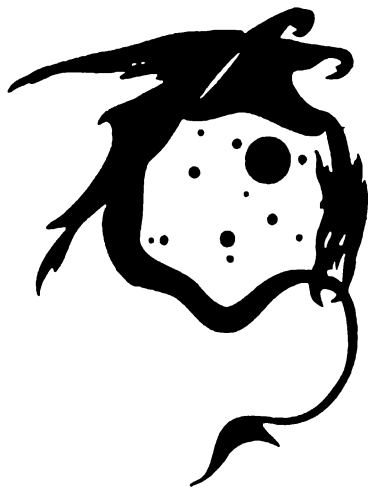

ДЖЕК
ВЭНС

Дворец любви

ДЖЕК
ВЭНС

Дворец любви

Умы земли

Большая
планета

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
В 22

Вэнс Дж.

B22 Дворец любви: Роман, повести / Пер. с англ.—
СПб.: Северо-Запад, 1997.— 448 с.

ISBN 5-7906-0019-0.

Во вселенной, на Краю Света, куда не распространяются законы Земли и Ойкумены, цивилизованной части космоса, обосновались преступники и убийцы. Ими правит пятерка Властителей Зла, которые решили уничтожить планету Маунт-Плезент, осмелившуюся им перечить. Чудом оставшийся в живых Кирт Джерсен выходит на охоту за вселенским злом.

В настоящий том включен третий роман цикла «Дворец любви» и две повести.

В 8200000000

ББК 84 (7США)

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-7906-0019-0

© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1997

САГА О ВЛАСТИТЕЛЯХ ЗЛА - 3

Дворец ЛЮБВИ

ГЛАВА 1

Саркой. Одиночная планета Фи Змееносца.

Параметры планеты:

Диаметр, миль	9600
Период обращения вокруг своей оси, часов	37,2
Масса, относительных единиц	1,40
Гравитация	0,98

Общая характеристика:

Для Саркоя характерен влажный климат, плотная облачность. Ось планеты перпендикулярна к орбитальной плоскости, поэтому здесь нет сезонных вариаций климата.

Поверхность планеты однородна в физико-географическом плане. Характерный тип ландшафта – степи (степь Гормана, степь Горобундура, Большая Черная степь и т.д.). Местная флора чрезвычайно богата. Именно она предоставляет саркойцам компоненты для их печально знаменитых ядов.

Население в основном ведет кочевой образ жизни, хотя есть и оседлые племена, носящие общее название «гвозди ночи» и живущие в лесах. (Подробную информацию о странных обычаях саркойцев можно найти в «Энциклопедии социологии и сексуального поведения саркойцев» Б.А.Эдгара.)

Пантеон Саркоя возглавляет Годогма, носящий цеп и цветок и передвигающийся на колесах. Везде, где кочуют саркойцы, можно встретить шесты на колесах, воздвигнутые в честь Годогмы Быстроходного, Бога Судьбы.

*Из «Краткого планетарного справочника»,
348-е издание, 1525 год.*

Панг, Годоленд.

Саркой. Июль, 12. Если бы Клариса Адама осудили за обман Уильяма Уэллса, если бы Аббатрама Памфильского утопили за смрад, если бы дьякона Фицбаха из Шэйкер-оити принесли в жертву за избыток усердия, это не повергло бы нас в такое удивление, как известие с Саркоя: мастер Вenefис Какарсис Азм осужден на сотрудничество с Гильдией за продажу яда. Пикантность ситуации заключается в том, что клиентом Азма был сам Виоль Фалюш, один из Властителей Зла, но в вину Азму вменяется не услуга, оказанная отъявленному преступнику, и не разглашение секретов Гильдии, а «продажа ядов с фиксированной стоимостью по сниженным ценам». Какарсис Азм должен умереть. Как?

Из журнала «Ригелианин», Авента, Альфанор.

Чем дольше Алюз Ифигения путешествовала с Киртом Джерсеном, тем хуже понимала его. Непредсказуе-

мая смена его настроений выбивала из колеи, поведение причиняло одно лишь беспокойство. Его скромность и самоотверженность — уж не цинизм ли это навыворот? И не скрывает ли маска вежливого внимания зловещие тайны? Эти вопросы посещали ее все чаще и чаще, сколько она ни отгоняла их.

Однажды, точнее, 22 июля 1526 года, когда они сидели на эспланаде Авенты перед Большой Ротондой, Джерсен попробовал объясниться.

— Все просто: из меня готовили орудие мести. Больше я ничего не умею. Остается оправдать подготовку.

В общих чертах Ифигения знала о прошлом Джерсена. Пять Властителей Зла, объединившись для исторического рейда на Маунт-Плезент, убили и взяли в рабство пять тысяч мужчин и женщин. Среди горстки уцелевших были Рольф Джерсен и его юный внук. Ифигения понимала, что подобное может перевернуть всю жизнь, она, однако, тоже познала ужас.

— Я не изменилась, — укорила она Джерсена. — Я никому не желаю зла, ни к кому не питаю ненависти.

— А вот мой дедушка питал ненависть, — заметил Джерсен довольно легкомысленным тоном. — Хотя я сам и полагаю, что ненависть — абстракция.

Ифигения возмутилась:

— Выходит, ты всего-навсего машина? Это ужасно — быть безмозглым орудием чьей-то ненависти.

Джерсен усмехнулся.

— Не совсем так. Дедушка учил меня, или, правильнее будет сказать, не жалел денег на учителей, и я благодарен ему. Без такой выучки я бы давно уже погиб.

— Ужасный старик — так искалечить мозг ребенка!

— Он был человек идеи, — возразил Джерсен. — Дед любил меня и полагал, что я разделю его идею. Так оно было и есть.

— А будущее? Неужели месть — это все, чего ты хочешь от жизни?

— Месь?.. Я так не думаю. У меня всего одна жизнь, и я знаю, что рассчитываю получить.

— Но почему не попробовать достичь тех же целей, обратившись к какому-нибудь официальному агентству?

— Никаких официальных агентств здесь нет. Разве что МПКК, да и та беспомощна.

— Тогда почему не обратиться к правителям Скопления Ригеля или другого столь же значительного мира? У тебя достаточно энергии и денег. Неужели это хуже, чем убивать собственными руками?

Джерсен не нашел разумных возражений.

— Не пойдет, — буркнул он. — Я работаю один и делаю все, как надо.

— Но ты бы мог учиться!

Джерсен покачал головой.

— Я увязну в этих премудростях и стану ни на что не годен.

Ифигения поднялась и отошла к балюстраде, устремив взгляд на Чудотворный океан. Джерсен любовался ее чистым профилем, гордой осанкой так, словно никогда не видел девушку раньше. Приближалось время утраты, когда все легкое и радостное уйдет из его жизни. Ветер играл светлыми волосами Ифигении, а она не отрывала глаз от синих вод, сияющих под лучами Ригеля. Джерсен вздохнул, развернул газету и рассеянно пробежал глазами первую страницу.

УБИЙСТВО КОСМОЛОГА

Большой гиркан атакует палаточный городок

Трувен, Фригия. Июль, 21. Иоганн Штраб, сторонник теории звездных ловушек, которая предполагает родство миров Скопления Ригеля и Голубого Компонента, вчера пал жертвой зрелой особи большого гиркана. Доктор Штраб и некоторые члены его семьи исследовали горы Мидаса в Верхней Фригии и случайно пересекли участок, облюбованный зверем. Прежде чем остальные участники экспедиции смогли уничтожить восьмифутового людоеда, доктор Штраб получил смертельный удар.

Штраб известен в основном своими попытками доказать, что Голубой Компонент и двадцать шесть миров Скопления первоначально являлись независимой системой, которая впоследствии была притянута мощной массой Ригеля. Такое предположение может объяснить различие

в возрасте миров Скопления и Ригеля, относительно молодой звезды...

Джерсен поднял голову. Ифигения не шевелилась, и он снова углубился в чтение.

ЖУРНАЛ «КОСМОПОЛИС» НА ГРАНИ ПРОДАЖИ

*Знаменитый журнал под угрозой закрытия
Совет директоров предпринимает последнее усилие*

Лондон, Англия, Земля. Июнь, 25. Издательство «Радиана» сегодня выделило срочную субсидию для покрытия хронического ежегодного дефицита журналу «Космополис», вот уже 792 года освещающему состояние дел в обитаемых цивилизованных мирах Вселенной. Шерман Зугель, председатель совета директоров компании, признал наличие кризисной ситуации, но заявил, что способен справиться с ней и обеспечить регулярный выход журнала на протяжении следующих восьмисот лет.

Ифигения сменила позу — облокотилась на перила, но по-прежнему не сводила глаз с горизонта. Лаская взглядом мягкие очертания ее тела, Джерсен невольно почувствовал соблазн сложить оружие. Он теперь сказочно богат и мог бы жить беззаботно... Кирт с минуту размышлял об этом, затем пожал плечами и вернулся к газете.

ИЗГОТОВИТЕЛЬ ЯДОВ ОСУЖДЕН НА СМЕРТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ ГИЛЬДИИ

Панг, Годоленд, Саркой. Июль, 12. Если бы Клариса Адама осудили...

Ифигения бросила взгляд через плечо. Джерсен читал газету — безучастный, равнодушный ко всему. Девушка отвернулась, взбешенная его невозмутимостью, от которой веяло ледяным холодом. Она мучается сомнениями, а Джерсен преспокойно читает газету! Ушел в чтение с головой.

Наконец он поднял голову, улыбнулся. Его лицо осветилось оживлением. Ярость Ифигении угасла. Джерсен выше ее понимания — то ли гораздо тоньше, чем она, то ли значительно примитивнее... Тем временем человек, занимавший ее мысли, поднялся.

— Нам предстоит путешествие через пространство, к Змееносцу. Ты готова?

— Готова? Ты хочешь сказать — сейчас?

— Да. Сейчас. Почему нет?

— Нет причины... Да, я готова. Соберусь за два часа.

— Я позвоню в космопорт.

ГЛАВА 2

Кораблестроительная компания «Дистис» производила девятнадцать моделей — от неприятного суденышка типа 9Б до великолепной «Дистис-Императрицы» с черно-золотым корпусом. Изящная афера, провернутая на Обменном Пункте, позволила Джерсену приобрести модель «Фараон», роскошную посудину, наспигованную автоматикой, которая превращала путешествие в сладкий сон, например постепенно изменяла давление и состав воздуха до показателей, характерных для пункта назначения.

Ригель и Скопление растаяли. Впереди лежала тьма, усыпанная звездами. Ифигения, изучавшая «Звездный атлас», удивленно нахмурилась.

— Змееносец не звезда. Это сектор. Куда мы направляемся?

— Солнце — Фи Змееносца, — бросил Кирт и, помолчав, добавил: — Планета называется Саркой.

— Саркой? — встревожилась Ифигения. — Планета отравителей?

Джерсен кивнул.

Взгляд Ифигении блуждал во мраке за иллюминатором. Почему Джерсен покинул Альфанор с такой поспешностью? Она последовала за ним, повинаясь внезапному импульсу, решимости изменить его образ жизни, но теперь сомневалась, что ей это удастся. Девушка раскрыла «Краткий планетарный справочник», прочла статью про Саркой. Джерсен стоял у фармацев-

тического блока, готовя препараты против зловредных белков, вирусов и бацилл Саркоя.

Ифигения не смогла сдержать любопытства:

— Почему ты отправился туда? Похоже, это дурное место.

— Хочу потолковать кое с кем, — сказал Джерсен размеренным голосом и протянул чашку: — Выпей! Это средство против парши и чесотки.

Ифигения безропотно проглотила снадобье.

Для посещения Саркоя не требовалось проходить через формальности. Джерсен посадил корабль в космопорте Панга, как можно ближе к таможне — деревянному строению с лакированной тростниковой крышей. Чиновник зарегистрировал их как посетителей, и прибывших немедленно обступили около дюжины аборигенов в темно-коричневых балахонах, отороченных мехом. Посыпались предложения услуг:

— Что вам угодно, сэр, леди? Посетить деревню? Я глава...

— Не хотите ли поохотиться? Отличные звери! Свирепые...

— Яды жидкие и в порошке! Гарантирую качество и надежность. Доверьтесь мне — и я обеспечу вас лучшими ядами.

Джерсен переводил взгляд с одного лица на другое. У нескольких туземцев на щеке был вытатуирован голубой Мальтийский крест, у одного на лице красовалось две таких татуировки.

— Ваше имя?

— Эдельрод. Я знаю все о Саркое, множество увлекательных историй. Ваше путешествие будет интересным и поучительным...

Джерсен прервал поток красноречия:

— Я вижу, вас посвятили в подмастерья.

— Верно. — Эдельрод казался озадаченным. — Вы уже посещали наш мир?

— Бывал здесь.

— Приехали пополнить запасы? Могу устроить замечательную сделку. Есть новинки.

Джерсен отвел Эдельрода в сторону.

— Вы знаете мастера Какарсиса Азма?

– Знаю. Он приговорен к сотрудничеству.
– Так Азм еще не умер?
– Умрет завтра вечером.
– Ладно. Я найму вас, если не заломите космическую цену.

– Я продаю знание, дружбу, защиту – и все за пятьдесят севов в день.

– Согласен. В первую очередь нам нужно найти постоянный двор.

– Минуту.

Эдельрод пригнал двухколесную повозку и доставил путников к постоялому двору «Отрава», бревенчатому трехэтажному сооружению с двенадцатиконечной крышей из зеленой стеклянной черепицы. Внутри здание поражало варварской роскошью: пол устилали пестрые ковры, выдержанные в кроваво-черной гамме; пилястры с резными фигурами, величественными и зловещими, украшали стены; с потолочных балок свешивались лозы с зелеными листьями и пурпурными цветами. Из окон – три человеческих роста в высоту – открывался вид на Горобундурскую степь, которая на западе граничила с черно-зеленой трясинной, а на востоке – с мрачным лесом. Еда подавалась в общей зале, обставленной мебелью черного дерева. К облегчению Ифигении, оказалось, что в кухне управлялись иномиряне и можно было выбирать между блюдами шести различных миров. Тем не менее, девушку мучили сомнения:

– Туда добавляют эти ужасные травы.

Джерсен успокоил ее:

– Они не станут тратить на нас стоящие яды. Большого я гарантировать не могу. Это – обычный хлеб, вот те маленькие черные шарики – тростниковые ягоды, а здесь – жаркое или гуляш. – Он попробовал кусочек. – Я ел и худшее.

Ифигения утрумо поглощала ягоды, которые припахивали дымом.

– Сколько ты намерен здесь оставаться? – спросила она обреченно.

– Два дня или около того, если все пойдет хорошо.

– Конечно, это твое дело, но все-таки любопытно...

– Ничего таинственного – нужно узнать кое-что у человека, который долго не проживет.

— Понятно.

Дальше этого интерес Ифигении к планам Джерсена не простирался, и она не участвовала в беседе Кирта с Эдельродом.

— Я бы хотел переговорить с Какарсисом Азмом. Это возможно?

Эдельрод задумчиво подергал длинный нос.

— Трудное дело. Он должен сотрудничать с Гильдией, а такого человека, ясное дело, тщательно охраняют. Конечно, можно попытаться. Как насчет монеты?

— Пятьдесят севов — в казну Гильдии, еще пятьдесят — мастеру Гильдии, двадцать-тридцать — вам. Но не более того.

Эдельрод, толстяк неопределенного возраста с гривой жестких черных волос, надул губы.

— Не королевский размах. На Саркое щедрость ставят выше всех других достоинств.

— Если я правильно понял намек, плата вас не устраивает. Что ж, обращусь к кому-нибудь другому.

— Погодите, — вздохнул Эдельрод, — я попробую что-нибудь разнюхать.

Джерсен присел рядом с Ифигенией, которая напустила на себя деланное безразличие. Эдельрод вернулся сияющий.

— Я все уладил. Цена будет лишь чуть больше названных сумм. — Он возбужденно шелкнул пальцами.

— Я тут подумал, — процедил Джерсен. — Мне не так уж и нужно говорить с мастером Азмом.

Эдельрод слегка встревожился.

— Но это возможно. Я уже договорился.

— Может быть, в другой раз.

Эдельрод скривился:

— В ущерб себе я могу обойтись суммой в двести севов или около того.

— Информация того не стоит. Завтра я улетаю в Кадан, где мой старый друг, мастер Кудируу, все устроит.

Эдельрод вытаращился на него, изумленный.

— Ну так это меняет все! Что же вы не упомянули Кудируу раньше? Думаю, глава Гильдии умерит свои запросы.

— Вы знаете верхний предел.

— Хорошо.— Эдельрод строил кислую гримасу.— Встреча состоится сегодня, чуть позже. А пока чего бы вы хотели? Может, осмотрим окрестности? Погода хорошая, в лесах полно цветов, душилок, взрывчатых деревьев. Проложены безопасные тропы.

Неутомимая Ифигения поднялась. Эдельрод повел их по тропе, которая пересекала солоноватую реку и петляла по лесу.

Растительность оказалась типичной для Саркоя. Высокий подлесок был окрашен в черно-коричневые тона, ниже сверкали красные, зеленые, бледно-голубые. Эдельрод указал на маленький серый гриб:

— Это — источник твитуса. Отличный яд! Если давать его два раза в неделю в сочетании с мерваном, образуется соединение, которое незаметно для жертвы скапливается в коже и становится смертельным лишь на прямом солнечном свете. Я знал людей, которые из страха перед отравлением до конца дней прятались под тентом.

Они вышли на поляну. Эдельрод быстро обвел ее взглядом.

— У меня нет явных врагов, но здесь недавно умерло несколько человек... Сегодня, вроде бы, все в порядке.— Он указал на чахлый кустарник со светлой корой и желтыми круглыми листьями.— Некоторые зовут его «денежное дерево», другие — «все за ничего». Он абсолютно безвреден, как в естественном виде, так и после обработки. Вы можете попробовать любую его часть: листья, кору, почки, корни — и отделаетесь легким расстройством желудка. Один из наших мастеров, досадуя, что от растения нет никакого толку, потратил несколько лет на исследования и недавно выделил вещество необычайной мощи. Будучи растворенным в метицине и распыленным в воздухе, оно проникает в тело через глаза, вызывая вначале слепоту, затем немоту, а потом и полный паралич. Вы только подумайте! Из бесполезного растения извлечь полезный и эффективный яд! Это ли не доказательство человеческой настойчивости и изобретательности!

— Поразительное достижение! — подхватил Джерсен, а Ифигения промолчала.

Эдельрод продолжал:

— Нас часто упрекают в приверженности к ядам естественного происхождения и пренебрежении к лабораторным исследованиям и синтезу. Однако природные яды, изначально связанные с живой тканью, более действенны.

— Я бы скорее предположил наличие каталитических добавок в естественных ядах, — возразил Джерсен, — нежели какую-либо метафизическую связь.

Эдельрод заметил назидательно:

— Вы недооцениваете роль разума. Возьмем... Здесь где-то поблизости должен быть... Да, вот! Поглядите на эту рептилию.

Под покровом бело-голубых листьев затаилось мелкое ящерицеподобное создание.

— Это — менг. Из одного его органа получают вещество, которое затем продают под разными названиями — «улгар» и «фурукс». Повторяю: одно и то же вещество! Однако, когда его продают под названием «улгар» и применяют соответственно, у жертвы наблюдаются спазмы, укушение языка, потеря рассудка. Если же ему присваивают название «фурукс», происходит размягчение костей. Что скажете? Разве это не метафизика чистой воды?

— Конечно, интересно... Гм... А что случается, если вещество продают под видом, ну, воды?

Эдельрод подергал себя за нос.

— Очень интересный эксперимент... Я полагаю... Но это не удастся подтвердить на опыте. Кто будет покупать воду, да еще за такую цену?

— Я недостаточно обдумал свое предложение, — согласился Джерсен.

Эдельрод извиняюще кивнул.

— Вовсе нет, вовсе нет. На этом можно построить интересные вариации. Например, сероцвет. Кто догадывался, что запах способен отравить? А грандмастер Штрубал подвесил сероцвет венчиком вниз и оставил на месяц в темноте, в результате чего он стал смертельно ядовитым. Одно лишь дуновение убивает. Достаточно медленно пройти мимо объекта.

Ифигения остановилась, чтобы подобрать маленький кварцевый голыш.

— Какое ужасное вещество вы извлекаете из этого камня?

Эдельрод оторопел:

— Вообще никакого... насколько я знаю. Хотя мы используем такие камешки в качестве жерновов, когда размалываем семена фотиса. Не беспокойтесь, галька вовсе не так безопасна, как кажется.

Ифигения с раздражением отбросила камешек.

— Невероятно,— пробормотала она,— чтобы люди посвятили себя подобной деятельности!

Эдельрод пожал плечами:

— Мы приносим пользу: каждый человек хоть однажды ощущает нужду в яде. У нас к этому особые способности, и мы обязаны реализовать их.— Он с любопытством поглядел на Ифигению.— Обладаете ли вы подобным умением?

— Нет.

— На постоялом дворе продается буклет «Основы искусства приготовления и использования ядов». Думаю, в него входит рецептура основных алкалоидов. Если вы заинтересуетесь...

— Благодарю, у меня нет подобных намерений.

Эдельрод вежливо кивнул, признавая, что каждый выбирает в жизни собственный путь.

Тем временем лес начал редеть, тропа расширилась и вернулась в степь. На краю города возносились к небу восемь шпилей строения из окованных железом бревен, десять железных дверей которого выходили в степь. Рядом притулилось множество лавчонок.

— Караван-сарай,— объяснил Эдельрод.— Здесь заседает Конвент, который выносит приговоры.— Он указал на платформу наверху, где четыре человека за решеткой безнадежно таращились на площадь.— Последний справа — Какарсис Азм.

— Я могу поговорить с ним сейчас? — спросил Джерсен.

— Пойду выясню. Пожалуйста, подождите в этой лавочке, моя бабушка заварит вам отличный чай.

Ифигения с сомнением оглядела убранство лавочки. На плите яростно кипело какое-то варево. Сотни склянок с загадочными травами, корнями и зельями пылились на полках.

— Все абсолютно чистое и безвредное, — успокоил Эдельрод. — Располагайтесь. Я вернусь с хорошими новостями.

Ифигения молча уселась на лавку. Перемолвившись парой слов с бабушкой Эдельрода, Джерсен принес поднос с мягким стимулятором — вербеновым чаем.

Из степи возвращался караван. Впереди катила восьми-колесная механическая колымага, везущая святыни, палатку гетмана и цистерны с водой, за ней тянулось несколько дюжин повозок, больших и маленьких, гудящих, клацающих. Все они несли на себе надстройки, на которых размещались люди, тогда как вещи и товары были сложены внизу. Несколько человек ехало на мотоциклах, другие теснились в повозках, которыми управляли старухи и рабы. Дети бежали сзади, неслись на велосипедах или же цеплялись за бамперы повозок.

Караван остановился. Женщины и дети установили треноги, подвесили котелки и начали стряпать. Рабы разгружали из повозок товары: меха, древесину редких пород, связки трав, бурдюки, набитые агатами и опалами, птиц в клетках, сосуды с латексом, ядами и двух пленных хэрикапов, созданий с зачатками разума, служивших на Саркое для жестокой забавы — хэрбайта. Мужчины сбились в кружок, чтобы попить чаю, а потом наведаться на базар. В одиночку они туда не заглядывали — боялись, что обманут.

От караван-сарая рысцой трусил Эдельрод. Джерсен буркнул Ифигении:

— Сейчас начнет объяснять, что нужно еще денег.

Однако Эдельрод налил себе слегка пригоревшего айолу и молча сел.

— Ну? — спросил Джерсен.

Эдельрод вздохнул и покачал головой:

— Все мои договоренности обратились в ничто. Главный Исполнитель объявил, что встреча невозможна.

— Ну и ладно, — махнул рукой Джерсен. — Я только хотел передать ему соболезнования от Виоля Фалюша. Сделаем это иначе. Где он будет сотрудничать?

— На постоялом дворе «Отрава» — там резиденция Конвента в Панге.

— Будем надеяться, я улучу возможность шепнуть ему пару слов или, по крайней мере, сделать ободряющий знак. Пойдем пройдемся.

Расстроенный Эдельрод повел их по базару. Только в рядах, где торговали ядами, он слегка оживился, торговался, хвалил особенно замечательные препараты.

— Поглядите на это смертельно опасное вещество.— Саркоец поднял шарик серого воска.— Я держу его без страха, потому что невосприимчив к такому яду. Но если вы потрете им любой предмет, принадлежащий вашему врагу,— расческу или зубочистку,— считайте, что он уже мертв. Либо напылите его на ваши идентификационные документы, и чересчур рьяный таможенник дорого заплатится за свое усердие.

Ифигения глубоко вздохнула:

— Каким образом саркоец умудряется дожить до зрелого возраста?

— Два слова,— важно ответил Эдельрод, подняв в наизидание два пальца,— осторожность, иммунитет. Я невосприимчив к тридцати видам яда. Ношу с собой индикаторы, уберегающие от клюса, мератиса, «черной вдовы» и волюи. Я соблюдаю чрезвычайную осторожность, когда ем, обоняю, одеваюсь или ложусь в постель с незнакомой бабой, ха-ха. Не ухмыляйтесь — многие чересчур пылкие любители удовольствий попались на этот крючок. Но продолжим. Я осторожен везде, всегда подхожу с наветренной стороны, хотя у меня иммунитет на мератис. Осторожность становится второй натурой. Если я подозреваю, что у меня есть враг либо вот-вот появится, я стараюсь свести дружбу и отравить, чтобы уменьшить риск.

— Возможно, вы доживете до старости,— протянул Джерсен.

В ответ Эдельрод сделал круговое движение руками, что символизировало остановку колеса Годогмы.

— Будем надеяться. А вот... — он указал на пузырек с белым порошком,— клюс. Полезнейший, универсальнейший. Если вам нужен яд, покупайте клюс.

— У меня уже есть клюс,— охладил его восторги Джерсен.— Хоть, может, он слегка и выдохся.

— Купите этот — не пожалеете, — горячо воскликнул Эдельрод. — Он всего лишь вызывает гноящиеся язвы и гангрену. — Саркоец повернулся к продавцу: — Товар свежий?

— Как утренняя роса!

После бурного торга Джерсен купил пузырек с клюсом. Ифигения стояла за его спиной, отвернув голову с видом сердитого неодобрения.

— А теперь, — сказал Джерсен, — вернемся в гостиницу.

Эдельрод неуверенно начал:

— Мне пришла в голову одна мысль. Если я принесу наблюдателям котелок чая, да получше, эдак за двадцать-тридцать севов, они могут разрешить посещение.

— Безусловно. Сделайте им такой подарок.

— Вы, естественно, возместите мне затраты?

— Что? Вы уже запросили сто двадцать севов!

Эдельрод досадливо взмахнул рукой.

— Вы не понимаете моих трудностей. — Он неопределенно пощелкал пальцами. — Очень хорошо. Пусть будет так. Расположение к вам толкает меня на жертвы. Где деньги?

— Здесь пятьдесят. Остаток после встречи.

— А как быть с леди? Где она подождет?

— Только не на базаре. Кочевники могут счесть ее товаром.

Эдельрод кашлянул.

— Подобное случалось. Но не беспокойтесь! Леди находится под бдительной опекой подмастерья Идделя Эдельрода. Она в такой же безопасности, как двухсот-тонная статуя дохлой собаки.

Но Джерсен настоял на том, чтобы они наняли экипаж и доставили Ифигению на постоялый двор. Затем Эдельрод проводил Джерсена в караван-сарай; пройдя через анфиладу залов, они поднялись на последний этаж. Шесть наблюдателей сгруппировались вокруг булькающего котелка. Смерив Эдельрода равнодушным взглядом, стражи сразу сосредоточили внимание на его подношении. Они перебрасывались репликами, очевидно сального свойства, потому что перемежали их жеребьячим ржанием.

Джерсен приблизился к клетке, где томился Какар-сис Азм, некогда мастер, а теперь приговоренный к сотрудничеству. Азм оказался довольно высок для сар-койца и довольно тучен для заключенного. У него была крупная голова с узким лбом и широкими скулами; длинные черные усы грустно свешивались по краям крупного рта. Как преступник он не носил обуви, и его ноги с традиционными татуировками колес судьбы по-синели от холода.

Эдельрод презрительным тоном обратился к Азму:

— Ничтожная собака, этот благородный иномирянин желает допросить тебя. Веди себя пристойно.

Азм поднял руку, словно разбрасывая яд. Эдельрод с поразительной прытью отскочил, а узник расхохотался. Джерсен повернулся к Эдельроду:

— Подождите в стороне. Мне нужно поговорить с мастером Азмом наедине.

Эдельрод торопливо удалился. Азм, усевшись на стул, смерил Джерсена жестким взглядом.

— Я заплатил, чтобы побеседовать с вами,— начал Джерсен.— Я, собственно, для этого прилетел сюда с Альфанора.

Никакой реакции.

— Виоль Фалюш заявил протест по вашему делу? — спросил Джерсен.

Невыразительные глаза Азма слегка оживились.

— Вас послал Виоль Фалюш?

— Нет.

Оживление пропало.

— Как странно,— вкрадчиво произнес Джерсен,— ведь это он впутал вас в преступление и должен быть, как и вы, приговорен к сотрудничеству.

— Резонно,— кивнул Азм.

— Я не совсем понимаю, в чем состоит ваше преступление. Вас осудили за продажу яда известному преступнику?

Азм фыркнул и сплюнул в угол клетки.

— Как мог я знать, что это Виоль Фалюш? Я знал его раньше под другим именем. Он изменился; его невозможно узнать.

— Тогда почему вы приговорены к сотрудничеству?

— Гильдия установила специальные цены для Виоля Фалюша. А я продал ему две драхмы* пациглопа и одну — волю, сравнительно мало, но это не учитывалось. Глава Гильдии — мой давний враг, хоть ни разу не попробовал моего яда. — Он вновь сплюнул, а затем подозрительно поглядел на Джерсена. — Почему я должен откровенничать с вами?

— Потому что я ручаюсь, что вы умрете от чего угодно, но не от сотрудничества.

Азм сардонически фыркнул:

— Мастер Петрус не упустит возможности попробовать на мне свою новинку — пиронг.

— Мастера Петруса можно умиловить. Деньгами, если не чем-нибудь иным.

Азм пожал плечами:

— Надеяться глупо, но я ничего не потеряю, если расскажу вам, что знаю.

— Виоль Фалюш покинул планету?

— Давно.

— Где и когда состоялось ваше первое знакомство?

— Очень давно. Двадцать-тридцать лет назад... Очень давно. Он был работорговцем, самым молодым работорговцем из всех, что я знал. Почти мальчик. Прибыл на старом корабле с партией рабынь, которые безумно боялись его гнева. Можете себе представить? — Азм в удивлении покачал головой. — Ужасный юнец. Он просто дрожал от страсти. Теперь изменился. По-прежнему одержим страстями, но научился ими владеть. Виоль Фалюш стал совсем другим человеком.

— Как его звали тогда?

Азм покачал головой:

— Уже не помню. Возможно, и не знал никогда. Он продал мне двух славных девушек за деньги и яд. Они плакали от счастья, когда покидали его корабль. Остальные тоже плакали, но оттого, что остались там. Боже, как грустно! — Азм вздохнул. — Инга и Дандина их звали. Такие болтушки. Они хорошо знали этого парня и никогда не уставали ругать его!

— Что случилось с ними? Они еще живы?

* Драхма — 1/8 унции в аптекарском весе, 1/16 унции — в торговом. — *Примеч. ред.*

— Не знаю.— Азм вскочил, прошелся взад-вперед и снова опустился на стул.— Дела призывали меня на юг, в Согмер. Я продал девушек по дешевке — использовал их уже два года.

— Кто купил рабынь?

— Гаскойн, работорговец с Мерчисона. Это все, что я знаю.

— А откуда родом были девушки?

— С Земли.

Джерсен помедлил минуту.

— А Виоль Фалюш — как он выглядит сейчас?

— Высокий. Волосы темные. Хорошо одет. Никаких бросающихся в глаза черт. В юности его безумие было заметно, отражалось на внешности. Теперь этого не скажешь, если только не знал его, подобно мне, в молодости.

Джерсен задал еще несколько вопросов, но мастер не мог на них ответить. Когда гость собрался уходить, саркоец, сохраняя безразличный вид, поинтересовался:

— Вы собираетесь просить за меня Петруса?

— Да.

Азм подумал немного и наконец выдавил из себя:

— Будьте осторожны. Он опасен. Если будете чересчур доверчивы, Петрус отравит вас.

— Спасибо,— сказал Джерсен.— Надеюсь помочь вам.

Он дал сигнал Эдельроду, который наблюдал за ними издали с плохо скрытым любопытством.

— Отведите меня к мастеру Петрусу.

Эдельрод повел Джерсена на первый этаж каравансарая, через один изогнутый зал в другой и, наконец, в комнату, имевшую еще один выход, скрытый занавесом из желтого шелка. На кушетке восседал тощий человек с замысловатой татуировкой на щеках и изучал стоящие перед ним маленькие флакончики.

— Джентльмен из внешнего мира хочет поговорить с мастером,— почтительно произнес Эдельрод.

Тощий человек поднялся, подошел к Джерсену, внимательно исследовал его одежду, понюхал руки, осмотрел язык и зубы.

— Одну минуту,— бросил он и скрылся за шелковым занавесом. Наконец он возвратился и махнул Джерсену рукой: — Сюда.

Джерсен оказался в помещении без окон, таком высоком, что потолка не было видно. Четыре шарообразные лампы, подвешенные на цепях, отбрасывали желтый маслянистый свет. На столе булькал любимый саркойцами травяной напиток. Дышалось тяжело от духоты и густых запахов воска, краски, кожи, пота, трав. Мастер Петрус, который до их прихода, видимо, спал, теперь, наклонясь с кушетки, бросал травы в котелок. Это был старик с ясными черными глазами и бледной кожей. Он приветствовал просителя быстрым кивком.

Джерсен промолвил:

- Вы уже старик.
- Мне сто девяносто четыре земных года.
- Сколько вы еще рассчитываете прожить?
- Надеюсь, по крайней мере лет шесть. Многие хотели бы отравить меня.
- На крыше ожидают наказания четыре преступника. Все они приговорены к сотрудничеству?
- Все. Мне нужно опробовать дюжину ядов, и другим мастерам тоже.
- Я обещал Азму, что он умрет от чего угодно, но не от сотрудничества.
- Должно быть, вы оптимист, а я вот скептик. Преступление Азма получило широкую огласку. Ему не избежать сотрудничества.

В конце концов за пять сотен севов Джерсен заручился обещанием, что Азм умрет «от чего угодно», и вернулся к Эдельроду, который истомился от ожидания и неутоленного любопытства. Когда они вышли на улицы Панга, сумерки уже размывали очертания высоких бревенчатых домов на сваях.

Ифигения отдыхала в своей комнате, и Джерсен решил не беспокоить ее. Он вымылся в деревянной бадье и вышел поглядеть на степь. Над ней стелился туман, чернели причудливые силуэты шестов с колесами.

Джерсен заказал чаю и, за неимением лучшего, задумался о своей жизни... По обычным меркам он богат, счастливчик. А что сулит будущее? Предположим, судьба ему улыбнется, и он достигнет цели, уничтожит всех Властителей Зла, что тогда? Сможет ли он вернуться к нормальному существованию? Или же обречен до конца

своих дней искать новые жертвы? Джерсен утрюмо усмехнулся. Как бы то ни было, он должен выжить. Да и что такого удалось ему узнать от Азма? Только то, что двадцать-тридцать лет назад мальчишка-маньяк продал саркойцу парочку девиц, Дандину и Ингу, которых тот сбыв Гаскойну, работоторговцу с Мерчисона. Почти ничего. Правда, Дандина и Инга хорошо знали своего похитителя и «никогда не уставали ругать его».

Появилась Ифигения. Не обращая внимания на Джерсена, она глядела в темную степь, где теперь мерцали редкие огоньки. В небе мелькнул красный отблеск, затем вспыхнули белые огни, и почтовый корабль, курсирующий на линии Робарт — Геркулес, сел на поле. В конце концов девушке наскучило зрелище темной, дикой степи, она повернулась и села рядом с Джерсеном, держась очень прямо. Ифигения отказалась от чая и сухо спросила:

- Как долго ты должен здесь оставаться?
- Только до завтрашнего вечера.
- Почему мы не можем уехать теперь? Ты поговорил со своим другом и приобрел яд.

Словно бы в ответ на ее вопрос, в дверях появился, кланяясь, Эдельрод, в длинной хламиде и высоком меховом колпаке.

- Здоровья и иммунитета! — приветствовал их саркоец. — Посетите ли вы сегодня церемонию отравления? Она должна состояться здесь. Очень поучительное зрелище.

- Сегодня? Я думал, это будет завтра вечером.
- Церемония перенесена согласно повороту колеса Годогмы. Сегодня осужденные должны сотрудничать.
- Мы придем.

Ифигения быстро встала и двинулась в свою комнату. Джерсен последовал за ней.

- Ты на меня сердишься?
- Не сержусь, просто очень обеспокоена. Я не могу понять твоего интереса к этим ужасным людям. Смерть...
- Саркойцы живут по своим законам. Мне это интересно. Я уцелел благодаря умению избегать смерти и не упускаю случая научиться всему, что помогает избежать гибели.

— Но зачем? У тебя огромное состояние, десять миллиардов севов в банке!

— Уже нет.

— Уже нет? Ты потерял его?

— Огромное состояние уже не в банке. Оно вложено в анонимную корпорацию, где у меня контрольный пакет. Деньги дают ежедневный доход в миллион севов или около того. Все еще огромное состояние, разумеется.

— С такими деньгами тебе незачем пачкать руки. Найми убийц — хотя бы этого омерзительного Эдельрода. За деньги он отравил бы родную мать.

— Любого наемного убийцу можно перекупить. Нет, нужно оставаться в тени. Боюсь, меня уже взяла на заметку Конгрегация, а это скверно.

Ифигения вспыхнула:

— Ты одержимый. Маньяк. Сделал убийство своим ремеслом.

Джерсен едва сдержался, чтобы не напомнить, как это самое его ремесло несколько раз спасло ее жизнь.

— У тебя есть и другие способности, — настаивала Ифигения. — Ты можешь быть добрым, веселым. Но никогда не даешь воли своим чувствам. Ты духовно истощен, искалечен. Думаешь только о власти, смерти, ядах, сценариях убийства, мести.

Джерсена поразила ее горячность, абсурдность обвинений, но, похоже, она сама в них верила. Каким же чудовищем он выглядит в ее глазах! Кирт попробовал успокоить девушку:

— Это совсем не так. Когда-нибудь ты поймешь, однажды... — Он осекся, потому что Ифигения в гневе тряхнула головой, так что взлетели ее золотисто-каштановые волосы. Да и то, что он собирался сказать, вдруг показалось ему нелепым, неуместным — пустые слова, шаткие надежды обрести отдых, дом, семью.

Ифигения холодно обронила:

— А как насчет меня?

— Я не имею права вмешиваться в твою судьбу, ломать ее, — нехотя признал Джерсен. — У тебя лишь одна жизнь, и нужно получить от нее все лучшее.

Ифигения поднялась, спокойная и собранная. Джерсен грустно побрел в свою комнату. И все же он испы-

тывал мрачное удовлетворение. Возможно, втайне от себя он надеялся, что путешествие на Саркой откроет Ифигении его предназначение, поможет сделать выбор.

К его удивлению, она появилась за обедом, бледная, немногословная.

Зала была переполнена. Судя по богатству украшений и мехов, здесь собралась саркойская знать. Присутствовало необычно много женщин в забавных пурпурных, коричневых и черных балахонах; их шеи отягощали массивные ожерелья, бирюза и нефрит матово поблескивали в волосах, у висков, на поясе. В углу сидела группа туристов с экскурсионного корабля, который прибыл в Панг ближе к вечеру — по случаю казни, решил Джерсен. Костюмы туристов свидетельствовали, что они прилетели с одной из планет Скопления Ригеля, скорее всего, с Альфанора — об этом говорил сероватый оттенок кожи.

Словно из-под земли вынырнул Эдельрод.

— А, лорд Джерсен! Приятно вновь увидеть вас. Могу ли я присоединиться к вам и прелестной леди? Не хотите присутствовать при процедуре отравления? — Приняв кивок Джерсена за разрешение, он уселся за стол. — Сегодня вечером состоится банкет. Шесть перемен блюд, саркойская кухня. Советую посетить. Раз уж вы здесь, на нашей чудесной планете, надо испробовать все развлечения. Счастлив помочь вам. Все идет хорошо, я полагаю?

— Все в порядке, благодарю.

Эдельрод не обманывал: к столу подавали лишь местные кушанья. Пока гости пробовали бледно-зеленую болотную траву, довольно горькую, салат из тростника, чернику и черные ломтики едкой коры, официанты принесли с террасы четыре столба и установили их в углубления.

Появилась вторая перемена блюд: рагу из бледного мяса в коралловом соусе, желе из неизвестного растения и местные фрукты.

Ифигения ела без особого аппетита, Джерсен вообще не был голоден.

Третью переменную составляли пахучий крем на ломтиках подсушенной дыни с гарниром из мелких моллюс-

ков в растительном масле. Когда тарелки унесли для следующей перемены, в зале появились, мигая от яркого света, четыре преступника. На них не было ничего, кроме массивных ошейников, толстых полосатых перчаток и туго затянутой на поясе цепи, которой осужденных привязали к столбам.

Ифигения рассматривала их с деланным безразличием.

— Это и есть преступники? За что их осудили?

Эдельрод поглядел на нее поверх батареи соусников и кувшинов, которые только что принесли на стол вместе с дымящийся смесью мелко нарубленных насекомых, болотного корня и кусочков жареного мяса.

— Это Азм, который предал Гильдию. Следующий — кочевник, осужденный за сексуальное оскорбление.

Ифигения издевательски рассмеялась:

— Это возможно на Саркое?

Эдельрод снес насмешку с ангельским терпением.

— Третий запустил в свою бабушку кувшином кислого молока. Четвертый осквернил фетиш.

На лице Ифигении проступила растерянность. Она в недоумении взглянула на Джерсена, чтобы понять, не шутит ли Эдельрод.

— Их проступки кажутся странными, — заметил Джерсен, — но некоторые из наших обычаев озадачили бы саркойцев.

— Совершенно верно, — подхватил Эдельрод. — На каждой планете действуют свои законы. Я понимаю удивление иномирян. Повсюду людей толкает на преступления жадность. На Саркое же имущество одного человека принадлежит всем. Деньги отдают без единого слова. Процветает необычайное благородство. — Он искоса поглядел на Джерсена, но тот лишь улыбнулся.

Ифигения так и не попробовала четвертой перемены блюд, а уже подали пятую: на лепешке из печеного теста лежала крупная многоножка с гарниром из ярко-голубого корнеплода и горкой полупрозрачного темного желе, издававшего пряный запах. Девушка встала и вышла. Эдельрод проводил ее озабоченным взглядом.

— Леди нехорошо?

— Боюсь, что да.

— Жаль. — Саркоец энергично принялся за еду. — Пища здесь выше всяких похвал.

на террасе появились четыре подмастерья и мастер для наблюдения за процедурой и аналитических комментариев. Все было приготовлено для отравления. Подмастерья водрузили перед преступниками по табурету, на которых стояли яды в белых мисках.

— Первый объект, — провозгласил мастер, — некий Какарсис Азм. Согласившись на сотрудничество с Гильией, он вызвался проверить препарат, известный под названием «того». При оральном употреблении того почти немедленно вызывает блокаду спинных нервных узлов. Сегодня мы проверяем того в новой комбинации. Ожидаем, что летальный исход наступит быстрее, чем когда-либо наблюдалось. Осужденный Азм, сотрудничайте, будьте так добры!

Какарсис Азм дико повел глазами, озираясь. Подмастерье выступил вперед. Экс-мастер покорно открыл рот, проглотил отраву и через секунду испустил дух.

— Потрясающе, — восхитился Эдельрод. — Каждую неделю что-то новенькое.

Экзекуция продолжалась. Мастер сопровождал ее подробными объяснениями. Согрешивший против нравственности попытался кинуть яд в лицо подмастерью, но поддался убеждению; в остальном процедура прошла гладко. За шестой переменной блюд — изысканным салатом — последовали чай и сласти, банкет подходил к концу.

Джерсен неторопливо поднялся в номер Ифигении. Запаковала вещи. Он застыл в дверях, пораженный тем, какой ужас вспыхнул в глазах девушки. Его фигура, емнеющая в светлом проеме двери, показалась ей злоеющей.

Собравшись с духом, Ифигения проговорила:

— Экскурсионный корабль возвращается на Альфапюр. Я заказала билет. Мы должны идти каждый своим путем.

Джерсен с минуту помолчал, затем сказал:

— На твоем счету в банке есть деньги. Я прослежу, чтобы тебе выплачивалось достаточно, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Если срочно потребуется большая сумма, обратись к управляющему банка. Он все уладит.

Ифигения не отвечала, и Джерсен добавил:

— Если когда-нибудь тебе будет нужна помощь...

Она коротко кивнула:

— Я запомню.

— Тогда прощай.

— Прощай.

В своей комнате Джерсен лег на постель, закинув руки за голову. Итак, праздник кончился. Никогда больше, никогда он не позволит женщине блуждать в темных дебрях его судьбы, особенно женщине благородной и доброй.

Ранним утром корабль линии Робарт — Геркулес унес Ифигению на борту. Джерсен отправился в космопорт, заплатил выездной налог, расчелся с Эдельродом и отбыл с Саркоя.

ГЛАВА 3

Элойз. Шестая планета Вег.

Параметры планеты:

Диаметр, миль	7340
Период обращения вокруг своей оси, часов	19,8
Масса, относительных единиц	0,86

Общая характеристика:

Элойз и его близнецы, Бонифас и Катберт, были первыми планетами, которые интенсивно колонизировались Землей. Поэтому культура Элойза уходит корнями в века. Сохранению ее в первозданном состоянии способствовал тот факт, что первые поселенцы, так называемые консерваторы, отказались возводить строения, не сочетающиеся гармонично с ландшафтом. Их потомки следуют традиции, и на Элойзе вы не найдете стеклянных башен, вроде высящихся на Альфаноре или современной Земле, либо построек, характерных для Оллифэйна.

Ось Элойза наклонена к плоскости орбиты под углом в 31,7 градуса, отсюда климат подвержен довольно заметным сезонным вариациям, в какой-то степени смягчаемым плотной атмосферой.

На планете девять материков. Самый крупный — Дорган, столица — Нью-Вэксфорд. Благодаря продуманной налоговой политике и разумному управлению Нью-Вэксфорд долгое время представлял собой крупный финансовый центр, что отразилось на составе его населения.

Флора и фауна в основном представлены земными видами, которые благодаря усилиям первых поселенцев широко распространились. Поэтому посетители найдут здесь вполне гостеприимное окружение.

*Из «Краткого планетарного справочника»,
348-е издание, 1525 год.*

Надзор за прибывающими на Элойз был настолько же суров, насколько необременителен он был на Саркое. В миллионе миль от планеты Джерсен доложил первому пропускному пункту о намерении совершить посадку, идентифицировал себя и корабль, представил рекомендации, объяснил причины визита и получил разрешение приблизиться ко второму пункту, отстоящему на полмиллиона миль. Здесь придирчиво изучили его документы, проверили рекомендации. И только в третьем «отстойнике», в ста тысячах миль от планеты, ему с некоторыми проволочками дали разрешение на посадку. Формальности были утомительными, но неизбежными. Не остановись Джерсен в первом «отстойнике», на его корабль навели бы оружие. Проскочи он мимо второго «отстойника», пушка Трибольта выстрелила бы по судну липкими бумажными дисками, а если бы он попробовал миновать третий, то был бы уничтожен*.

Джерсен посадил корабль в центральном космопорте Доргана.

Нью-Вэксфорд лежал двадцатью милями севернее, город изогнутых улочек, ступенчатых холмов и средневековых зданий. Банки, брокерские и меняльные конторы занимали центр города, а на окружавших его холмах располагались гостиницы, магазины и агентства. Роскошные виллы предместий славились на всю Ойкумену.

Джерсен остановился в обширном отеле «Конгрив», заказал завтрак и съел его, почти не ощущая вкуса, поглощенный чтением газет. Городская жизнь текла

* Пушка Трибольта стреляет при помощи привода Джарнелла. Выпущенный поисковый модуль, носящий на себе так называемый промежуточный расщепитель, беспрепятственно пронизывает пустое пространство, но реагирует на значительную массу вещества. Встретив на пути такую массу, поисковый модуль дает сигнал, и промежуточный расщепитель наводится на цель. Пушка Трибольта — эффективное оружие, действующее на больших расстояниях, ограниченное лишь точностью наведения и возможными маневрами цели, поскольку поисковый модуль после запуска не может менять направление. В каждом технически развитом мире первоначальный вариант пушки Трибольта подвергался местным модификациям для улучшения эффективности действия. Наиболее перспективной является фиксация цели наведения при помощи радарной установки, что позволяет вывести поисковый модуль на незначительное расстояние от цели, снижая тем самым возможность маневра. При этом используется оборудование высокой разрешающей способности. — *Примеч. авт.*

мимо него: шествовали местные жители, в основном торговцы, в забавных архаических нарядах; фланировали аристократы с Бонифаса, мечтающие лишь о возвращении домой; иногда мелькал и обитатель Катберта, выделяющийся эксцентричной расцветкой одежды и до блеска выбритой головой. Землян можно было узнать по солидной одежде и бросающейся в глаза самоуверенности — качество это раздражало жителей иных миров не меньше, чем сам термин «иные миры».

Джерсен расслабился. Все в Нью-Вэксфорде дышало покоем, везде обнаруживались убедительные доказательства солидности, процветания, главенства закона и порядка. Кирту понравились сбежавшие уступами улочки, здания из стали и камня, которые теперь, спустя тысячу лет, уже никто бы не назвал смехотворными, как бывало, ибо на них легла печать веков.

Джерсен уже не в первый раз наведывался в Нью-Вэксфорд. В прошлый приезд он свел знакомство с неким Джианом Аддельсом из Транскосмической корпорации вкладчиков. Встрече предшествовали две недели осторожных поисков и расспросов. Аддельса рекомендовали как экономиста, обладающего необычно широкими связями и возможностями. Джерсен позвонил ему по городскому общественному видеофону, включив свое изображение. Моложавый человек, худой, с длинным скептическим лицом и лысым черепом, вежливо произнес:

— Аддельс слушает.

«Почему он не даст себе труда регенерировать волосы? Слишком занят?» — подумал Кирт и сказал: — Вы меня не знаете, мое имя не имеет значения. Полагаю, вы работаете на Транскосмическую корпорацию?

— Совершенно верно.

— Сколько они вам платят?

— Шестьдесят тысяч плюс различные надбавки. — Аддельс отвечал без раздражения, хотя и говорил с пустым экраном. — А что?

— Я бы хотел нанять вас для выполнения сходных обязанностей за сто тысяч с ежемесячной прибавкой в тысячу и премией раз в пять лет, скажем в миллион севов.

— Условия многообещающие, — отозвался Аддельс сухо. — А кто вы?

— Я предпочитаю остаться неизвестным, — отрезал Джерсен. — Если вы настаиваете, я встречу с вами и отвечу на все вопросы. Пока же вам достаточно знать, что я не преступник и деньги, которые хочу вручить на хранение, получил, не нарушив законов Нью-Вэксфорда.

— Гм... О какой сумме идет речь?

— Десять миллиардов севов, наличными.

— Ого! — присвистнул Джан Аддельс. — Где... — Тень раздражения пробежала по его лицу, он не закончил фразы: Аддельс хотел, чтобы его считали человеком искусственным, которого ничто не может удивить. — Это необычайно большая сумма денег. Я не могу поверить, что она нажита легальными способами.

— Этого я не сказал. Деньги добыты на Краю Света, где легальных способов не существует.

По губам Аддельса скользнула улыбка:

— И законов тоже. Итак, никакой легальности. Никаких преступлений. И все же происхождение ваших денег меня не касается. Что именно вы хотите сделать?

— Я хочу, чтобы деньги были вложены в дело, приносили прибыль, но не склонен возиться с ними и привлекать к ним внимание. Никаких слухов, никакой рекламы. Деньги надо вложить так, чтобы никто не обратил на это внимание.

— Сложно. — Аддельс подумал с минуту. — Однако вполне реально, если программа тщательно спланирована.

— Оставляю это на ваше усмотрение. Вы будете контролировать всю операцию, получая от меня лишь случайные запросы. Естественно, вы можете нанять штат, хотя сотрудникам ничего объяснять не должны.

— Здесь нет никакой проблемы. Я сам ничего не знаю.

— Вы согласны на мои условия?

— Разумеется, если все это дело не надувательство. Я не могу упустить шанс стать чрезвычайно обеспеченным человеком, как благодаря оплате, так и вложениям, которые буду делать совместно с вашими. Но поверю, лишь когда увижу деньги. Надеюсь, что они не подделка.

— Ваш собственный фальшметр подтвердит это.

— Десять миллиардов севов, — пробормотал Аддельс. — Огромная сумма. Страшный искус, даже для честного человека. Откуда вы знаете, что я не украду ее у вас?

— Вы известны не только как деловой человек, но и как человек слова. К тому же вам не представится возможности. У меня своя агентура.

Джиан Аддельс коротко кивнул:

— Где деньги?

— Они будут доставлены в любое удобное вам место. Либо подойдите в отель «Конгрив» и заберите их.

— А если я умру сегодня вечером? Как вы вернете свои деньги? Если же умрете вы, как я узнаю, правду ли вы говорите? И как я распределю всю эту огромную сумму, если предположить, что она существует?

— Приходите в номер шесть-пятьдесят в отель «Конгрив». Я передам вам деньги, и мы обговорим все варианты.

Джиан Аддельс появился в номере Джерсена через полчаса. Он исследовал деньги, которые содержались в двух больших чемоданах, проверил несколько банкнотов при помощи фальшметра и обеспокоенно покачал головой:

— Чудовищная ответственность. Я могу дать вам расписку, но это пустая формальность.

— Возьмите деньги, — сказал Джерсен. — Завтра включите в свое завещание пункт, что в случае вашей смерти деньги возвращаются ко мне. Если же я умру или не свяжусь с вами в течение года, пустите прибыль на благотворительные цели. Но я рассчитываю вернуться в Нью-Вэксфорд через два-три месяца. До этого буду связываться с вами только по видеофону под именем Генри Лукаса.

— Очень хорошо, — взбодрился Аддельс. — Думаю, я позабочусь о содержимом чемоданов.

— И помните: полная секретность! Даже ваша семья не должна знать подробностей.

— Как хотите.

На следующее утро Джерсен покинул Элойз и отправился на Альфанор.

Теперь, три месяца спустя, он снова очутился в Нью-Вэксфорде, в отеле «Конгрив». Отправившись к обществу видеофону и затемнив, как и раньше, экран, Кирт набрал номер Джиана Аддельса. Экран расцвел нежной листвой и бледными махровыми розами. Женский голос пропел:

— Инвестиционная компания Бремера.

— Мистер Генри Лукас хочет поговорить с мистером Аддельсом.

— Минуту!

На экране появилось лицо Аддельса.

— Это Генри Лукас.

Аддельс откинулся в кресле:

— Я доволен, более того, счастлив, что слышу вас.

— Линия не прослушивается?

Аддельс включил аппарат контроля прослушивания и поглядел на огонек.

— Все чисто.

— Как идут дела?

— Очень неплохо.

Аддельс рассказал, что распределил сумму на десять номерных счетов в различных банках — пять в Нью-Вэксфорде, пять на Земле — и постепенно вложил деньги в прибыльные предприятия, чрезвычайно осторожно, чтобы не потревожить исключительно чуткие нервы воротил финансового мира.

— Я не представлял масштаба работы, когда согласился на нее, — пожаловался Аддельс. — Она просто головоломная. Нет, я не жалею. Я бы не мог найти более интересного или более ответственного дела. Но вложить незаметно десять миллиардов севов все равно что прыгнуть в воду и остаться сухим. Я нанял штат сотрудников для отработки различных деталей инвестиций и управления. А недавно подумал, что нам нужно бы владеть банком или, возможно, несколькими.

— Делайте все, что посчитаете нужным, — сказал Джерсен. — А теперь у меня для вас специальное задание.

Аддельс немедленно принял деловой тон:

— Какое задание?

— Газеты писали, что издательство «Радиана», выпускающее «Космополис», испытывает финансовые трудности. Я хочу купить контрольный пакет.

Аддельс оттопырил губу.

— Плевое дело. Проверну хоть сейчас: издательство на грани банкротства. Но вы должны знать, что это не слишком выгодное вложение. Они теряют деньги уже годами, вот почему мы так легко сможем заполучить их.

— Считайте, что мы покупаем предмет для спекуляций. Попытаемся наладить дела. У меня есть свои причины для приобретения «Космополиса».

Аддельс поспешил согласиться, готовый выполнить любое желание Джерсена.

— Я только лишь хотел, чтобы была полная ясность, — расшаркался он. — Завтра же начну переговоры с издательством.

Звезда Мерчисона, Саггита-203 по «Звездному атласу», лежала вне плоскости Галактики, за Вегой, — тридцать пять световых лет от Края Света. Она была желто-оранжевой и принадлежала к группе, в которую кроме нее входили два красных карлика, бело-голубой карлик и средних размеров зелено-голубое светило, не подпадающее под обычную классификацию. Мерчисон, единственная планета, размерами немного уступал Земле. На единственном массивном континенте ветер упорно нагонял в экваториальной зоне песчаные дюны, горные утесы постепенно понижались по направлению к полярным морям. В горах жили аборигены, чернокожие создания с капризным нравом — то опасные, коварные, злобные, то сговорчивые и дружелюбные. Пребывая в благостном состоянии, они приносили немалую пользу, поскольку производили краску и волокна для тканей — основного предмета экспорта Мерчисона. Ткацкие фабрики концентрировались в окрестностях города Сабры. Там работали тысячи женщин. Их поставляла дюжина работоторговцев, главным из которых был Гаскойн, предлагавший качественный товар по сносным ценам. В Сабре его основным заказчиком выступала Индустриальная служба Ф-2. Ее интересовали женщины, проданные вторично, либо не первой молодости, но здоровые и работоспособные, с хорошим характером и привлекательные, что входило в условия договора.

Сабра, приютившаяся на побережье северного полярного моря, представляла собой унылое фабричное поселение; разношерстные обитатели ее мечтали об одном — сколотить состояние и перебраться в более приветливое местечко. Прибрежные равнины были утыканы сотнями причудливых вулканических скал, подернутых бурой растительностью. Единственную достопримечательность

города составляла площадь Орбана, открытое пространство, в середине которого торчал один из этих вулканических конусов. Вокруг площади сосредоточились наиболее значительные учреждения планеты: Торговая гостиница Вильгельма, выставка тканей, бюро Гаскойна-работоторговца, Техническая академия Оденора, таверна Кади, гостиница «Голубая обезьяна», зал заседаний Производственной текстильной корпорации, магазин спортивных товаров, Пищевая компания, «Торговля кораблями Гамбела», Районная продовольственная компания. Гостиница «Гранд-Мерчисон» располагалась на гребне вулканической скалы.

Сабра с самого начала своего возникновения успешно противостояла пиратским налетам. На батареях Трибольта постоянно дежурили члены городской милиции, и прибывающие корабли сразу брали на заметку.

Джерсен, зная об этом, радировал в космопорт и был направлен на постоянную орбиту. В космопорте его встречали местные функционеры Неласкового корпуса. Впрочем, один взгляд на роскошный «Фараон» успокоил их: «ласки» странствовали по космосу на разведчиках модели 9Б — единственных кораблях, которыми готова была рискнуть МПКК. Джерсен заявил, что прибыл в Сабру с целью отыскать женщину, привезенную сюда около двадцати лет назад Гаскойном-работоторговцем.

Встречающие скосили глаза на циферблаты и лампочки детектора лжи, обменялись сардоническими взглядами, пораженные таким припадком донкихотства, и отпустили Джерсена бродить по городу.

Стояло позднее утро. Джерсен снял номер в гостинице «Гранд-Мерчисон», которая ломилась от постояльцев. Здесь останавливались оптовики и торговые посредники, слетавшиеся за тканями со всех концов Ойкумены, а также любители острых ощущений, мечтающие поохотиться в горах Бувьера.

Джерсен принял душ и переделся в местный костюм — панталоны из красного бархата и черный кафтан. Спустившись в ресторан, он позавтракал дарами моря, отдав должное салату из водорослей и вареным моллюскам.

Недалеко от гостиницы располагалось бюро Гаскойна, хаотическое трехэтажное строение с внутренним

двором. Огромная розово-голубая вывеска на фасаде гласила:

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР ГАСКОЙНА

Качественные рабы для любых нужд

Ниже была нарисована парочка соблазнительных женщин и дюжий мужчина. В самом низу вывески значилось:

*Заслуженно известная
десятипунктная гарантия Гаскойна!*

Джерсену повезло: Гаскойн был на месте и согласился поговорить с ним тет-а-тет в своей конторе. Глазам Джерсена предстал хорошо сложенный, красивый мужчина неопределенного возраста с вьющимися волосами цвета воронова крыла, черными усами и выразительными бровями. Контору Гаскойн обставил более чем скромно: голый пол, старый деревянный письменный стол и выдавший виды компьютер. На одной из стен висел плакат — знаменитая гарантия Гаскойна в рамке из золотых и алых завитушек. Джерсен объяснил цель визита:

— Около двадцати лет назад вы посетили Саркой, где купили пару женщин у некоего Какарсиса Азма. Их звали Инга и Дандина. Я очень хотел бы разыскать этих женщин. Возможно, вы окажете мне любезность и сверитесь со своими записями.

— С радостью, — отозвался Гаскойн. — Я не могу сказать, что припоминаю, но... — Он подошел к компьютеру, нажал на клавиши, и спустя секунду экран вспыхнул голубым светом. На нем появилось изображение ухмыляющегося лица, которое, подмигнув, пропало. Гаскойн покачал головой: — От этой штуки только одни хлопоты. Давно нужно починить ее. Ладно, посмотрим... Сюда, пожалуйста. — Он провел Джерсена в заднюю комнату, все стены которой занимали полки с grossбухами. — Саркой. Я туда не часто прилетал. Зловредный мир, испорченный народ! — Он листал книги, один год за другим. — Должно быть, вот эта поездка. Тридцать лет. Как давно! Давайте посмотрим. Вот так, глядишь, и

пробуждаются воспоминания о старых добрых денечках... Как, говорите, их звали?

— Инга, Дандина — не знаю фамилий.

— Не имеет значения. Вот они. — Он переписал номера на клочок бумаги, подошел к другому grossбуху, сверил цифры. — Обе проданы здесь, на Мерчисоне. Инга ушла на фабрику Куалага. Знаете, где это? Третья на левом берегу реки. Дандина — на фабрику Юнипера, как раз напротив Куалага, через реку. Надеюсь, эти женщины не приходятся вам подругами или родственницами? Мой бизнес, как и все в этом мире, имеет свои отрицательные стороны. На фабрике женщины ведут правильный образ жизни, но их вряд ли слишком балуют. Да кого эта жизнь балует? — И, нахмутив брови, он грустно взмахнул рукой.

Джерсен вежливо кивнул, поблагодарил Гаскойна и удалился.

Фабрика Куалага занимала шесть четырехэтажных зданий. В вестибюле главного офиса, украшенном образцами гобеленов, бледный клерк с обесцвеченными волосами поинтересовался причиной визита.

— Гаскойн сказал мне, — объяснил Джерсен, — что тридцать лет назад фабрика Куалага приобрела особь женского пола по имени Инга под номером 10V623. Можете ли вы сказать мне, работает ли еще у вас эта женщина?

Клерк отошел, чтобы просмотреть картотеку, затем произнес несколько слов в интерком. Джерсен ждал. Вошла высокая женщина с приятным лицом и мощными конечностями.

Клерк раздраженно произнес:

— Джентльмен разыскивает Ингу, B2-AG95. Здесь на нее желтая карточка с двумя белыми наклейками, но я не могу найти запись.

— Вы ищете в бараке F, а все B2 находятся в бараке A. — Женщина извлекла другую карточку. — Инга. 32-AG95. Умерла. Я хорошо ее помню. Женщина с темными волосами, всегда что-то из себя строила, всегда жаловалась на то, на се. Когда я была советником по отдыху, она начала работать с красителями. Очень хорошо ее помню. Инга работала с голубой и зеленой гаммой, и это сломи-

ло ее — бросилась в чан с красно-оранжевой краской. Так давно это было... Боже, как летит время.

Покинув фабрику Куалага, Джерсен по мосту пересек реку и отправился на фабрику Юнипера, которая была чуть больше. На сей раз ему не повезло. Клерк отказался просматривать записи.

— Нам не разрешают давать такую информацию, — сказал он опасливо.

— Позвольте мне обсудить этот вопрос с управляющим, — попросил Джерсен.

— Мистер Плюсс — владелец фабрики. Подождите. Я справлюсь, примет ли он вас.

Джерсен не успел как следует рассмотреть гобелен, который изображал цветущее поле и сотни разноцветных птиц, как клерк вернулся.

— Мистер Плюсс примет вас, сэр.

Мистер Плюсс, угрюмый человечек с серым хохолком и черными тусклыми глазами, явно не имел намерения угождать Джерсену или кому бы то ни было.

— Простите, сэр. Мы должны заниматься продукцией. А с этими женщинами просто беда: мы делаем для них все, что можем, снабжаем хорошей пищей, создаем возможности для отдыха; они даже ходят мыться раз в неделю. И все недовольны.

— Могу ли я узнать, работает ли еще у вас эта женщина?

— Работает или нет, я не позволю беспокоить ее.

— Я буду рад возместить вам любые неудобства.

— Гм... Одну минуту... — Мистер Плюсс заговорил в интерком: — Меня интересует текущий индекс Дандины из прядильного цеха. Гм... Понимаю. — Когда он вновь обернулся к Джерсену, его глаза подозрительно блеснули. — Очень ценный работник. Я не могу допустить, чтобы ее расстроили. Если хотите поговорить, купите ее. Цена — три тысячи севов.

Без лишних слов Джерсен выложил деньги. Мистер Плюсс облизнул розовые губы и вновь заговорил в интерком:

— Быстро доставьте Дандину в контору.

Прошло десять минут. Мистер Плюсс с отсутствующим видом делал записи в блокноте. Наконец дверь открылась, и клерк ввел полную женщину в белом хала-

те с крупными, расплывчатыми чертами лица, коротко остриженными волосами мышиного цвета. Она вопросительно поглядывала то на мистера Плюсса, то на Джерсена.

— Вы покидаете нас, — объявил мистер Плюсс. — Этот джентльмен покупает вас.

Дандина посмотрела на Джерсена со страхом:

— О, что вы со мной собираетесь сделать, сэр? Я приношу тут пользу, и мне хорошо. Я делаю свою работу, я не хочу работать на фермах и слишком стара для грузовых работ.

— Не бойся, Дандина. Я заплатил мистеру Плюссу, и ты теперь свободная женщина. Если хочешь, можешь вернуться домой.

Слезы набежали на ее глаза.

— Не верю!

— Это правда.

— Но почему? — Ее лицо выражало смесь надежды, страха и сомнения.

— Я хочу задать тебе кое-какие вопросы.

Дандина отвернулась и закрыла лицо руками. Спустя мгновение Джерсен спросил:

— Ты хочешь что-нибудь забрать с собой?

— Нет. Ничего. Если бы я была богатой, то взяла бы этот гобелен на стене, где маленькая девочка танцует. Я ткала для него основу, и он мне очень нравился.

— Сколько это стоит? — поинтересовался Джерсен у мистера Плюсса.

— Номер девятнадцать? Семьсот пятьдесят севов.

Джерсен заплатил и забрал гобелен.

— Пойдем, Дандина, — сказал он коротко. — Нам лучше поспешить.

— Но попрощаться... Мои дорогие подруги!

— Невозможно, — процедил мистер Плюсс. — Вы хотите расстроить остальных женщин?

Дандина задумалась и почесала нос:

— Я не выбрала своей премии. Три полупериода отдыха. Я бы хотела передать их Альмерине.

— Ты же знаешь, что этого нельзя делать. Мы никогда не позволяем передавать или выменивать премиальные. Если хочешь, можешь использовать их теперь, до отъезда.

Дандина неуверенно поглядела на Джерсена:

— А у нас есть время? Жалко... Впрочем, теперь это не имеет значения...

Они медленно шли вдоль реки к центру города. Дандина бросала осторожные взгляды на Джерсена.

— Я не могу сообразить, что вам от меня нужно, — начала она обеспокоенно. — Я никогда не знала вас.

— Мне интересно то, что ты можешь рассказать о Виоле Фалюше.

— Виоль Фалюш? Но я не знаю такого человека. Я ничего не могу рассказать о нем. — Дандина внезапно остановилась, колени ее тряслись. — Теперь вы отправите меня обратно на фабрику?

— Нет, — устало сказал Джерсен. — Не отправлю. — Он поглядел на нее в глубоком разочаровании. — Но ведь ты та Дандина, которую похитили вместе с Ингой?

— О да. Я — Дандина. Бедная Инга!.. Я не слышала о ней с тех пор, как она попала к Куалагу. Говорят, там еще хуже.

Джерсен судорожно искал выход.

— Вас похитили и привезли на Саркой?

— Да, да. Что это было за время! Мы ездили по степям в этих тряских стареньких повозках.

— Но человек, который похитил вас и привез на Саркой, — его звали Виоль. Так мне, по крайней мере, сказали.

— Этот! — Рот Дандины скривился, словно она хлебнула чего-то горького. — Его звали не Виоль Фалюш.

И Джерсен с замиранием сердца вспомнил, что Какарсис Азм говорил то же самое. Человек, продавший Ингу и Дандину, не называл себя Виолем Фалюшем в то время.

— Нет, нет! — произнесла Дандина смягчившимся голосом, оглядываясь на прошлую жизнь. — Это был не Виоль Фалюш. Это был отвратительный Фогель Фильшнер.

Весь обратный путь в Ойкумену по обрывкам и фрагментам, кусочек оттуда, фраза отсюда, Джерсен восстанавливал историю, которую рассказала ему Дандина.

Возбужденная свалившейся на нее свободой, Дандина говорила охотно. О да, она знала Фогеля Фильшнера.

И очень хорошо. Так он сменил свое имя на Виоля Фалюша? Неудивительно, ведь он покрыл позором свою мать. Хотя мадам Фильшнер никогда не пеклась о своей репутации и вряд ли даже знала, кто был отцом Фогеля. Он ходил в ту же школу, что и Дандина, на два класса старше.

— Где это было? — спросил Джерсен.

— Да в Амбуге! — воскликнула Дандина, удивленная тем, что собеседник еще не знает историю ее жизни так же хорошо, как она сама. Хоть Джерсен бывал в Роттердаме, Гамбурге и Париже, он никогда не посещал Амбуге, район Ролингшейвена, что на западе Европы.

По мнению Дандины, Фогель Фильшнер всегда был странноватым малым.

— Необычайно чувствителен, — утверждала она. — То впадал в ярость, то постоянно хныкал. Никогда не знаешь, что выкинет этот Фогель. — И бывшая рабыня смолкла, покачивая головой, — дивилась поведению Фогеля Фильшнера. — Когда ему было шестнадцать, а мне около четырнадцати, в школу пришла новенькая. Очень хорошенькая — Игрель Тинси ее звали. И конечно, Фогель Фильшнер тут же влюбился в нее.

Но Фогель Фильшнер был неуклюжим и нескладным, и Игрель Тинси, девушка с запросами, нашла его отталкивающим.

— И кто мог осудить ее за это? — вопрошала Дандина. — Фогель не отличался красотой в то время. Я хорошо его помню: слишком высокий для своего возраста и тощий, но с круглым животиком и тяжелым задом. Ходил, наклонив голову к плечу, и жег всех темными горящими глазами. О, эти глаза все видели, ничего не упускали! Должна сказать, что Игрель Тинси обращалась с ним весьма бессердечно, смеялась и все такое. По моему мнению, она довела бедного Фогеля до отчаяния. И этот тип, к которому Фогель ее ревновал, — не могу вспомнить его имени. Он писал стихи, очень странные и красивые. И все над ним смеялись, хоть у него были покровители в старших классах!

Тут Дандина погрузилась в ностальгические воспоминания: — Я даже теперь чувствую этот морской воздух. Амбуге, наш старый район, Гааз, лучшая часть города. И самая богатая. Какие там росли цветы! Подумать только, я не видела цветов тридцать лет, кроме тех,

которые сама ткала. — И Дандина вновь начинала рассматривать гобелен, свешивавшийся со стены каюты.

Наконец она вновь вернулась к предмету беседы:

— Эта ранимость юности просто ужасна. Игрель проявляла благосклонность к поэту, а Фогель тогда выкинул ужасную вещь. У нас был хоровой кружок. Двадцать девять девочек. Мы собирались и пели каждую пятницу. Фогель научился управлять космическим кораблем — это входило в курс обучения мальчиков — и украл один из маленьких разведчиков. Как-то мы вышли из хорового класса и сели в автобус, а на месте водителя сидел Фогель. Он увез нас. В тот вечер Игрель не пела в хоре. Фогель не подозревал об этом, пока не посадил в корабль последнюю девочку, а когда узнал, застыл, как каменная статуя. Слишком поздно, однако. У него не было выбора. Он улетел. — Дандина вздохнула. — Двадцать восемь девочек, чистые и свежие, как цветы. Как он с нами обращался! Мы знали, что Фогель странный, но он стал свиреп, как дикий зверь. Нет, этого мы не подозревали. Как может девушка вообразить подобные вещи? По причинам, известным лишь ему самому, он ни разу не спал с нами. Инга думала, что он расстроился, потому что Игрель улизнула. Годелия Парвиц и Розамонда — не помню ее фамилии — пытались убить его какой-то металлической штукой, хотя при этом могли погибнуть все мы, ведь никто из нас не умел управлять кораблем. Он так ужасно расправился с ними, что все плакали. Инга и я сказали ему, что он просто злобное чудовище, раз поступает так. Он только смеялся, этот Фогель Фильшнер: «Я злобное чудовище? Так я покажу вам, что такое чудовище». И он отвез нас на Саркой и продал мастеру Азму.

Но сначала остановился на другой планете и продал там десять девушек, которые относились к нему хуже всех. Затем Ингу, меня и еще шестерых, которые тоже его ненавидели, сбыв с рук на Саркое. Что случилось с остальными, самыми красивыми, я не знаю. Спасибо Кальзибе, я выжила.

Дандина хотела вернуться на Землю. В Нью-Вэксфорде Джерсен купил ей одежду, билет на Землю и дал сумму, достаточную, чтобы пребывать в довольстве до конца жизни. В космопорте она привела Кирта в смуще-

ние тем; что упала на колени и пыталась поцеловать его руку.

— Я думала, что умру там и мой пепел будет разбросан по дальней планете. Как вышло, что мне так повезло? Почему Кальзиба выбрал именно меня из всех этих бедняжек?

Тот же самый вопрос мучил и Джерсена. Имея огромное состояние, он мог купить все эти фабрики Куалага и Юнипера и любые другие фабрики Сабры и отправить домой несчастных женщин... И что дальше? Гобелены Сабры пользовались спросом. Будут открыты новые фабрики, куплены новые рабыни. Уже через год все станет так, как было раньше.

И все же... Джерсен подавил вздох. Вселенная насыщена злом. Ни один человек не сможет с ним справиться. Тем временем Дандина вытирала глаза и явно готовилась вновь упасть на колени. Джерсен поспешно сказал:

— У меня есть одна просьба к тебе.

— Все, что угодно!

— Ты хочешь вернуться в Ролингшейвен?

— Это мой дом.

— Ты не должна никому говорить, как выбралась из Сабры. Никому! Выдумай любую, самую дикую историю. Но не упоминай меня! Не упоминай, что я спрашивал о Фогеле Фильшнере!

— Доверьтесь мне. Даже если черти в аду будут вырывать у меня язык, я и то не заговорю.

— Тогда прощай! — Джерсен поспешно отбыл, лишив Дандину возможности вновь повалиться на колени.

По общественному видеофону он связался с Инвестиционной компанией Бремера, на этот раз не затеняя экран.

— Все идет хорошо? — справился он у Аддельса.

— Как и ожидалось. Проблема состояла в том, как справиться с такой огромной массой наших денег. Я хотел сказать в а ш и х денег. — Аддельс позволил себе улыбнуться. — Но постепенно наша организация крепнет. Кстати, издательство «Радиана» у нас в кармане. Купили дешево по причинам, о которых я упоминал раньше.

— И никто не заинтересовался? Ни сплетен, ни вопросов?

— Насколько я знаю, нет. «Радриану» приобрела Издательская компания Зана, владельцы которой, Ирвин и Джеддах, куплены с потрохами банком Понтифракта. А этот банк всецело зависит от Бремерской инвестиционной. А кто стоит за Бремерской инвестиционной? На этот раз — я.

— Отлично сработано! — похвалил Джерсен. — Никто не мог бы сделать лучше.

Аддельс принял похвалу сдержанно.

— И все же я еще раз хочу повторить, что это не лучшее вложение, по крайней мере, теперь.

— Почему они разорились? Вроде бы все читают «Космополис». Я его видел повсюду.

— Возможно, и так. И все же оборот постепенно понижался. «Космополис» не имеет своего читателя. Управляющие пытались угодить всем, в том числе и рекламным агентам, в результате журнал утерял чутье.

— Может, удастся исправить положение? Наймите нового издателя, человека с воображением, интеллигентного. Скажите ему, что важно возродить журнал, не оглядываясь на рекламных агентов или распространителей. Я готов возместить убытки в разумных пределах. Когда журнал вернет свой престиж, распространители и рекламные агенты быстро вспомнят про него.

— Интересно, что вы подразумеваете под «разумными пределами»? Я до сих пор не привык обращаться с миллионами, точно они сотни, — проворчал Аддельс.

— Да и я тоже, — ответил Джерсен. — Деньги для меня ничего не значат, но они бывают полезны. Еще одно дело. Предупредите центральную контору «Космополиса» в Лондоне, что некий Генри Лукас назначен в редакционный отдел. Представьте его как ставленника Издательской компании Зана, если вам угодно. Он должен быть принят на ставку свободного репортера, самостоятельно выбирающего задания и темы.

— Очень хорошо, сэр. Я сделаю так, как вы сказали.

ГЛАВА 4

Эрденфрод — загадочное и глубоко личное чувство, сопровождающееся сужением периферических сосудов и ознобом, возбуждение и восхищение, подобные тем, что испытывает дебютантка на первом

балу. Эрденфройд обычно поражает людей из внешних миров, впервые прибывающих на Землю. От него защищены лишь полностью нечувствительные личности. Наиболее сентиментальные субъекты испытывают почти непереносимое возбуждение.

Природа синдрома до сих пор остается загадкой. Невропатологи видят в нем реакцию организма на изначально благоприятные для него условия: цветовую гамму, звуковые раздражители, силу Кориолиса и тяготение. Психологи же полагают, что эрденфройд вызывает воспоминания, хранящиеся на подсознательном уровне. Генетики считают, что в данном случае задействуется РНК, метафизики взывают к душе, а парапсихологи приводят тот абсолютно не относящийся к делу довод, что дома с привидениями наблюдаются лишь на Земле.

Из «Путеводителя по Старой Земле» Ференца Цанто.

История – чушь.

Генри Форд.

Джерсен, который прожил на Земле девять лет, тем не менее испытывал нечто вроде экзальтации иномирянина, когда на земной орбите дожидался допуска от Космической службы безопасности. Получив допуск и точные посадочные инструкции, он приземлился в космопорте Западной Европы, в Тарне. После обычных санитарных процедур и медицинской инспекции – самой строгой во всей Ойкумене – Кирт нажал на все кнопки в Ведомстве иммиграционного контроля и получил разрешение заниматься своим делом.

Он доехал до Лондона на скоростном экспрессе и остановился в гостинице «Королевский дуб», на Стренде. Была ранняя осень, солнце мягко светило сквозь редкую листву. Старый Лондон, сохранивший аромат древности, сиял, точно серая жемчужина.

Одежды Джерсена, выдержанные в альфанорском стиле, экзотическим покроем и яркой расцветкой отличались от того, что носили земляне, поэтому Кирт зашел в ателье мужской одежды, выбрал ткань и был обмерен с помощью фотонного сканнера. Спустя пять минут он получил новый костюм: черные брюки, бежевый пиджак, белую рубашку и черный галстук. Неотличимый от толпы, Джерсен продолжал прогулку по Стренду.

Смеркалось. «У каждой планеты свои особые сумерки, – думал Кирт. – Ярко-голубые, постепенно переходящие в густой ультрамарин, – на Альфаноре, мрачно-серые, с охристым оттенком – на Саркое, золотые,

пронизанные красным, голубым и зеленым свечением соседних звезд — на Мерчисоне». Здесь, на Земле, сумерки были именно такими, как нужно, — мягкими, сиренево-серыми, неподдельными от начала и до конца... Джерсен пообедал в ресторане, открытом для посетителей уже более семнадцати столетий. Закопченные потолочные балки из дуба словно не поддавались тлену, панели блистали белизной — здание реставрировали примерно раз в столетие. Джерсен мысленно вернулся в свою юность. Он дважды посещал Лондон с дедушкой, хотя большей частью они жили в Амстердаме. Нигде больше не едал он таких обедов, как в Лондоне, не наслаждался таким спокойствием и праздностью. Джерсен грустно покачал головой, вспомнив, в какое предприятие втравил его безжалостный дед. Удивительно, что он до сих пор выполняет указания старика. Кирт купил номер «Космополиса» и вернулся в гостиницу. Он зашел в бар и, заказав пинту вортингтонского эля, сваренного в Бартоне-на-Тренте по рецептам двухтысячелетней давности, перелистал «Космополис». Лениво пробежав глазами три большие статьи: «Теряют ли земляне потенцию?», «Патриция Путрин: Новый тост для фешенебельного общества», «Советы Клерджимана по духовному обновлению», Джерсен зевнул и отложил журнал. Стоит ли удивляться, что обороты падают...

На следующий день он посетил редакцию «Космополиса», где имел беседу с миссис Нейтра, управляющей штатом. Эта хрупкая брюнетка, увешанная безвкусной бижутерией, обрушила на Кирта волну эмоций:

— Простите, бога ради! Я не в состоянии ни о ком и ни о чем думать. Я в смятении. Мы тут все в смятении. Это такое потрясение, мы просто не можем работать.

— Может, мне поговорить с главным редактором? — сухо осведомился Джерсен. — Должно было прийти письмо от Издательской компании Зана.

Миссис Нейтра раздраженно передернула плечами:

— Кто или что это за издательство Зана?

— Новый владелец, — вежливо объяснил Джерсен.

— О! — Женщина порылась в бумагах на столе. — Может быть, вот это. — Она прочла. — О, вы — Генри Лукас.

— Да.

— Гм... пиф-паф... Специальный репортер. Вообще-то, нам они сейчас не нужны. Но я только управляю

штатом. О черт, заполните эту форму и договоритесь о прохождении психиатрического теста. Если выживете, неделю спустя пройдете курс ознакомления.

Джерсен покачал головой:

— У меня нет времени для формальностей. И сомневаюсь, что новые владельцы будут от них в восторге.

— Простите, мистер Лукас. Это наша обязательная программа.

— А что сказано в письме?

— В письме сказано, что мистер Лукас должен быть принят на оклад специального корреспондента.

— Тогда, пожалуйста, выполняйте.

— Ах, трижды черт побори! Если теперь вот так пойдут дела, зачем им вообще управляющий штатом? А психиатрические тесты и курс ознакомления? Почему бы просто не кидать новичков на любые задания?

Женщина достала формуляр и набросала несколько строчек фломастером.

— Вот вы и здесь. Отнесите это главному редактору. Он устроит все остальное.

Главный редактор, солидный джентльмен с тревожно поджатыми губами, процедил:

— Да, мистер Лукас, миссис Нейтра звонила мне. Я так понимаю, что вы посланы новыми владельцами.

— Я долгое время сотрудничал с ними, — пояснил Джерсен. — Но все, что мне нужно сейчас, это любое удостоверение, которое выдается специальным корреспондентам, подтверждение того, что я работаю на «Космополис».

Главный редактор отдал распоряжение в интерком и обратился к Джерсену:

— По дороге к выходу зайдите в отдел 2А. Вам готовят карточку. — Он откинулся в кресле с видом крайнего утомления. — Собираетесь стать вольным стрелком? Неплохой выбор. И о чем же вы думаете писать?

— О том, о сем, — сказал Джерсен. — Что попадется.

Лицо главного редактора свела судорога беспокойства.

— Вы не можете вот таким образом писать статьи для «Космополиса». Все наши выпуски распланированы на месяц вперед! Мы используем опросы общественного мнения, чтобы выяснить, что интересует читателей.

— Откуда публика знает, интересуется ли ее то, что она еще не читала? — парировал Джерсен. — Новые владельцы прекращают опросы.

Главный редактор печально покачал головой:

— Как же мы тогда узнаем, о чем писать?

— У меня есть пара идей. Например, Конгрегация. Каковы ее цели? Кто поднимается выше сотой степени? Какой информацией они владеют? Что мы знаем о Трионе Руссе и его антигравитационной машине? Конгрегация заслуживает очень внимательного изучения. Вы можете смело посвятить ей целый выпуск.

Редактор недовольно поморщился:

— А вы не думаете, что это... ну, скажем, чересчур напыщенно? Неужели люди действительно заинтересуются этим вопросом?

— Заинтересуются — не сейчас, так позже.

— Легко сказать, но это не способ управлять журналом. Люди на самом деле не хотят ни во что вникать, они хотят получать знания, не прилагая усилий. Так называемые серьезные статьи мы сопровождаем множеством разъяснительных сносок. Этого им хватает — есть о чем поговорить на вечеринках. Ну, а еще что вы имеете в виду?

— Я думал о Виоле Фалюше и Дворце Любви. Что там вообще происходит? Что представляет собой Виоль Фалюш? Какое имя носит, когда выбирается в Ойкумену? Кто посещает его Дворец Любви? Чем за это платит? Собирается ли вернуться?

— Интересная тема, — согласился редактор. — Разве что несколько скандальная. Мы стараемся держаться подальше от сенсаций и — как бы это сказать? — суровых фактов реальности. Хотя сам я часто думал о Дворце Любви. Что там творится? Может, и ничего особенного. Но точно никто не знает. Что еще?

— На сегодня все. — Джерсен встал. — Вообще-то я собираюсь работать над последней темой сам.

Редактор пожал плечами:

— Удачной охоты!

Джерсен немедленно отправился на континент и уже в полдень был на обширном Зональном вокзале Ролингшейвена. Он прошел через зал, отделанный белым пластиком, мимо движущихся дорожек и эскалаторов, над которыми горели надписи: «Вена», «Париж», «Царь-

град», «Берлин», «Будапешт», «Киев», «Неаполь» — названия множества древних городов. Кирт задержался возле киоска, чтобы купить карту, затем пошел в кафе, где заказал кружку пива и порцию сосисок.

Джерсен долго жил в Амстердаме и несколько раз проезжал через Зональную станцию, но сам Ролингшейвен знал плохо, поэтому за едой он изучал карту.

Ролингшейвен, довольно большой город, разделяли на четыре муниципалитета реки Гааз и Шлихт и канал Эверса. Северный район — Цуммер — был застроен мрачными массивными зданиями, воздвигнутыми каким-то городским советом далекого прошлого. И если бы в кварталах Хейбау, выступающих в море, не находились знаменитая Гандельхальская консерватория, чудесный Галактический зоопарк и детский Увеселительный парк, Цуммер мог бы считаться скучнейшим местом.

На юге, на берегах Шлихта, лежал Старый Город — лабиринт кривых улочек, скопление маленьких магазинчиков, трактиров, гостиниц, ресторанов, район настолько же хаотический и живописный, насколько Цуммер — однообразный. Многие из аккуратных маленьких домиков, каменных и деревянных, построили еще в средние века. Здесь размещался старый Университет, выходящий на рыбный рынок на берегу канала Эверса.

Амбуле представлял собой девять холмов, на склонах которых раскинулись жилые кварталы, а ближе к окраине — фермы и овчарни. На илистых отмелях выращивали знаменитых фламандских устриц. Устье Гааза отделяло Амбуле от Дюрре, где громоздились заводы и фабрики. Итак, в Амбуле Виоль Фалюш, или, если быть точным, Фогель Фильшнер, совершил первое преступление. Там Джерсен и решил расположиться.

Покончив с пивом и сосисками, он поднялся на третий верхний уровень и сел на местный поезд подземки, бегущий под каналом Эверса на станцию Амбуле. Навверху его ослепило сияние газовых ламп. Он подошел к старушке, сидевшей в справочном бюро.

— Где здесь поблизости хороший отель?

Женщина вытянула коричневый палец.

— Выше по Хоблингассе находится отель «Рембрандт», он не хуже всех остальных в Амбуле. Если вам нужно что-то шикарное, обратитесь в отель «Принц

Франц-Людвиг» в Старом Городе, он лучший в Европе. Там и цены соответствующие.

Джерсен выбрал отель «Рембрандт», приятное старомодное строение, внутри отделанное деревом, и снял номер с высокими потолками, выходящий на широкий серый Гааз.

День еще только начинался. Наемный автокеб доставил Джерсена до мэрии, где за небольшую плату его допустили в архивы. Он поднял записи 1495 года и нашел имя Фильшнер. На это время были зарегистрированы три Фильшнера. Джерсен выписал их адреса. Он также отыскал двух Тинси и взял их на заметку. В документах следующих лет значились два Фильшнера и четыре Тинси. Один из Фильшнеров и один из Тинси долгие годы жили по соседству.

Затем Джерсен посетил местную газету «Геликон» и, благодаря своему удостоверению «Космополиса», получил доступ к банку данных. Газетная информация повторяла историю, рассказанную Дандиной, хоть и с некоторыми сокращениями. Фогель Фильшнер характеризовался как «скрытный мальчик, склонный к лунатизму». Его мать, Ядвига Фильшнер, по профессии косметолог, уверяла, что поражена чудовищным поступком Фогеля. Она описывала сына как «хорошего мальчика, чувствительного идеалиста».

У Фогеля Фильшнера не было близких друзей. Правда, он работал в биологической лаборатории в паре с Романом Хенигсеном, чемпионом школы по шахматам. Ребята время от времени играли в шахматы во время ленча. Романа не удивило преступление Фогеля: «Этот парень не умел проигрывать — шалел и дико расстраивался. Все же мне нравилось играть с ним. Не люблю людей, которые легкомысленно относятся к игре».

«Фогеля Фильшнера не назовешь легкомысленным», — подумал Джерсен, разглядывая групповую фотографию, запечатлевшую хоровой кружок лица Филлора Бохуса. В переднем ряду стояла пухленькая улыбающаяся девочка, в которой Джерсен узнал Дандину. Игрель Тинси была третьей в четвертом ряду, но девочка в третьем ряду заслоняла ее лицо, к тому же Игрель еще и отвернулась, так что черты ее Джерсен не смог различить.

Фотографии Фогеля Фильшнера не было. Микрофильм кончился.

«Не так уж много», — подумал с досадой Джерсен. Похоже, в Амбуле и не подозревают, что Фильшнер и Виоль Фалюш — одно лицо. Чтобы убедиться в этом, Джерсен вызвал информацию о Виоле Фалюше, Властителе Зла, но его заинтересовала лишь одна строчка: «Виоль Фалюш несколько раз проговаривался, что его родной дом — Земля. До нас доходили слухи, что Виоля Фалюша встречали в Амбуле. Зачем ему понадобилось посещать наши скромные места, неизвестно. Возможно, слухи недостоверны».

Джерсен вышел из редакции газеты и побрел по улице. Жандармерия? Вряд ли там расскажут больше того, что он уже знал. Даже если и знают больше. Да и не стоит вызывать лишнее любопытство властей.

Джерсен просмотрел записанные им адреса, отыскал на карте местоположение лица Филидора Бохуса — Лотар-Париш. Трехколесный автокеб повез его на один из девяти холмов, мимо маленьких домиков. Каких строений тут только не было! Старинные коттеджи, крытые красной черепицей, новомодные, в стиле «полый ствол» — узкие цилиндры, на две трети скрытые под землей, цельнолитые конструкции из искусственного песчаника, сооружения из розовых и белых панелей с металлическими балками, жилища из прессованной бумаги с плоскими крышами, электрический заряд которых отталкивал пыль. Только пузыри из кварцевого или металлического стекла, получившие широкое распространение в мирах Скопления Ригеля, земляне отвергли. Они усматривали в этих сферах сходство с тыквами и китайскими бумажными фонариками, а людей, которые жили в них, обзывали «бесчеловечными футуристами». Лицей Филидора Бохуса являл собой куб из синтетического черного камня, по бокам которого виднелись два куба поменьше.

Директор лицея доктор Виллем Ледингер, крупный мужчина с розовой лысиной, вокруг которой топорщились спирали светлых волос, лучился доброжелательством и с готовностью поверил утверждению Джерсена, что «Космополис» хочет опубликовать обзор жизни современной молодежи.

— Я не думаю, что здесь вы найдете много материала, — покачал головой Ледингер. — Наша молодежь, я бы сказал, средняя. Есть несколько действительно талантливых студентов. Обычный процент тупиц.

Джерсен спросил о студентах прошлых лет и незаметно перевел разговор на Фогеля Фильшнера.

— О да, — пробормотал доктор Ледингер, дергая себя за желтый хохолок. — Фогель Фильшнер. Впервые я услышал это имя еще в Технической академии Хабла. Скандал добрался и до нас. Такие вещи быстро разносятся, знаете ли. Какая трагедия! Кто бы мог подумать, что парень пойдет так далеко?

— Фильшнер не вернулся в Амбуле?

— Он же не дурак, чтобы вернуться или, по крайней мере, объявлять о своем присутствии.

— Может быть, вы что-нибудь найдете о Фогеле Фильшнере в архиве? Я мечтаю сделать статью о нем.

Доктор неохотно признал, что фотографии Фогеля Фильшнера есть в архиве.

— Но зачем вытаскивать на свет эти гадости? Все равно что разрывать могилы.

— С другой стороны, такая статья может помочь опознанию преступника.

— Суд? — Ледингер скривил губы. — Спустя тридцать лет? Он был истеричным ребенком. И, что бы ни совершил, теперь уже, наверное, остепенился. Что изменится, если вы потащите его в суд?

Джерсена несколько озадачила терпимость доктора Ледингера.

— Это будет урок всем. Что, если среди ваших студентов есть безумцы, подобные Фогелю Фильшнеру?

Ледингер холодно улыбнулся:

— В этом я не сомневаюсь. Некоторые из молодых разбойников... ладно, не будем выносить сор из избы. Вы не получите фотографии. Я нахожу вашу идею абсолютно неудачной.

— У вас есть фотографии класса за тот год, когда произошло преступление? Или, еще лучше, за предыдущий год?

Доктор Ледингер смерил Джерсена ледяным взглядом, его дружелюбие медленно испарялось. Тем не менее, он подошел к стене и стал снимать с полок

толстые тома. Листая страницы, Джерсен в конце концов наткнулся на фотографию хорового кружка, которую уже видел.

— Вот Игрель Тинси, которая оттолкнула Фогеля и довела его до преступления, — заметил он.

Ледингер взглянул на фотографию:

— Подумайте о девочках, завезенных на Край Света. Их жизни поломаны. Представляю, как они страдали. Некоторые еще, может быть, живы, бедняжки.

— Что стало с Игрель Тинси? Ее не было в тот день в кружке?

Доктор глядел на Джерсена с растущим подозрением.

— Похоже, вы довольно много знаете об этом деле. Именно оно привело вас сюда?

Джерсен усмехнулся:

— Не совсем. Я интересуюсь Фогелем Фильшнером, но не хочу, чтобы об этом знали.

— Вы офицер полиции? Или из МПКК?

Джерсен вновь достал удостоверение:

— Это единственное подтверждение моим словам.

— Хм-пф! «Космополис» хочет опубликовать статью о Фогеле Фильшнере? Зряшная трата бумаги и чернил. Не удивительно, что «Космополис» теряет престиж.

— Как насчет Игрель Тинси? У вас есть ее фотографии?

— Без сомнения. — Доктор Ледингер опустил руки на стол в знак того, что беседа окончена. — Но мы не можем допускать посторонних к архивам. Мне очень жаль.

Джерсен встал.

— В любом случае, спасибо.

— Я ничем не помог вам, — холодно обронил Ледингер.

Фогель Фильшнер жил с матерью в крошечном домике на восточной окраине Амбуле, среди унылых казарм и транспортных развязок. Джерсен поднялся по вытертым железным ступенькам, нажал на кнопку звонка и встал перед глазком. Женщина за дверью произнесла:

— Да?

Кирт постарался вложить в свой голос максимум любезности:

— Я пытаюсь найти мадам Ядвигу Фильшнер, которая жила здесь много лет назад.

— Не знаю никого с таким именем. Справьтесь у Эвана Клодига, домовладельца. Мы лишь съемщики.

Эвана Клодига Джерсен разыскал в конторе «Собственность Клодига».

— Мадам Ядвиг Фильшнер? Знакомое имя... Не вижу в своем списке... Хотя вот она. Съехала... минутку, тридцать лет назад.

— У вас есть ее теперешний адрес?

— Нет, сэр. Это уж слишком. Я и не спрашивал... Кстати! Не мать ли она Фогеля Фильшнера, мальчика-работоторговца?

— Верно.

— Ну, тогда я могу сказать вот что. Когда стало известно, что сделал этот сопляк, она собрала вещички и исчезла. Никто с тех пор не слышал о ней.

Старый дом Игрель Тинси, высокое восьмиугольное строение в так называемом четвертом палладианском стиле, стоял на полпути к Беллельским холмам. Джерсен навел справки в адресном столе и выяснил, что семья не поменяла место жительства.

Дверь открыла красивая женщина средних лет в серой крестьянской блузке, голову ее охватывал пестрый шарф. Джерсен оглядел женщину, прежде чем начать разговор. Она ответила ему прямым, почти вызывающим взглядом.

— Вы — Игрель Тинси? — спросил Джерсен настойчиво.

— Игрель? — Женщина высоко подняла брови. — О нет, вовсе нет! — Она коротко усмехнулась. — Что за странный вопрос! Кто вы?

Джерсен протянул удостоверение. Женщина прочла, вернула карточку.

— Что заставило вас подумать, что я — Игрель Тинси?

— Она здесь одно время жила. Вы примерно того же возраста.

— Я ее кузина. — Женщина держалась настороженно. — Что вам нужно от Игрель?

— Можно зайти? Я объясню.

Женщина колебалась. Тогда Джерсен двинулся вперед. Она пошевелилась, словно намереваясь задержать его, воровато оглянулась и отодвинулась. Джерсен оказался в холле и осмотрелся. Пол был выложен плиткой из молочного стекла. Одну стену занимал телеэкран, какой могли себе позволить представители среднего класса, другую — горка, уставленная безделушками из дерева, кости и перламутра. Там была фигурка работы Линка с Наухиа, одной из планет Скопления Ригеля, флакон духов с Памфилы, статуэтка из черного обсидиана и так называемая молебная плита* с Волка-2311.

Джерсен остановился, чтобы рассмотреть маленький гобелен великолепной выделки.

— Вот чудесная вещь! Не знаете, откуда она?

— Действительно хороша, — согласилась женщина. — Думаю, из внешних миров.

— Напоминает стиль Сабры, — сказал Джерсен.

С верхнего этажа раздался крик:

— Эмма! Кто там?

— Уже проснулась, — пробормотала женщина. Она повысила голос: — Джентльмен из «Космополиса», тетя.

— Нам не нужен журнал, — послышался крик. — Абсолютно!

— Очень хорошо, тетя. — Эмма указала на гостиную, приглашая Джерсена, и кивнула по направлению голоса: — Это мать Игрель. Она нездорова.

— Жаль. А кстати, где Игрель?

Эмма вновь вызывающе взглянула на Джерсена:

— А зачем вам это знать?

— Если быть абсолютно честным, я пытаюсь установить местонахождение некоего Фогеля Фильшнера.

Эмма беззвучно и невесело рассмеялась.

— Вы не туда пришли разыскивать Фильшнера! Ну и потеха!

* Негуманоидные туземцы с Волка-2311 посвящают большую часть своей жизни созданию таких плит, видимо, имеющих религиозное значение. Дважды в год, на солнцестояние, двести двадцать четыре плиты (совершенно одинаковые, до мельчайших деталей) грузят на борт церемониальной баржи, которую затем отпускают в океан. Торговая компания «Люпус» держит свой корабль за горизонтом. Как только баржа исчезает из поля зрения аборигенов, ее задерживают, плиты забирают, вывозят и продают как предметы искусства. — *Примеч. авт.*

— Вы знали его?

— О да. Он был младше меня на класс в лицее.

— А со времени похищения вы его больше не видели?

— Нет, нет. Никогда. Однако странно, что вы спросили. — Эмма заколебалась, неуверенно улыбнувшись. — Это вроде того, как бывает, когда облако на минуту заслоняет солнце. Иногда я оглядываюсь и будто бы вижу Фогеля Фильшнера, но так только кажется.

— Что случилось с Игрель?

Лицо Эммы приняло отсутствующее выражение — она заглянула далеко в ушедшие годы.

— Вы должны знать, что эта история получила огромную огласку. Самое страшное преступление на памяти у всех. Игрель обвиняли, были неприятные сцены. Несколько матерей украденных девочек все время нападали на Игрель: она, мол, провоцировала Фильшнера, довела его до преступления, а значит, должна разделить его вину... Вынуждена признать, — заметила Эмма, — что Игрель была бессердечной кокеткой, просто неотразимой, разумеется. Она могла подцепить парня одним из таких вот взглядов искоса, — Эмма продемонстрировала, — чертовка! Она даже флиртowała с Фогелем. Чистый садизм, потому что она его вида не выносила. Ах, пресловутый Фогель! Не было дня, чтобы Игрель не приносила из школы очередную байку о странностях Фогеля. Как он резал лягушку, а потом, всего лишь вытерев руки бумажным полотенцем, ел свой завтрак. Как от него несло, словно он никогда не переодевался. Как он хвастался своим поэтическим мышлением и пытался поразить ее воображение. Это правда, что Игрель своими ужимками раздражила Фогеля, а двадцать восемь других девочек заплатили за ее развлечения.

— А затем?

— Полный бойкот. Все отвернулись от Игрель, и, возможно, навсегда. В конце концов она сбежала с человеком в возрасте и никогда больше не вернулась в Амбуге. Даже мать не знает, где она.

В комнату ворвалась женщина с горящими глазами и гривой спутанных седых волос. Джерсен едва успел избежать нападения разъяренной матроны.

— Что вам нужно? Зачем вы задаете вопросы в этом доме? Мне не нравится ваше лицо — вы такой же, как все остальные. Вон отсюда и больше не возвращайся! Бандит! Вползти сюда со своими мерзкими вопросами!

Джерсен покинул дом Тинси с завидной поспешностью. Эмма попыталась проводить гостя до двери, но тетка, прыгнув вперед, оттолкнула ее. Дверь закрылась, истеричные вопли затихли. Кирт облегченно вздохнул. Параза! Едва ноги унес...

В ближайшем кафе он заказал стакан вина и наблюдал, как солнце опускается в море. Конечно, вполне возможно, что расследование, берущее начало с заметки в «Ригелианине», заведет его в тупик. Единственной ниточкой, связующей Виоля Фалюша и Фогеля Фильшнера, было утверждение Какарсиса Азма. Эмма Тинси, очевидно, верила, что несколько раз встречала Фогеля Фильшнера в Амбуле. Виоль Фалюш мог испытывать извращенное удовольствие, посещая место первого преступления. Если так, почему он не открылся старым знакомым? Конечно, у Фогеля Фильшнера было достаточно времени, чтобы завести других друзей и знакомых. Но ведь Игрель Тинси почла за лучшее уехать из Амбуле. Виоль Фалюш злопамятен. Он водил дружбу с Романом Хенигсеном, чемпионом по шахматам. Дандина еще упоминала поэта, соперника Фогеля Фильшнера. Джерсен попросил справочник и отыскал фамилию Хенигсен. Книжка буквально раскрылась на ней. Джерсен переписал адрес и спросил у официанта, как туда добраться. Оказалось, что Роман Хенигсен живет в пяти минутах ходьбы.

Дом Романа Хенигсена был самым элегантным из всех, что Джерсен посетил в этот день: три этажа, металл и панели из каменной крошки, окна, которые становятся прозрачными или тускнеют по словесному приказу.

Маленький юркий человечек с большой головой и сухими мелкими чертами вонзил в Джерсена испытующий взгляд, и Кирт понял, что с ним выгоднее играть в открытую.

— Я ищу вашего одноклассника, Фогеля Фильшнера. Вы, вроде, были его единственным другом.

— Гм.— Роман Хенигсен задумчиво потер подбородок и бросил: — Зайдите, если хотите. Поговорим.

Он пригласил Джерсена в кабинет, обставленный точно музей истории шахмат: портреты, кубки, фотографии знаменитых шахматистов.

— Вы играете в шахматы? — спросил он Джерсена.

— Время от времени, хоть и не часто.

— Как и во всем другом, чтобы поддерживать себя в форме, тут нужна практика. Шахматы — древняя игра. — Он подошел к стенду и похлопал по фотографиям шахматистов с дружеской небрежностью. — Все варианты проанализированы, можно предсказать результат любого разумного хода. Если вы имеете достаточно хорошую память, можно не думать о том, как взять верх в партии, выигранной кем-то другим. К счастью, ни у кого, кроме роботов, нет такой памяти. Однако вы пришли сюда не для того, чтобы поговорить о шахматах. Хотите рюмочку ликера?

— Спасибо. — Джерсен принял из рук хозяина хрустальный кубок, в котором плескался дюйм спиртного.

— Фогель Фильшнер. Странно, что я опять слышу это имя. Известно, где он сейчас?

— Это как раз то, что я пытаюсь выяснить.

Роман Хенигсен резко качнул головой.

— От меня вы ничего не узнаете. Я не видел его и ничего о нем не слышал с 1494 года.

— Я не надеялся, что он вновь возьмет старое имя. Но, может быть... — Джерсен замолчал, потому что хозяин дома щелкнул пальцами.

— Странно, — задумчиво протянул Хенигсен. — Каждый вторник, вечером, я играю в шахматном клубе. Около года назад я увидел человека, стоящего под часами, и подумал, что это Фогель Фильшнер. Он повернулся, я разглядел его лицо. Чем-то он напоминал Фогеля, но лишь слегка. У него была приятная внешность и повадки, ничего от щенячьей неуклюжести Фогеля. И все же — раз уж вы упомянули об этом — что-то в нем, возможно, манера держать руки, напомнило мне Фогеля.

— Вы с тех пор не видели этого человека?

— Ни разу.

— Вы с ним говорили?

— Нет. Я так удивился, что уставился на него, а когда решил подойти, он исчез.

— Как вы думаете, не хотел ли Фогель кого-то поведать? У него кроме вас были друзья?

Роман Хенигсен скривил губы.

— Я вряд ли мог считать себя его другом. Мы сидели за одним лабораторным столом, иногда играли в шахматы, он часто выигрывал. Если бы Фогель всерьез занялся этим, мог бы стать чемпионом. Но он сходил с ума по капризной девчонке и писал скверные стишки, подражая некоему Наварху.

— О, Наварх! Это тот человек, которого Фогель винил во всем?

— Да, к сожалению. По-моему, Наварх был просто шарлатаном, мистификатором, человеком более чем сомнительных качеств.

— А что стало с Навархом?

— Я думаю, он все еще где-то здесь, хоть и не тот, что тридцать лет назад. Люди набираются ума, а декаданс больше не производит такого впечатления, как в годы моего детства. Фогель, конечно, тогда испытал потрясение и делал странные вещи, чтобы сравняться с кумиром. Нет, нет, если кого-то и обвинять в том, что устроил Фогель Фильшнер, так сумасшедшего поэта Наварха.

ГЛАВА 5

Я виски пинтами глушил,
Как молоко, его лакал.
Еще бы квартиру осушил
Да Тим Р. Мортис* помешал.

Ах, многоженство хоть и грех,
Но я всегда любил скандал
И сих изведаль бы утех,
Да Тим Р. Мортис помешал.

Хор:

Тим Р. Мортис, Тим Р. Мортис,
Нет вернее друга.
Если я решусь уснуть,
Он пожмет мне руку.
Тим Р. Мортис, Тим Р. Мортис,

* Очевидно, намек на смерть (от латинского *mortuus*, что означает «умерший»). — *Примеч. ред.*

В холоде и зное,
Наводящий ужас Тим
До конца со мною.

Раз, помню, море переплыть
Я эскимоске обещал.
Успел лишь ноги замочить,
Как Тим. Р. Мортис помешал.

Мой талисман меня хранить
Не стал. И я его загнал.
Хотел я денежки пропить,
Но Тим. Р. Мортис помешал.

Хор (пощелкивая пальцами
и пристукивая каблуками):
Тим Р. Мортис, Тим Р. Мортис,
Нет вернее друга.
Если я решусь уснуть,
Он пожмет мне руку.
Тим Р. Мортис, Тим Р. Мортис,
В холоде и зное,
Наводящий ужас Тим
До конца со мною.

Наварх

На следующий день Джерсен нанес повторный визит в редакцию «Геликона». Досье на Наварха оказалось обширным. Оно изобиловало скандальными историями, сплетнями и самыми разными отзывами, скопившимися за последние сорок лет. Первый скандал разразился, когда университетские студенты поставили оперу на стихи Наварха. Этот опус объявили надругательством над устоями, премьера с позором провалилась, и девять студентов получили волчий билет. С тех пор карьера Наварха шла то в гору, то под уклон, пока не рухнула окончательно. Последние десять лет он обитал на борту брандвахты* в устье Гааза около Фитлингассе.

Доехав подземкой до станции Хедрик, на бульваре Кастель-Вивьенс, Джерсен очутился в торговых кварталах Амбуле. Район бурлил: здесь помещались агентства,

* Брандвахта – судно, служащее жильем для экипажа дноуглубительного судна, земснаряда, водолазной станции и др. – *Примеч. ред.*

гостиницы, конторы, рестораны, винные лавочки. Нельзя было шагу ступить, чтобы не наткнуться на фруктовый лоток, газетный киоск или книжный развал. В порту, в устье Гааза, гудели баржи, разгружаемые роботами; по бульвару ездили грузовики; из-под земли доходила вибрация тяжело нагруженной подземки. В лавке-кондитерской Джерсен спросил, как попасть на Фитлингассе, и вскочил в автоматический открытый вагончик, перевозивший пассажиров по бульвару вдоль Гааза. Через пару миль фешенебельные строения и небоскребы сменились ветхими домишками из каменной крошки в два-три этажа. Стекла в узких проемах окон потускнели от времени, а стены, некогда радовавшие глаз сочной терракотой, поблекли из-за солнца и морского ветра. Затем потянулись пустыри, поросшие бурьяном. За ними проступали очертания высоких зданий, сгрудившихся на холме, выше бульвара Кастель-Вивьенс. Там лежали северные районы. Фитлингассе оказалась серой узкой аллеей, спускающейся с холма. Джерсен вышел из вагончика и сразу увидел высокую двухэтажную брандвахту, пришвартованную к причалу дока. Из трубы вился дымок — на борту кто-то был.

Джерсен огляделся. Устье Гааза заливал яркий солнечный свет. На дальнем берегу ровные ряды домиков, крытых коричневой черепицей, доходили до кромки воды. Везде валялись кучи ржавого железа, гниющие канаты. Рядом стояло питейное заведение, красно-зеленые окна которого выходили на реку. Девушка семнадцати-восемнадцати лет сидела на берегу и швыряла в воду гальку. Она окинула Джерсена быстрым недружелюбным взглядом и отвернулась. «Если эта брандвахта и есть резиденция Наварха, нельзя сказать, что он наслаждается приятным видом», — подумал Кирт... Яркий солнечный свет не мог рассеять меланхолии, которую навевали коричневые крыши Дюрре, гниющие доски, тусклая, с жирным блеском вода. Даже девушка в короткой черной юбке и коричневом жакете казалась грустной не по годам. Ее черные волосы растрепались — то ли взлохматил ветер, то ли юная особа не интересовалась своей прической. Джерсен подошел к ней и поинтересовался:

— Наварх сейчас на брандвахте?

Девушка невозмутимо кивнула и с отстраненным любопытством натуралиста наблюдала, как незнакомец карабкается по трапу и перелезает через ограждение на переднюю палубу брандвахты.

Джерсен постучал в дверь — раз, другой. Наконец дверь медленно отворилась. На пороге покачивался зашпанный небритый мужчина неопределенного возраста, худой, длинноногий, с горбатым носом и шевелюрой, цвет которой не поддавался описанию. Его глаза, хотя и хорошо посаженные, казалось, смотрели в разные стороны, манеры же оставляли желать лучшего.

— Что, в этом мире уже не осталось права на личную жизнь? Выметайся с корабля немедленно. Только прилег отдохнуть, как тупая скотина врывается сюда и стаскивает меня с койки. Что стоишь? Я неясно выразился? Предупреждаю: я знаю приемчик-другой.

Джерсен попытался вставить слово, но безуспешно: Наварх двинулся на него с угрожающим видом. Оставалось поспешно ретироваться в док.

— Минутку вашего времени! — взмолился Джерсен. — Я не официальное лицо, не коммивояжер. Меня зовут Генри Лукас, и я...

Наварх замахал тощей рукой:

— Ни сейчас, ни завтра, ни в обозримом будущем я не хочу общаться с вами. Идите прочь. У вас лицо человека, который приносит дурные вести, зловещий, издевательский оскал. С вами все ясно: на вас печать рока! Я вообще не хочу вас знать. Убирайтесь! — И со злорадной ухмылкой подняв трап, поэт скрылся в недрах брандвахты.

Джерсен вздохнул и поинтересовался у девушки, сидевшей на том же месте:

— Он что, всегда такой?

— Это же Наварх, — ответила девушка таким тоном, словно это все объясняло.

Джерсен отправился в бар, где выпил пинту пива. Хозяин, флегматичный здоровяк с солидным брюшком, либо ничего не знал о Навархе, либо предпочитал молчать. Джерсен не вытянул из него и полслова.

Поразмыслив с полчаса, Кирт взял телефонный справочник и перелистал его. В глаза бросилось объявление:

Джобал — спасение на воде и буксировка
Буксиры. Грузовые баржи. Водолазное снаряжение
Для нас нет работы слишком большой
или слишком маленькой

Джерсен позвонил и объяснил, что ему нужно. Он был уверен, что заказанное им оборудование будет к его услугам.

На следующее утро тяжелый океанский буксир зашел в устье, развернулся и пришвартовался к причалу рядом с брандвахтой Наварха на расстоянии трех футов.

Поэт выскочил на палубу, задыхаясь от ярости.

— Что, обязательно швартоваться так близко? Уберите отсюда эту лоханку! Вы что, хотите, чтобы я врезался в док?

Перегнувшись через перила буксира, Джерсен улыбнулся разгневанному Наварху:

— О, кажется, мы вчера перебросились парой слов?

— Как же! Я вас выпер, но вы опять здесь и причиняете еще больше неудобств, чем вчера.

— Не окажете ли вы мне любезность уделить пять минут вашего времени? Возможно, для вас это будет выгодно.

— Выгода? Да я пинком отшвырнул больше денег, чем вы за свою жизнь потратили. Убирайтесь!

— Конечно, конечно... Мы здесь остановились на несколько минут. — Наварх приосанился, торжествуя победу, и не заметил, как рулевой, нанятый Джерсеном, ловко перебрался обратно на буксир с брандвахты. — Мне очень важно поговорить с вами. Если бы вы были так добры...

— Плевать я хотел! Выметайтесь отсюда со своим корытом!

— Уже, — сдался Джерсен и кивнул рулевому. Тот нажал кнопку.

Под брандвахтой прогремел взрыв; она содрогнулась и накренилась на бок. Наварх в ярости заметался по палубе. С буксира сбросили кошки, которые зацепили поручни брандвахты.

— Похоже, у вас в машинном отделении взрыв,— участливо заметил Джерсен.

— Как это могло случиться? Раньше никаких взрывов не было. Здесь даже нет машины. Я сейчас утону.

— Пока вас держат кошки — нет. Но мы вот-вот отплываем, придется обрубить швартовы.

— Что? — Наварх простер руки. — Я уйду на дно вместе с кораблем. Этого вы хотите?

— Если помните, вы приказали мне отплыть,— укоризненно сказал Джерсен и повернулся к команде: — Рубите швартовы. Мы отплываем.

— Нет, нет! — вопил Наварх. — Я утону.

— Вот если бы вы пригласили меня на борт, помогли со статьей, которую я пишу,— вкрадчиво начал Джерсен,— я бы вошел в ваше положение, даже оплатил бы ремонт.

— Что?! — взорвался Наварх. — Да это вы виноваты во взрыве.

— Осторожней, Наварх! Это очень смахивает на клевету. Тут полно свидетелей.

— Ба! Вы пират и террорист. Написать статью — ну уж дудки! Хотя... почему вы сразу не сказали? Я тоже пишу. Заходите на борт — поговорим. Я всегда рад новым знакомым. Человек без друзей все равно что дерево без листвы.

Джерсен перепрыгнул на брандвахту. Наварх, сама безопасность, усадил его на палубе под лучами бледного солнца и принес бутылку белого вина.

— Располагайтесь поудобнее.

Поэт откупорил бутылку, разлил вино и развалился на стуле, с удовольствием потягивая из стакана. Лицо Наварха излучало такую безмятежность, словно горькая мудрость поколений прошла мимо его сознания, не оставив следов. Как и Земля, Наварх был стар, ко всему безразличен и погружен в меланхолию.

— Так вы пишете? Я бы сказал, вы не соответствуете стандартному образцу.

Джерсен протянул журналистское удостоверение.

— Мистер Генри Лукас,— прочел Наварх,— специальный корреспондент. Почему вы пришли ко мне? Я теперь не на коне, все успехи в прошлом. Зброшенный, безнадешный. И почему? Хотел представить правду во

всей наготе. А это опасно. Смысл маскируют, чтобы не обидеть читателя, не высмеять его обычаи. Мне есть что рассказать об этом мире, но неприятие росло год от года. Пусть себе живут и умирают, мне до них нет дела. О чем ваша статья?

— О Виоле Фалюше.

Наварх заморгал:

— Интересная тема, но при чем тут я?

— Вы знали его как Фогеля Фильшнера.

— Гм.... Ну да. Вообще-то, об этом мало кто знает.—

Наварх подлил еще вина. Рука его дрожала.— Чего именно вы хотите?

— Информации.

— Я бы предпочел,— неожиданно взвился Наварх,— чтобы вы получили информацию из первых рук.

Джерсен согласно кивнул:

— Совет хорош, если знаешь, где искать. На Краю Света? Во Дворце Любви?

— Нет. Он здесь, на Земле.— Вся любезность поэта испарилась, он хмурился в раздражении.

Джерсен откинулся на стуле. Его сомнения и неуверенность исчезли. Фогель Фильшнер и Виоль Фалюш — одно и то же лицо. Здесь, перед ним, сидел человек, который знал обе личности.

Наварх же становился все более агрессивным.

— Есть множество людей куда более интересных, чем Виоль Фалюш.

— Откуда вы знаете, что он на Земле?

Поэт презрительно хмыкнул.

— Откуда знаю? Я — Наварх! — Он показал на облачко дыма в небе: — Я вижу это и знаю.— Потом кивнул на мертвую рыбу, плавающую кверху брюхом: — Я вижу это и знаю.— Наконец поднял бутылку с вином и поглядел сквозь нее на солнце.— Я вижу это и знаю.

Джерсен молчал, озадаченный.

— Я не собираюсь критиковать вашу теорию познания,— нашелся он наконец.— Я просто не понимаю ее. У вас есть более достоверные сведения о Виоле Фалюше?

Наварх попытался приложить указательный палец к носу, но промахнулся и ткнул себя в глаз.

— Есть время для бравады и время для осторожности. Я до сих пор не знаю, какую цель преследует публикация статьи.

— Это будет обвинительный документ, строго объективный, без передержек. Пусть факты говорят сами за себя.

Наварх скривил губы:

— Опасное предприятие. Виоль Фалюш — самый чувствительный человек в мире. Помните принцессу, которая почувствовала горошинку под сорока перинами? Виоль Фалюш может услышать даже фальшивую нотку в ежеутренних песнопениях к Кальзибе. С другой стороны, миры меняются, ковер знаний разворачивается. У меня нет причин быть благодарным Виолю Фалюшу.

— Вы полагаете, что его личность носит негативный характер? — пробормотал Джерсен.

Наварх забыл об осторожности. Он отхлебнул вина и вскинул руку в величественном жесте.

— Очень негативный. Будь я у власти, какое наказание я мог бы придумать? — Он откинулся на стуле, вытянул костистый палец, словно указывал на поверженного врага, и размеренным, сухим голосом судьи произнес: — Погребальный костер, высокий, как гора. На верхушке — Виоль Фалюш. Платформа окружена десятью тысячами музыкантов. Единым взглядом я вызываю пламя. Музыканты играют, пока их мозги не начинают вскипать, а инструменты — плавиться. Виоль Фалюш поет сопрано... — Поэт подлил еще вина. — Потрясающее зрелище, но едва ли мои глаза насладятся. На худой конец пусть эту мразь утопят или отдадут на растерзание львам.

— Вы действительно очень хорошо знакомы.

Наварх кивнул. Его взгляд блуждал в прошлом.

— Фогель Фильшнер читал мои стихи. Юнец с воображением, хоть и без ориентиров. Как он изменился, как распространился! Он добавил власть к воображению. Теперь он великий художник.

— Художник? В какой области?

Наварх отмел вопрос, как не стоящий внимания.

— Он никогда не смог бы достичь теперешнего положения без таланта, без чувства стиля и пропорций. Не смейтесь! Как и я, он простой человек с ясными целями. А вот вы... вы сложная и опасная личность. Я вижу в

вашем мозгу темное пятно. Вы землянин? Нет, не говорите мне ничего! — Наварх замахал руками, словно отбрасывая любой ответ, который мог придумать Джерсен. — В этом мире уже слишком много знания, мы используем факты и пренебрегаем чувствами. Факты — фальшивка, логика — пустышка! Я знаю лишь одну систему познания — чтение стихов!

— А Виоль Фалюш тоже поэт?

— Он не слишком силен в обращении со словами, — проворчал Наварх, не желающий возвращать беседу в обыденное русло.

— Когда Виоль Фалюш посещает Землю, где он останавливается? Здесь, с вами?

Наварх удивленно уставился на Джерсена:

— Нелепая мысль.

— Так где же?

— Там, тут, везде. Он проникает повсюду, как воздух.

— Как вы разыскиваете его?

— Я никогда не делаю этого. Иногда он меня находит.

— И когда он это сделал в последний раз?

— Недавно. Да, да, да. Может, хватит? Почему вы так интересуетесь Виолем Фалюшем?

— Странно, что факты имеют значение для вас, — усмехнулся Джерсен. — Но это не секрет. Я представляю журнал «Космополис» и хочу написать статью о жизни и деятельности Фалюша.

— Хм... Он жутко тщеславен, этот Виоль Фалюш. Но почему бы вам не задать все вопросы ему самому?

— Я бы не прочь. Но как познакомиться с ним?

— Нет ничего легче, — фыркнул Наварх. — Если вы уплатите некоторую сумму.

— Почему бы нет? Я получаю деньги на непредвиденные расходы.

Наварх вскочил, неожиданно исполняясь энтузиазма.

— Нам нужна красивая девушка, молодая, веселая. Она должна проявить некоторую восприимчивость, страсть, настойчивость. — Он огляделся, точно в поисках потерянной вещи. В доке сидела замарашка, которую Джерсен видел вчера. Наварх сунул пальцы в рот, резко сзистнул и жестом приказал ей подняться на палубу. —
— та подойдет.

— Это веселая восприимчивая девушка? — удивился Джерсен. — Она больше смахивает на беспризорника.

— Я слаб и скрытен, — хихикнул поэт, — но я — Наварх. Хоть я и стар, женщины расцветают от моего прикосновения. Посмотрите!

Девушка поднялась на борт брандвахты и молча выслушала программу Наварха.

— Мы идем обедать. Расходы ничего не значат, мы выбираем все самое лучшее. Оденься как следует, не забудь о драгоценностях, умастись благовониями. Это богатый джентльмен, наилучший из людей. Как вас зовут? Я запомню.

— Генри Лукас.

— Генри Лукас. Ему не терпится развлечься. Иди, подготовься.

Девушка пожала плечами:

— Я готова.

— Ты прекрасна и в этом, — согласился Наварх. — Побудь с ним, пока я посоветуюсь с зеркалом. — Он глянул на небо: — Желтый день, ночь желта. Я буду в желтом.

Наварх препроводил гостей в каюту, вся обстановка которой состояла из стола, двух кресел резного дуба и полка с книгами, украшенных статуэтками и вазой с несколькими стебельками ковыля. Он притащил из кабинета вторую бутылку вина и водрузил на стол вместе со стаканами. «Пейте!» Затем поэт исчез. Джерсен остался с девушкой и оглядел ее с головы до ног: все та же черная юбка, рубашка, тоже черная, с открытым воротом, сандалии, ни драгоценностей, ни макияжа, вопреки земной моде. Черты лица правильные, но волосы по-прежнему растрепаны. Или абсолютно глупа, или ко всему безразлична. Джерсен, повинувшись импульсу, взял щетку Наварха и принялся расчесывать ей волосы. Девушка взглянула на него и опустила ресницы, отрешенная, спокойная. Что делается у нее в голове? Такая же полоумная, как Наварх?

— Теперь, — заметил Джерсен, — ты меньше похожа на оборванца.

Наварх возвратился в необъятном темно-бордовом пиджаке и желтых ботинках.

— Вы не попробовали вина. — Он наполнил три стакана. — Впереди у нас приятный вечер. Мы три острова

в море, каждый остров — затерянная душа. Мы сойдемся вместе — и что отыщем?

Джерсен пригубил вино. Весьма приличный мускат. Он выпил. Наварх опрокинул стакан в глотку с такой скоростью, словно опорожнял мусорную корзину. Девушка потягивала янтарную жидкость так, будто не ощущала вкуса. Странное создание... Наверное, застывшая маска лица скрывает очарование. Но как вытащить его наружу? Что заставит ее улыбнуться?

— Вы готовы? — Наварх перевел испытующий взгляд с девушки на Джерсена, отворил двери и учтиво пропустил их вперед. — На поиски Виоля Фалюша!

ГЛАВА 6

Каждый Властитель Зла должен как-то решать проблему известности. Каждый из них достаточно тщеславен (Аттель Малагате — исключение), чтобы жаждать самой широкой популярности. Однако практические соображения требуют анонимности и безвестности, в особенности когда Властители Зла посещают миры Ойкумены. Виоль Фалюш не исключение. Подобно Малагате, Кокуру Хеккусу, Ленсу Ларку и Говарду Алану Трисонгу, он ревниво охраняет тайну своей личности, и даже гости Дворца Любви никогда не видели его лица.

В некоторых отношениях Виоль Фалюш наиболее человеческий из всех Властителей Зла, во всяком случае, его дела находятся на уровне человеческого понимания. Ему чужды невероятная жадность Кокура Хеккуса, змеиное коварство Малагате, мегаломания Ленса Ларка, злобное озорство Говарда Алана Трисонга. Злое начало в Виоле Фалюше проявляется как паучья мстительность, чудовищное самолюбование и инфантильная чувствительность.

Виоль Фалюш, как ни странно, обладает привлекательными чертами. Самые бескомпромиссные моралисты не могут отказать ему в некой доле теплоты и идеализма. Вот что сказал сам Виоль Фалюш, обращаясь к студентам Университета Сервантеса (естественно, его выступление передавалось в записи):

«Я несчастный человек. Меня преследует невозможность выразить невыразимое, определить неизвестное. Тяга к красоте, разумеется, является одним из основных психологических стимулов. В стремлении к совершенству, попытке соединиться с вечностью, неутомимости исследователя, возможно, и заключена высшая правда для человечества.

Я захвачен этой правдой. Я творю. Однако — и это парадокс — страдаю от убеждения, что достижение цели будет катастрофой. Путь важнее цели. Не буду описывать моих исканий, темной стороны моего «я», моих желаний, моих утрат — вы сочтете их непонятными или, хуже того, странными.

Меня часто величают злодеем. Не стану сдирать этот ярлык, но в сердце своем не считаю себя таковым. Зло — вектор, устремленный в одном направлении, и часто вред, причиняемый одним, оборачивается благополучием других.

Меня часто спрашивают о Дворце Любви, но я не собираюсь удовлетворять праздное любопытство. Скажу только: я отдаю себе отчет в том, что там происходит, и не вижу ничего худого в улаживании чувств, хоть сам я аскет, что, возможно, удивит вас. Дворец Любви не единое строение, но обширный и сложный комплекс садов, павильонов, залов, башен, прогулочных аллей и видовых панорам. Его обитатели молоды и прекрасны и не ведают иной жизни, кроме той, что делает их счастливейшими из смертных».

Так говорит Виоль Фалюш. Злые языки, тем не менее, приписывают ему одержимость эротическими актами. Одна из его любимых игр, как говорят, поселить вдали от мира молодую девушку и воспитывать ее в сознании, что к ней сойдет чудесное существо, которое будет любить ее, а затем убьет... И наступает день, когда она оказывается на маленьком острове, где ее ожидает Виоль Фалюш.

*Из книги Карла Карфена «Властители Зла»,
выпущенной издательством «Просвещение», Нью-
Вэксфорд, Элойз, Вега.*

Отель «Принц Франц-Людвиг» недаром пользовался славой самого шикарного места в Ролингшейвене. Главный зал — огромное пространство, двести футов от стены до стены и сто футов в высоту, — заливал золотистый свет двенадцати светильников. Мягкий ворс золотисто-коричневого ковра глушил шаги. Стены были обиты бледно-голубым и желтым шелком, а потолок украшали мастерски выписанные средневековые куртуазные сцены. Меблировку выдержали в стиле благородной старины: солидно, но изящно, обивка из розового или желтого атласа, всюду резное дерево, позолота. На мраморных столах возвышались восьмифутовые вазы с цветами, а у каждого столика стоял навывтяжку мальчик в униформе. Такой роскоши Джерсен не видел нигде, кроме старой Земли.

Наварх выбрал кресла поближе к нише, где импровизировали музыканты, подозвал официанта и заказал шампанское.

— И здесь мы ищем Виоля Фалюша? — спросил Джерсен.

— Я видел его тут несколько раз, — сказал Наварх. — Будьте настороже.

В этом царстве мрамора и позолоты более чем скромный наряд девушки, ее обнаженные загорелые ноги и

сандалии, как ни странно, не казались нелепыми или неуместными. Джерсен диву давался: что за удивительное превращение?

Наварх говорил о том, о сем, девушка изредка роняла пару слов. Джерсен предоставил событиям идти своим чередом. Он даже поймал себя на том, что наслаждается вечером. Девушка влила в себя изрядное количество вина, что, впрочем, не оказало на нее никакого действия. Она лениво следовала взглядом за людьми, проходящими по большому залу, но не обнаруживала никаких эмоций. В конце концов Джерсен не выдержал:

— Как твое имя? Я не знаю, как к тебе обращаться.

Девушка не спешила ответить, тогда вмешался Наварх:

— Зовите как хотите. Такой у меня обычай. Сегодня она Зан Зу из Эриду.

Девушка улыбнулась — краткая вспышка удовольствия. Должно быть, она все же не полная идиотка.

— Зан Зу, а? Это твое имя?

— Оно не хуже любого другого.

— С шампанским покончено. Отличное вино. Переходим к обеду! — Наварх поднялся, подал руку девушке, и они по четырем широким ступеням спустились в обеденный зал, который был ничуть не меньше гостиной.

Наварх знал толк в еде. Джерсен никогда не пробовал таких великолепных блюд и сожалел, что желудок не резиновый. Поэт смаковал изысканные кушанья. Зан Зу едва прикасалась к ним, равнодушно отламывала кусочки, будто из вежливости. Джерсен исподтишка рассматривал ее. Может, больна? Или недавно перенесла какое-то горе, потрясение? Прекрасно владеет собой, даже слишком, если учитывать, сколько она выпила — мускат, шампанское, разные вина, которые Наварх заказывал к обеденному столу... Впрочем, не его это дело, решил наконец Джерсен. Его цель — Виоль Фалюш. Здесь, в отеле «Принц Франц-Людвиг», в компании Наварха и Зан Зу, Виоль Фалюш казался фантомом, а дела — скучной обузой. Черт, как быстро его расслабила роскошь, золотой свет канделябров, изысканная еда...

— Если мы не найдем Виоля Фалюша здесь, где вы собираетесь его искать?

— У меня нет четкого плана,— объяснил Наварх.— Мы должны повиноваться предчувствию. Не забывайте: для Виоля Фалюша долгие годы я был примером. Разве не разумно предположить, что его программа пересечется с нашей?

— Звучит резонно.

— Проверим теорию.

Отдав должное кофе с ликерами и нежнейшим пирожным, Джерсен оплатил счет на двести севов, и компания покинула золотые чертоги.

— Куда теперь? — спросил Кирт.

Наварх колебался.

— Мы вышли немного рано. Однако в кабаре Мик-Мака всегда найдется на что посмотреть, даже если это лишь добрые горожане в живописном окружении.

Из кабаре Мик-Мака они двинулись в «Парус», затем перекочевали в «Летучий Голландец» и, наконец, в «Голубую жемчужину». Каждое следующее увеселительное заведение оказывалось классом ниже. Или так только казалось? Из «Голубой жемчужины» Наварх направил стопы в кафе «Закат» на бульваре Капель-Вивьенс, затем — в пивной бар и танцзал. Во «Всемирном randevu Зейделя» Джерсен решил положить конец изысканиям Наварха:

— Мы здесь будем ожидать Виоля Фалюша?

— Где же еще, как не здесь? — спросил безумный поэт, теперь слегка пьяный. — Здесь, в сердце Земли, где бьется густая кровь! Густая, пурпурная, дымящаяся, как кровь крокодила, кровь убитого льва. Не беспокойся — увидишь своего парня. Так о чем я? Моя молодость, моя загубленная молодость! Я как-то работал на «Транзит Теллура», исследуя содержимое потерянных чемоданов. Тогда я и получил самые глубокие знания об устройстве человеческой души...

Джерсен откинулся в кресле. В настоящих обстоятельствах оптимальным состоянием была бы пассивная настороженность. А он, кажется, слегка навеселе, хоть и пытался придерживаться умеренности. Краски, музыка, болтовня Наварха пьянили сильнее алкоголя. Дьявол, а Зан Зу все так же бесстрастна и непроницаема! Искоса поглядывая на нее весь вечер, Джерсен гадал: какие мысли бродят в голове этого скрытного создания? Что

она надеется взять от жизни? Мечтает ли о чем-то? Например, о красивом возлюбленном? Или путешествиях, внешних мирах?

С древней ратуши на Фламандских высотах донеслись двенадцать глухих ударов басовитого колокола.

— Полночь бьет, — прокаркал Наварх. Он, покачиваясь, поднялся на ноги и переводил взгляд с Джерсена на Зан Зу из Эриду. — Продолжим?

— А где? — спросил Джерсен.

Наварх указал через улицу на длинный низкий павильон с крышей странной формы и гирляндами зеленых лампочек:

— Предлагаю кафе «Небесная гармония», место встреч путешественников, космоплавателей, странников из внешних миров и просто любопытных, вроде нас с вами.

В кафе «Небесная гармония» Наварх принялся сетовать на оскудение жизни в сегодняшнем Ролингшейвене:

— Мы загниваем, постепенно приходим в упадок! На Земле остаются больные, скорбные духом, униженные, искалеченные, мыслители, возделыватели устричных грядок, параноики, эпикурейцы, медиевисты.

— Вы путешествовали по Ойкумене? — спросил Джерсен.

— Никогда моя нога не отрывалась от земной почвы.

— А мы, по-вашему, к какой категории относимся?

Наварх взмахнул рукой.

— Я не признаю категорий! Мы в кафе «Небесная гармония». Мы прибыли в разгар вечера!

Они сели за столик, и Наварх немедленно потребовал море шампанского. Кафе было переполнено. Голоса и звон посуды мешались со звуками бурных джиг, исполняемых струнным квартетом, к восторгу посетителей, которые отплясывали, кружась и подпрыгивая. Длинная стойка, расположенная на возвышении, тянулась от стены до стены здания. Оранжевые и зеленые огни, освещающие бар, позволяли разглядеть лишь силуэты людей, устроившихся возле нее. За столами в зале сидели мужчины и женщины всех возрастов, рас, разного социального происхождения и в разной степени опьянения. Большинство публики следовало европейской

моде, но некоторые носили костюмы других континентов и миров. Официантки — на жалованьи и добровольные — сновали, разнося выпивку, успокаивая расшумевшихся гуляк, разменивая ассигнации. Музыканты сменили инструменты и теперь играли на лютне, виоле, флейте и тимпане, аккомпанируя группе акробатов. Наварх вливал в себя шампанское с завидной настойчивостью.

Зан Зу из Эриду постоянно озиралась. Из интереса, неловкости или беспокойства — Джерсен не знал. Когда она взяла бокал, костяшки ее пальцев побелели. Неожиданно девушка повернула голову, встретила его взгляд, и по ее губам скользнул призрак улыбки. Или раздраженной гримасы? Она подняла бокал и отпила шампанского.

Веселость Наварха достигла высшей точки: он подпевал музыкантам, постукивая в такт пальцами, чем раздражал официантку, которая отступила в сторону со скучающим видом.

Словно пораженный неожиданной мыслью, поэт оглядел Зан Зу, затем Джерсена, всем своим видом давая понять, что огорошен непредприимчивостью нового незнакомца. Кирт не смог удержаться и взглянул на Зан Зу еще раз. Вино ли, цветные огни или магия вечера ударили ему в голову, но оборванка, швыряющая гальку в воду, исчезла. Джерсен смотрел во все глаза, потрясенный метаморфозой. Рядом сидело волшебное создание необычайной привлекательности.

Внезапно радость Наварха угасла. Джерсен обернулся. Поэт быстро отвел глаза. «Что я делаю? — удивился Джерсен. — Что делает Наварх?..» Кирт вновь попытался сосредоточиться на цели, заставившей его проделать долгий путь, но мысли разбегались.

«Зан Зу из Эриду глядит внутрь бокала. С удовольствием? Грустью? Скукой? Что, черт побери, она думает? Что вообще происходит?»

Джерсен ощутил укол горькой злости и вскинул глаза на Наварха, который с тупым безразличием встретил его взгляд. Зан Зу потягивала шампанское.

Наварх подпевал музыкантам:

— Одна лишь единая ягода на жизненном древе растет, и цвет нашей крови неведом, пока не надрезан плод.

Джерсен поглядел поверх столов. Наварх наполнил его бокал. Кирт выпил... «Поэт прав. Чтобы погрузиться в мир такой магии, такого наслаждения, нужно бросить все, сжечь все мосты. И что мне Виоль Фалюш? Высокое предназначение?» Словно угадав эти мысли, Наварх сжал его руку:

— Он здесь.

Кирт очнулся:

— Где?

— Здесь. У стойки.

Джерсен оглядел людей у бара. Их силуэты были почти неотличимы. Кто-то привалился к стойке и держит в руке стакан или рюмку, кто-то облокотился на стойку — вот и вся разница.

— Какой из них Виоль Фалюш?

— Видишь человека, разглядывающего Зан Зу? Он не замечает больше никого. Он очарован.

Джерсен вновь оглядел ряд людей и усомнился, что кто-нибудь из них обратил внимание на Зан Зу. Наварх прошептал возбужденным голосом:

— Она знает! Она ощущает это даже лучше меня!

Джерсен взглянул на девушку, которая, похоже, чувствовала себя неловко. Ее пальцы дрожали на ножке бокала, а взгляд так и притягивала одна из темных фигур. И как она заметила, что ей уделяют внимание?

Официант приблизился к девушке и прошептал что-то ей на ухо. Зан Зу опустила глаза на бокал с шампанским, крутя его ножку между пальцами... Наконец она пришла к какому-то решению и поднялась. Джерсена окатила волна ярости. «Я не позволю. Этому не бывать! Что со мной?.. С каких пор я тревожусь о том, что мне никогда не принадлежало? Уже слишком поздно?!» Внезапный приступ ужаса заставил его метнуться вперед. Джерсен схватил тонкое запястье, потянул девушку на себя. Зан Зу бросила на него удивленный взгляд, словно внезапно пробудилась:

— Зачем вы это сделали?

— Я не хочу, чтобы вы туда шли.

— Почему бы нет?

Джерсен не мог заставить себя говорить. Зан Зу покорно, почти механически села. В ее глазах стояли

слезы, щеки были мокрыми. Джерсен коснулся губами влажной щеки под безумное бормотание Наварха:

— Никогда, никогда это не кончится!

Джерсен удерживал Зан Зу за руки, словно опасался, что она передумает.

— Что никогда не кончится? — спросил он машинально.

— Я тоже любил. И что с того? Время любви миновало. А теперь, разумеется, будут неприятности. Неужели вы не понимаете, насколько Виоль Фалюш чувствителен? Он такой же чужеродный и нежный, как тропический папоротник. Он не выносит противодействия — сопротивление выводит его из себя.

— Я об этом не подумал.

— Вы действовали неправильно, — бубнил Наварх. — Он думал только лишь о девушке. Вам нужно было пойти вслед за ней — прямо к Виолю Фалюшу.

— Да, — пробормотал Джерсен. — Верно, верно. Я понял.

Он устоял на свой бокал, затем вновь на темные силуэты. Кто-то следил за ним — Кирт ощущал пристальный взгляд. Их ожидали неприятности. А он не в лучшем состоянии, не тренировался уже неделями. Да к тому же полупьян. Какой-то человек приближался скользящей походкой. Он подскочил к столу и плеснул вино на колени Джерсену. В глазах цвета слоновой кости застыла наглая издевка.

— Попробуй, дай мне, ты, слизняк! Я разделаюсь с тобой, как с ребенком.

Джерсен изучал незнакомца: желтые волосы, широкое лицо, бычья шея, кряжистое, приземистое тело обитателя планеты с повышенным тяготением.

— Не думаю, что я тебя чем-нибудь обидел, — сказал Джерсен примирительно. — Садись. Выпей стаканчик вина. И попроси своего друга присоединиться к нам.

Белоглазый размышлял секунду и буркнул:

— Я требую извинения.

— Разумеется, — кивнул Джерсен. — Если я вас побеспокоил, прошу прощения.

— Этого недостаточно. Я ненавижу гнусных павианов вроде вас, которые сначала оскорбляют человека, а затем увиливают.

— Воля ваша, — вздохнул Джерсен, — ненавидьте кого хотите. Но почему бы вам двоим не присоединиться к нам? Мы найдем о чем поговорить. Вы из какого мира? — Он поднял свой бокал.

Белоглазый выбил бокал у него из рук.

— Я настаиваю, чтобы вы принесли извинения. Вы меня сильно оскорбили.

Джерсен поглядел через плечо белоглазого.

— Ваш друг идет. Может, он умнее вас?

Белоглазый обернулся, чтобы поглядеть. Джерсен, не теряя времени, нанес удар под колено и рубанул ребром ладони по бычьей шее, а потом, ухватив противника за руку, швырнул его в зал. Тот мгновенно вскочил и бросился на врага. Джерсен запустил в него стулом, но белоглазый отбросил его прочь как пушинку. Удар в солнечное сплетение тоже не принес успеха: кулак Джерсена словно врезался в дерево. Здоровяк расправил плечи и прыгнул на соперника, но тут появилось четверо вышибал. Двое вышвырнули Джерсена через боковой вход, еще двое — белоглазого через главный.

Кирт стоял посреди улицы, оглушенный, растерянный. Полный идиотизм! Что на него нашло? Однако белоглазый мог рыскать вокруг здания, разыскивая его. Джерсен отступил в тень и огляделся. Враг ждал на углу.

— Собачье мясо. Ты меня стукнул. Теперь моя очередь.

— Лучше сматывайся, — беззлобно посоветовал Джерсен. — Я опасный парень.

— Чего-чего? — зарычал белоглазый.

Джерсен отскочил, не испытывая желания ввязаться в кулачный бой. У него было оружие, но на Земле к убийству относились серьезно. Белоглазый скользнул вперед. Кирт еще отступил на шаг и натолкнулся на пустое ведро. Он поднял его, швырнул белоглазому в лицо и быстро забежал за угол. Враг ринулся за ним. Джерсен вытащил лучемер.

— Это видишь? Я могу и убить тебя.

Белоглазый отступил, презрительно оскалив зубы.

Джерсен заглянул в кафе «Небесная гармония». Противник следовал за ним, выдерживая дистанцию тридцать футов.

Стол был пуст. Наварх и Зан Зу ушли. Темная фигура у стойки? Затерялась среди остальных.

Белоглазый слонялся неподалеку. Джерсен немного поразмыслил, а затем, очень медленно, пошел по бульвару и свернул в темный переулок.

Он ждал. Время шло. Кирт проскользнул на двадцать футов вперед, на более удобную позицию, все время поглядывая на перекресток. Но никто не появился.

Прождав десять минут и едва не вывихнув шею — Джерсен опасался, что враги могут подкрасться по крышам, — он вернулся на бульвар. Предприятие провалилось. Белоглазый приспешник Виоля Фалюша не горел желанием продолжить знакомство.

Кипя от раздражения, Джерсен отправился по бульвару Кастель-Вивьенс к Фитлингассе. Буксир уже ушел, брандвахта, отремонтированная после взрыва, покачивалась на воде. Ни огня, ни звука... Кирт постоял в доке, прислушиваясь. Молчание: Золотые блики от фонарей Дюрре плясали на маслянистой воде.

Джерсен покачал головой в грустном изумлении. Чего еще можно ожидать от вечера с сумасшедшим поэтом и девушкой из Эриду?..

ГЛАВА 7

Я встретил девушку в саду
В далеком крае Эриду.
Без лишних слов, щека к щеке,
Мы с ней отправились к реке.

На берегу под тенью ив
Мы прилегли. Я ел инжир,
И пил вино из терпких слив,
И открывал пред нею мир.

«Ах, в жизни много есть чудес,
И столько звезд глядит с небес!
В миры, что светят в час ночной,
Уйдем, любимая, со мной».

Она ж, колени обхватив,
Сказала: «Прихотлив твой путь.
Простись со мной под тенью ив
И обо мне скорей забудь.

Ты средь миров привык блуждать...
Тебе ль земного счастья ждать?
Иди, ищи свою звезду,
А я останусь в Эриду».

Наварх

В десять утра на следующий день Джерсен вернулся на брандвахту. Все изменилось. Солнце было желтым и ласковым. Небо сияло чистой голубизной, и даже разбросанные по нему легкие облачка не обещали плохой погоды. Наварх загорал на верхней палубе.

Джерсен остановился около трапа:

— Эй! Я могу подняться на борт?

Наварх медленно повернул голову и уставился на гостя запавшими желтыми глазами больного цыпленка. Потом служитель муз перевел мутный взор на цепочку барж, которые покачивались на воде, и процедил:

— Я не испытываю симпатии к личностям со слабой печенкой, которые держат паруса лишь по ветру.

Джерсен решил истолковать это замечание как завуалированное приглашение.

— Я сразу же возвратился. Что произошло?

Наварх нервно отмахнулся:

— Мы блуждали. Поиски, испытания...

— Какие поиски? Какие испытания?

— ...Вели нас по извилистому маршруту. Вначале — под солнцем. Дорога была широкая и белая, но вскоре она сузилась. А в конце нас поджидала трагедия. Сотни разных оттенков, возможно, закат тому причиной. Если бы вернуть молодость... я бы изменил свою судьбу. Меня сдуло ветром, как шепотку пепла. И с вами произошло то же самое. Вы потерпели неудачу, не воспользовались случаем, а шанс дается лишь однажды.

Джерсен отмел эти комментарии как не относящиеся к делу:

— Вы прошлой ночью говорили с Виолем Фалюшем?

Наварх поднял худую руку и помотал кистью:

— Шум, неразбериха! Гневные лица, горящие глаза, буря страстей. У меня гудело в ушах, пока я сидел там.

— А как насчет девушки?

— Полностью согласен с вами. Великолепна!

— Где она? Кто она?

Наварх молчал, поглощенный созерцанием черно-белой чайки, которая села на воду, и явно не собирался осмысленно отвечать на вопросы.

Джерсен терпеливо продолжал:

— Что насчет Виоля Фалюша? Откуда вы знали, что он будет в кафе «Небесная гармония»?

— Ничего не может быть проще. Я сказал ему, что мы там будем.

— Когда вы сообщили это ему?

Наварх брюзгливо поморщился:

— Ваши вопросы утомительны. Могу ли я сверить свои часы? Могу ли я спросить вас о... Могу ли я...

— По-моему, вопрос достаточно прост.

— Мы живем в различных измерениях. Перенесите себя, если желаете. Я — не могу.

Поняв, что поэт в дурном расположении, Джерсен примирительно сказал:

— Ну ладно, по той или иной причине прошлой ночью мы упустили Виоля Фалюша. Как вы полагаете, где искать его?

— Я больше ничего не полагаю... Зачем вам нужен Виоль Фалюш?

— Вы забыли. Я уже объяснял.

— Чтобы увериться... Ну, организовать встречу труда не составит. Мы пригласим его на маленькую вечеринку. Возможно, на банкет.

Тон Наварха или, скорее, вороватый взгляд, которым он сопровождал фразу, заставил Джерсена насторожиться.

— Вы думаете, он придет?

— Конечно, если мы все тщательно распланируем.

— Как вы можете быть уверены? И откуда знаете, что он на Земле?

Наварх наставительно поднял указательный палец:

— Вы когда-нибудь видели, как кошка крадется по траве? Иногда она останавливается, подняв одну лапу, и мяукает. Почему, спрашивается?

Джерсен не улавливал связи, но терпеливо проговорил:

— Эта вечеринка, или банкет, где состоится?

— Да, да! Вечеринка! — оживился Наварх. — Она должна быть очень изысканной и очень дорогой. Миллион севов!

— За один вечер? За один банкет? Кого мы собираемся пригласить на него? Все население Суматры?

— Нет. Маленький прием на двадцать гостей. Но все приготовления надо делать сейчас и быстро. Я посредник между вами и Виолем Фалюшем. Он простер свою королевскую милость на меня, недостойного. Но я докажу, что в некоторых аспектах стою выше него. Что такое миллион севов? В мечтах я трачу миллионы ежеминутно.

— Ну ладно, — сдался Джерсен. — Вы получите свой миллион. — «Дневная прибыль», — подумал он.

— Мне нужна неделя. За неделю управиться тяжело. Но мы не можем позволить себе промедления.

— Почему?

— Виоль Фалюш вернется во Дворец Любви.

— Откуда вы знаете?

Наварх глядел на воду.

— Отдаете ли вы себе отчет, что, шевельнув пальцем, я беспокою дальнюю звезду? Что любая человеческая мысль влияет на физическую парасферу?

— Так что, источник ваших знаний — это физические пертурбации?

— Он не хуже любого другого. Но вернемся к приему. Нужны особые условия. Искусство требует дисциплины: чем совершеннее искусство, тем жестче дисциплина. Стало быть, мы должны предпринять некоторые шаги.

— Например?

— Во-первых, деньги. Принесите мне миллион севов немедленно!

— Да, разумеется! В мешке?

Наварх безразлично отмахнулся.

— Во-вторых, устраивать все буду я. Вы не вмешивайтесь.

— Это все?

— В-третьих, вы должны вести себя прилично. Иначе не будете приглашены.

— Я постараюсь не пропустить вечеринку, — ухмыльнулся Джерсен. — Но тоже ставлю условия. Во-первых, Виоль Фалюш должен присутствовать.

— За это не волнуйтесь. Его просто невозможно будет удержать.

- Во-вторых, вы должны будете опознать его.
- Не будет нужды. Он сам выдаст себя.
- В-третьих, я хочу знать, как вы планируете пригласить его?

- Позвоню по телефону, как остальным гостям.

- Какой у него телефон?

- Его можно найти по телефону СОРА-6152.

Джерсен кивнул:

- Очень хорошо. Я принесу вам деньги немедленно.

Джерсен вернулся в отель «Рембрандт», где без всякого удовольствия, почти машинально съел завтрак. Насколько безумен Наварх? Его припадки лунатизма сочетаются с редкой практичностью, и то и другое идет ему на пользу. Телефонный номер СОРА-6152, однако, сумасшедший поэт выдал с подозрительной легкостью. Джерсен больше не мог противиться любопытству. Он отправился в ближайшую кабину, набрал цифры, дотронулся до кнопки. В трубке прозвучало:

— Кто это? — Джерсен нахмурился: подозрительно знакомый голос. Наварх? — Кто это?

Да, это был голос Наварха.

Джерсен сказал:

- Я хочу беседовать с Виолем Фалюшем.

- Кто говорит?

- Некто, желающий познакомиться.

— Пожалуйста, оставьте свое имя и номер телефона. В надлежащее время вам позвонят. — Джерсену показалось, что он слышит с трудом подавленный смешок.

В глубокой задумчивости он покинул кабину. Грустно сознавать, что тебя обвел вокруг пальца полоумный рифмоплет. Тем не менее, Джерсен отправился в банк Веги, заказал и получил миллион севов наличными. Он уложил банкноты в чемодан и вернулся на Фитлингассе. По пути Кирт увидел Зан Зу, девушку из Эриду, выходящую из рыбной лавки с пакетиком жареной корюшки. Она была в неизменной черной юбке и прическу ее отличала та же небрежность, но что-то от магии прошлого вечера до сих пор витало вокруг нее. Девушка села на старый брус и, поглядывая на воду, принялась за рыбу. Она выглядела усталой и опустошенной. Джерсен прошел на брандвахту.

Наварх принял деньги с безразличием, отделавшись комментарием:

- Прием состоится через неделю.
- Вы уже составили список приглашенных?
- Еще нет. Оставьте это мне. Виоль Фалюш будет среди гостей.
- Я полагаю, вы позвоните ему по номеру СОРА-6152?
- Конечно.— Наварх трижды кивнул, преисполненный важности.— А как же иначе?
- А Зан Зу — она придет?
- Зан Зу?
- Зан Зу, девушка из Эриду.
- О, она? Это было бы неразумным.

Хойстер Хаушредель, регистратор из Лицея Филидора Бохуса, был человеком средних лет, абсолютно безликим. Его физиономию, лишенную характерных признаков, было так же трудно удержать в памяти, как и скромный черный костюм, облекавший тщедушное тело, или многоквартирную башню из серого бетона, где Хаушредель проживал с женой и двумя маленькими детьми.

Джерсен, не желая бросить тень на почтенного регистратора, решил свести с ним знакомство где-нибудь подальше от лицея и поджидал свою жертву у эскалатора подземки, неподалеку от дома Хаушределя. Тот был слегка удивлен, но любезно согласился выпить с Джерсеном чашечку кофе и поговорить о делах. Хаушредель оказался менее стоек, чем его патрон, доктор Ледингер, и на следующий день обменял большой бумажный конверт на пачку банкнотов.

Сердечно раскланявшись с ним, Джерсен открыл конверт. Он извлек две фотографии, переснятые с тех, что хранились в школьных архивах. В первый раз Джерсен увидел угрюмое лицо Фогеля Фильшнера. Смоляные брови нависали над горящими углями глаз, уголки рта изгибались книзу. Далеко не красавчик: длинный висячий нос, по-детски пухлые щеки, черные волосы давно не стрижены, слиплись в неряшливые пряди. Антипод того образа Виоля Фалюша, который сложился в воображении публики. Однако именно так выглядел

пятнадцатилетний Фогель Фильшнер. С тех пор, без сомнения, многое изменилось.

Другая фотография изображала Игрель Тинси, удивительно хорошенькую девочку с гладкими черными волосами, чей рот был решительно сжат, словно она хранила чей-то гадкий секрет. Джерсен изучал фотографию под лупой. Вдруг его осенило: это лицо Зан Зу, девушки из Эриду!

Джерсен почти равнодушно пробежал глазами сведения об остальных соучениках Фогеля Фильшнера и вернулся к фотографии Игрель Тинси. Обладай Зан Зу хоть каплей кокетства, сходство было бы полным. И это не случайность.

Кирт вновь отправился на бульвар Кастель-Вивьенс. Был ранний вечер. Лучи заката все еще золотили воду. Брандвахта пустовала, никто не откликнулся на призыв Джерсена. Он нажал на кнопку и зашел в каюту. Сам собой зажегся свет. Как и следовало ожидать, номер видеофона был СОРА-6152. Чертов Наварх! Рядом лежала записная книжка. Джерсен перелистал ее, но не нашел ничего стоящего внимания. Он осмотрел стены, задние поверхности полок, верхнюю планку телеэкрана, надеясь, что Наварх где-то нацарапал номер, который не доверил записной книжке. Ничего... На полке Кирт отыскал пухлую папку. Баллады, оды, дифирамбы... «Плач по жестоким», «Я — бродячий менестрель», «Они проходят», «Сон Друзиллы», «Облачные замки и тревога тех, кто живет под ними, потому что предметы могут упасть».

Джерсен отложил папку и направился в спальню. Потолок украшала фотография обнаженной женщины, вдвое больше натуральной величины. Руки раскинуты в стороны, ноги вытянуты, волосы развеваются, словно она плавает в невесомости. Гардероб Наварха составляли костюмы всех стилей и расцветок, столь же разнообразны были и головные уборы. Джерсен обшарил тумбочки и секретеры, нашел множество самых неожиданных, но бесполезных предметов.

Рядом были еще две маленькие комнаты, меблированные в спартанской манере. В одной из них воздух пропитывал сладкий запах духов — фиалки или лилии? В другой у окна, выходящего на реку, стоял письменный

стол. Здесь Наварх, очевидно, сочинял стихи: столешница была вся исчеркана заметками, именами, метафорами и аллитерациями. В этой мешанине и за день не разберешься.

Джерсен вернулся в главный салон, налил себе стакан отличного муската Наварха, пригасил свет и расположился в самом удобном кресле.

Прошел час. Последние отблески заката погасли в небе, огни Дюрре заплясали на волнах. За сто ярдов от берега появилось что-то темное — лодка! Она приблизилась к брандвахте, раздался скрип швартовых и шаги по палубе. Дверь отворилась, в полутемный салон вошла Зан Зу. Она отшатнулась в испуге, но Джерсен схватил ее за руку.

— Подожди, не убегай. Я ждал тебя, чтобы поговорить.

Зан Зу успокоилась и вошла в салон. Джерсен зажег верхний свет. Девушка осторожно опустилась на край стула. Сегодня на ней были черные брюки и темно-синий пиджак, волосы стягивала черная ленточка, лицо казалось гипсовой маской.

Джерсен вглядывался в застывшие, правильные черты.

— Ты голодна? — Она кивнула. — Тогда пошли.

В ближайшем ресторане девушка накинулась на еду с таким аппетитом, что развеяла все опасения Джерсена по поводу ее здоровья.

— Наварх называет тебя Зан Зу — так тебя зовут?

— Нет.

— А как тебя зовут?

— Не знаю. Не думаю, что у меня есть имя.

— Что? Нет имени? Имя есть у каждого.

— У меня нет.

— А где ты живешь? У Наварха?

— Да, сколько я себя помню.

— И он никогда не говорил, как тебя зовут?

— Он называл меня разными именами, — сказала Зан Зу довольно уныло. — Вообще-то мне нравится не иметь имени, я та, кем хочу быть.

— А кем ты хочешь быть?

Она кинула на собеседника сардонический взгляд, пожала плечами. «Не слишком разговорчивая особа», — подумал Джерсен.

Внезапно девушка спросила:

— Почему вы интересуетесь мной?

— По разным причинам, сложным и простым. Во-первых, ты хорошенькая.

Зан Зу некоторое время обдумывала это утверждение.

— Вы действительно так считаете?

— А что, тебе этого никто не говорил?

— Нет!

«Странно», — мелькнуло в голове у Джерсена.

— Я говорила только с несколькими мужчинами. И женщинами. Наварх предупреждал, что это опасно.

— Почему?

— Работоторговцы. Я не хочу быть рабыней.

— Понятно. А меня ты боишься?

— Немножко.

Джерсен подозвал официанта и, по его совету, заказал огромный кусок вишневого пирога с сиропом, который поставил перед Зан Зу из Эриду.

— Ну ладно, — продолжал он. — А в школу ты ходила?

— Недолго.

Из рассказа девушки Джерсен узнал, что Наварх таскал ее по всему миру, выбирая странные уголки: одинокие деревеньки, острова, серые города севера, курорты Синьянга, море Сахары, Левант. Были какие-то случайные наставники, семестр или два в диковинной школе, а в основном — чтение книг Наварха.

— Не слишком ортодоксальное образование, — заметил Джерсен.

— Оно мне вполне подходит.

— А Наварх — кем он тебе приходится?

— Я не знаю. Он всегда был со мной. Иногда он... добрый, а иногда... вроде бы ненавидит меня... Я не понимаю, да и не интересуюсь этим особенно. Наварх — это Наварх.

— Он никогда не упоминал твоих родителей?

— Нет.

— А ты его спрашивала?

— О да! Несколько раз. Когда он трезв, говорит очень пышно: «Афродита вышла из морской пены, Лилит была сестрой древнего бога, Арренис возродилась к жизни, когда молния ударила в розовый куст». И я сама могу выбрать источник своего происхождения. — Джер-

сен слушал, пораженный.— Когда Наварх пьян или занят своей поэзией, он пугает меня — говорит о каком-то путешествии. Ничего не объясняет, но это должно быть что-то ужасное. Я не хочу ехать.

Она замолчала. Их беседа, отметил Джерсен, не испортила ей аппетита: от пирога не осталось ни крошки.

— Он когда-нибудь упоминал человека по имени Виоль Фалюш?

— Возможно. Я не слушала.

— Фогель Фильшнер?

— Нет... Кто эти люди?

— Это один и тот же человек. Носящий разные имена. Ты помнишь того типа у стойки в кафе «Небесная гармония»? — Зан Зу потупила глаза в кофейную чашку и задумчиво кивнула.— Кто это был?

— Я не знаю. Почему вы спрашиваете?

— Потому что ты собралась идти с ним.

— Да. Я знаю.

— Почему? Если ты его не знаешь?

Девушка нервно двигала чашку взад-вперед, наблюдая за вращением черной жидкости.

— Трудно объяснить. Я знала, что он следит за мной. Он хотел, чтобы я подошла. Наварх привез меня туда. И вы были там. Словно все хотели, чтобы я к нему подошла. Словно... словно это было жертвоприношение. Мне стало нехорошо. Комната качалась. Возможно, я слишком много выпила вина. Но я хотела разом со всем покончить, если это моя судьба. Я должна была узнать... Но вы не разрешили мне пойти. Это я помню. И я... — Она замолкла и отняла руки от кофейной чашки.— В любом случае, вы не хотели ничего плохого.

Джерсен промолчал, а Зан Зу спросила:

— Или хотели?

— Нет. Ты закончила?

Они вернулись на брандвахту, где было все так же пусто и темно.

— Где Наварх? — спросил Джерсен.

— Готовится к приему. Он ужасно возбужден. С тех пор как вы приехали, все пошло по-другому.

— А после того как я покинул кафе «Небесная гармония» той ночью, что случилось?

Зан Зу нахмурилась.

— Был какой-то разговор. В глаза мне били зеленые и оранжевые вспышки. Незнакомый человек подошел к столу и глядел на меня. Он говорил с Навархом.

— Ты видела его?

— Нет. Я так не думаю.

— Что он сказал Наварху?

Зан Зу покачала головой.

— В ушах шумело, как от водопада или ветра. Я не слышала. Этот человек дотронулся до моего плеча.

— А потом?

Зан Зу скорчила гримаску.

— Я не помню... Не могу припомнить...

— Она была пьяна! — раздался крик Наварха. Поэт ворвался в салон. — Ее намеренно напоили. Что вы делаете на борту моей брандвахты?

— Пришел выяснить, как вы тратите мои деньги.

— Все как раньше. Убирайтесь немедленно.

— Ладно, ладно, — урезонивал его Джерсен, — так не разговаривают с человеком, починившим вашу посудину.

— После того как он чуть не потопил ее? Ба! Редкая наглость.

— Я так понимаю, что в молодости вы сами несколько раз нарушали закон.

— В молодости! — фыркнул Наварх. — Я всю жизнь нарушаю закон!

— Как насчет приема?

— Это будет поэтический эпизод, произведение экспериментального искусства. Я бы предпочел, чтобы вас там не было.

— Что? Тогда верните мои деньги!

Наварх развалился в кресле.

— Ничего другого я от вас не ожидал.

— И были правы. Где состоится прием?

— Мы встречаемся в деревушке Кушины, в двадцати милях к востоку, точно в час или два пополудни перед трактиром. Вы должны надеть костюм Арлекина, длинный плащ и маску.

— Виоль Фалюш придет?

— Конечно, конечно. Разве я не объяснил?

— Не совсем. И все будут в масках?

— Естественно.

- И как я узнаю Виоля Фалюша?
- Что за вопрос? Как он может укрыться? Черное зарево пульсирует вокруг него. Он вызывает жуткие ощущения.
- Эти качества, может, и очевидны,— хмыкнул Джерсен,— но как его опознать?
- Вы поймете это в свое время. Сейчас я этого сам не знаю.

ГЛАВА 8

За десять минут до назначенного времени Джерсен припарковал взятый напрокат аэрокар в тени под вязами на окраине Кушини. Он был в костюме Арлекина, а маску держал в кармане.

День был мягким и солнечным. Природа замерла в ожидании осени. «Наварх едва ли мог надеяться на лучшую погоду»,— подумал Кирт. Он тщательно проверил свою амуницию. Под маскарадным костюмом много не укроешь, но Джерсен постарался: в ремне скрывалось тончайшее стальное лезвие, рукоять которого служила пряжкой ремня; под левой рукой свисал лучемет, в правом рукаве был спрятан яд. Удовлетворенный осмотром, Джерсен запахнул плащ и направился в деревню, раскинувшуюся на берегах маленького озера. Его глазам открылся буколический, чарующий вид, почти средневековый: трактир, самое новое строение, был возведен по меньшей мере четыреста лет назад. Когда Джерсен приблизился к нему, молодой человек в сером и черном выступил вперед:

- Вы приглашены на прием, сэр?

Джерсен кивнул и был проведен по сходням к воде, где ждала крытая лодка.

- Маску, пожалуйста,— потребовал молодой человек в униформе.

Джерсен надел маску, ступил в лодку и был доставлен на противоположный берег.

Оказалось, что он прибыл одним из последних. Около полукруглой стойки уже ожидало человек двадцать. Гости походили друг на друга в маскарадных кос-

тюмах. Одним из них был Наварх, который выступил вперед, потянув Джерсена за плащ:

— Пока мы ждем, попробуйте это вино. Оно терпкое и легкое и отгоняет грустные мысли.

Джерсен взял бокал с вином и отступил. Двадцать человек, мужчин и женщин, — кто из них Виоль Фалюш? Вряд ли Властитель Зла захочет приподнять завесу тайны. Неподалеку застыла с бокалом в руках тоненькая женщина. Значит, Наварх позволил Зан Зу прийти на прием. Или заставил прийти? Десять мужчин, одиннадцать женщин. Наверно, должен прибыть еще один представитель сильного пола. Пока Джерсен пересчитывал лодочки с белыми скамьями, пришвартованные к причалу, на берег ступил еще один гость. Он был высокий, стройный, в небрежной легкости его манер сквозила усталая пресыщенность. Джерсен внимательно оглядел его. Если это не Виоль Фалюш, то кто? Человек медленно приблизился к группе гостей. Наварх выступил вперед, почти раболепно принял на руку протянутый ему плащ и поднес вновь прибывшему бокал вина. Взмахнув свободной рукой, Наварх отступил назад и провозгласил:

— Друзья и гости, теперь все в сборе: избранные, нимфы и полубоги, поэты и философы. Мы стоим под сенью вязов в оранжево-красном, багряно-черном убранстве, мы выступаем в торжественно-медлительный паване! Мы актеры и зрители одновременно. Я лишь наметил рамки, внутри которых будет развиваться действие, схему, так сказать. Остальное за вами: ходы, интриги, контригра, орнаментация сюжета. Так будем же нежны и свободны, беззаботны и созвучны друг другу. Наши персонажи не должны перевирать мелодии!

Наварх благоговейно поднял свой бокал к сиянию солнца, как священный сосуд, осушил его залпом и театральным жестом указал на стволы деревьев:

— Следуйте за мной!

Через пятьдесят ярдов гости достигли повозки, борта которой были расцвечены красным, оранжевым и зеленым и украшены лентами из апельсинового бархата. Вдоль бортов тянулись обитые желтым шелком диванчики, а в центре коленопреклоненный мраморный сатир поддерживал мраморный поднос, на котором красова-

лись бутылки разных размеров, форм и цветов, все они содержали то же самое мягкое вино.

Едва все расселись, как повозка бесшумно покатила через живописный парк. Она петляла между рошицами, давая возможность полюбоваться идиллическим ландшафтом. Гости потихоньку осваивались, зазвучали разговоры и смех, но большинство предпочитало молча потягивать вино и наслаждаться осенними пейзажами.

Джерсен по очереди рассматривал мужчин. Запоздалый гость все еще казался ему наиболее вероятным претендентом на роль Виоля Фалюша. Про себя Джерсен окрестил его Первым. Однако среди собравшихся еще четверо были высокими, темноволосыми и сдержанными. «Назову их для удобства Вторым, Третьим, Четвертым и Пятым», — решил Кирт.

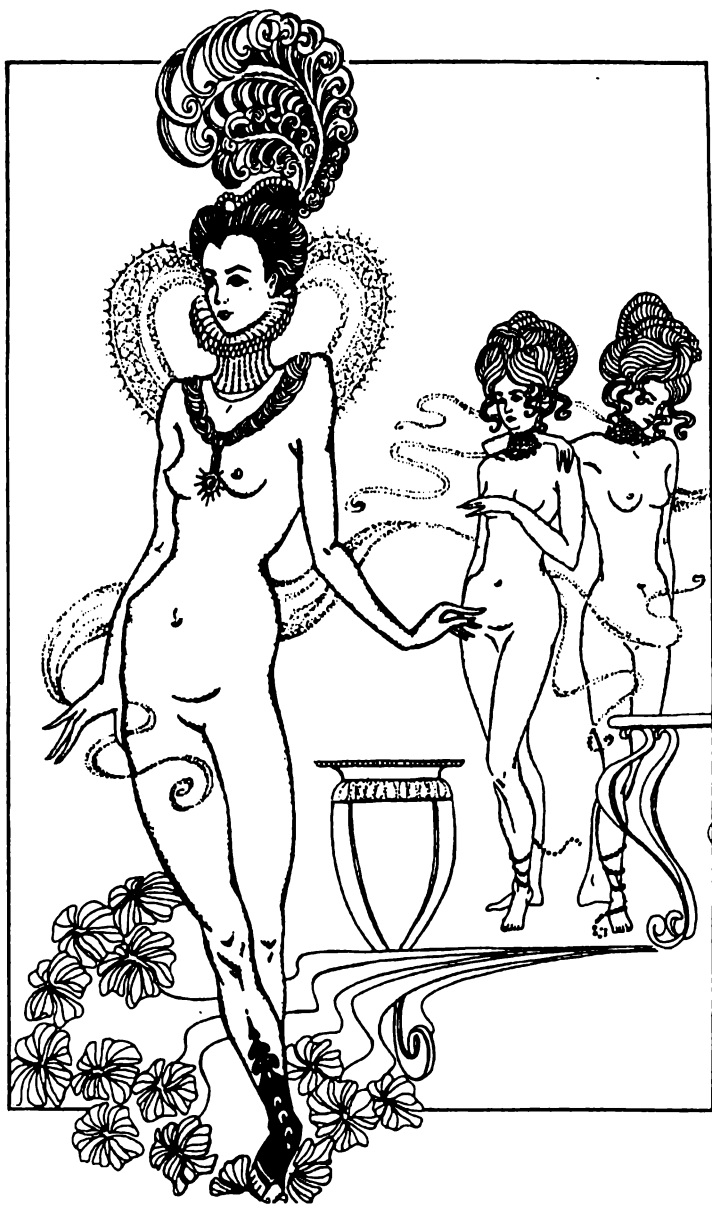
Шарабан остановился, и компания вступила в палисадник, пестреющий винно-красными и белыми астрами. Наварх танцующей походкой, игривый, как молодой козленок, устремился под сень высоких деревьев, увлекая за собой гостей. Было около трех часов. Косые лучи просачивались сквозь охристую листву и падали на огромный ковер ало-золотого шелка, с серо-зеленой и голубой каймой. Сзади виднелся шелковый шатер, поддерживаемый белыми спиральными колоннами.

Вокруг ковра были расставлены двадцать два кресла с высокими спинками в форме петушиных хвостов, а за креслами — табуреты черного дерева, инкрустированные перламутром и киноварью, с алыми ларцами для специй. Повинуясь лишь ему понятному принципу, Наварх рассадил гостей.

Зан Зу сидела через несколько кресел от Джерсена, а пять подозреваемых — довольно далеко. Откуда-то слышалась музыка, точнее, обрывки мелодий, звучащие тихо, едва слышно, тревожащие и не достигающие совершенства.

Наварх занял свое место, и все смолкли. Из шатра вышли десять обнаженных девушек в золотых сандалиях и с чайными розами у виска. Они держали подносы с бокалами тяжелого зеленого стекла, в которых плескалось все то же изысканное вино.

Лимонные листья, кружась, слетали на золотой ковер, их густой аромат висел в воздухе. Джерсен осто-

рожно потягивал вино — он не собирался расслабляться. Где-то рядом Виоль Фалюш, соседство которого обошлось ему в миллион севов. Коварный рифмоплет не выполнил своего обещания: что такое «черное зарево», о котором он говорил? Похоже, оно пылает вокруг Первого, Второго и Третьего, но Джерсен боялся положиться на свои парапсихологические способности.

Предвкушение, ожидание стало почти материальным. Наварх откинулся в кресле, забавляясь. Нагие девушки двигались так плавно и бесшумно, словно пространство было залито не желтым светом и мягкой лиственной тенью, а водой. Поэт вскинул голову, словно услышав глас неба или души. Его глубокий голос рокотал и, смешиваясь с обрывками мелодий, которые, казалось, подстраивались под ритм слов, рождал диковинную музыку:

— Собравшиеся здесь извели множество страстей. Все страсти не может познать никто, но поглядите на меня! Я — Наварх, прозванный Безумным Поэтом. Но разве не каждый поэт — безумец? Это неизбежно! Его нервы — накопители и проводники несчетных импульсов энергии. Он боится. О, как он боится! Поэт чувствует движение времени, сквозь пальцы его проходит теплая пульсация, словно он сжимает артерию. От любого звука — будь то дальний смех, шум воды, дуновение ветра — он слабеет и обмирает, потому что никогда больше не будет такого смеха, такого шороха, такого дуновения. Вот трагедия его жизни, ноша, которую он обречен нести! А разве захочет Безумный Поэт измениться? Никогда не впадать в отчаянье? Никогда не разочаровываться? Никогда не чувствовать ток жизни в своих обнаженных нервах? — Наварх вскочил на ноги и сплясал джигу. — Все собравшиеся здесь — безумные поэты. Если вы голодны, деликатесы всех миров ждут вас. Если вы устали, устройтесь поудобнее в своих креслах и следите, как падают листья. Если вам нужно вдохновение, вкушайте это великолепное вино, которое никогда не теряет вкуса. Если вы хотите отправиться в Страну любви, к ближним ее пределам или дальним горизонтам, держайте! — Его голос опустился на октаву, мелодия стала медленной и размеренной. — Нет света без тени, нет звука без молчания, нет экзальтации без боли. Я — Безумный

Поэт, я — сама Жизнь! Поэтому, по логике событий, Смерть рядом! Но там, где Жизнь громко заявляет свои права, Смерть безмолвствует. Ищите их среди масок! — И Наварх обвел пальцем всех сидящих. — Смерть здесь. Смерть следит за Жизнью. Она не слепа, нет! Смерть ищет одного, задует одну свечу. Не бойтесь, если у вас нет причины бояться. — Наварх повернул голову. — Прислушайтесь!

Откуда-то издали грянули веселые звуки. Из-за шатра выступили четыре музыканта: с кастаньетами, гитарой и скрипками. Они играли самую зажигательную и веселую из джиг, такую, что заставляла сердце биться быстрее. Внезапно они замерли, и музыка оборвалась. Кастаньеты отстучали несколько тактов, и музыка полилась вновь, но теперь в ней таилась грусть, от которой щемило сердце. Играя таким манером, музыканты прошли под сень деревьев и удалились. Мелодия затихла, и лишь вздохи скрипок и стоны гитарных струн доносились, как и раньше, обрывки без конца и без начала, легкие и естественные, как дыхание.

Джерсен томился от неловкости. Обстоятельства вышли из-под его контроля. В маскарадном костюме он чувствовал себя шутком. Не на это ли рассчитывал коварный поэт? Даже если Виоль Фалюш сейчас встанет перед ним и назовется, он, Джерсен, не сможет шевельнуть пальцем. Осенний ли воздух, вино ли сыграло с ним роковую шутку, но он не сможет пролить кровь на прелестный багряно-золотой ковер. И даже на ковер из медных листьев под ногами.

Джерсен откинулся в кресле, удивляясь самому себе. Ну ладно, так уж и быть, пока он просто посидит и подумает. Некоторые гости явно нервничали: какая-то принужденность, натянутость проскальзывала в движениях, смехе. Возможно, Наварховы разговоры о смерти напугали их. Кого же имел в виду Наварх?.. Девушки тихо двигались вдоль ряда кресел, подливая вина. Одна склонилась над Джерсеном, он уловил аромат чайной розы. Девушка выпрямилась, улыбнулась ему и перешла к следующему гостю.

Джерсен выпил вино, откинулся в кресле. Рассеянный и бесстрастный, он все же не мог размышлять. Некоторые гости встали с кресел и переговаривались

мягкими, приглушенными голосами. Первый стоял, оглядываясь. Второй не спускал глаз с Зан Зу. Третий, как и Джерсен, развалился в кресле. А Четвертый и Пятый были среди беседующих.

Джерсен поглядел на Наварха. Непредсказуемый человек. Что он еще задумал? Джерсен позвал поэта. Наварх повернулся в его сторону с отсутствующим видом.

— Виоль Фалюш тут?

— Чш! — Наварх поднес палец к губам. — Вы маньяк!

— Мне это и раньше говорили. Он здесь?

— Я пригласил двадцать одного гостя. Со мной их двадцать два. Виоль Фалюш здесь.

— Который из них?

— Я не знаю.

— Что? Вы не знаете? — Джерсен выпрямился, пробужденный от летаргии двуличием Наварха. — Между нами не должно быть недоговорок, Наварх! Вы выудили у меня миллион севов на определенных условиях.

— И я выполнил их, — фыркнул Наварх. — Правда заключается в том, что я не знаю, на кого теперь похож Виоль Фалюш. Я хорошо знал юного Фогеля Фильшнера. Виоль Фалюш изменил лицо и манеры. Он может быть одним из трех или четырех. Пришлось бы содрать с них маски и отослать тех, кого я точно опознаю, тогда оставшийся и будет Виолем Фалюшем.

— Очень хорошо. Именно это мы и сделаем.

Наварх не выказал воодушевления.

— Жизнь по той или иной причине все равно покинет мое тело. Я признаю это. Но я всего лишь Безумный Поэт, а не герой.

— Неважно. Вот как мы поступим: пригласите ваших кандидатов в шатер.

— Нет, нет! — прокаркал Наварх. — Это невозможно. Есть более легкий путь. Следите за девушкой. Он подойдет к ней, и мы его узнаем.

— К ней может подойти полдюжины других.

— Тогда ухаживайте за ней сами. Он единственный, кто бросит вам вызов.

— А если никто не бросит?

Наварх сжал его руку.

— Что вы теряете?

Оба повернулись к девушке. Джерсен сказал:

— И в самом деле, что я теряю? В каком она родстве с вами?

— Дочь старого друга, — провозгласил Наварх. — Она, если так можно сказать, моя награда, на меня возложена обязанность вырастить ее и подвести к зрелому возрасту.

— А теперь, выполнив свою миссию, вы предлагаете ее любому прохожему?

— Беседа становится утомительной, — скривился Наварх. — Глядите! К ней кто-то приблизился.

Джерсен оглянулся. Второй приблизился к Зан Зу и обратился с пылкими речами. Девушка вежливо слушала. Как и в кафе «Небесная гармония», Джерсена потряс взрыв эмоций. Чувство утраты? Ревность? Потребность защитить? Какова бы ни была природа чувства, оно заставило Кирта выступить вперед и присоединиться к этой паре.

— Как вам нравится прием? — спросил Джерсен дружелюбно. — Чудесный день для пикника. Наварх — потрясающий хозяин, однако он нас не представил. Как вас зовут?

Второй вежливо ответил:

— Без сомнения, у Наварха были серьезные причины для отступления от этикета. Стоит ли нам открываться друг другу?

— Разумно, — согласился Джерсен и повернулся к Зан Зу: — А как вы полагаете?

— У меня нет имени, которое я могла бы открыть.

Второй предложил:

— Почему бы вам не подойти к Наварху и не спросить его мнения?

— Наварх смутился бы. Он сторонник анонимности. Похоже, он полагает, что это создаст особые, интимные отношения между гостями. Так ли это? Сомневаюсь. Во всяком случае, не на том уровне, на котором настаивает Наварх.

— Именно так, именно так, — огрызнулся Второй. — Будь вы подogaдливее, давно бы оставили нас вдвоем. Юная леди и я заняты частной беседой.

— О, прошу прощения за то, что прерываю вас, но юная леди и я условились собирать цветочки на лугу.

— Вы ошибаетесь,— с металлом в голосе возразил Второй.— Когда все носят маски, ошибиться довольно легко.

— Если тут и произошла ошибка, она к лучшему, и я предпочитаю именно эту милую собирательницу цветов. Будьте так добры, извините нас.

Второй был сама любезность:

— В самом деле, мой добрый друг, ваша настойчивость уже превышает границы приличий. Неужели вы не видите, что мешаете?

— Не думаю. На празднике, где ощущения бьют по обнаженным нервам, где бродит сама Смерть, мудрость заключается в уступчивости. Взгляните на ту женщину! Она горит желанием обсудить ваши затруднения. Почему бы вам не присоединиться к ней и не открыть ей свое сердце?

— Но это вас она ждет,— упорствовал Второй.— Удалитесь.

Джерсен повернулся к Зан Зу:

— Похоже, выбор предстоит сделать вам. Беседа или цветы?

Зан Зу заколебалась, переводя взгляд с одного на другого. Второй не сводил с нее горящих глаз. «Выбирай, если вообще возможен выбор между этим хлыщом и мной. Но выбирай очень осторожно». Зан Зу задумчиво повернулась к Джерсену:

— Пошли собирать цветы!

Второй поглядел на Наварха, будто собирался звать к его помощи, затем передумал и удалился.

Девушка спросила:

— Вы и вправду хотите собирать цветы?

— Ты знаешь, кто я?

— Конечно.

— Я не очень хочу собирать цветы. Разве что ты захочешь?

— О... Но тогда чего вы хотите?

Джерсен обнаружил, что на этот вопрос трудно ответить.

— Я и сам не знаю.

Зан Зу взяла его за руку:

— Тогда пойдем поищем цветы и, возможно, выясним это.

Джерсен оглядел гостей. Второй издала следил за ними. Первый и Третий не проявляли никакого интереса. Джерсен и девушка вышли из-под деревьев, Зан Зу все еще держала спутника за руку, тот обнял ее за талию, она вздохнула.

Второй быстро передернул плечами, и это движение, казалось, вернуло ему энергию. Он подошел к Джерсену быстрыми скользящими шагами, в его руке было маленькое оружие. Краем глаза Джерсен заметил, что позади стоял Наварх, вся фигура которого выражала дикое веселье.

Джерсен толкнул Зан Зу на землю и укрылся за деревом. Второй остановился. Он повернулся к Зан Зу и, к удивлению Кирта, направил на нее оружие. Джерсен выскочил из-за дерева и ударил по руке мужчины. Оружие выплонуло в землю пучок энергии. Соперники вперили друг в друга горящие ненавистью взгляды. Раздался резкий свисток. Из лесу послышался треск веток, тяжелый топот, и глазам гостей предстала дюжина жандармов во главе с лейтенантом в золоченом шлеме и разъяренным стариком в серой парче.

Наварх поспешно выступил вперед:

— Чем объясняется подобное вторжение?

Низенький толстый старичок выскочил вперед и схватил его за руку:

— Какого черта вы тут делаете, в пределах моего частного владения? Вы мошенники! Да еще эти голые девки — полный скандал!

Наварх суровым голосом спросил лейтенанта:

— Кто этот старый жулик? Какое право он имеет вторгаться в мои частные владения?

Старик шагнул вперед, разглядел ковер и побледнел:

— О боже! — прошептал он. — Мой бесценный шелк! Сиккимский ковер! Эти мерзавцы уселись на него! И мои уникальные бахадурские кресла! Что еще они украл?

— Чушь! — бушевал Наварх. — Я арендовал это владение вместе с мебелью. Собственник, барон Каспар Хельми, сейчас находится в санатории для поправки здоровья!

— Это я — барон Каспар Хельми! — заорал старик. — Уж не знаю, кто вы такой, сэр, под этой чудовищной

маской, но ручаюсь, что разбойник! Лейтенант, выполняйте свой долг. Уведите их всех. Я настаиваю на подробнейшем расследовании.

Наварх простер руки к стражу порядка и изложил проблему с дюжины различных точек зрения, но лейтенант был неумолим:

— Боюсь, я должен арестовать всех вас. Барон Хельми сделал формальное заявление.

Джерсен, стоя в стороне, наблюдал за происходящим с огромным интересом, одновременно следя за передвижениями Первого, Второго и Третьего. Виолу Фалюшу — а это, скорее всего, Второй — сейчас приходится жарко: стоит ему попасть в суд, как его личность тут же выяснится.

Первый выглядел суровым и непреклонным, Второй выжидал, поглядывая по сторонам, а Третий не только не взволновался, но даже развеселился.

Тем временем лейтенант арестовал Наварха, обвинив его в нарушении границ частного владения, воровстве, оскорблении общественной морали и простом хулиганстве — Безумного Поэта только что оттащили от барона Хельми, которого тот собирался стукнуть. Жандармы заталкивали гостей в пару полицейских машин. Второй пристроился к краю группы и, пользуясь возмутительным сопротивлением Наварха, ускользнул за дерево. Джерсен поднял крик, и парочка жандармов, повинуясь приказу начальства, кинулась за беглецом. Тот отпрыгнул. Вспыхнул луч света, другой, и оба жандарма легли мертвыми. Второй метнулся в лес и скрылся из виду. Джерсен было последовал за ним, но через сотню ярдов остановился, боясь заблудиться.

Содрав маску, он побежал к полукруглой стойке у водоема, где нашел и натянул свой плащ, и переправился в лодке через озеро.

Спустя пять минут он добрался до аэрокара и поднял его в воздух. Еще несколько минут он рыскал над парком. Если Второй прибыл на аэрокаре, скорее всего, он и отбудет тем же способом, пока патруль обыскивает место преступления. Впрочем, в костюме Арлекина все люди похожи, и за это время можно было уйти далеко. И Джерсен, выжав из машины полную скорость, устремился к Ролингшейвену.

Кушины. Сентябрь, 30. Два агента городской жандармерии сегодня убиты гостем таинственной оргии в Кушины, в поместье, принадлежащем барону Каспару Хельми. Среди всеобщего замешательства убийца успел ускользнуть и, как полагают, скрывается в лесу. Его имя до сих пор не стало достоянием гласности.

Хозяином и устроителем вакханалии был известный поэт и вольнодумец Наварх, чьи эскапады с давних пор шокируют жителей Ролингшейвена...

Далее следует описание обстоятельств убийства и список арестованных гостей...

Ролингшейвен. Октябрь, 2. Жертвой неожиданного нападения стал Ян Келли, тридцати двух лет, житель Лондона. Прошлым вечером его умышленно забили до смерти во время прогулки по Биссгассе. Убийцу, как и мотив преступления, установить не удалось. Келли фигурировал в новостях двухдневной давности как гость фантастического пикника Наварха. Полиция пытается установить связь между этими происшествиями.

Из газеты «Мундис», Ролингшейвен.

Создатель умопомрачительного Дворца Любви, качающийся чудовищным перечнем преступлений, Виоль Фалюш, Властитель Зла — кто он, что он? Возможно, я лучше всех ныне живущих могу понять его мотивы и объяснить действия. Я не представляю, каким он стал сейчас, не узнаю, столкнувшись с ним на улице. Но как человек, знавший этого кумира публики в молодости, заявляю: распространенное представление о Виоле Фалюше как об элегантном, жизнерадостном, романтическом красавце не соответствует действительности.

Впервые я встретил Виоля Фалюша, когда ему было четырнадцать. Он тогда звался Фогелем Фильшнером. Если взрослый Виоль напоминает того мальчика, то успех его знаменитых любовных эскапад можно объяснить лишь насилием или действием наркотиков. Как вы знаете, я дорожу репутацией правдивого рассказчика, поэтому хочу подкрепить свои заявления высказываниями женщин, которые в свое время хорошо знали Фогеля Фильшнера (по очевидным причинам я не называю их имен):

«Мальчишка, обожающий всяческие мерзости».

«Фогель казался на редкость отталкивающим, хоть в нашем классе и были мальчики еще некрасивей. Я знала его четыре года, и, вместо того чтобы научиться сдерживать себя, он становился все хуже и хуже».

«Фогель Фильшнер! Я полагаю, тут нет его вины. Видимо, его мать была неряхой. Он обладал отвратительными привычками, например любил ковырять в носу и разглядывать его содержимое, издавая при этом странные звуки и НЮХАЯ!».

Эти свидетельства говорят сами за себя, а они самые нейтральные из всех! Однако, будучи человеком честным и рассудительным, я не стану пересказывать наиболее пикантные анекдоты.

Позвольте мне описать Фогеля Фильшнера, каким я знал его. Он был высоким и смахивал на паука, со своими тощими ногами и нездорово круглым брюшком. В довершение всего Фогель имел круглые щеки и красный висячий нос. К его чести, бедняга обожал мою поэзию, хотя должен отметить, что Фогель искажил мои принципы до неузнаваемости. Я воспеваю полноту сухого, Фогель же исповедовал солипсизм отверженного. Первая наша встреча произошла на знаменитом званом вечере у леди Амалии Палемон-Дельхауз. Мне покровительствовала ее дочь, прелестная Эрлина, знакомство с которой заслуживает особого рассказа. Фогель явился с написанными им корявыми строчками. В оправдание ему нужно сказать, что бедняга влюбился в хорошенькую девочку, которую, естественно, не слишком воодушевляли его комплименты...

Из статьи Наварха «Виоль Фалюш. Часть I: детские годы», подготовленной для журнала «Космополис».

Третьего октября Наварх уплатил компенсацию в пятьдесят тысяч севов барону Каспару Хельми и был освобожден из-под стражи, равно как и его гости.

Джерсен встретил поэта на площади перед зданием суда. Служитель муз сначала попытался сделать вид, что не узнал Джерсена, и проскользнуть мимо, но в конце концов позволил затащить себя в ближайшее кафе.

— Справедливость, ба! — Наварх скорчил рожу. — Я уплатил этому омерзительному типу, хотя имею к нему претензии: он испортил нам веселье. Чего ради он шнырял по лесу? — Поэт скопил на Джерсена желтый глаз. — Чего вы теперь от меня хотите? Новых кулачных поединков? Предупреждаю: я буду неумолим.

Джерсен передал ему местную газету с описанием событий. Наварх отказался даже взглянуть на нее.

— Куча дешевой чепухи! Вы, журналисты, все одинаковы.

— Вчера убили некоего Яна Келли.

— Да, бедный Келли. Вы пошли на похороны?

— Нет.

— Тогда вы упустили свой шанс, так как в толпе наверняка был Виоль Фалюш. Он очень чувствителен и никогда не забывает оскорбления. Яну Келли не повезло, поскольку он напоминал вас ростом и манерами. — Наварх сочувственно покачал головой. — Ах этот Фогель! Он приходит в ярость даже от пчелиного укуса.

— Знает ли полиция, что убийцей был Виоль Фалюш?

— Я сказал им, что встречал этого человека в баре. Что я еще мог сказать?

Вместо ответа Джерсен еще раз указал на статью:

— Двадцать имен перечислены здесь. Какое из них относится к Зан Зу?

Наварх презрительно хмыкнул:

— Выбирайте какое хотите.

— Одно из этих имен должно относиться к ней, — настаивал Джерсен. — Которое?

— Откуда я знаю, какое имя она предпочла сообщить полиции? Думаю, я выпил бы еще пива. От этих препирательств у меня глотка пересохла.

— Здесь значится некая Друзилла Уэллс, восемнадцати лет. Это она?

— Вполне возможно, вполне.

— Это ее имя?

— О благословенный Кальзиба! Неужели у нее обязательно должно быть имя? Имя — это ноша. Это связь с определенными обстоятельствами. Не иметь имени — значит иметь свободу. Неужели вы настолько ограничены, что не можете вообразить человека, у которого нет имени.

— Странно, — протянул Джерсен, — она в точности похожа на Игрель Тинси, какой та была тридцать лет назад.

Наварх откинулся в кресле:

— Как вы узнали?

— Я не тратил времени даром. Например, напечатал это. — Джерсен протянул макет «Космополиса».

С обложки глядело лицо молодого Виоля Фалюша. Ниже шла подпись: «Молодой Виоль Фалюш — Фогель Фильшнер, каким я его знал».

Наварх прочел статью и схватился за голову:

— Он убьет нас всех. С дерьмом смешает! Живьем зароет!

— Статья выглядит рассудительной и справедливой, — заметил Джерсен. — Он же не может счесть факты за оскорбление.

Наварх впал в очередной пароксизм отчаянья:

— Вы подписали ее моим именем! Я даже никогда не видел этого!

— Но это правда!

— Тем более! Когда статья будет напечатана?
— Недели через две.
— Невозможно! Я запрещаю!
— В таком случае верните деньги, которые я одолжил вам на устройство приема.

— Одолжил? — Наварх был вновь поражен. — Это нечестно! Вы заплатили мне, вы наняли меня, чтобы устроить банкет, на котором должен был присутствовать Виоль Фалюш!

— Вы не сдержали обещания. Барон Хельми помещал вашей затее — это верно, но я тут ни при чем. И где был Виоль Фалюш? Вы, пожалуй, станете утверждать, что он — тот убийца, но мне это ничего не дает. Пожалуйста, верните деньги.

— Не могу. Деньги утекают у меня между пальцев. Барон Хельми уже отхватил свою порцию.

— Тогда верните те девятьсот пятьдесят тысяч, что остались.

— Что? У меня нет такой суммы!

— Что ж, часть ее вы получите как гонорар за статью, но...

— Нет, нет! Эту статью нельзя публиковать!

— Лучше будет, если мы придем к полному взаимопониманию, — заметил Джерсен. — Вы рассказали мне не все.

— За что благодарен судьбе: вы бы и это напечатали. — Наварх потер лоб. — Вот жуткие дни выпали! И вам не жалко бедного старину Наварха?

Джерсен рассмеялся:

— По вашему сценарию меня должны были убить. Вы знали, что Виоль Фалюш попытается завладеть Друзиллой Уэллс, или Зан Зу, или как там ее зовут. И были уверены, что я не допущу этого. Ян Келли заплатил жизнью за ваши козни.

— Нет, нет, ничего подобного! Я надеялся, что вы убьете Виоля Фалюша!

— Вы коварный злодей! А как насчет Друзиллы? Какова была ее роль? Что вы предназначили ей?

— Да ничего я не предназначал, — отмахнулся Наварх. — Я пустил все на самотек.

— Расскажите, что знаете.

Наварх подчинился с удивительной готовностью:

— Я должен вновь вернуться к Фогелю Фильшнеру. Когда он похитил девочек из хорового кружка, Игрель Тинси ускользнула. Это вы знаете. Но она отчасти была причиной преступления, и родители остальных девочек обвиняли ее. Игрель пришлось очень трудно, очень туго. Ей угрожали, ее имя публично опозорили...

...И Наварх в то время стал мишенью для нападок. Однажды он предложил Игрель Тинси убежать вместе. Игрель, усталая, утратившая иллюзии, была готова на все. Они отправились на Корфу, где провели три счастливых года.

Однако настал день, когда Фогель Фильшнер появился на пороге их маленькой виллы. Хотя облик его почти не изменился, это был другой человек: жесткий, с пронзительным взглядом и властным голосом. Новый образ жизни явно пошел ему на пользу.

Фогель был само дружелюбие:

— Что прошло, то прошло. Игрель Тинси? Это в прошлом. Она отдала себя вам, тем хуже для нее. Я старомоден: мне не нужна женщина, которая принадлежала другому. Поверьте, Игрель не достанется ни грамма моей любви... Она должна была ждать. Да. Должна была ждать. Она должна была понять, что я вернусь. Теперь вернулся я... но не моя любовь к Игрель Тинси.

Наварх успокоился, вынес бутылку вина. Соперники сели в саду, ели апельсины и пили озо. Поэт опьянел и заснул. Когда он пробудился, Фогель Фильшнер исчез, а с ним — Игрель Тинси.

Через день Фогель Фильшнер появился снова. Наварх был в ярости:

— Где она? Что ты сделал с нею?

— Она в покое и безопасности.

— А как же твое слово? Ты сказал, что больше ее не любишь.

— Это правда. Я сдержу свое слово. Игрель никогда не узнает моей любви, но она не узнает и любви другого. Ты недооцениваешь силу моей страсти, поэт. Любовь может переплавиться в ненависть в горниле времени. Игрель будет служить, и служить хорошо. Она не добьется моей любви, но, возможно, смягчит ненависть.

Наварх бросился на Фогеля Фильшнера, но тот без труда справился с ним и ушел.

Спустя девять лет Виоль Фалюш связался с Навархом. Правда, экран видеофона не зажегся — поэт только слышал голос. Наварх умолял вернуть Игрель Тинси, и Виоль Фалюш согласился. Через два дня в дом поэта принесли двухлетнее дитя.

— Я выполнил обещание, — объявил призрачный голос. — Ты получил свою Игрель Тинси.

— Это ее дочь?

— Это Игрель Тинси — вот все, что тебе нужно знать. Я отдаю ее под твою опеку. Воспитывай ее, охраняй, расти, следи, чтобы она осталась девственницей. В один прекрасный день я вернусь за ней.

Голос смолк. Наварх обернулся и поглядел на девочку. Даже теперь ее сходство с Игрель было поразительным... Что делать? Наварха обуревали сложные чувства. Он не мог воспринимать девочку как дочь, как наследие прошлой любви. Поэт чувствовал, что в их отношения всегда примешивается горечь. Наварх не мыслил любви без обладания.

Эта внутренняя борьба чувств отразилась на воспитании девочки. Наварх не дал ей умереть с голоду, предоставил убежище, не заходя дальше этого в своих заботах. Девушка выросла независимой и скрытной, не имела друзей и не задавала никаких вопросов.

Когда она созрела, сходство с Игрель Тинси проступило еще сильнее, и Наварха терзали воскресшие воспоминания.

Прошло двенадцать лет, но Виоль Фалюш не появлялся. Однако Наварх больше не тешил себя иллюзиями, напротив, в нем росла уверенность: Виоль Фалюш вот-вот вернется и заберет девочку. Он попытался намекнуть девушке на опасность, которая исходит от Виоля Фалюша, но наталкивался на ее скрытность и сомневался, поняла ли она его. Наварх пытался спрятать свою подопечную, что было очень трудно из-за ее диких повадок, увозил в глухие уголки Земли.

Когда девушке исполнилось шестнадцать, они жили в Эдмонтоне, в Канаде, куда стекались толпы пилигримов поглазеть на Священную Голень. Наварх надеялся затеряться в море людей, которых ничего не интересовало, кроме беспрерывных празднеств, процессий и священных ритуалов.

Однако он ошибался. Как-то вечером экран видеофона засветился, и высокая фигура возникла на фоне голубых вспышек, которые затмевали черты лица. Однако Наварх узнал Виоля Фалюша.

— Ну, Наварх, — зазвучал знакомый голос, — что ты делаешь в святом городе? Похоже, ты стал преданным адептом Кальзибы, раз живешь здесь, в тени Голени?

— Я изучаю, — промямлил Наварх. — Занимаюсь сравнительной историей религий.

— А что с девочкой? Я имею в виду Игрель... Надеюсь, с ней все в порядке?

— Прошлым вечером она была в добром здравии. С тех пор я ее не видел.

Наварху, почудилось, что взгляд собеседника так и впился в него.

— Она невинна?

— Откуда я знаю? — огрызнулся поэт. — Я же не могу следить за ней днем и ночью. В любом случае, какое тебе дело?

И снова поэту показалось, что взгляд старинного врага пронизывает его насквозь.

— Это мое дело во всех отношениях, и в такой степени, что ты и представить себе не можешь.

— Твой язык несколько коряв, — фыркнул Наварх. — И мне с трудом верится, что ты говоришь всерьез.

Виоль Фалюш мягко рассмеялся:

— Когда-нибудь ты посетишь Дворец Любви, старина Наварх, когда-нибудь ты будешь моим гостем.

— Только не я! — покачал головой Наварх. — Я — новый Антей. Никогда мои подошвы не оторвутся от земной почвы, пусть даже придется упасть на нее лицом и вцепиться обеими руками.

— Ну ладно, вернемся к девушке. Позови Игрель. Я хочу видеть ее. — Странная нотка зазвучала в голосе Виоля Фалюша — смесь нежности и гнева.

— Как — если я не знаю, где она? Болтается по улицам, плавает в каноэ по озеру или валяется в чьей-то постели?

Непонятный звук прервал Наварха. Но голос Виоля Фалюша не утратил мягкости:

— Никогда не говори этого, старина Наварх. Она была отдана на твое попечение. Ты получил ясные инструкции. И следовал им? Подозреваю, что нет.

— Лучшая инструкция — это сама жизнь, — отмахнулся Наварх, — и я не педант, ты же знаешь.

Наступило минутное молчание. Затем Виоль Фалюш сказал:

— Ты знаешь, почему я поместил девочку под твою опеку?

— Я путаюсь в собственных побуждениях, — буркнул Наварх, — откуда мне знать твои?

— Я открою тебе причину: ты хорошо меня знаешь, ты знаешь, что мне требуется, без всяких инструкций.

Наварх заморгал:

— Это не приходило мне в голову,

— Тогда, старина Наварх, ты невнимателен.

— Это я уже слышал сотни раз.

— Но теперь ты знаешь, чего я жду, и, надеюсь, исправишь ошибки.

Экран погас. Наварх в ярости и отчаянии метался по Большой Флотской улице, идущей от площади Красоток к Святилищу Голени и запруженной толпами пилигримов. Он почувствовал себя бесконечно чужим и одиноким в гуще людей, охваченных мистической экзальтацией, и поспешил укрыться в чайном домике. Несколько чашек терпкого напитка помогли ему овладеть собой.

«Чего же, — терялся в догадках Наварх, — ожидал Виоль Фалюш? Он питает романтический интерес к девочке. Наверно, хочет получить ее покорной, восторженной, готовой ко всему». Поэт не мог сдержать мрачного стога, привлечшего к нему удивленные взгляды других посетителей чайного домика, среди которых большинство составляли пилигримы.

«Виоль Фалюш хотел, чтобы девочке внушили: ее ожидает великая честь. Он мечтал получить ее заранее влюбленной...» Паломники глядели на странного человека с возрастающим подозрением. Наварх вскочил и выбежал из чайного домика. Причин оставаться в Эдмонтоне больше не было.

Пару раз в разговоре с девушкой он упомянул о Виоле Фалюше в печальном тоне, ибо уверовал, что она обречена. После одного такого разговора девушка сбежала; к

счастью, как раз перед очередным визитом Виоля Фалюша на Землю. Тот вновь потребовал показать девушку, и Наварху пришлось сказать всю правду. Неизменно мягкий голос вкрадчиво произнес:

— Лучше, чтобы она нашлась, Наварх.

Но Наварх не пытался искать беглянку, пока не убедился, что Виоль Фалюш отбыл с Земли.

Здесь Джерсен прервал его вопросом:

— Откуда вы это знали?

Наварх попробовал увильнуть, но в конце концов признался, что мог связаться с Виолем Фалюшем во время его визитов на Землю по специальному номеру.

— Значит, можете и сейчас?

— Да, да, конечно, — выдавил из себя Наварх, — если бы хотел, но я не хочу.

Он продолжал рассказ, но теперь уже держался осторожнее, сопровождал слова множеством округлых жестов и старался не встречаться глазами с Джерсеном.

Из уклончивых слов Джерсен понял, что Наварх надеялся использовать его как орудие против Виоля Фалюша, детали своего плана Наварх так и не раскрыл. С огромными предосторожностями, всегда оставляя путь к отступлению, поэт пытался расставить ловушки Фалюшу. Однако случившееся опрокинуло все планы.

— А теперь, — бормотал Наварх, тыча костлявым пальцем в макет «Космополиса», — еще и это!

— Вы полагаете, что статья заденет Виоля Фалюша?

— Разумеется! Он не умеет прощать — это основное качество его души.

— Давайте обсудим статью с самим Фалюшем.

— И что нам это даст? Мы только ускорим расправу.

Джерсен понимающе покачал головой:

— Ну, тогда лучше опубликовать статью в теперешнем виде.

— Нет, нет! — взорвался Наварх. — Разве я не объяснил все? Он отомстит беспощадно и очень изобретательно! Статья приведет его в безумную ярость: Фалюш ненавидит свое детство, он приезжает в Амбуле только для расправы со своими старыми врагами. Знаете, что случилось с Рудольфом Радго, который смеялся над прыщами Фогеля Фильшнера? Его лицо теперь усеяно фурункулами благодаря саркойскому яду. Была такая

Мария, которая пересела от Фогеля за другую парту, потому что тот постоянно шмыгал носом. Ныне у несчастной нет и следа носа. Дважды ей делали пластическую операцию, и дважды она теряла новый нос. Похоже, она останется без носа на всю жизнь. Не следует раздражать Виоля Фалюша. — Наварх скосил глаза на Джерсена. — Что это вы пишете?

— Новый материал очень интересен. Я вставлю его в статью.

Поэт всплеснул руками так бурно, что его стул чуть не опрокинулся.

— У вас нет ни капли благоразумия!

— Возможно, если мы обсудим статью с Виолем Фалюшем, он разрешит публикацию.

— Вы безумнее меня.

— Мы можем попытаться.

— Очень хорошо, — прокаркал Наварх. — У меня нет выбора. Но, предупреждаю, я отрекусь от статьи.

— Как хотите. Мы позвоним отсюда или с брандвахты?

— С брандвахты.

Обиталище Наварха колыхалось на волнах, тихое и безлюдное.

— Где девушка? — спросил Джерсен. — Зан Зу, Друзилла, или как ее там?

— Задавать такие вопросы, — хмыкнул поэт, — все равно что спрашивать, какого цвета ветер.

Он пробежал по трапу, прыгнул на борт и отчаянным, трагическим жестом широко распахнул дверь. Наварх бросился к видеофону, нажал кнопки и пробормотал ключевое слово. Экран ожил — на нем появился одинокий цветок лаванды. Наварх обернулся к Джерсену:

— Он на Земле. Когда Фалюш улетает, лепестки цветка голубеют.

Послышались такты нежной мелодии, и через секунду-другую зазвучал голос:

— О, Наварх, мой старый компаньон. С другом?

— Да, срочное дело. Это — мистер Генри Лукас, представляющий журнал «Космополис».

— Журнал с традициями! Не встречались ли мы раньше? Что-то в вас есть знакомое...

— Я недавно с Саркоя, — сказал Джерсен. — Ваше имя там до сих пор на слуху.

— Отвратительная планета — Саркой. Однако не лишена зловещей красоты.

Наварх вмешался в беседу:

— У меня с мистером Лукасом вышел спор, и я хочу решительно отмежеваться от его дел.

— Мой дорогой Наварх, вы тревожите меня. Мистер Лукас наверняка человек воспитанный.

— Вы увидите.

— Как уже сказал Наварх, я работаю на «Космополис», — продолжал Джерсен. — Фактически я из числа управляющих. Один наш сотрудник подготовил сенсационную статью. Я заподозрил автора в преувеличениях и решил проконсультироваться с Навархом, который усугубил сомнения. Такое ощущение, что автор статьи столкнулся с Навархом, когда тот был в несколько возбужденном состоянии, и на основании случайных высказываний сделал ложные выводы.

— Ах да, статья! Она у вас?

Джерсен показал макет.

— Вот она. Я настаивал на проверке фактов, ведь Наварх утверждает, что автор чересчур свободно интерпретировал полученные сведения. Он полагает, что будет честнее, если вы ознакомитесь со статьей до публикации.

— Звучит благородно, Наварх! Ну что ж, позвольте мне исследовать эту тревожащую вас помеху. Поверьте, я не буду слишком суров.

Джерсен поднес журнал к передаточному устройству. Виоль Фалюш читал. Время от времени он шипел что-то сквозь зубы, издавал невнятные возгласы.

— Переверните страницу, пожалуйста. — Его голос звучал вежливо и мягко. — Спасибо. Я закончил. — Последовало минутное молчание, затем голос снова полился из динамика — изысканно любезный, с чуть заметной ноткой угрозы: — Наварх, вы были чересчур беззаботны, даже для Безумного Поэта.

— Ба! — пробормотал Наварх. — Разве я не открестился сразу от этой затеи?

— Не совсем. Я отметил манеру изложения, великолепный стиль, характерный лишь для поэта. Вы лукавите.

Наварх набрался храбрости и заявил:

— Правда служит, так сказать, отражением жизни. Она всегда прекрасна.

— Лишь в глазах наблюдающего,— возразил Виоль Фалюш.— Я не нашел никакой красоты в этой омерзительной статье. Мистер Лукас был совершенно прав, что побеспокоился узнать мою реакцию. Статья не должна публиковаться.

Однако Наварх, опьяненный собственным безрассудством, начал препираться:

— Что за толк в известности, если твои друзья не могут извлечь из нее выгоду?

— Эксплуатация известности и убаживание друзей не входят в мои планы,— заметил мягкий голос.— Можете ли вы вообразить мое расстройство, если эта статья выйдет? Она спровоцирует меня на ужасные поступки. Придется требовать удовлетворения у всех замешанных в деле, что будет лишь справедливо. Вы оскорбили мои чувства и должны загладить вину. В вопросах чести я крайне щепетилен и воздаю сторицей за оскорбление.

— Правда отражает Вселенную,— продолжал спорить Безумный Поэт.— Скрывая правду, вы разрушаете Вселенную.

— Но в статье нет и слова правды. Это частная точка зрения, образ или два, выхваченные из контекста. Как человек, владеющий всей полнотой фактов, я заявляю, что допущено искажение действительности.

— Позвольте мне сделать предложение,— вмешался Джерсен.— Почему бы вам не позволить «Космополису» представить реальные факты, так сказать, факты с вашей точки зрения. Нет сомнений, вам есть что поведать обитателям Ойкумены, как бы они ни оценивали ваши деяния.

— Не думаю,— протянул Виоль Фалюш.— Это походило бы на саморекламу или, что еще хуже, на довольно безвкусную апологию. Я скромный человек.

— Но ведь вы художник?

— Разумеется. Правдивого и благородного масштаба. До меня люди искусства выражали плоды своих исканий

с помощью абстрактных символов. Зрители или слушатели, как правило, не принимали участия в создании произведений. Я же использую иную символику, изысканно абстрактную, но осязаемую, видимую и слышимую, — символику событий и окружения. Нет зрителей, нет аудитории, нет пассивного созерцания — только участники, которые испытывают разнообразные ощущения во всей их остроте. Никто прежде не замахивался на разрешение подобной задачи. — Здесь Виоль Фалюш издал какой-то странный, затянувшийся смешок. — За исключением, возможно, моего современника, мегаломаньяка Ленса Ларка, придерживающегося, однако, более жесткой концепции. Тем не менее, готов заявить: я, возможно, величайший художник в истории. Мой объект — Жизнь, мой медиум — Опыт, мои инструменты — Удовольствие, Страсть, Ненависть, Боль. Я созидаю окружение, необходимое для слияния всех этих чувств в единое целое. Речь идет, разумеется, о моем творении, обычно именуемом Дворцом Любви.

Джерсен энергично кивнул:

— Народы Ойкумены горят желанием узнать о нем. Чем публиковать вульгарную стряпню вроде этой, — Джерсен небрежно кивнул на макет «Космополиса», — журнал предпочел бы обнародовать ваши тезисы. Нас интересуют фотографии, карты, образцы запахов, записи звуков, портреты, а больше всего — ваша экспертная оценка.

— Звучит заманчиво.

— Тогда давайте назначим встречу. Назовите время и место.

— Место? Дворец Любви, разумеется. Каждый год я приглашаю группу гостей. Вы будете включены в число приглашенных, и старый безумец Наварх тоже.

— Только не я! — запротестовал Наварх. — Мои ноги никогда не теряли контакта с Землей, я не рискну замутить ясность своего зрения.

Джерсен также не выказал восторга:

— Приглашение, хоть и оценено нами по достоинству, не совсем удобно. Я тоже предпочел бы встретиться с вами сегодня вечером, здесь, на Земле.

— Невозможно. На Земле у меня есть враги, на Земле я всего лишь тень. Ни один человек здесь не может

указать на меня пальцем и объявить: «Вот он, Виоль Фалюш». Даже мой дорогой друг Наварх, от коего я приобрел столько познаний. Чудесный праздник был, Наварх! Великолепный, достойный Безумного Поэта! Но я разочарован в девушке, отданной вам на воспитание, и я разочарован в вас. Вы не проявили ни такта, ни воображения, на которые я рассчитывал. Я ожидал увидеть новую Игрель Тинси, радостную и капризную, сладкую, как мед, беззаботную, как жаворонок, с живым умом и все же невинную. А что я нашел? Унылую замарашку, абсолютно безответственную и безвкусную. Вообразите: она предпочла мне Яна Келли, пустого, нестоящего человечка, к счастью, уже покойного. Я возмущен. Девушка явно плохо воспитана. Я полагаю, она знает обо мне и о моем интересе к ней?

— Да,— вяло сказал Наварх.— Я произносил при ней ваше имя.

— Ну, я не удовлетворен и посылаю ее в другое место для обучения менее одаренным, но более дисциплинированным наставником. Думаю, она присоединится к нам во Дворце Любви. А, Наварх, вы хотите что-то сказать?

— Да,— подтвердил Наварх скучным голосом.— Я решил принять ваше приглашение. Я посету Дворец Любви.

— С вами, художниками, все ясно,— заявил Джерсен поспешно,— но я-то занятой человек. Возможно, небольшой разговор или два здесь, на Земле...

— Я уже покидаю Землю,— заметил Виоль Фалюш своим мягким голосом.— Я болтался здесь, на орбите, в ожидании известия, что мои планы относительно юной шалуньи приведены в исполнение... Так что вы должны посетить Дворец Любви.

Цветок вспыхнул зеленой, поблек и окрасился нежной голубизной. Связь прервалась.

Наварх долгие две минуты сидел неподвижно в своем кресле — голова опущена, подбородок упирается в грудь. Джерсен уставился невидящим взглядом в окно, свыкаясь с внезапным ощущением утраты и пустоты... Наконец поэт вскочил на ноги и пошел на переднюю палубу. Джерсен последовал за ним. Солнце опускалось в воду,

черепичные крыши Дюрре горели бронзовым отсветом, черные конструкции доков застыли под странными углами — все источало почти нереальную меланхолию.

— Вы знаете, как добраться до Дворца Любви? — спросил Джерсен.

— Нет. Он сам нам скажет. Его память похожа на картотеку — от нее не ускользает ни одна деталь. — Наварх безнадежно махнул рукой, зашел в каюту и вернулся с высокой, тонкой темно-зеленой бутылкой и двумя бокалами. Он отбил горлышко и наполнил бокалы. — Пейте, Генри Лукас, или как вас там? Внутри этой бутылки вся мудрость столетий, золотой век Земли. Нигде больше не родит такая лоза, лишь на старой Земле. Безумная старая Земля, безумный старый Наварх — чем старше они, тем ближе к совершенству. Хлебните этого превосходного эликсира, Генри Лукас, и считайте, что вам повезло: его вкушают только безумные поэты, трагические Пьеро, черные ангелы, герои на пороге смерти...

— А меня можно причислить к этому ряду? — прошептал Джерсен — больше себе, чем Наварху.

Повинуясь привычке, Наварх поднял бокал и стал разглядывать вино на просвет. Угасающие дымно-оранжевые лучи зажгли влагу в стекле. Поэт отхлебнул добрую половину содержимого и усталился на воду.

— Я покидаю Землю. Сухой листок, гонимый ветрами. Смотрите! Смотрите! — В неожиданном возбуждении он указал на печальную закатную дорожку, бегущую поперек устья реки. — Вот наш путь. Нам нужно идти!

Джерсен потягивал вино, которое, казалось, впитало в себя солнечный свет.

— Как по-вашему, зачем он забрал девушку?

Наварх скривил губы:

— Ясно зачем. Он будет терзать ее, шипя, как змея. Она — Игрель Тинси, и она вновь отвергла его... Так что Фалюш опять вернет ее в младенчество.

— Вы уверены, что она — Игрель Тинси? А не просто очень на нее похожа?

— Она — Игрель Тинси. Конечно, разница есть, огромная разница. Игрель была кокетлива и бессознательно жестока. Эта — серьезна, терпима и чужда жестокости... Но она — Игрель Тинси.

Они сидели, поглощенные своими мыслями. Сумерки опустились на воду, на дальнем берегу зажглись огоньки. Посыльный в униформе вылез из аэрокара и подошел к трапу.

— Послание для поэта Наварха.

Наварх перегнулся через перила:

— Это я.

— Отпечаток большого пальца сюда, пожалуйста.

Наварх возвратился с длинным голубым конвертом. Медленно вскрыв его, он вытащил листок с изображением цветка лаванды, вроде заставки на экране видеофона. Послание гласило:

Следуйте за Скопление Сирнеста в секторе Аквариума. В глубине Скопления находится желтое солнце Миель. На пятой планете, Согдиане, на юге континента, по форме напоминающего песочные часы, находится город Атар. В месячный срок явитесь в агентство Рабдана Ульшазиса и скажите: «Я гость Маркграфа».

ГЛАВА 10

Хашнери. Так это неправда, что Конгрегация первоначально была тайным обществом наемных убийц?

Иешво. Такая же правда, как то, что Лига Планового Прогресса задумана как тайное общество безответственных бунтовщиков, предателей, ипохондриков, склонных к самоубийству.

Х. Это не ответ.

И. Вы оперируете сомнительной терминологией, вуалирующей истину.

Х. А в чем, по-вашему, состоит истина?

И. Приблизительно пятнадцать столетий назад стало очевидным, что существующая система законов и защиты общественной безопасности не может уберечь человеческую расу от четырех серьезных опасностей. Первое — повсеместное и неконтролируемое проникновение в общественные системы водоснабжения наркотиков, стимуляторов, красителей и бактерицидных препаратов. Второе — развитие генетических дисциплин, позволяющее и поощряющее различные организации к изменению основных генетических характеристик человека согласно современным биологической и политической теориям. Третье — психологический контроль над средствами массовой информации. Четвертое — внедрение технологий во имя прогресса и социального благополучия, сводящее на нет такие качества, как предприимчивость, воображение, творческий потенциал.

Я уже не говорю об умственном оскудении, безответственности, мазохизме, попытках нервноически настроенных субъектов укрыться в психологически безопасных местах — это сопутствующие явления.

Если уподобить человечество организму, пораженному раком, Конгрегация исполняет роль профилактической сыворотки.

Из телевизионной дискуссии, состоявшейся в Авенте, на Альфаноре, 10 июля 1521 г., между Гоуманом Хашиери, советником Лиги Планового Прогресса, и Слизором Иешно, Братом Конгрегации девяносто восьмой ступени.

С покорностью фаталиста Наварх взошел на борт джерсеновского «Фараона». Оглядывая каюту, он трагически провозгласил:

— Вот это и случилось! Бедный старый Наварх оторван от источника своей силы! Поглядите на него: просто мешок с костями. О Наварх! Ты связался с жуликами, преступниками и журналистами. Ты достоин того, чтобы тебя выбросили за борт!

— Придите в себя, — сказал Джерсен, — все не так уж плохо.

Когда «Фараон» оторвался от Земли, Наварх издал приглушенный стон, словно ему под ноготь загнали шип.

— Поглядите в иллюминатор, — предложил Джерсен, — поглядите на старую Землю! Такой вы ее никогда не видели.

Наварх оглядел бело-голубой шар и неохотно согласился, что вид не лишен очарования.

— Теперь оставим Землю, — проговорил Джерсен, — и направимся в сектор Аквариума. Включим двигатели и окажемся в иной части Вселенной.

Наварх задумчиво поскреб длинный подбородок.

— Странно, — заметил он, — странно, что эта скорлупка может унести нас в такую даль столь быстро. Непостижимо. Так и тянет обратиться к теософии и объяснить все вмешательством бога пространства или бога света.

— Теория раскрывает эту тайну, хоть и приводит нас к новым загадкам. Очень возможно, что число загадок бесконечно: за каждой раскрытой следует еще одна. Пространство — это пена из частиц вещества, которые способны конденсироваться. Пена завихряется с различной скоростью, средняя активность этих завихрений — время.

Наварх с любопытством прошелся по кораблю.

— Все это очень интересно. Будь я поприлежнее в молодости, стал бы великим ученым.

Путешествие продолжалось. Наварх оказался довольно утомительным компаньоном. Возбуждение чередовалось у него с подавленностью. То он валялся на койке с босыми ногами, укрывшись с головой, то часами любовался на пролетающие мимо звезды, потом засыпал Джерсена вопросами о принципе действия привода Джарнелла.

— Пространственная пена закручивается в спирали, — объяснял Кирт, — ее можно завихрить вокруг корабля, так как она не обладает инерцией. Корабль внутри такого завихрения не подвержен воздействию физических законов Вселенной, и даже небольшая мощность обеспечивает огромную скорость. Свет также завивается в спирали, и у нас создается впечатление быстрого передвижения по Вселенной.

— Гм, — задумался Наварх, — а какого размера могут быть эти приводы?

— Довольно компактные, я полагаю.

— Подумать только! Жаль, что их нельзя надевать на спину и передвигаться таким образом.

— И каждый раз выныривать через миллионы миль, чтобы глотнуть воздуха?

Наварх сетовал на свое невежество:

— Знай я все это раньше, сам бы сконструировал полезную и удобную машину.

— Но привод Джарнелла изобретен уже давно.

— Не для меня! — возразил Наварх.

«Фараон» летел к самым дальним звездам Аквариума. Край Света, невидимый условный барьер между порядком и хаосом, остался за спиной. Впереди сияло Скопление Сирнеста, подобное рою золотистых пчел, — двести звезд, вокруг которых обращались планеты разного вида и размера. Джерсен с некоторым трудом нашел Миель, и вскоре пятая планета, Согдиана, повисла под ними, похожая на Землю, с нормальной атмосферой, как у большей части обитаемых планет. Климат, видимо, был умеренным, полярные шапки не достигали большого размера, в экваториальной зоне располагались пустыни и джунгли. Континент, формой напоминаю-

ший песочные часы, сразу бросался в глаза, а телескоп помог установить местонахождение Атара.

Джерсен запросил разрешение на посадку, но ответа не получил, из чего сделал вывод, что подобные формальности здесь неведомы.

Атар представлял собой горстку белых и розовых домиков на берегу океанского залива. Космопорт работал по стандартам всех населенных миров: как только Джерсен посадил корабль, явились двое служащих, взяли с него пошлину и удалились. Здесь не было представителей Неласковского Корпуса, а значит, этот мир не служил прибежищем пиратов, налетчиков и работоторговцев.

Общественного транспорта Атар не знал, и путникам пришлось прошагать с полмили до города. Аборигены, темнокожие, с медно-рыжими волосами, в белых штанах и причудливых белых тюрбанах, глазели на пришельцев с нескрываемым любопытством. Они говорили на непонятном языке, но Джерсен, беспрестанно повторяя: «Рабдан Ульшазис? Рабдан Ульшазис?», наконец выяснил, где искать связного.

Рабдан Ульшазис, светловолосый, темнокожий человек, одетый, как и остальные туземцы, возглавлял агентство по импорту – экспорту на берегу океана. Предложив гостям по чашке пунша, он осведомился о цели их визита.

– Мы гости Маркграфа, – пояснил Джерсен, – нам велели обратиться к вам.

– Конечно, конечно, – поклонился Рабдан Ульшазис. – Вы будете доставлены на планету, где Маркграф владеет небольшим поместьем. – Еще один поклон. – Прошу прощения, я отлучусь на секундочку – проинструктирую особу, которая будет сопровождать вас. – Сoggiанин исчез за портьерами и вернулся в сопровождении человека сурового вида, с близко посаженными глазами, который курил, нервно выпуская клубы ядовитого дыма – табак туземцам заменял порошок из сушеного белого корня какого-то местного растения.

– Это Зог, он проводит вас на Росью.

Зог мигнул, закашлялся и сплюнул на пол.

— Он говорит лишь на языке Атара,— продолжал Рабдан Ульшазис,— поэтому объясняться с ним вы не сможете. Вы готовы?

— Мне нужно оборудование с моего корабля,— сказал Джерсен,— а сам корабль — он будет в безопасности?

— В полной безопасности. Я позабочусь об этом. Если по возвращении будут претензии, отыщите Рабдана Ульшазиса — заплачу за все. Но зачем вам вещи с корабля? Маркграф предоставит все, даже новую одежду.

— Мне нужна моя камера,— объявил Джерсен,— я собирался фотографировать.

Туземец замахал рукой:

— Маркграф предоставит вам любое оборудование такого рода, самые современные модели. Он желает, чтобы гости не обременяли себя собственностью, хоть ему и все равно, какой у них психический багаж.

— Иными словами,— нахмурился Джерсен,— мы не должны брать с собой никакого имущества?

— Вовсе нет. Просто Маркграф предоставит все. Его гостеприимство не знает границ. Вы сели на борт корабля, закрыли шлюзы и набрали код? Очень хорошо, с этой минуты вы гости Маркграфа. Если вы в компании Фенди Зога...

Он помахал Зогу рукой, тот наклонил голову, и Наварх с Джерсеном последовали за ним на задний двор. Здесь стоял аэрокар незнакомой Джерсену конструкции. Похоже, и Зог имел о ней поверхностное представление: потыкав наугад в кнопки контрольной панели, подергав рычаги и опробовав сенсорные устройства, управляемые голосом, он устал от неопределенности и резко переключил рычаги на ручной режим. Аэрокар подпрыгнул, чуть не задел за верхушки деревьев и помчался вверх, унося Джерсена, Зога, скорчившегося над контрольной панелью, и вопящего от ужаса Наварха.

Наконец Зог овладел управлением. Аэрокар пролетел на юг двадцать миль над сельскохозяйственными угодьями, окружающими Атар, и достиг посадочного поля, где стоял корабль модели «Андромеда». Снова в поведении Зога появились некоторые признаки неуверенности. Аэрокар взвыл, подпрыгнул, дернулся и в конце концов застыл. Наварх и Джерсен поспешно вылезли и, повинаясь жесту Зога, поднялись на борт «Андромеды». Дверь

за ними закрылась. Хотя обширная панель, как обычно, отделяла салон от рулевой рубки, они видели, что Зог усаживается за контрольный пульт. Наварх протестуяще завопил, Зог повернулся к ним, желтые зубы обнажились в гримасе, которая могла быть ободряющей улыбкой, и задвинул панель. Магнитный замок щелкнул. Наварх в отчаянии откинулся в кресле.

— Жизнь особенно дорога, когда ей что-то угрожает. Что за мерзкий трюк сыграл Фогель со старым наставником?

Джерсен указал на перегородку, отделяющую их от рубки:

— Он хочет сохранить свою тайну.

Наварх удрученно покачал головой:

— Что толку в знании для ума, скованного страхом?.. Чего мы ждем? Он что, штудировал справочник пилота?

«Андромеда» дрогнула и рванулась вверх с пугающей скоростью, едва не бросив Джерсена и Наварха на пол. Кирт только усмехался, слыша протестующее ворчание поэта. Солнце Миель, просвечивающее сквозь перегородку, металось из стороны в сторону, пока не скрылось из виду. Прочь из Скопления летела «Андромеда», и казалось, что Зог несколько раз поменял курс, то ли по небрежности или неопытности, то ли желая окончательно запутать пассажиров.

Прошло два часа. За перегородкой засветилось беложелтое солнце. Рядом с ним плыла планета, чьи очертания было трудно различить. В нетерпеливом возбуждении Наварх подскочил к перегородке и попытался отодвинуть ее. Между пальцами поэта проскочил сноп голубых искр, и он отпрянул.

— Это издевательство! — вопил Наварх.

Из невидимого передатчика раздался записанный на пленку голос:

— Воспитанные гости из уважения к хозяину выполняют правила вежливости. Нет нужды излагать эти правила: тактичные особы догадаются без подсказки, а невнимательным или забывчивым о них напомнят без слов.

Наварх поперхнулся от возмущения:

— Вот зараза! Какой вред в том, что мы поглядим в иллюминатор?

— Очевидно, Маркграф предпочитает не раскрывать местоположение своей штаб-квартиры, — ответил Джерсен.

— Чушь! Что помешает нам рыскать по всему Скоплению, пока мы не найдем Дворец Любви?

— В Скоплении сотни планет, — напомнил Джерсен. — Существуют и другие трудности.

— Он не должен был бояться меня, — фыркнул Наварх.

«Андромеда» опустилась на поле, обсаженное синезелеными камедными деревьями, явно земного происхождения. Зог немедленно разблокировал иллюминаторы, чем изрядно озадачил Джерсена. Однако, помня о невидимых микрофонах, Кирт не стал делиться соображениями с Навархом.

Поле купалось в утреннем сиянии бело-желтого солнца, очень напоминающего Миель цветом и интенсивностью свечения. Воздух был напоен ароматом камедных деревьев и местной растительности — кустов с блестящими черными ветками, красными диковинными листьями и голубыми иглами, увенчанными синими гроздьями подушечек хлопковых нитей, укрывающих помидорно-красные ягоды. Взгляд Джерсена отметил заросли земного бамбука и кусты ежевики.

— Забавно, забавно, — бормотал Наварх, оглядываясь, — странно обнаружить себя в этих дальних мирах.

— Здесь как на Земле, — заметил Джерсен, — но в других местах может преобладать местная растительность. Тогда будет по-настоящему забавно.

— Нет размаха — даже для разумного поэта, — проворчал Наварх, — но я должен отбросить свою личность, свое жалкое маленькое «я». Меня сдернули с Земли, и эти кости, без сомнения, сгниют в чуждой почве. — Он подобрал комочек глины, растер его в пальцах и отбросил. — Похоже на почву и на ошупь почва, но это — звездная пыль. Мы так далеко от Земли... Что?.. И нас тут похоронят без креста и без бутылки?! — вскричал он, увидев, что Зог вернулся на «Андромеду» и задраивает люк.

Джерсен схватил поэта за руку и потащил через поле.

— У Зога необузданный темперамент. Он может сразу включить привод Джарнелла и увлечь за собой

заросли, траву и двух пассажиров, если мы окажемся поблизости. То-то будет забавно!

Но Зог воспользовался ионным двигателем. Джерсен и Наварх следили, как корабль тает в синем небе.

— Вот мы и в Скоплении Сирнеста, — вздохнул Наварх. — Либо Дворец Любви где-то поблизости, либо это еще одна из зловещих шуток Виоля Фалюша.

Джерсен подошел к краю поля.

— Шутка или нет, но здесь есть дорога, и она должна нас куда-то привести.

Они зашагали по дороге между высокими черными стволами. Алые листья-диски шелестели и шептались под ветром. Дорога огибала глыбу черного камня, в который было высечено грубое подобие ступенек. Забравшись на нее, Джерсен окинул взглядом долину и увидел на расстоянии мили маленький город.

— Это и есть Дворец Любви? — удивился Наварх. — Совсем не то, что я ожидал, — слишком чистый, слишком аккуратный. И что это за круглые башни?

Башни, которые заметил Наварх, поднимались на равном расстоянии друг от друга по всему городу. Джерсен предположил, что в них помещались конторы или какие-то службы.

Едва начав спускаться с холма, путники остановились: на них стремительно неслась дязгающая платформа на воздушной подушке. Суровая, изможденная особа в черно-коричневой униформе, которая совершенно скрадывала черты слабого пола, остановила машину и окинула путников скептическим взглядом.

— Вы гости Маркграфа? Тогда садитесь.

Наварха обидел суровый тон:

— Вы, видимо, должны были встретить корабль? Это безобразие — нам пришлось идти пешком.

Женщина одарила его насмешливой улыбкой.

— Залезайте, если не хотите тащиться пешком и дальше.

Джерсен и Наварх взобрались на платформу. Поэт кипел от злости, а Джерсен спросил женщину:

— Что это за город?

— Город Десять.

— А как вы зовете планету?

— Я зову ее Мир дураков. Остальные могут называть ее, как им заблагорассудится.

Ее рот захлопнулся, как капкан. Суровая особа развернула громыхающую машину и погнала ее назад, в город. Джерсен и Наварх вцепились в борта, опасаясь рассыпаться на мелкие кусочки. Поэт пытался отдавать приказания и инструкции, но женщина лишь набавляла ход, пока они не оказались на извилистой, затененной деревьями улочке. Здесь ее манера езды стала чрезвычайно осторожной. Джерсен и Наварх с любопытством разглядывали обитателей города. Их поразило полное отсутствие волос на головах мужчин, включая даже брови. Женщины, напротив, носили вычурные прически, украшенные цветами. Одежду аборигенов отличала экстравагантность покроя и расцветки, а их манеры — нелепая смесь нахальства и осторожности. Люди возбужденно переговаривались тихими голосами, громко посмеиваясь, пугливо озирались и снова продолжали путь.

Машина миновала двадцатипятиэтажную башню, одну из тех, что заметил Наварх. Каждый этаж состоял из шести клинообразных блоков.

Наварх обратился к женщине:

- Каково назначение этих гордых башен?
- Там собирают плату.
- Ага, Генри Лукас, вы были правы: это административные здания.

Женщина смерила Наварха насмешливым взглядом:

- О да!

Однако поэт больше не обращал на нее внимания. Он указал на одно из многочисленных открытых кафе, за столиками которых сидели только мужчины:

- У этих жуликов полно свободного времени. Глядите, как они прохлаждаются. Виоль Фалюш более чем мягок к этим типам.

Машина, сделав полуоборот, остановилась перед длинным двухэтажным зданием. На веранде сидело множество мужчин и женщин, судя по костюмам — иномирян.

- Слезайте, волосатики! — рывкнула женщина-водитель. — Вот гостиница. Я выполнила свою задачу.

- Некомпетентна и груба, — провозгласил Наварх, поднимаясь и готовясь прыгнуть. — Ваша собственная

голова, кстати, не станет глядеться хуже, если вы добавите кое-какие детали. Густую бороду, например.

Женщина нажала кнопку, и сиденья в машине опустились. Пассажиры были принуждены спрыгнуть на землю. Наварх послал вдогонку женщине оскорбительный жест.

Тем временем подошел служитель отеля.

— Вы гости Маркграфа?

— Именно, — напыжился Наварх, — нас пригласили во Дворец.

— На время ожидания вас разместят в гостинице.

— Ожидания? И сколько оно продлится? — возмутился Наварх. — Я полагал, что нас доставят непосредственно во Дворец.

Служитель поклонился.

— Гости Маркграфа собираются здесь, а затем их доставляют всех вместе. Я предполагаю, что еще должны прибыть пять или шесть человек. Могу ли я показать ваши комнаты?

Гостей провели в небольшие клетушки, в каждой из которых стояла низкая узкая койка, платяной шкаф. Вентиляционным отверстием в туалете служила решетка на его двери. Сквозь тонкую перегородку Джерсен отчетливо слышал, как спутник напевает в соседнем номере, и улыбнулся сам себе. Очевидно, Виоль Фалюш неспроста помещает гостей в такие спартанские условия.

Джерсен вымылся, переоделся в свежее платье земного фасона из светлого шелка и вышел на веранду. Наварх опередил его и уже пытался завести знакомство с гостями. Их было восемь — четверо мужчин и четыре женщины. Кирт занял кресло в сторонке и стал рассматривать группу. Рядом сидел надутый джентльмен в черной бабочке; его кожу покрывал слой краски, модной на побережье Механиков на Лайонессе, одной из планет Скопления Ригеля. Он занимался, как выяснил Джерсен, производством оборудования для ванн и комнат и представился как Хиген Грот. Спутница Грота, Дорани, скорее подруга, чем жена, была холодной блондинкой с широко распахнутыми глазами и ультрамодным бронзовым загаром.

Две другие женщины — студентки, изучающие социологию в Университете Приморской Провинции около Авенты, по имени Тралла Каллоб и Морнисса Вилл, — казались растерянными, даже встревоженными. Они жались друг к другу, прочно упирая ступни в пол и стискивая колени. Тралла Каллоб выглядела вполне привлекательной, хотя не обращала на это внимания и не делала усилий, чтобы понравиться. Морнисса Вилл страдала некоторой несоразмерностью черт лица, а также упорным убеждением, что все мужчины вокруг покушаются на ее невинность.

Куда спокойнее держалась Маргарита Ливер, женщина средних лет с Земли, которая выиграла первый приз в телевизионной викторине «Сердечное желание». Она выбрала посещение Дворца Любви. Виоля Фалюша это позабавило, и он согласился принять гостью.

Музыкант Торрас да Нозза, элегантный, легкомысленный и болезненно-тщеславный, собирался писать оперу «Дворец Любви». Беззаботное порхание его мысли исключало любую серьезную беседу.

Леранд Уибл недавно сконструировал яхту с осмиевым килем и парусами из легчайшей металлизированной пены, не требующими мачт. Киль и паруса располагались на противоположных точках диаметра металлического скользящего обруча, покрытого водоотталкивающим веществом, что уменьшало трение и придавало всей конструкции уникальные гидродинамические свойства. Уибл мечтал заинтересовать Виоля Фалюша своим новым замыслом — проектом плавающего морского дворца кольцевидной формы.

На лице Skeбу Диффани, угрюмого человека с густой черной шевелюрой и короткой бородкой, застыло недоверие к остальным. Он был уроженцем Квантики, наемным рабочим, что объясняло его неважные манеры. Джерсен приписал присутствие Диффани в группе капризу Виоля Фалюша.

Маргарита Ливер прибыла первой, пять долгих местных дней назад. Затем приехали Тралла и Морнисса, за ними — Skeбу Диффани, Леранд Уибл и Торрас да Нозза, а последним — Хиген Грот с Дорани.

Наварх замучил всех вопросами и тем, что метался по веранде, взбудораженный ожиданием. Никто из присут-

ствующих не знал, где находится Дворец Любви и когда они туда отправятся, но это никого не беспокоило: невзирая на тесноту, отель был довольно комфортабелен, к тому же вокруг лежал город, поразительный, таинственный, живущий по законам, которые одни находили забавными, а остальные — страшноватыми.

Гонг пригласил гостей к обеду. Его сервировали на заднем дворе под деревьями с черной, зеленой и алой листвой. Кухня оказалась довольно простой: макароны, жареная рыба, фрукты, холодный бледно-зеленый напиток и печенье. Во время трапезы прибыли новые гости и немедленно явились к столу. Это были друиды с Ваала, седьмой планеты Девы-912, похоже, две семьи. Все они носили черные балахоны с капюшонами и черные сандалии с высокой шнуровкой. Долговязые, мрачного вида мужчины, Дакав и Прютт, держались чопорно, как и женская половина — худая, жилистая Васт со впалыми щеками и высокомерная Лейдиг. Хал, юноша шестнадцати-семнадцати лет, удивительно красивый, с желтоватой чистой кожей и ясными темными глазами, мало говорил и совсем не улыбался, беспокойно поглядывая по сторонам. Его ровесница Биллика, бледная, с испуганными глазами, тоже дичилась.

Друиды сели рядышком и торопливо ели, натянув на головы капюшоны и только изредка перебрасываясь парой слов. После обеда, когда гости собрались на веранде, друиды дружелюбно представились и заняли свои места среди остальных.

Наварх попробовал вызвать их на откровенность, но скрытность друидов превзошла его любопытство. Между остальными завязался разговор, который, как и следовало ожидать, вращался вокруг города, который называли либо городом Десять, либо Кулихой. Всех заинтриговали башни. Каково их назначение? Находятся ли там офисы, как предположила Дорани, или же это чьи-то резиденции? Наварх передал слова дракона в униформе о том, что башни служат для сбора налогов, но остальные отвергли эту идею. Диффани шокировал собеседников предположением, что башни — публичные дома:

— Заметьте, каждое утро туда прибывают девушки и молодые женщины, а гораздо позже — мужчины.

Торрас да Нозза возразил:

— Это очень интересная гипотеза, но женщины выходят потом оттуда в любое время и ведут обычную жизнь.

Хиген Грот обратился к Наварху:

— Есть очень простой способ разрешить этот вопрос. Предлагаю делегировать одного из нас для исследования на месте.

Лейдиг и Васт фыркнули и еще ниже натянули капюшоны на лица, а юная Биллика нервно облизнула губы. Дакав и Прютт смущенно отводили глаза. Джерсен гадал, почему друиды, известные пуритане, предприняли путешествие во Дворец Любви, где их нравственность, несомненно, будет оскорблена. Еще одна тайна...

Несколько минут спустя Джерсен и Наварх отправились бродить по городу, заглядывая в лавки и мастерские, осматривали жилые дома с беззаботным любопытством туристов. Люди глядели на них с безразличием и, возможно, оттенком зависти. Туземцы казались довольными жизнью, незлобивыми, легкими в общении, однако Джерсен ощущал легкий диссонанс, едва уловимый — ничего явного, обнаруживающего страх, тревогу, недовольство...

Наварх захотел посидеть в кафе под деревьями. Джерсен напомнил ему, что у них нет денег. Но такая мелочь не могла смутить Безумного Поэта, возжелавшего выпить стаканчик вина. Кирт пожал плечами и последовал за ним к столу. Наварх подозвал владельца кафе:

— Мы гости Маркграфа Виоля Фалюша и не имеем ваших денег. Принесите нам бутылочку вина, а счет можете прислать в гостиницу.

Хозяин поклонился:

— К вашим услугам.

Вино тотчас оказалось на столике — приятный напиток, чересчур мягкий на вкус Наварха. Спутники лениво потягивали его, глаза на прохожих. Прямо напротив возвышалась одна из загадочных башен, в которой теперь, в середине дня, царило затишье.

Наварх окликнул хозяина, чтобы заказать еще одну бутылку вина, и, указывая на башню, спросил:

— Что там происходит?

Туземца вопрос озадачил:

— В ней, как и во всех остальных, мы платим налоги.

— Но для чего в таком случае столько башен? Одной было бы достаточно.

— Что вы, сэр! При таком-то населении? Это вряд ли возможно.

Наварх оторопел и не осмелился продолжать расспросы.

Вернувшись в отель, компаньоны обнаружили, что с Земли прибыли еще два гостя — Гарри Танзел из Лондона и Джан Марио, без постоянного места жительства. Оба имели весьма цветущий вид — высокие, жизнерадостные, темноволосые, неопределенного возраста. Танзел превосходил спутника красотой, а Марио брал энергией и жизнерадостностью.

Местный день тянулся двадцать девять часов, и, когда стемнело, гости охотно разошлись по номерам, но в полночь пробудились от звука гонга, приглашающего на традиционную трапезу.

На следующее утро в гостинице появилась Жюли, высокая грациозная танцовщица с Валгаллы, шестой планеты Тау Близнецов. Ее изысканно-порочные манеры всполошили друидов и вогнали в сладкий испуг юного Хала, который не мог отвести глаз от женщины.

Сразу после завтрака Джерсен, Наварх и Леранд Уибл отправились погулять вдоль канала, за гостиницей. Создавалось впечатление, что в городе праздник: люди несли гирлянды, то и дело попадались пьяные, туземцы славил песнями Ародина, очевидно народного героя или правителя.

— Даже в праздник, — сказал Наварх, — они идут платить налоги.

— Ерунда, — фыркнул Уибл, — когда это люди, собирающиеся платить налоги, пританцовывали?

Троица остановилась, наблюдая за людьми, входящими в высокую башню.

— По-моему, это все-таки бордель. А что же еще?

— И дело ведется так открыто? Поставлено на поток? Мы, должно быть, чего-то не понимаем.

— Может, зайдём посмотрим?

— Нет уж. Если это действительно бордель, то я могу случайно продемонстрировать нетрадиционный подход, и мы все будем дискредитированы.

— Сегодня вы необычайно осторожны,— заметил Джерсен.

— Я на неизвестной планете,— вздохнул Наварх,— и мне недостает той силы, которую давало прикосновение к старой Земле. Но я любопытен и намерен разрешить загадку раз и навсегда. Пойдем.

Они вошли в кафе, где побывали день назад, и оглядели столики. Солидный туземец средних лет в зеленой широкополой шляпе сидел, лениво наблюдая за прохожими и угощаясь вином из маленького кувшинчика.

Наварх приблизился к нему.

— Прошу прощения, сэр. Как вы видите, мы здесь чужие. Некоторые ваши обычаи удивили нас, и мы хотели бы выяснить, как на самом деле обстоят дела.

Горожанин выпрямился и после минутного колебания указал на свободные стулья.

— Я объясню, как смогу, хоть у нас есть свои небольшие тайны. Мы делаем, что можем, и должны жить, как предназначено светилами.

Наварх, Джерсен и Уибл уселись.

— Прежде всего,— полюбопытствовал Наварх,— какова функция вон той башни, куда входят так много людей?

— Ах, это! Да... Это местное агентство по сбору налогов.

— Сбору налогов? — переспросил Наварх, с триумфом глядя на Уибла.— И ребята что, ходят туда-сюда, платят там налоги?

— Именно. Город находится под покровительством мудрого Ародина. Мы процветаем, потому что налоги не умаляют наших доходов.

При этом Леранд Уибл издал скептический смешок:

— Как это?

— А разве у вас дело обстоит иначе? Деньги, которые отбирают в счет налога, люди потратили бы на развлечения. Принятая у нас система выгодна для всех. Каждая девушка должна отслужить пять лет, оказывая определенное количество услуг за день. Естественно, привлекательные девушки выполняют норму быстрее, чем дурнушки, и это способствует расцвету нации.

— Ага,— сказал Уибл,— легализованный бордель!

Туземец пожал плечами:

— Зовите как хотите. Ресурсы не истощаются, плата расходуется на городские нужды, на сборщиков налогов никто не жалуется, а сами сборщики довольны своей работой. Если же девушка выходит замуж до окончания срока службы, налог возмещается деньгами. Разумеется, у нас есть и другие обязательства перед Ародином: каждый должен отдать ему ребенка в возрасте двух лет. А других налогов мы не платим, разве что в экстренных случаях.

— И никто не жалуется, когда отнимают детей?

— Обычно нет. Ребенка забирают в ясли сразу после рождения, и личная привязанность не успевает сформироваться. Обычно люди приступают к деторождению в молодом возрасте, чтобы сразу выполнить обязательства.

Уибл обменялся взглядом с Навархом и Джерсенем.

— А что происходит с детьми?

— Они поступают к Ародину. Неподходящих продают Маграбу, подходящие служат во Дворце. Я отдал ребенка десять лет назад и теперь ничего не должен.

Наварх больше не мог сдерживаться. Наклонившись вперед, он нацелил в собеседника костлявый палец:

— И поэтому накачиваетесь тут вином, уныло мигая на солнце? Усыпляете совесть?

— Совесть? — Человек нервно поправил шляпу. — При чем тут совесть? Я исполнил свой долг, отдал ребенка, посещаю городской бордель два раза в неделю. Я свободный человек.

— А отданный вами ребенок уже десятилетний раб. Где-то там он или она мучается, пока вы сидите тут, уложив живот на колени!

Туземец вскочил, его лицо покраснело от гнева.

— Это провокация, серьезное оскорбление. Что ты делаешь здесь, ты, старый селезень? Чего ты приперся в этот город, если не уважаешь наши традиции?

— Я не избирал ваш город по собственной прихоти, — объявил Наварх с достоинством. — Я гость Виоля Фалюша и прибыл сюда по его указанию.

Человек разразился резким лающим смехом:

— Это имя Ародина для иномирян! Вы слетаетесь, как мухи на мед, во Дворец, чтобы наслаждаться, а ведь даже не заплатили!

Он стукнул кулаком по столу и покинул кафе. Остальные посетители, которые прислушивались к беседе, демонстративно отвернулись. Троице пришлось убраться восвояси.

Перед входом в гостиницу их застиг знакомый лязг платформы. С нее сошел мужчина и повернулся, чтобы помочь спуститься молодой женщине, которая, не обращая внимания на протянутую руку, прыгнула на землю. Наварх издал крик удивления: новая гостья в модном одеянии альфанорского стиля была подопечной поэта, известной как Зан Зу, или Друзилла.

Наварх отвел свою воспитанницу в сторону и забросал вопросами. Что с ней случилось? Где ее держали?

Девушка мало что могла рассказать. Ее схватил белоглазый подручный Фалюша, затолкал в аэрокар и доставил на космический корабль под опеку трех суровых женщин. У каждой из них было тяжелое золотое кольцо. После того как действие яда, содержащегося в кольце, показали на собаке, необходимость в угрозах и предупреждениях отпала.

Пленницу увезли в Авенту, на Альфанор, поселили в великолепном отеле «Тарквин». Три зоркие, молчаливые гарпии не отходили от нее ни на шаг, их золотые кольца зловеще поблескивали. Девушку водили по концертам, ресторанам, показам мод, кинотеатрам, музеям и галереям. Ее принуждали купить одежду, использовать косметику и приобрести шикарный вид, но натолкнулись на молчаливое сопротивление. Тогда надзирательницы сами купили одежду, косметику и причесали пленницу. Однако та упорно старалась выглядеть как можно менее привлекательной. Наконец строптивницу отвезли в космопорт, откуда корабль унес ее в Скопление Сирнеста, на Согдиану. В агентстве Рабдана Ульшазиса, в Аtare, девушка столкнулась с другим гостем Дворца Любви, Мило Этьеном, который составил ей компанию на остаток путешествия. Три гарпии довели подопечную до посадочного поля у Кулихи, а затем вернулись с Зогом в Атар. Наварх и Джерсен оглядели Этьена, который сидел на веранде с остальными: немного похож на Танзела и Марио, задумчивое лицо, темные волосы, длинные руки с тонкими пальцами.

Управляющий гостиницы вышел на веранду.

— Леди и джентльмены, рад сообщить, что ваше ожидание подошло к концу. Гости Маркграфа собрались, и теперь начинается путешествие во Дворец Любви. Следуйте за мной, пожалуйста, я провожу вас.

ГЛАВА 11

Хашшери. Вы признаете, что Конгрегация организует уничтожение людей, пытающихся улучшить жизненные условия человека?

Иешно. Чувш!

Х. Вы вообще кого-нибудь устранили?

И. Я не собираюсь обсуждать нашу тактику. Таких случаев было очень немного.

Х. Но они были.

И. Мы не могли не пресечь абсолютно недопустимые действия против человеческого организма.

Х. Что, если ваше определение недопустимых действий спорно и вы просто сопротивляетесь переменам? Не ведет ли подобный консерватизм к застою?

И. На оба вопроса — нет. Мы хотим, чтобы органическая эволюция шла естественным путем. Человеческая раса, разумеется, не без изъянов. Когда кто-то пытается избавиться от слабостей, создать «идеального человека», естественно, выявляется избыточная компенсация в иных направлениях. Эти изъяны совместно с реакцией на них создают фактор искривления, фильтр, и конечный продукт будет еще более ущербным, чем исходный. Естественная эволюция — медленное приспособление человека к окружающей среде — постепенно, но безболезненно улучшит расу. Оптимальный человек, оптимальное общество может быть никогда не создано. Но зато никогда не будет кошмара искусственных людей или искусственного «планового прогресса», за который выступает Лига. Не будет, пока существует выработанная человеческой расой высокоактивная система антител — Конгрегация.

Х. Очень серьезная речь! Она внешне убедительна, но построена на слезливых умопостроениях. Вы хотите, чтобы человечество прошло через «медленное приспособление к окружающей среде». Остальные человеческие создания тоже являются частью окружающей среды. Лига — часть окружающей среды. Мы все продукт естественного развития — мы не искусственно созданы и не ущербны. Зло в Ойкумене не носит сакрального характера, его можно уничтожить. Лига пытается сделать это. Нас очень трудно остановить. Когда нам угрожают, мы защищаемся. Мы не беспомощны. Конгрегация тиранит общество слишком долго. Пришло время новых идей.

Из телевизионной дискуссии, состоявшейся в Аевенте, на Альфаноре, 10 июля 1521 г., между Гоуманом Хашшери, советником Лиги Планового Прогресса, и Слизором Иешно, Братом Конгрегации девяносто восьмой ступени.

За гостиницей ожидал длинный шестиколесный механический омнибус с сиденьями, обтянутыми розовым шелком. Гости — одиннадцать мужчин и десять женщин — быстро расселись, и повозка покатила через канал на юг от города. Кулиха с ее высокими башнями осталась позади.

Около часа гости ехали мимо ухоженных фруктовых садов и аккуратных ферм к гряде лесистых холмов и строили догадки о местонахождении Дворца Любви. Хиген Грот осмелился даже расспрашивать водителя, мегеру в черно-коричневой униформе, но та и бровью не повела. Дорога взбиралась по склону холма между высокими деревьями с черными стеклянными стволами, увенчанными желто-зелеными зонтиками дисковидных листьев. Издалека доносилось мелодичное щебетание каких-то лесных тварей, огромная белая бабочка вынырнула из тени, промелькнула мимо лишайников и крупнолиственного подлеска. Но вот дорога круто повернула и вырвалась на живописный солнечный простор — впереди простирался бескрайний синий океан. Омнибус выехал на прямую трассу и поспешил туда, где у причала ждала яхта с огромными иллюминаторами, синими палубами и металлической надстройкой. Четыре стюарда в бело-синей униформе провели гостей в здание из белых кораллов. Здесь им предложили переодеться в белые костюмы яхтсменов, веревочные сандалии и белые просторные льняные панамы. Друиды яростно протестовали, ссылаясь на свои обычаи. Они твердо отказались расстаться с капюшонами, которые нелепо смотрелись в сочетании с белыми одеждами.

День клонился к закату. Яхта должна была отправиться в путь на следующее утро. Пассажиры собрались в салоне, где им подали коктейли, смешанные по земным рецептам, а затем обед. Двое молодых друидов, Хал и Биллика, норовили откинуть капюшоны, чем вызвали нарекания родителей.

После обеда Марио, Танзел и Этьен играли на палубе в теннис с Траллой и Морниссой. Друзилла все время держалась поближе к Наварху, который беседовал с Лейдиг. Джерсен сидел в сторонке, наблюдая, строя предположения, прикидывая, как выполнить долг. Время от времени Друзилла кидала на него быстрые взгляды с

другого конца салона. Она, очевидно, боялась будущего. «И правильно», — подумал Джерсен. Он не считал нужным разуверять ее. Танцовщица Жюли, гибкая, как белый угорь, прогуливалась по палубе с да Ноззой. Скебу Диффани из Квантики замер у поручней, погрузившись в размышления и время от времени обливая презрением да Ноззу и Жюли.

Биллика, подавив застенчивость, подошла поговорить с Друзиллой, за ней последовал Хал, который, видимо, находил Друзиллу привлекательной. Биллика, чем-то смущенная, пригубила вино. Она так искусно сдвинула капюшон, что показались вьющиеся каштановые волосы — это не ускользнуло от взгляда бдительной Лейдиг, но та не могла отделаться от Наварха.

Маргарита Ливер болтала с Хигеном Гротом и его компаньонкой, но Дорани вскоре наскучило их общество, и она отправилась на верхнюю палубу, где, к раздражению Хигена Грота, присоединилась к Леранду Уиблу.

Друиды удалились на покой, за ними последовали Хиген Грот и Дорани.

Джерсен вышел на палубу взглянуть на небо, где сияли звезды Скопления Сирнеста. На юг и восток простирались воды безымянного океана. Неподалеку Скебу Диффани наклонился над поручнями, глядя в черную воду... Джерсен вернулся в салон. Друзилла ушла в свою каюту, на боковой палубе стюарды сервировали ужин из мяса, сыра, цыплят и фруктов, к которым подали вина и ликеры.

Жюли низким голосом беседовала с да Ноззой. Маргарита Ливер теперь сидела одна, растерянно улыбаясь, — разве не исполнилось ее сердечное желание? Наварх, слегка пьяный, бродил в надежде закатить драматическую сцену. Но гости, разомлев, не обращали на него внимания. В конце концов поэт пал духом и отправился в объятия Морфея. Джерсен, в последний раз оглядев все вокруг, последовал его примеру.

Джерсен проснулся от покачиваний яхты. Светало, краешек желтого диска показался над синей тусклой водой, еще не освещенной солнцем.

Джерсен оделся и вышел в салон, как оказалось первым из всех. Земля лежала в четырех или пяти милях по

борту, узкая полоса леса, за которой поднимались холмы — преддверие красных гор.

Джерсен отправился в буфет и заказал завтрак. Пока он ел, появились другие гости. Компания поглощала гренки и печенье с горячими напитками, наслаждаясь великолепным видом и легким ходом яхты.

После завтрака Джерсен вышел на палубу, где к нему присоединился Наварх, выглядевший пижоном в костюме яхтсмена. День был великолепен: солнце плясало на волнах, над горизонтом плыли облака.

— Вот и начинается наше путешествие, — заметил поэт. — Так оно и должно начинаться — тихо, мягко, невинно.

Джерсен понимал, что имел в виду собеседник, и ничего не ответил.

Наварх утрюмо продолжал:

— Что бы ни говорили о Фогеле, он умеет все устроить.

Джерсен исследовал золотые пуговицы на своем пиджаке. Похоже, это всего лишь пуговицы. В ответ на изумленный взгляд Наварха он мягко пояснил:

— Именно в таких предметах могут находиться «жучки».

Поэт рассмеялся:

— Вряд ли. Фогель, конечно, может находиться на борту, но он вряд ли будет подслушивать. Он побоится услышать что-нибудь неприятное. Это испортит ему всю поездку.

— Так вы думаете, он на яхте?

— Фогель на яхте, не беспокойтесь. Разве он пропустит такую возможность? Никогда! Но кто?

Джерсен подумал.

— Не вы, не я, не друиды. И не Диффани.

— А также не Уибл: совсем другой тип, более свежий и жизнерадостный. Вроде бы не да Нозза, хотя... Нельзя исключать, что он один из друидов, хотя вряд ли.

— Тогда остаются трое высоких темноволосых мужчин.

— Танзел, Марио, Этьен. Он может быть любым из них.

Собеседники повернулись, чтобы рассмотреть названную троицу. Танзел стоял у поручней, любуясь на океан. Этьен развалился в шезлонге и беседовал с Бил-

ликой, которая краснела от смущения и удовольствия. Марио, проснувшийся позже всех, наконец-то закончил завтрак и теперь появился на палубе. Джерсен пытался примерить к ним то, что знал о Виоле Фалюше. Все как на подбор настороженные, хотя и элегантные, все подходят на роль Второго, убийцы в костюме Арлекина, который смылся с праздника Наварха.

— Любой может быть Виолем Фалюшем, — повторил Наварх.

— А как насчет Зан Зу, Друзиллы, или как там ее?

— Она обречена. — Наварх махнул рукой и отошел.

Джерсен пошел искать Друзиллу, поскольку решил позаботиться о ней. Девушка беседовала с Халом, который, забыв сдержанность, сбросил капюшон. «Красивый паренек, — подумал Джерсен, — горячий, с тем внутренним накалом, который привлекает женщин». Действительно, Друзилла поглядывала на собеседника с некоторым интересом. Тут тощая Васт бросила что-то резкое. Хал виновато натянул капюшон и покинул девушку.

Джерсен подошел к Друзилле. Она приветствовала его радостным взглядом.

— Ты удивилась, встретив нас в гостинице? — спросил Джерсен.

Она кивнула.

— Я больше не надеялась вас увидеть. — После мгновенного колебания она спросила: — Что со мной будет? Почему я так важна?

Джерсен, до сих пор боявшийся «жучков», осторожно проговорил:

— Я не знаю, что случится, но, если смогу, постараюсь защитить тебя. Ты напоминаешь девушку, которую Виоль Фалюш когда-то любил и которая насмеялась над ним. Он может быть на борту яхты. Не исключено, что он — один из пассажиров. Так что будь очень осторожна.

Друзилла обернулась и обвела испуганным взглядом палубу.

— Который из них?

— Ты помнишь человека на празднике Наварха?

— Да.

— Он должен быть похож на него.

Девушка вздрогнула.

— Я не знаю, как быть осторожной. Хотела бы я оказаться кем-то другим. — Она оглянулась. — Вы не можете забрать меня отсюда?

— Не сейчас.

Друзилла покусала губу.

— Почему именно я?

— Я мог бы ответить, если бы знал, с чего все это началось. Зан Зу? Друзилла Уэллс? Игрель Тинси?

— Я не то и не это, — ответила она скорбным голосом.

— Тогда кто же?

— Я не знаю.

— У тебя нет имени?

— Человек в портовом салуне звал меня Спуки... Это не имя. Я буду Друзиллой Уэллс. — Она внимательно поглядела на него. — Вы в самом деле не журналист, да?

— Я — Генри Лукас, маньяк. И не должен говорить тебе слишком много. Ты знаешь почему.

С лица Друзиллы сошло оживление.

— Если вы так говорите.

— Пытайся опознать Виоля Фалюша, — сказал Джерсен. — Он хочет, чтобы ты его полюбила. Если ты не сможешь, он спрячет свой гнев, но ты догадаешься — по взгляду, вздоху, гримасе. Возможно, флиртуя с кем-нибудь еще, он будет следить, замечаешь ли ты это.

Друзилла в сомнении поджала губы.

— Я не очень-то наблюдательна.

— Старайся. Будь осторожна. Не навлекай на себя неприятностей. Вон идет Танзел.

— Доброе утро, доброе утро, — расплылся в улыбке Танзел и обратился к Друзилле: — Вы так выглядите, словно потеряли последнего друга. Но это не так, уверяю вас, особенно когда Генри Танзел на борту. Развеселитесь! Мы прибываем во Дворец Любви!

Друзилла кивнула.

— Я знаю.

— Самое подходящее место для хорошенькой девушки. Я лично познакомлю вас со всеми достопримечательностями, если сумею побороть соперников.

Джерсен рассмеялся:

— Никаких соперников. Я не могу отрывать время от своей работы, как бы мне этого ни хотелось.

— Работы? Во Дворце Любви? Вы аскет?

— Всего лишь журналист. Все, что я увижу и услышу, затем появится в «Космополисе».

— Не упоминайте моего имени, — доверительно попросил Танзел. — Когда-нибудь я остепенюсь... Мне не выжить под грузом позора.

— Я буду честным.

— Хорошо. Ну, а теперь пошли. — Танзел взял Друзиллу за руку. — Вам необходим моцион. Пятьдесят кругов по палубе!

Они ушли. Друзилла кинула через плечо растерянный взгляд на Джерсена, к которому подскочил Наварх.

— Вот один из них. Это тот человек?

— Не знаю. Он начал круто.

Три дня яхта скользила по сверкающему морю. Для Джерсена это были приятные дни, хоть гостеприимство исходило от человека, которого он намеревался убить. Часы текли без напряжения, в мечтательном одиночестве, и каждая черточка характера пассажиров проявлялась заметнее, ярче, чем в обыденной жизни. Скованные и застенчивые обрели уверенность. Хал позволил капюшону сползать все ниже и ниже, пока не сбросил его. Биллика, хоть и не так быстро, сделала то же самое. Жюли в приступе необъяснимой любезности предложила привести в порядок ее прическу. Девушка долго колебалась, а потом с тайным удовольствием уступила. Итак, Жюли стригла и укладывала каштановые локоны, чтобы подчеркнуть бледную, наивную красоту Биллики, к удовольствию всех мужчин на борту. Лейдиг верещала от гнева, Васт надулась, их мужья хмурились, но остальные пассажиры вступились за девочку. Легкость и веселье овладели всеми настолько, что Лейдиг снизошла до беседы с Навархом, а Биллика спокойно улизнала. Вскоре и Лейдиг слегка приспустила капюшон, ободренная примером Дакава. Прютт и Васт, хотя и блюли обычай, стали гораздо терпимее и лишь изредка награждали остальных саркастическими взглядами.

Тралла, Морнисса и Дорани расцвели в лучах всеобщего внимания и не пренебрегали любым проявлением галантности. Каждый день яхта останавливалась и дрейфовала в океане. Гости помоложе и побойчее плескались в прозрачной воде, а другие наблюдали за ними через

стеклянный иллюминатор. В число этих других входили старшие друиды, Диффани, предпочитавший всему еду и выпивку, Маргарита Ливер, которая обнаружила страх перед глубокой водой, и Хиген Грот, не умевший плавать. Даже Наварх натягивал купальный костюм и прыгал в теплые океанские волны.

Вечером второго дня Джерсен увел Друзиллу на нос, удерживаясь, однако, от интимных жестов, которые могли бы раздражить Виоля Фалюша, если тот наблюдал за ними. Похоже, Друзиллу это не трогало, что неожиданно укололо Кирта и подсказало, насколько он равнодушен к девушке. Кирт пробовал бороться с влечением. Даже если попытка уничтожить Виоля Фалюша увенчается успехом, что тогда? В жестоком будущем, которое он предначертал себе, не было места для Друзиллы. Однако искушение осталось. Меланхоличная Друзилла, окутывающая себя облаком грусти, сквозь которое внезапно прорывались вспышки радости, манила его... Но обстоятельства сложились так, что Джерсен держался с ней сухо. Девушка словно ничего не замечала. Марио, Этьен, Танзел — никто не обошел ее вниманием. Как и велел Джерсен, она никого не выделяла. Даже сейчас, когда они, стоя на носу, любовались закатом, Марио присоединился к ним. Кирт извинился и вернулся к прогулке. Если Марио — Виоль Фалюш, лучше не раздражать его. Если нет, Виоль Фалюш, наблюдая за парочкой со стороны, убедится, что Друзилла не отдает предпочтения кому-то одному.

Утром четвертого дня яхта плыла между зеленых островков. В середине дня она приблизилась к цели и вошла в порт. Путешествие окончилось. Пассажиры с сожалением сошли на землю, многие постоянно оглядывались. Маргарита Ливер плакала.

В здании за портом гостям предложили новые одежды. Мужчины облачились в просторные бархатные блузы сочных расцветок: темно-зеленые, кобальтовые, темно-коричневые — и широкие черные бархатные панталоны, застегивающиеся под коленями алыми пряжками. Женщинам достались блузы того же покроя, но менее насыщенных оттенков и полосатые юбки в тон. Все также получили по мягкому бархатному берету, квадратной формы, с забавной кисточкой.

После того как гости переоделись, им подали завтрак, а затем усадили в деревянный шестиколесный экипаж с золочеными спицами. Обитые темно-зеленым бархатом сиденья стояли на резных, спирально закрученных ножках из черного дерева.

Экипаж поехал вдоль берега, а ближе к середине дня углубился в холмы, травянистые склоны которых пестрели цветами, и океан скрылся из виду.

Скоро стали попадаться высокие деревья, похожие на земные, показались клумбы и скверы. На закате экипаж остановился в таком сквере, и гости разглядели высоко в кронах деревьев домики, к которым вели покачивающиеся веревочные лесенки.

На земле пылал большой костер и был сервирован ужин. То ли вино оказалось крепче, чем обычно, то ли всех подмывало выпить, но вскоре каждому казалось, что жизнь наполнилась новым смыслом, что Вселенную населяют лишь двадцатилетние юнцы. Прозвучало несколько тостов, в том числе и «за нашего невидимого хозяина». Имя Виоля Фалюша не упоминалось ни разу.

Появилась группа музыкантов со скрипками, гитарами и флейтами. Буйные мелодии заставили сердца биться сильнее, кружили головы. Жюли поднялась, ее тело зазмеилось, задвигалось в танце, необузданном, захватывающе-бесстыдном.

Джерсен принудил себя оставаться трезвым и наблюдал. От его глаз не укрылось, как Леранд Уибл шептался с Билликой. Минуту спустя девушка ускользнула в тень, вслед за ней исчез Уибл. Друиды, созерцавшие танец, чуть откинув головы и полузакрыв глаза, не заметили этого. Только Хал задумчиво поглядел вслед парочке, затем тихо придвинулся к Друзилле и проговорил что-то ей на ухо.

Девушка улыбнулась, кинула быстрый взгляд в сторону Джерсена и покачала головой. Хал нахмурился, но потом придвинулся к ней еще теснее и, осмелев, положил руку на тонкую талию.

Прошло полчаса. Казалось, лишь Джерсен заметил, что исчезнувшая парочка вернулась к костру. Глаза Биллики сияли, губы мягко улыбались. Только тут Лейдиг спохватилась и стала озираться в поисках Биллики. Но вот она, рядом. Что-то неуловимое в ней ушло, уступило

место новому. Лейдиг почуяла неладное, но не смогла понять, что прочла на лице девушки, и вернулась к созерцанию танца, пригасив подозрения.

Джерсен наблюдал за Марио, Этьеном и Танзелом. Они сидели с Траллой и Морниссой, но их взгляды все время скрещивались на Друзилле. Джерсен закусил губу: Виоль Фалюш, если он и в самом деле был среди гостей, не торопился раскрывать себя.

Вино, музыка, костер... Джерсен, раскинувшись на траве в ленивой позе, не спускал глаз с гостей. Кто из них следит за всеми? Кто особенно внимателен? Этот человек и есть Виоль Фалюш. Казалось, все наслаждаются отдыхом. Даков спал. Лейдиг пропала, Скебу Диффани тоже исчез. Джерсен повернулся было к Наварху, чтобы перекинуться парой слов, но передумал. Огонь погас, музыканты ускользнули, как тени, гости поднялись и направились к веревочным лестницам. Ничего подозрительного...

Утром, во время завтрака, выяснилось, что экипаж уехал. Посыпались догадки по поводу того, какой транспорт им теперь предоставят, однако слуга указал на тропу:

— Мы пойдем по ней. Мне велено быть вашим проводником. Если вы готовы, лучше начать собираться, поскольку до вечера нужно пройти немало.

Хиген Грот опешил:

— Вы хотите сказать, что придется идти пешком?

— Именно так, лорд Грот. Другой дороги нет.

— Ну и дела! — брюзжал Грот. — Я полагал, что аэрокар может запросто доставить нас туда.

— Я только слуга, лорд Грот, и не могу давать объяснений.

Грот отвернулся, недовольный, но выбора не было, и в конце концов он воспрянул духом и даже затянул старую походную песню времен своей юности, прошедшей в стенах Люблинского колледжа.

Попетляв по низким холмам, прогалинам и зарослям, тропа привела их на широкий луг. Облако белых птиц взметнулось из травы, вспугнутое шумом. Ниже поблескивало озеро, где ожидал ленч.

Проводник не позволил гостям отдыхать слишком долго.

— Пусть неблизкий, и ходу не прибавишь — устанут леди.

— Я уже устала, — фыркнула Васт. — Больше не могу сделать ни шагу.

— Возвращайтесь, — пожал плечами проводник. — Держитесь тропы, а там слуги помогут вам. А теперь пошли! Уже полдень, и поднимается ветер.

В самом деле, прохладный бриз покрыл рябью гладь озера, и небо на западе начало затягиваться перистыми облаками.

Васт предпочла двигаться дальше с остальными, и все побрели по берегу озера. Наконец тропа свернула в сторону, начала карабкаться на склон и побежала по парку между высокими деревьями и пышными травами. Ветер дул в спину. Когда солнце начало опускаться за линию гор, гостям были предложены бутерброды и чай. Потом они вновь поднялись и пошли вперед. Ветер гудел в ветвях деревьев.

Когда солнце совсем скрылось за горы, путники вошли в густой лес. Тьма сгущалась, по мере того как гасли последние лучи солнца.

Шли медленно. Женщины уже еле передвигали ноги, хоть жаловалась лишь одна Васт. Лейдиг хранила суровое молчание, а с лица Маргариты Ливер не сходила улыбка. Хиген Грот не находил сил для жалоб и лишь иногда что-то коротко говорил Дорани.

Лес казался бесконечным. Ветер, резко похолодавший, выл в верхушках деревьев. Тьма упала на горы. Гости еле доплелись до поляны, где стояло строение из камня и бревен. В окнах сиял желтый свет, из трубы курился дымок, обещая тепло, ужин и отдых.

Так оно и было. В обширной зале, устланной ярким ковром, пылал огонь в камине. Некоторые из гостей рухнули в мягкие кресла, другие предпочли разойтись по своим комнатам и освежиться. Их ожидала новая одежда: мужчин — черная пара, дам — длинные черные балахоны. Непритязательность женского наряда должны были скрасить белые и коричневые цветы в волосах.

Когда вся компания привела себя в порядок, подали вино и незамысловатый обед. Гуляш, хлеб с сыром и красное вино заставили всех позабыть о трудностях пути.

После обеда гости собрались около камина выпить по рюмочке ликера. Вновь закипел спор о том, где находится Дворец Любви. Наварх, стоявший у камина, принял драматическую позу.

— Все очень просто, — провозгласил он с вызовом. — Или нет? Неужели никто ничего не понимает, кроме старого Наварха?

— Говори, Наварх, — поддержал Этьен. — Не томи! Изреки откровение! Хватит дразнить нас!

— Я и не собирался. Все узнают открывшееся моему мысленному взору, моим чувствам. Мы на середине путешествия. Здесь мы прощаемся с беззаботностью, легкостью и покоем. Ветер дует нам в спину все сильнее и сильнее, гонит нас сквозь лес. Он изгоняет из нас умеренность!

— Поменьше тумана, старина! — подзадорил Танзел. — Мы ни слова не поняли!

— Те, кто способен понять меня, скоро поймут, те, кто не способен, не поймут никогда. Но все уже ясно. Он знает, он знает!

Лейдиг, выведенная из терпения иносказаниями, спросила:

— Кто знает? И о чем знает?

— Что есть мы все? Резонирующие нервы! Художник знает тайну их связи...

— Говорите за себя, — проворчал Диффани.

Наварх прибег к одному из своих экстравагантных жестов.

— Он поэт, как я. Разве не я обучал его? Каждый удар сердца, каждое движение ума, каждое биение крови...

— Наварх, Наварх! — простонал Уибл. — Достаточно! Или, во всяком случае, смените тему. От ваших слов стынет кровь в жилах, они неуместны в этом странном приюте, обители призраков и вурдалаков!

Прютт назидательно произнес:

— Такова наша доля. Каждый человек — зерно. Когда наступает время сева, он погружается во тьму, а затем вырастает дерево, воплощение души. Мы дубы и вязы, лавры и черные кипарисы...

Беседа шла своим чередом. Молодежь уже облазила древнее строение и теперь играла в прятки в соседней зале, скрываясь за тяжелыми портьерами.

Лейдиг, потеряв из виду Биллику, обеспокоилась и отправилась разыскивать ее. Вскоре она привела подавленную девушку и что-то прошептала Васт. Та взвилась как ужаленная. За стеной загрели голоса, и минутой спустя Васт вернулась, таща за собой раздраженного Хала.

Немного погодя в салон вошла Друзилла. Ее щеки горели, а взгляд выдавал смущение и удовольствие. Темный балахон удивительно красил ее — девушка никогда не выглядела лучше. Она пересекла комнату и скользнула в кресло рядом с Джерсеном.

— Что случилось? — спросил он.

— Мы играли. Я спряталась с Халом и следила, как вы велели, кто рассердится больше всех.

— И кто же?

— Не знаю. Марио говорит, что любит меня. Танзел все время смеется, но он был недоволен. Этьен ничего не сказал и не глядел на меня.

— Что ты такое делала, что они все рассердились? Не забывай: раздражать их опасно.

Друзилла поджала губы.

— Да... Я забыла — я должна быть испуганной. Я и вправду боюсь, когда об этом думаю. Но вы позаботитесь обо мне?

— Да, если смогу.

— Вы сможете. Я знаю, что вы сможете.

— Надеюсь... Ну ладно, что же так задело Марио, Танзела и Этьена?

— Ничего особенного. Хал хотел поцеловать меня, и я разрешила. Васт застала нас врасплох и раскричалась. Она меня обзывала. «Блудница вавилонская! Лилит! Нимфоманка!» — Друзилла очень похоже передразнила Васт.

— И все слышали?

— Да. Все слышали.

— И кто больше всех расстроился?

Друзилла пожала плечами.

— Иногда мне кажется, что один, иногда — другой. Марио из них самый добрый, у Этьена меньше всех чувства юмора. Танзел бывает саркастичен.

«Очевидно, — подумал Джерсен, — я многое упустил».

— Лучшее, что ты можешь сделать, это не играть ни с кем ни в какие прятки, даже с Халом. Будь любезна со всеми троими, но не выделяй никого.

Лицо Друзиллы омрачилось.

— Я до смерти боюсь. Когда я была с теми тремя ведьмами, так хотелось убежать. Но этот яд в кольцах... Думаете, они убили бы меня?

— Не знаю. Ну, а теперь иди спать. И никому не отворяй дверь.

Друзилла встала и, кинув последний, отчаянный взгляд на Джерсена, поднялась на галерею, а затем скрылась в своей комнате.

Гости уходили один за другим. В конце концов Джерсен остался в одиночестве глядеть на догорающие угли и ожидать неизвестно чего...

Свет на галерее был тусклым, балюстрада заслоняла обзор. Какая-то тень скользнула к одной из комнат, дверь бесшумно открылась и закрылась.

Джерсен подождал еще час. Угли в очаге дотлели. Ветер начал швырять капли дождя в темное окно. Дом погрузился во мрак и тишину. Джерсен ушел спать.

Утром он выяснил, что комната, которая ночью приняла посетителя, была отведена Тралле Каллоб, студентке-социологу. Джерсен попытался проследить, на кого она смотрит чаще всего, но так и не пришел к определенному выводу.

К завтраку все явились в серых замшевых лосинах, черных блузах, коричневых пиджаках и странных черных уборах, по форме напоминающих шлемы. Пища, как и накануне, была непритязательной, но сытной. Во время трапезы путешественники бросали озабоченные взгляды на небо. Вершины гор заволокло туманом, сквозь небольшой просвет проглядывал бледный диск солнца — унылое зрелище.

После завтрака подошел проводник, оставивший без ответа все вопросы, которыми его забросали.

— Сколько нам предстоит пройти сегодня? — не унимался Хиген Грот.

— Я и вправду не знаю, сэр. Но чем скорее мы выйдем, тем скорее прибудем.

Покидая поляну, все обернулись, чтобы бросить прощальный взгляд на печальный приют, пока он не скрылся за деревьями.

Несколько следующих часов тропа блуждала по лесу. Небо по-прежнему хмурилось. Сероватый свет, проникающий сквозь листву, серебрил мох и опавшие листья. Иногда попадались бледные цветы удивительно изысканных расцветок. Начали появляться скалы, подернутые черными и красными лишайниками. Везде взгляд наткался на нежные мелкие растения, напоминающие земные грибы, но повыше и со множеством шляпок. Когда их растирали между пальцами, они распространяли горьковатый, но приятный запах.

Тропа начала взбираться в горы, лес остался внизу. Путешественники вышли на скальный карниз. К западу громоздились горы. У ручья они остановились, чтобы напиться и передохнуть, проводник раздал им сладкое печенье. Хиген Грот вновь принялся сетовать на трудности пути, на что проводник ответил:

— Вы совершенно правы, лорд Грот. Но я лишь слуга, пекущийся, чтобы путешествие прошло увлекательно.

— По-вашему, эта Голгофа может быть увлекательной? — проворчал Грот.

Маргарита Ливер пристыдила его:

— Да ладно, Хиген! Вид отсюда просто замечательный. Погляди на этот пейзаж. И неужели ты не наслаждался романтическим старым приютом? Я — да.

— Уверен, что Маркграф на это и надеялся, — подхватил проводник. — А теперь, дамы и господа, нам лучше продолжить путь.

Тропа карабкалась по горному склону. Вскоре Лейдиг и Дорани здорово отстали, и проводник вежливо замедлил шаг. Дальше путь пролегал по ущелью, и подъем стал не таким крутым.

Во время короткого привала путники перекусили и вновь вышли на тропу. Ветер начал дуть с гор, на востоке собрались темные облака. Пилигримы брели вверх по утروму горному кряжу, и воспоминания о Кулихе, залитой солнцем яхте, золоченом экипаже поблекли в памяти. Только Маргарита Ливер не лишилась оптимизма, да Наварх посмеивался, словно какой-то зловещей

шутке. Хиген Грот прекратил жаловаться, сберегая дыхание для крутого подъема.

В середине дня шквал дождя загнал путников в укрытие под каменным выступом. Небо было темным. Иллюзорный серый свет тускло освещал ландшафт, путешественники в своих черно-коричневых костюмах сливались с поверхностью скалы.

Вступив в мрачное ущелье, путники совсем пали духом. Легкомысленное веселье и флирт прошлых дней были позабыты. Опять пошел дождь, но проводник не захотел переждать его, так как надвигались сумерки. Наконец ущелье перегородила массивная каменная стена, верх которой был усажен стальными остриями. Проводник подошел к черной железной плите, поднял молоток и стукнул один раз. После долгого ожидания плита поползла вверх, появился сгорбленный старик в черном.

Проводник обратился к путникам:

— Здесь я покидаю вас. Тропа перед вами, нужно лишь следовать ей. Вам лучше поторопиться, потому что скоро наступит ночь.

По одному путники прошли в ворота, плита с лязгом опустилась за ними. Мгновение они неуверенно топтались, озираясь. Проводник и старец исчезли, не было никого, кто бы указал им путь.

Диффани буркнул:

— Глядите, вот тропа. Она вновь поднимается.

Путники с трудом продолжали путь. Тропа перевалила через каменный кряж, потом пересекла по насыпи реку и вновь закружила на холодном ветру. Когда сгустились сумерки и путники брели по гребню, Диффани, который шел во главе группы, воскликнул:

— Там, впереди, огни! Какое-то жилье.

Усталые люди пробирались вперед, борясь с ветром и пряча лица от холодных капель дождя. Длинное приземистое строение темнело на фоне неба, в одном или двух окнах тускло мерцал желтый свет. Диффани, найдя дверь, заколотил в нее кулаком.

Дверь со скрипом отворилась, и вперед выступила дряхлая женщина.

— Кто вы? Почему бродите так поздно?

— Мы путешественники, гости Дворца Любви,— проговорил, стуча зубами от холода, Хиген Грот.— Мы на правильном пути?

— Да, на правильном. Входите. Вас ожидают?

— Ну конечно, нас ожидают. Комнаты приготовлены?

— Да, да,— успокоила женщина.— Постели найдутся. Вообще-то, это старый замок. Вы должны были пройти по другой тропе. Вы ужинали, я полагаю?

— Нет,— простонал Грот,— мы не ужинали.

— Ладно, я найду чего-нибудь перекусить. Какой позор, что наш замок такой холодный.

Пилигримы прошли в темный дворик, освещенный двумя масляными лампами. Старуха провела их по одному в комнаты с высокими потолками в разных частях замка. Нетопленые и мрачные комнаты были обставлены по забытой моде прошлых веков. Джерсен обвел взглядом унылый ночлег: убогая кушетка, закопченная лампа красно-синего стекла, железная отделка на стенах тронута ржавчиной. В одной из стен темнела дверь. Другая была обшита резными панелями из мореного дуба, и с нее корчили рожи гротескные маски. Ни камина, ни обогревателя — зуб на зуб не попадал от холода.

Старуха, задыхаясь, сказала Джерсену:

— Когда ужин будет готов, вас позовут.— Она указала на дверь: — Вон там ванная и даже немного чудной теплой воды.— И поспешила прочь.

Джерсен пошел в ванную, отвернул душ — вода была горячей. Он стащил одежду, помылся, затем, чтобы вновь не влезать в мокрые тряпки, растянулся на кушетке и укрылся пледом. Время шло. Где-то далеко гонг ударил девять раз. Может, это и ужин, а может, и нет... Тепло душа расслабило его, и он заснул. Сквозь сон Кирт слышал, как гонг ударил десять раз, затем — одиннадцать. Нет, это не ужин. Джерсен повернулся на бок и погрузился в забытье.

Двенадцать ударов гонга. В комнату вошла тоненькая служанка со светлыми шелковистыми волосами, одетая в голубой бархат и голубые кожаные шлепанцы с загнутыми носками.

Джерсен сел на постели. Серебристый голос возвестил:

— Мы уже приготовили ужин. Все встали, собираются к столу.— Девушка вкатила в комнату передвижной гардероб.— Вот ваша одежда. Нужна ли помощь?

Не ожидая ответа, она протянула Джерсену нижнее белье и помогла облачиться в великолепное одеяние из узорчатой парчи в восточном стиле, весьма сложного покроя. Светловолосая особа причесала его и надушила.

— Господин, вы великолепны,— прошептала она.— И последнее...

Служанка протянула шлем из черного бархата, закрывающий уши, нос и подбородок. Открытыми оставались лишь глаза, щеки и рот.

— А теперь вы еще и загадочны, мой господин,— прошелестел ангельский голос.— Я провожу вас: нам предстоит идти длинными коридорами.

Она повела гостя вниз по скрипучей лестнице, по темному гулкому коридору. Стены, когда-то блиставшие багрянцем, серебром и золотом, теперь обветшали и выцвели, половицы прогибались под ногой... Служанка остановилась перед тяжелой красной портьерой. Она лукаво взглянула на Джерсена и поднесла палец к губам. В смутном свете, выхватывающем ее голубое одеяние и светлые волосы, девушка казалась порождением мечты — слишком совершенная, чтобы быть реальной.

— Господин,— прошептала она,— там идет праздник. Я вынуждена настаивать на соблюдении тайны, поскольку в этой игре вы ни в коем случае не должны открывать свое имя.

Она отбросила портьеру, и Джерсен ступил в просторный зал. С потолка, настолько высокого, что он был неразличим, свешивался единственный светильник, отбрасывая островок света на большой стол, на льняную скатерть, серебро и хрусталь.

Вокруг стола сидела дюжина людей в масках и самых изысканных костюмах. Джерсен оглядел их, но не решился бы утверждать, что отыскал спутников по путешествию. В комнату входили новые люди — по двое, по трое, все в масках, все удивленные.

Джерсен узнал Наварха — поэта выдавали величавые повадки. Но где же Друзилла?

Всего собралось человек сорок. Лакеи в голубых, шитых серебром ливреях помогали рассаживаться, на-

ливали вино в кубки, которые подавали с серебряного подноса.

Джерсен ел и пил, скованный странным замешательством, почти растерянностью. Неужели все происходящее — реальность? Уж не грезит ли он? Вскоре напряжение пути ушло в область воспоминаний, подобно детским страхам. Джерсен выпил больше вина, чем позволил бы себе при иных обстоятельствах... Светильник внезапно вспыхнул голубым огнем и погас. В глазах Джерсена задрожали оранжевые круги. Пронесся удивленный шепот.

Канделябр медленно разгорался. У стола стоял высокий человек в черной одежде и маске.

— Добро пожаловать, — произнес он, поднимая кубок с вином. — Я — Виоль Фалюш. Вы прибыли во Дворец Любви.

ГЛАВА 12

Avis gara*, ты впорхнула —
И вокруг разлился свет.
Сбрось-ка лишнее со стула,
Раздели со мной обед.

На изысканном подносе
Лучший в мире patchouli**,
А вот здесь — засунь свой носик —
Видишь? — Мышка в покурри***.

Канопе под майонезом,
Осетрина — первый сорт,
Горы устриц — сами лезут —
Разевай пошире рот...

Самовар пыхтит со стоном —
Ну-ка, чашечку давай!
На обед нам — макаронь,
Сыр, да хлеб, да крепкий чай.

Наварх

* Avis gara (лат.) — редкая птица. — *Примеч. ред.*

** Patchouli (фр.) — восточно-индийское растение с сильным запахом. — *Примеч. ред.*

*** Pot-pourri (фр.) — кушанье из разных сортов мяса и зелени. — *Примеч. ред.*

— Существует множество разновидностей любви,— продолжал Виоль Фалюш приятным низким голосом.— Разнообразие очень велико, но всему нашлось место во Дворце. Не все мои гости обнаружат это, и не все придется им по вкусу. Некоторые почерпнут во Дворце чуть больше впечатлений, чем на модном курорте. Другие будут захвачены тем, что можно назвать неестественной красотой. Она здесь везде — в каждой детали обстановки, в каждом пейзаже. Иные с жаром бросятся в кутежи, и тут я должен пояснить кое-что.

Джерсен вглядывался в черную фигуру. Виоль Фалюш стоял прямо и неподвижно. Светильник, который висел прямо перед ним, смазывал контуры.

— Обитатели Дворца Любви дружелюбны, веселы и прекрасны. Среди них есть слуги, готовые с удовольствием подчиняться любому желанию моих гостей, любому их капризу, и счастливчики, выросшие во Дворце и свободные в выборе привязанностей, как и я сам. Их можно узнать по одеждам белого цвета. Тем не менее, выбор велик.

Джерсен оглядывал сидящих вокруг стола, пытаюсь найти Танзела, Марио или Этьена и тем самым исключить их из числа подозреваемых. Однако его усилия не увенчались успехом. Среди сорока человек по меньшей мере дюжина была похожа на них. Он вновь перевел взгляд на Виоля Фалюша.

— Где проходят границы дозволенного? Безумец, покусившийся на убийство, естественно, будет ограничен в своих действиях. Еще одно требование — я бы назвал его, скорее, привилегией — соблюдение тайны личности. Только неразумные попытаются проникнуть туда, где их не ждут. Впрочем, мои апартаменты неплохо охраняются, и вы можете не опасаться попасть туда по случайности, это практически исключено.— Виоль Фалюш медленно повернул голову и оглядел комнату. Никто не проронил ни звука: ожидание повисло в воздухе.

— Итак, Дворец Любви... В прошлые времена я разыгрывал здесь маленькие драмы, о чем их участники и не подозревали. Я сталкивал и разводил различные характеры. Я создавал трагические контрасты, чтобы усилить впечатление. Но не теперь... Делайте что хотите, ставьте собственные драмы. Однако я рекомендую воз-

держание. Редкие драгоценные камни всегда стоят дороже. Степень моего собственного аскетизма могла бы поразить вас. Наивысшее наслаждение для меня — творчество. Им я никогда не пресыщаюсь. Некоторые мои гости заметили, что в воздухе разлита тихая меланхолия. Я согласен с этим. Красота тленна, в мелодию жизни всегда вкрадываются трагические ноты. Но забудьте об этом! Зачем грустить, если здесь так много любви и красоты! Берите то, что дают, и гоните сожаления. Так было тысячи лет назад, и так будет. Но берегитесь пресыщения — от него я не в силах защитить вас. Располагайтесь слугами, помогайтесь тех, кто носит белое, однако помните, что рано или поздно вы распрощаетесь с его обитателями. Вы больше не увидите меня, хотя мои мысли пребудут с вами. Здесь нет никаких приспособлений для слежки, подслушивания, подглядывания. Проклинайте меня, если вам хочется, молитесь мне, взывайте ко мне — я не услышу. Единственной наградой Виолу Фалюшу будет сам творческий акт и его плоды. Хотите увидеть Дворец Любви во всей красе? Тогда обернитесь!

Дальняя стена скользнула прочь, в зал ворвался дневной свет. Взглядам гостей открылся ландшафт удивительной красоты: зеленые поляны, нежные пихты, высокие черные кипарисы, дрожащие ивы, водопады, бассейны, мраморные урны, террасы, павильоны, ротонды — все хрупкое и ажурное, словно парящее в воздухе.

Джерсен, как и остальные, был поражен неожиданным зрелищем. Когда он пришел в себя, человек в черном уже исчез.

Кирт прокричал Наварху:

— Кто это был? Марио? Танзел? Этьен?

Наварх покачал головой:

— Я не заметил. Искал девушку. Где она?

Джерсен огляделся, и сердце его болезненно сжалось: ни одна женщина в комнате не была Друзиллой.

— Когда вы ее видели в последний раз?

— Когда мы прибыли сюда, когда вошли на задний двор.

Все напрасно, все пошло прахом...

— Я надеялся, что смогу защитить ее. Я обещал ей это. Она доверилась мне.

Поэт досадливо махнул рукой:

— Вы не могли бы ничего сделать.

Джерсен внимательней всмотрелся в панораму. Слева синело море и лежала цепь дальних островов. Справа вздымались горы — все выше и круче. Внизу раскинулся Дворец: просторные террасы, здания и беседки. Дверь скользнула в сторону, и за ней открылась нисходящая лестница. По одному гости спустились в долину.

Дворцовые строения и сады занимали шестиугольный участок, наибольшая сторона которого тянулась на милю. На севере, у подножия гор, стоял Дворец. Вторую сторону шестиугольника ограничивали каменные глыбы, между которыми рос колючий кустарник. С третьей стороны простирался песчаный берег и теплое голубое море. Четвертая и пятая, наименее протяженные, включались природными особенностями ландшафта. Шестая сторона была обозначена тщательно возделанными цветочными клумбами и фруктовыми деревьями, посаженными рядом с каменной стеной. Внутри этой области располагались три деревушки, парки, водопады.

Гости бродили где хотели, проводили долгие дни так, как им нравилось. Прохладные рассветы, золотистые полдни, вечера и ночи уплывали один за одним.

Слуги, как и обещал Виоль Фалюш, были на все согласны и обладали физической прелестью, уступая только избранникам в белом, по-детски невинным и игривым. Кое-кто из носящих белые одежды пленял сердечностью, кое-кто дразнил недоступностью и капризами, но все поражали непредсказуемостью. Казалось, единственной их страстью было пробуждать любовь, мучить и наполнять желанием. Единственное, что приводило их в отчаянье, это соперничество слуг. Похоже, они ничего не знали о большом мире и Вселенной и не питали даже слабого любопытства, хоть обладали живым умом и переменчивым нравом. Обитатели Дворца думали только о любви и ведущих к ней путях. Как и утверждал Виоль Фалюш, привязаться к ним было бы трагической ошибкой. И баловни в белом об этом знали, но даже не пытались предотвратить трагедию.

Наконец-то раскрылась тайна приглашенных друидов. На следующий день после прибытия Дакав, Прютт,

Лейдинг и Васт вместе с Халом и Билликой в сопровождении слуг исследовали владения Фалюша и облюбовали прелестную полянку. С одной стороны ее ограничивала стена темных кипарисов, с другой — карликовые деревья и цветущие кустарники, а в центре раскинул ветви огромный кряжистый дуб. Перед ним установили два шатра из светло-коричневой ткани, в которых поселились друиды. На рассвете и днем маленькая община устраивала молитвенные бдения и проповедовала свою религию всем оказавшимся поблизости. Те вежливо внимали призывам к воздержанию, умеренности и ответственности, но тут же возвращались к развлечениям и удовольствиям. Джерсен решил, что приглашение друидов было одной из саркастических шуток Виоля Фалюша. Хозяин Дворца Любви решил поставить новый спектакль. Остальные гости пришли к тому же заключению и, посещая бдения, держали пари, чья доктрина одержит верх.

Друиды, работая с огромным рвением, соорудили алтарь из камней и веточек, стоя перед которым кто-нибудь из них выкрикивал:

— Должно ли все бренное умирать? Вечность насыщена жизнью, которая выше нашего понимания. Источником всего является триада Маг-Раг-Даг — Воздух, Земля и Вода. Эта святая имманентность в различных комбинациях дает начало Древу Жизни — мудрость, терпение, жизненные силы. Взгляните на малых сих: насекомых, цветы, рыб, людей. Смотрите, как они растут, цветут, увядают, тогда как Древо Жизни вечно в своей мудрости. Вы ублажаете плоть, переполняете желудок, ваш разум блуждает в тумане, а что следует затем? Смерть! Вечное Древо, пустившее корни в Землю, вознесшее ветви в небеса, своими бесчисленными листьями славит вечное бытие. А когда ваша плоть сгниет и станет добычей червей, Древу не будет в вас нужды. Нет, нет, нет! Ваш распад ему чужд! Ему угодна лишь чистота! Добивайтесь ее! Отбросьте ложные убеждения! Добивайтесь Древа!

Обитатели Дворца внимали с уважением и сочувствием. Невозможно было понять, насколько глубоко доктрина друидов повлияла на них. Тем временем Дакав и Прютт начали рыть огромную яму под корнями дуба.

Хала и Биллику к этому занятию не допустили, да они и не рвались, хотя наблюдали за взрослыми с пугливым интересом.

Приближенные Фалюша, в свою очередь, настояли, чтобы друиды приняли участие в их празднествах и познакомились с образом жизни тех, кого обвиняют в развращенности. Друиды неохотно покорились, но держались тесной группой и бросали неодобрительные замечания Халу и Биллике.

Гости Фалюша приняли проповеди по-разному. Скебу Диффани посещал все бдения с завидной регулярностью и в конце концов, ко всеобщему удивлению, объявил о намерении принять веру друидов. Он натянул черный балахон с капюшоном и присоединился к общине. Тор-рас да Нозза говорил о друидах со снисходительным презрением. Леранд Уибл, который раньше проявлял интерес к Биллике, в отвращении устранился. Марио, Этьен и Танзел пропадали где-то и редко встречались со спутниками. Наварх в раздражении рыскал по садам и паркам, бросая по сторонам неодобрительные взгляды. Хотя красота садов его поразила, поэт неодобрительно отзывался о творческих способностях Виоля Фалюша:

— Здесь нет новизны, все удовольствия банальны. Где подводные течения, противоборство инстинктов, озарения подсознания? Претенциозная роскошь, фальшивые пасторали, безмозглое убаживание желудка и половых желез.

— Может, вы и правы, — кивнул Джерсен. — Удовольствия Дворца бесхитростны. Здесь нет места трагедии. Ну и что с того?

— Ничего. В этом нет поэзии.

— Зато все гармонично. К чести Виоля Фалюша, он не падок на ужасы, садистские сцены, которые можно наблюдать повсюду, и предоставил слугам определенную степень свободы.

Наварх издал недовольное ворчание:

— Вы очень наивны. Наиболее экзотические удовольствия он припрятал для себя. Кто знает, что происходит там, за стенами? Он — человек, который ни в чем не знает середины. А что касается свободы... Эти люди — куклы, игрушки, сласти. Нет сомнения, что многие из них детьми были вывезены сюда из Кулихи — те, кого он

не продал Маграбу. Молодость пройдет, и что тогда? Что им тогда делать?

Джерсен лишь покачал головой.

— Не знаю.

— А где Игрель Тинси? — продолжал Наварх. — Где девушка? Что он с ней делает? Он получил ее в свою власть.

Джерсен сурово кивнул:

— Я знаю.

— Знаете, — хмыкнул Наварх, — но мне пришлось напомнить вам об этом. Вы не просто наивны — вы доверчивы и глупы. В точности как я сам. Она надеялась на защиту, а вы болтались по паркам и валяли дурака с остальными.

Джерсен подавил раздражение и мягко ответил:

— Если бы я знал, что предпринять, немедленно сделал бы что-нибудь. Я пытаюсь разузнать побольше.

— И что же вы узнали?

— Никто не представляет, как выглядит Виоль Фалюш. Он скрывается где-то в горах — не подступишься: на западе не пускают отвесные скалы, на востоке — непроходимые колючие заросли. Все прочие подступы охраняют. Меня тут же обнаружат и, будь я хоть журналист, хоть кто, уничтожат. Без оружия я не могу вступить в схватку. Придется потерпеть. Если я не увижу его здесь, во Дворце Любви, найду где-нибудь еще.

— И все ради вашего журнала, а?

— Чего же еще? — спросил Джерсен.

Они подошли к поляне друидов. Дакав и Прютт, как обычно, трудились под большим дубом и уже углубили яму настолько, что она скрывала с головой взрослого мужчину.

Наварх приблизился и выкрикнул в их потные грязные лица:

— Что вы делаете здесь, слепые кроты? Неужто вам не по нраву пейзаж вокруг? Понадобилась новая точка обзора?

— Все насмешничаете, — холодно ответил Прютт. — Идите своей дорогой, не оскверняйте священную землю.

— Так уж и священную? Она смахивает на обычную грязь.

Ни Прютт, ни Дакав не снизошли до ответа.

Однако поэт не унимался:

— Что за действо вы собираетесь тут вершить? Это не похоже на обычную игру. Сознавайтесь!

— Убирайся, старый безумец, — огрызнулся Прютт, — дыхание твоё зловонно, и оно оскорбляет Древо.

Наварх слегка отодвинулся и продолжал наблюдать за друидами.

— Не люблю дырок в земле, — признался он Джерсену, — они безобразны. Поглядите на Уибла вон там! Он стоит с таким видом, словно руководит проектом. — Действительно, у входа в шатер, расставив ноги и заложив руки за спину, стоял Уибл и насвистывал. Наварх присоединился к нему: — Работа друидов нравится вам?

— Отнюдь нет, — процедил Уибл. — Они роют могилу.

— Так я и думал. Для кого?

— Этого я не знаю. Может, для вас, может, для меня.

— Не думаю, что им удастся закопать меня, — сказал Наварх. — Может, вы более покладисты?

— Вряд ли они вообще кого-нибудь закопают, — ухмыльнулся Уибл и опять засвистел сквозь зубы.

— В самом деле? Откуда вы знаете?

— Приходите на ритуал и увидите сами.

— И когда это произойдет?

— Завтра вечером — так мне сказали.

Обычно во Дворце почти не звучала музыка, и сады были спокойны и тихи, как на заре мира. Но на следующее утро обитатели Дворца, одетые в белое, принесли струнные инструменты и около часа играли сложную музыку, богатую оттенками. Неожиданный дождик загнал их в ближайшую беседку, где они щебетали, как птицы, поглядывая на небо. Джерсен всматривался в их лица. Им неведомы прочные привязанности, глубокие чувства. Знают ли они хоть что-нибудь, помимо искусства кокетства и любви? Не давал покоя и вопрос, заданный Навархом: что случается, когда они стареют? В садах было лишь несколько человек, переживших первый расцвет юности.

Солнце вновь вернулось, сад засиял свежестью. Джерсен, ведомый любопытством, направился к святилищу друидов. Внутри шатра он разглядел бледное лицо Биллики. Из-за полога на него уставилась Васт.

Долгий день подходил к концу. В воздухе висело гнетущее ожидание. Солнце потонуло в огромном облаке, над ним и дальше к востоку таяли отблески красного,

золотого и оранжевого. С приходом темноты все потянулись к святилищу друидов. Возле дуба пылали костры, поддерживаемые Лейдиг и Васт.

Из шатра появился Прютт. Он подошел к алтарю и начал моления. Голос его был глубоким и звучным. Прютт часто замолкал, словно ожидая отклика на свои слова.

Леранд Уибл подошел к Джерсену:

— Я обращаюсь ко всем вам. Что бы ни случилось, не вмешивайтесь. Согласны?

— Естественно, да.

— Вот уж не думал, что вы согласитесь. Ну тогда...

Уибл прошептал несколько слов, Джерсен хмыкнул. Уибл передвинулся к Наварху, который явился на поляну с посохом. После разговора с Уиблом поэт отбросил посох.

— О святое Древо! Как оно достигло святости? Благодаря эманации, благодаря конденсации Жизни. О достойные друиды, кто делит жизнь с Первоначалом, те, кто пришел сюда выполнить священный долг! Что мы скажем? Двое пришли сюда, двое, кто готовил себя к славной участи! Вперед, друиды, ступайте к Древу!

Из одного шатра выступил Хал, из другого — Биллика. Они обвели поляну мутными глазами, точно опоенные чем-то, и наконец увидели огни. Очень медленно, как зачарованные, эти двое шаг за шагом двигались к дереву, пока не достигли костров, затем молодая пара забралась в яму.

— Внемлите! — воззвал Прютт. — Они делят свою жизнь с Древом. Благословенная чета! Теперь они вольются в Душу Мира! Прелестные дети, двое избранных! Навсегда останутся они здесь, освещенные солнцем, омываемые дождями, дни и ночи, как опора в нашей вере.

Дакав, Прютт и Диффани начали засыпать яму землей. Они работали со рвением. В полчаса яма была заполнена, почва покрыла корни дерева. Друиды шествовали вокруг дуба с факелами. Каждый воззвал к возрождению, и церемония закончилась пением.

Обычно друиды завтракали в близлежащей деревне. Когда на следующее утро они отправились туда, за ними шагали Хал и Биллика. Взрослые заняли обычные места, Хал и Биллика — тоже.

Васт заметила их первой и указала на парочку дрожащим пальцем. Лейдиг завизжала. Прютт подпрыгнул, обернулся и выбежал из столовой. Дакав сполз со стула, как полупустой мешок. Скебу Диффани глядел на юную чету в ошоломлении. Хал и Биллика не обращали внимания на замешательство, причиной которого явились.

Лейдиг, причитая и всхлипывая, покинула помещение, за ней последовала Васт. Диффани обратился к Халу:

— Как вы выбрались оттуда?

— Через тоннель, — ответил Хал. — Уибл вырыл тоннель.

Вперед выступил инженер.

— Я использовал слуг. Для того они здесь и находят-ся. Мы вырыли тоннель.

Диффани медленно кивнул, снял капюшон, оглядел его и отбросил в угол.

Дакав, рыча, поднялся на ноги. Он ударил Хала, опрокинув его на пол, но тут же получил ошутимый пинок от Уибла, который, отступив на шаг, усмехнулся:

— Возвращайся к своему дереву, Дакав. Выкопай еще одну яму и заройся в нее сам.

Дакав обратился в бегство.

Васт и Лейдиг отсиживались в беседке. Прютт убежал на юг, через садовую ограду, и никто его с тех пор не видел.

Каким-то образом история с друидами разрушила все очарование. Гости, поглядывая друг на друга, прикидывали, что отдых подходит к концу и вскоре они расстанутся с Дворцом Любви.

Джерсен уже в который раз оглядывал горы. Терпение, конечно, хорошая штука, но шанс оказаться так близко к Виолю Фалюшу может больше не представиться.

Он перебирал в памяти то небольшое, что удалось узнать. Можно предположить, что банкетный зал каким-то образом связан с апартаментами Виоля Фалюша. Джерсен отправился исследовать ворота и основание лестницы. Это ничего не дало. Горы над Дворцом были непроходимы.

На востоке, там, где утесы спускались к морю, ошетинился шипами колючий кустарник. На западе путь

перекрывала каменная стена. Джерсен решил прошу-
пать южные подступы. Если удастся по периферии сада
подобраться к горам, он сможет вскарабкаться на них и
оглядеть все сверху... Но не будет ли это пустой тратой
сил? Идти вслепую, без плана... Должна быть другая
возможность, но какая?! Нет, надо действовать, пока
осталось еще шесть часов светлого времени. Придется
положиться на удачу. Если его обнаружат, можно объяс-
нить все привычкой журналистов совать нос в чужие
дела. А что, если Виоль Фалюш применит какой-нибудь
детектор лжи?.. Мурашки пробежали по телу Джерсена,
это не понравилось ему. Он стал слишком изнеженным,
слишком вялым. Обругав себя сначала за трусость, затем
за добровольное бездействие, Кирт отправился на юг,
прочь от гор.

ГЛАВА 13

Храм в Астрополисе — великолепное сооружение из красного пор-
фира, примечательное алтарем из чистого серебра. Жители Астропо-
лиса исповедуют тринадцать культов, поклоняясь разным божествам.
Чтобы определить ранг каждого божества, каждые семь лет проводят
испытания божеств, на которых судьи определяют Высшую Силу,
Недостижимое Величие и Неразрешимую Тайну.

На первом состязании деревянные статуи богов грузят на ослов и
пускают животных по дороге. Божество, которое первым прибудет к
финишу, объявляют Высшей Силой.

Далее скульптуры помещают в стеклянные ящики, которые затем
опускают в море и переворачивают. Того, чье изваяние первым всплы-
вает на поверхность, объявляют Недостижимым Величием.

Затем изображения богов закрывают ширмами. Призванные для
испытания стараются угадать, какой именно бог скрывается за шир-
мой. Тот, кто угадывает хуже всех, получает кинжал и масло для
притираний. А бог, упорнее других скрывающий свою сущность, име-
нуется Неразрешимой Тайной.

За последние двадцать восемь лет бог Кальзиба выигрывал с таким
постоянством, а бог Сиаразис с таким постоянством проигрывал, что
последователи Сиаразиса постепенно переметнулись в стан почитате-
лей Кальзибы.

*Из книги Л. Г. Дасени «Миры, в которых я
бывал».*

Сад кончался рощицей местных деревьев неизвест-
ного Джерсену вида, высоких, мрачных, с мясистыми
черными листьями, с которых сыпалась мелкая липкая

пыльца. Опасаясь, что она ядовита, Джерсен старался дышать как можно реже и потому отделался лишь зудом. На восток к океану простирались фруктовые сады и возделанные земли, на западе виднелись длинные строения. Их было около дюжины. Амбары? Бараки? Держась в тени деревьев, Джерсен пошел на запад и наконец набрел на дорогу, ведущую в горы.

Ни одной живой души ему не встретилось. Амбары казались пустыми. Они явно не были обиталищем Виоля Фалюша.

Дорога пересекала дикую местность, заросшую колючим кустарником. Джерсен в сомнении оглядел лежащий перед ним путь. Лучше углубиться в заросли — меньше шансов быть обнаруженным. Он пересек дорогу и побрел к горам. Полуденное солнце светило ярко, в зарослях роились маленькие красные насекомые, которые, стоило их потревожить, издавали неприятный свистящий звук. Обойдя завал — лежище или гнездо, Джерсен набрел на раздутое змееобразное создание, морда которого неприятно напоминала человеческое лицо. Создание комически-тревожно разглядывало Джерсена, затем отпрянуло назад и выпустило хоботок, очевидно намереваясь плюнуть ядом. Джерсен бросился наутек и дальше вел себя осторожнее.

Дорога сворачивала на запад, прочь от садов. Джерсен пересек ее еще раз и укрылся под кронами желтых пузырчатых растений. Он разглядывал горы, пытаясь отыскать маршрут, который вывел бы его на гребень. К сожалению, карабкаясь наверх, он будет открыт взгляду любого наблюдателя, оказавшегося неподалеку... Тут уж ничего не поделаешь. Он в последний раз огляделся и, не увидев ничего тревожного, продолжил путь.

Горы шли уступами, иногда очень крутыми, и Джерсен продвигался неожиданно медленно. Солнце медленно ползло по небу. Внизу раскинулся Дворец Любви и сады. Грудь Джерсена болела, горло пересохло, словно от наркоза... Было ли это действием ядовитой пылицы? Он карабкался все выше, панорама под ним расстилась все шире и шире.

Взбираться стало легче, и Джерсен свернул к востоку, где, по его догадкам, Виоль Фалюш расположил свою резиденцию. Что-то промелькнуло внизу. Джерсен замер.

Уголком глаза он заметил белое пятно где-то справа. Присмотревшись, он увидел то, что сперва не привлекло внимания, — глубокую трещину между утесами, через которую был перекинут мост, соединяющий два арочных прохода, полностью замаскированных каменной стеной.

Прижимаясь к скале, Джерсен свернул к утесам и оказался футов на тридцать выше прохода. Спуститься отсюда было невозможно. Он не мог ни продвинуться вперед, ни спуститься. Пальцы занемели, ноги напряглись. Тридцать футов — слишком высоко, чтобы прыгнуть, он сломает себе ноги. На мосту появился бледный кряжистый человек с большой головой и черными всклокоченными волосами. Он был одет в белый пиджак и черные брюки. Именно этот белый пиджак, понял Джерсен, и привлек его внимание. Если человек поглядит вверх, если сорвавшийся камешек ударится о мост, Джерсен пропал... Человек достиг прохода и скрылся из виду. Джерсен проделал невообразимый трюк, ниспровергающий законы гравитации, и приник к утесу. Он вытянул ноги, прижимаясь коленями к стене. Сантиметр за сантиметром Джерсен сползал вниз и с облегчением отделился от стены на шестифутовой высоте. Он потянулся, массируя затекшие мышцы, затем подобрался к западному проему, в котором исчез человек. Длинный белый зал тянулся на пятьдесят ярдов, монотонность стен нарушалась только редкими окнами и дверными проемами. Возле одного из окон стоял широкоплечий человек, разглядывая что-то привлекавшее его внимание. Он поднял руку, подзывая кого-то. Появился широкоплечий мужчина с толстой шеей, маленькой головой, жесткой желтой щеткой волос и белыми глазами. Оба таращились в окно, и белоглазый, казалось, забавляется от души.

Джерсен отпрянул назад. Пересекая проход, он поглядел влево, увидел одинокую дверь. Длинными скользящими прыжками Джерсен подобрался к двери, нажал на выступающую кнопку. Никакой реакции. Надо знать код? Или механизм, открывающий дверь, приводится в действие с другой стороны? Значит, человек, ушедший до него этой дорогой, переговаривал с кем-то, кто находился недалеко от входа. Может, не стоит привлекать

внимания? Однако, если не проникнуть за дверь, и быстро, в любую минуту могут приблизиться эти двое, а спрятаться негде.

Он внимательно исследовал дверь. Замок был магнитным, обычное притяжение дополнялось электронными мышцами. Щитовая плата была приклеена. Джерсен обыскал карманы, но не нашел ничего подходящего. Он оглянулся, подбежал к светильнику и выкрутил декоративную остроугольную металлическую деталь. Возвратившись к двери, Джерсен с ее помощью поддел запирающую плату и наконец высвободил механизм открывающей кнопки. С помощью той же железяки он закоротил контакты и нажал на кнопку. Дверь бесшумно скользнула в сторону.

Джерсен шагнул в пустое фойе, вернул на место запирающую плату и позволил двери тихо затвориться.

Глазам его открылось любопытное зрелище. Задняя стена комнаты была целиком выполнена из волнистого стекла. Слева в арочном проходе открывался пролет лестницы. Справа всю стену занимали пять экранов, на которых прокручивались цветные слайды, которые изображали Игрель Тинси на разных этапах существования. Или то были пять различных девушек? Вот эта, в короткой черной юбке, — Друзилла Уэллс. Джерсен узнал ее по выражению лица, сжатым губам, привычке склонять голову набок. Еще одна, в забавном клоунском костюме, улыбалась со сцены. Игрель Тинси тринадцати или четырнадцати лет, одетая в белоснежную тогу, медленно шла по берегу, усыпанному песком и галькой. Четвертая Игрель Тинси, на год или два моложе Друзиллы, красовалась в одной варварской юбочке из кожи и бронзовых нашлапок. Она стояла на террасе, сложенной из каменных глыб, и, казалось, исполняла религиозный ритуал. Пятая Игрель Тинси, на год или два старше Друзиллы, быстро шла по городской улице.

Это было все, что Джерсен успел рассмотреть, потому что за волнистым стеклом появился силуэт высокого худощавого человека.

Джерсен пересек фойе четырьмя долгими прыжками. Его рука надавила на кнопку, отпирающую дверь, но безуспешно. Джерсен напрягся, но не смог сдержать

тяжкий вздох. Человек резко повернул голову. Джерсен различал лишь движение и общие контуры фигуры.

— Ретц? Опять вернулся? — Незнакомец внезапно вытянул шею вперед — очевидно, стекло с его стороны позволяло видеть все. — Да это же Лукас, Генри Лукас, журналист. — Его голос стал резким. — Нам нужно серьезно объясниться. Что вы тут делаете?

— Ответ очевиден, — нашелся Джерсен. — Я пришел сюда, чтобы взять у вас интервью. Другого способа не было.

— Как вы нашли мой офис?

— Отправился в горы, прыгнул там, где тропа пересекает ущелье. Затем попал в проход.

— В самом деле? Вы что, человек-муха, что ползаете по стенкам?

— Не так-то это было трудно, — ответил Джерсен, — а другой возможности могло не представиться.

— Серьезное нарушение, — холодно заметил Виоль Фалюш. — Помните мои требования насчет тайны личности? Я вынужден настаивать на этом принципе.

— Ваши слова относились к гостям, — не смутился Джерсен, — а я тут выполняю задание.

— Род ваших занятий не извиняет нарушения закона, — сказал Виоль Фалюш мягким голосом. — Вы знали о моих пожеланиях, которые здесь, как и везде в Скоплении, являются законом. Я нахожу ваше вторжение не только бестактным, но и непростительным. Вы перешли грань обычной журналистской бестактности. Мне всегда казалось...

Джерсен прервал его:

— Пожалуйста, не позволяйте вашему воображению взять верх над чувством пропорций. Я заинтересовался фотографиями в фойе. Они напоминают ту молодую леди, которая сопровождала нас в путешествии, воспитанницу Наварха.

— Именно, — подтвердил Виоль Фалюш. — Я принимаю большое участие в этой молодой женщине. Я доверил ее воспитание Наварху, но результаты оказались неутешительными: она своенравна.

— А где она сейчас? Я не видел ее по прибытии во Дворец.

— Она наслаждается путешествием, — отрезал Виоль Фалюш. — Но откуда такой интерес? Она для вас ничто.

— Я был дружен с ней и пытался выяснить некоторые вещи, которые она находила непонятными.

— Какие именно?

— Вы позволите мне быть откровенным?

— Почему нет? Вы вряд ли можете взбесить меня еще сильнее...

— Девушка боялась будущего. Она хотела жить нормальной жизнью, но предпочитала покориться неизбежному.

Голос Виоля Фалюша дрогнул:

— Вот так она и говорила обо мне? Только страх и долг?

— У нее не было причин говорить иначе.

— Вы храбрый человек, мистер Лукас. Конечно, вам известна моя репутация. Я разработал закон общего равенства действия и противодействия: каждый, кто оскорбляет меня, несет наказание.

— А как насчет Игрель Тинси? — поинтересовался Джерсен, надеясь отвлечь собеседника.

— Игрель Тинси, — выдохнул Виоль Фалюш, — милая Игрель, такая же упрямая и легкомысленная, как и та девица, с которой вы подружились. Игрель так и не смогла отплатить за обиду, которую нанесла мне. О, эти утерянные годы! — Голос Виоля Фалюша дрожал от подступившей обиды. — Никогда не смогла она восполнить мои потери, хоть и сделала все, что могла.

— Она жива?

— Нет. — Настроение Виоля Фалюша снова сменилось. — А почему вы спрашиваете?

— Я журналист. Вы знаете, почему я здесь. Мне нужна фотография Игрель Тинси для статьи.

— В этом отношении мне не нужна гласность.

— Я поражен сходством между Игрель Тинси и Друзиллой. Вы можете объяснить его?

— Мог бы, — сказал Виоль Фалюш, — но предпочитаю не делать этого. Мы отклонились от темы: вы совершили проступок, и я требую возмещения. — И Виоль Фалюш небрежно облокотился на какой-то столик.

Джерсен с минуту поразмыслил. Ускользнуть не удастся. Нападение невозможно. Может быть, овладев

ситуацией, заставить Виоля Фалюша изменить намерения?

— Возможно, я и нарушил букву ваших правил, но чего будет стоить статья о Дворце Любви без комментариев его создателя? Иначе связаться с вами я не мог: вы чураетесь гостей.

Виоль Фалюш прикинулся удивленным:

— Наварх знает код вызова. Слуги могли бы провести вас к телефону.

— Это не пришло мне в голову, — протянул Джерсен задумчиво. — Нет, о телефоне я не подумал. Говорите, Наварх знает код?

— Конечно. Он тот же, что и на Земле.

— Факт остается фактом, — не сдавался Джерсен. — Я здесь. Вы видели первую часть статьи, вторая и третья могут выйти еще более своеобразными. Чтобы представить вашу точку зрения, нужно обсудить ее. Итак, откройте дверь и давайте поговорим.

— Нет, — усмехнулся Виоль Фалюш. — Я не откажусь от своего каприза. Оставаясь анонимным, я могу забавляться, смешиваться с гостями... Ну ладно, — проворчал он. — Я проглочу обиду. Хотя вы мой должник. Возможно, я еще востребую долг. Пока можете считать себя свободным. — Он что-то тихо сказал — Джерсен не слышал что — и дверь в фойе отворилась. — Входите, это моя библиотека. Я поговорю с вами здесь.

Джерсен вступил в длинную комнату, устланную темно-зеленым ковром. Тяжелый стол в центре украшала пара антикварных светильников, рядом лежала подборка текущей периодики. Одну стену полностью скрывали полки с древними книгами. Здесь также был стандартный электронный секретарь и несколько мягких кресел.

Джерсен окинул комнату взглядом, в котором сквозила зависть: здесь царил разум, а не наслаждение — как во Дворце. Позади кресла, в котором сидел хозяин, засветился экран, его мерцание превратило Виоля Фалюша в темный силуэт, безликий, как и раньше.

— Ну хорошо, — произнес низкий голос, — на чем мы остановились? Полагаю, вы фотографировали здесь?

— У меня есть несколько сот фотографий. Более, чем необходимо, чтобы отразить все великолепие Дворца — той его части, что вы предоставили гостям.

Виоль Фалюш, казалось, удивился:

— А вам интересно, что здесь еще происходит?

— Только как журналисту.

— Гм. А что вы, как человек, думаете о Дворце?

— Он очень приятен.

— И только-то?

— Чего-то не хватает. Возможно, дело в слугах. Им недостает глубины — бедняги кажутся нереальными.

— Понимаю, — кивнул Виоль Фалюш, — им не хватает традиций. Единственное лекарство — время.

— Они также лишены чувства ответственности. В конце концов, они всего лишь рабы.

— Не совсем, поскольку не осознают этого. Они полагают себя Счастливым Народом. Так оно и есть. Именно ощущение нереальности, колдовства я и пытался создать здесь.

— А когда истекает их срок... Что тогда? Что происходит со Счастливым Народом?

— Некоторые работают на фермах, в садах. Других отсылают еще куда-нибудь.

— В большой мир? Их продают как рабов?

— Все мы рабы в том или ином смысле.

— И вы тоже?

— Я жертва чудовищного наваждения. Я был чувствительным мальчиком, которого жестоко травили. Полагаю, Наварх изложил вам детали. Вместо того чтобы сломаться, я обрел силу, начал искать возмещения — ищу до сих пор. Я — одержимый. Общество считает меня своевольным сибаритом, эротоманом. Оно ошибается. Я — что скрывать — убежденный аскет. И останусь им, пока не избавлюсь от наваждения. Я — упорный человек. Однако вам не интересны мои личные проблемы, поскольку, естественно, это не тема для печати.

— И тем не менее, мне интересно. Игрель Тинси — источник вашего наваждения?

— Именно, — произнес Виоль Фалюш невыразительным голосом. — Она разбила мою жизнь. И должна возместить ущерб. Разве это не справедливо? Она проявила себя непонятливой, жестокой.

— И как она может излечить ваше наваждение?

Виоль Фалюш выпрямился в кресле.

— У вас что, нет воображения? Мы уже достаточно много друг другу сказали.

— Так Игрель Тинси жива?

— Да, конечно.

— Но из ваших слов я сделал вывод, что она мертва.

— Жизнь и смерть — все это неточные термины.

— Кто тогда Друзилла, девушка, которую вы оставили Наварху? Она — Игрель Тинси?

— Она то, что она есть. И допустила ужасную ошибку. Не оправдала моих надежд, и Наварх тоже, раз уж взялся воспитывать ее. Она легкомысленна и упряма, заигрывала с другими мужчинами и должна служить мне, как служила Игрель Тинси. Так и будет, во веки веков, пока я не получу желаемого и не успокоюсь. К этому времени ей придется оплатить огромный счет. Тридцать лет! Подумайте об этом! — Голос Виоля Фалюша дрожал и прерывался. — Тридцать лет быть окруженным красотой и не иметь возможности наслаждаться ею. Тридцать долгих лет!

— Я не рассчитываю, что вы послушаете моего совета, — сухо сказал Джерсен.

— Я не нуждаюсь ни в чьих советах, и, естественно, то, что я говорю вам, не может быть опубликовано. Я буду оскорблен и потребую удовлетворения.

— Тогда что можно печатать?

— Все, что хотите, если это не оскорбит меня.

— А что здесь еще делается — по ту сторону зала?

Виоль Фалюш с минуту разглядывал его. Джерсен чувствовал это, но не мог различить выражения глаз. Но голос Фалюша звучал легко:

— Это Дворец Любви. Я увлечен им, даже захвачен, возможно, из-за механизма сублимации. Я разработал программу исследований. Изучаю эмоции в искусственно созданных и достоверных обстоятельствах. Однако сейчас я предпочел бы не обсуждать проблему. Возможно, через пять лет, или десять, я опубликую заключение. Предвижу потрясающие результаты.

— Что касается фотографий в фойе...

Виоль Фалюш вскочил на ноги.

— Хватит! Мы говорили слишком долго, я разволновался, и вы тому причиной, поэтому я доставлю некоторые неудобства и вам, что несколько меня успокоит.

Внимание и осторожность! Скоро настанет час возвращения в Реальность.

— А что будет с вами? Останетесь здесь?

— Нет. Я также покину Дворец. Работа здесь завершена, у меня важная миссия на Альфаноре, которая меня развлечет и, возможно, все изменит... Будьте любезны, выйдите в холл. Мой друг Хеланс ожидает вас.

«Хеланс, — подумал Джерсен, — должно быть, тот белоглазый». Ощукая на себе пристальный взгляд Виоля Фалюша, Джерсен медленно повернулся и пошел к двери. Белоглазый ожидал его в холле. Он держал в руках что-то вроде цепя — стержень, заканчивающийся кусками проволоки. Похоже, другого оружия у него не было.

— Сними одежду, — велел Хеланс, — ты должен быть очищен.

— Это твой язык должен быть очищен, — сказал Джерсен. — Можешь говорить что хочешь, а сейчас ты должен возвратить меня в сад.

Хеланс улыбнулся.

— У меня есть приказ. Можешь упираться, но приказ должен быть и будет исполнен.

— Не тобой, — огрызнулся Джерсен. — Ты слишком толст и медлителен.

Хеланс вскинул цеп, проволоки резко и неприятно засвистели в воздухе.

— Быстро! Или ты выведешь нас из терпения, и наказание будет другим.

Хеланс мускулист и крепок, отметил Джерсен, явно тренированный борец, возможно, столь же хорошо тренированный, как и он сам. И на тридцать фунтов тяжелее. Если у него и есть слабое место, этого с ходу не разберешь. Джерсен неожиданно сел на пол, спрятав лицо в ладони и начал всхлипывать.

Хеланс уставился на него.

— Снимай одежду. Не расслаживайся! — Он подошел и поддел Джерсена носком ботинка. — Ап!

Джерсен вскочил, ухватив ногу Хеланса. Тот повалился назад. Кирт нещадно выкрутил ему ногу так, что мышцы свело от боли. Белоглазый отчаянно заорал, затем упал и замер. Кирт поднял плетку, стегнул его по плечу. Проволоки зашипели, клацнули, Хеланс застонал.

— Если можешь идти, — сказал Джерсен, — просто покажи дорогу.

За его спиной раздались шаги. Джерсен повернулся и увидел высокую фигуру в черном. В мозгу вспыхнули красно-белые огни, и Джерсен потерял сознание.

Это были кошмарные полчаса. Джерсен медленно возвращался к жизни. Он лежал голым в саду, возле стены Дворца. Одежда была аккуратно сложена рядом.

«С меня хватит, — подумал Кирт. — Проект провалился. Не полностью, поскольку я еще жив». Он оделся, криво улыбаясь. Его пытались проучить. Ничего не выйдет. Он уплатил, но боль, как и удовольствие, проходит быстро. Гордость — раздражитель посильнее.

Джерсен прислонился к стене и ждал, когда в голове прояснится. Нервное напряжение еще не спало. На теле не было ни синяков, ни кровоподтеков — только несколько красных рубцов. Живот подвело от голода. Вот она, ирония судьбы: он гость за столом Виоля Фалюша, гуляет по прелестным садам, которые создало воображение врага... Джерсен вновь мрачно улыбнулся. Он и не ждал, что жизненный путь будет усыпан розами.

Смеркалось. Сад никогда не выглядел таким прекрасным. В кустах жасмина дрожали огни, мраморные урны мерцали в темной зелени, словно испуская собственный свет. Стайка девушек из деревушки прошла мимо. Сегодня они были в просторных белых шароварах и несли желтые фонарики. Завидев гостя, девушки закружились возле него, распевая веселую песенку, слов которой Джерсен не понял. Одна приблизилась, поднесла фонарик к его лицу.

— Почему ты такой грустный, незнакомец? Такой мрачный! Развеселись, пойдем с нами!

— Благодарю, — ответил Джерсен, — боюсь, сегодня я мало пригоден для веселья.

— Поцелуй меня, — прошептала девушка. — Разве я не прекрасна? Почему ты так печален? Потому что должен навсегда покинуть Дворец Любви? А мы останемся тут, всегда будем молоды и всегда будем проносить свои фонарики сквозь ночь. Поэтому ты грустишь?

Джерсен улыбнулся.

— Да, я должен возвращаться в дальний мир. И я погружен в свои думы. Не позволяйте мне мешать вашему веселью.

Девушка поцеловала его в щеку.

«Сегодня — твоя последняя ночь, последняя ночь во Дворце Любви. Сегодня ты должен сделать все, чем пренебрегал. Больше не будет времени».

Девушки пошли дальше, Джерсен глядел им вслед.

«Всем ли я пренебрег... Хотелось бы думать, чтобы это было так...».

Он направился к террасе, где ужинали гости. Наварх склонился над блюдом с гуляшом. Джерсен присоединился к нему. Слуга подкатил тележку. Джерсен, который не ел с утра, положил себе приличную порцию.

В конце концов Наварх заговорил:

— Что случилось? Выглядите слегка потрепанным.

— Я провел день с нашим хозяином.

— Да ну! Говорили с ним лицом к лицу?

— Почти.

— И вы узнали, кто он? Марио? Этьен? Танзел?

— Я ни в чем не уверен.

Наварх хмыкнул и вновь склонился над гуляшом.

— Это последняя ночь, — промолвил Джерсен.

— Так мне сказали. Я рад буду уехать. Здесь нет поэзии. Я всегда говорил: радость должна быть свободной, ее нельзя принудить. Глядите! Огромный дворец с великолепными садами, с ожившими нимфами и полубогами. Но где мечта, где миф? Только простодушные могут получать здесь удовольствие.

— Вашему другу Виолю Фалюшу будет грустно слышать это.

— Иного я сказать не могу. — Наварх кинул на Джерсена неожиданно острый взгляд. — Вы спрашивали про девушку?

— Да. Но ничего не узнал.

Наварх прикрыл глаза.

— Я стар, не могу действовать. Слушайте, Генри Лукас — или как вас там, — вы не можете ничего сделать?

— Сегодня я устал, — уклончиво ответил Джерсен. — Меня не слишком любезно приняли.

Собеседники надолго умолкли. Затем Джерсен спросил:

- Когда мы уезжаем?
- Я знаю не больше, чем вы.
- Мы сделаем, что можем.

ГЛАВА 14

Взобравшись на гребень холма, Мармадюк отыскивал взглядом высокий кипарис, под которым ютилась хижина символиста. И стоял там кипарис, печальный и одинокий, и хижина подле него. И приветствовал его символист.

– Сотни лиг прошел я, – промолвил Мармадюк, – чтобы задать тебе лишь один вопрос: есть ли душа у цвета?

– Неужто кто-то утверждает обратное? – спросил символист и заставил все вокруг сиять оранжевым светом, взмахнув полами тоги, а потом запахнулся в нее с великой ловкостью.

С немалым удовольствием наблюдал за ним Мармадюк, дивясь мощи старца.

Символист вызвал к жизни зеленый свет, и, присев под ветвями кипариса, спрятал голову в колени, и накрылся тогой, тогда как Мармадюк лишь руками всплеснул в удивлении.

И пробудил к жизни символист красный свет, и, подойдя к Мармадюку, играючи, покрыл его тогой.

– О мой друг! – прошептал гость высвобождаясь. – До чего ты искусен.

– Все, что достойно усилий, должно выполнять хорошо, – рек символист. – Теперь внемли моим словам! У каждого цвета двойная природа. Оранжевый есть и веселье цветка, и крик умирающей цапли. Зеленый есть и эманация послемыслей, и печаль северного ветра. Красный, как мы видели, являет собой здоровую простоту.

– А второе значение красного? – спросил Мармадюк.

– А это тебе предстоит познать – как сказал кот, открывая масленку, – отвечал символист и сотворил криптический знак.

Озадаченный, откланялся Мармадюк и уже был на полпути к горам, когда обнаружил пропажу бумажника...

*Из «Свитка Девятого Измерения», глава
«Ученик Авара».*

Последняя ночь во Дворце Любви была праздничной. Играла музыка, дымились курильницы, распространяя дурманящие ароматы, водили хороводы девушки из деревень. Те, кого соединяли нежные узы, вели прощальные беседы или же предавались последней вспышке страсти. Остальные всему предпочли созерцание, витая в мечтах. Так прошла ночь. Цветные фонарики мигнули и погасли. Счастливый Народ ускользнул за ограду сада,

один за другим гости поднимались в свои спальни, поодиночке или парами.

Все стихло, начала выпадать роса. К каждому гостю подошел слуга: пришло время собираться в дорогу.

На возражения и брюзжание гостей у слуг был лишь один ответ: таков порядок, аэрокар ждет, те, кто не успеет собраться, будут добираться до Кулихи пешком.

Гостям еще раз предложили новые одежды — строгие костюмы черного, голубого и темно-зеленого цветов. Их проводили к аэрокару. Джерсен пересчитал гостей: все в сборе, кроме Приютта и Друзиллы. Этьен, Марио и Танзел стояли поблизости. Если один из них — Виоль Фалюш, очевидно, он собирается возвратиться в Ойкумену вместе с остальными.

Джерсен прошел вперед, заглянул в кабину пилота и увидел там Хеланса. Гости рассаживались в аэрокаре. Джерсен отвел Наварха в сторону: — Погодите.

— Почему?

— Неважно. — Танзел и Этьен уже поднялись на борт, теперь по трапу взбирался Марио. Джерсен торопливо заговорил: — Ступайте за ним. Поднимите шум. Колотите по переборке. Там есть запасной выход между салоном и кабиной пилота. Постарайтесь держать его открытым. Отвлеките пилота, постарайтесь не задевать Марио, Этьена или Танзела — у них не должно быть повода вмешиваться.

Наварх удивленно воззрился на него:

— И что толку с этого?

— Неважно. Делайте, как я говорю. Где Друзилла? Где Игрель Тинси? Почему их нет на борту?

— Да... Почему их нет на борту? Я разгневан. — Наварх ринулся к трапу, оттолкнув Лейдиг. — Подождите! — взревел он. — Здесь не все пассажиры. Где Зан Зу из Эриду? Мы не можем улететь без нее. Я отказываюсь уезжать, ничто не сдвинет меня с места.

— Успокойся, старый дурень, — проворчал Торрас да Нозза, — из этого ничего хорошего не выйдет.

Наварх метался по салону. Он замолотил по перегородке, нажав на ручку запасного выхода. В конце концов Хеланс отворил дверь и вошел в салон, чтобы успокоить бунтовщика:

— Потише, старина. Мы уезжаем согласно приказу. Ты же не хочешь один брести весь путь до города. Успокойся!

— Послушайте, Наварх,— увещевал Леранд Уибл.— Вы ничего не добьетесь. Сидите тихо.

— Ну ладно,— сказал Наварх.— Я протестовал. Сделал все, что мог. Больше мне сказать нечего.

Хеланс вернулся в передний отсек. Он влез в кабину пилота, закрыл дверь. Джерсен, который прятался в стороне, ударил его камнем по голове. Хеланс застонал, оглянулся и увидел врага, хотя кровь заливала ему глаза. Он издал неопределенный вопль. Джерсен ударил еще раз. Белоглазый упал.

Джерсен сел за пульт управления. Аэрокар взмыл вверх в лучах восходящего солнца. Кирт обыскал Хеланса и нашел два лучемета, которые засунул в карман. Он снизил скорость, так что аэрокар завис над землей, отворил двери и вытолкнул Хеланса наружу.

«В салоне,— подумал Джерсен,— Виоль Фалюш, должно быть, удивляется, что за странный курс взял Хеланс». Джерсен оглядел расстилавшийся внизу океан и наконец обнаружил островок милях в двадцати от берега. Он покружил над ним и, не найдя никаких признаков присутствия людей, посадил аэрокар.

Джерсен прыгнул на землю. Подойдя к люку салона, он открыл его и заскочил внутрь.

— Все выходите. Быстро.— Джерсен повел лучеметом.

— Что это значит? — промычал Уибл.

— Это значит: все выходите.

Наварх вскочил:

— Давайте! — завопил он.— Выходите все.

Гости неуверенно вылезли наружу. Когда Марио пошел к двери, Джерсен остановил его:

— Ты остаешься. Веди себя тихо и не двигайся, а то я убью тебя.

Танзел, а затем Этьен тоже были остановлены и усажены. В конце концов салон опустел, в нем остались лишь Джерсен и подозреваемые. Снаружи бушевал Наварх:

— Не вмешивайтесь, или пожалеете. Это дело МПКК! Я точно знаю.

— Наварх! — позвал Джерсен из салона. — Мне нужна ваша помощь.

Наварх влез обратно в салон. Он обыскал Марио, Танзела и Этьена, пока Джерсен держал их на мушке. Поэт не нашел ни оружия, ни чего-либо указывающего на личность Виоля Фалюша. По приказу Джерсена Наварх привязал троицу к креслам обрывками веревок, ремней и полосками ткани. Пленники крыли Джерсена последними словами и требовали объяснить причину подобного обращения: Танзел был самым многословным, Этьен — самым ехидным, а Марио — самым разгневанным. Все высказывались с одинаковым пылом. Джерсен ответил на все их тирады чохом:

— Перед двумя из вас я извинюсь позже. Те, за кем нет вины, должны сотрудничать со мной. От третьего я ожидаю неприятностей, и к ним я тоже подготовился.

— Во имя Йеху! — взвился Танзел. — Чего вы от нас хотите? Назовите третьего и разбирайтесь с ним.

— Его звали Фогель Фильшнер, — ответил Джерсен. — А теперь он известен как Виоль Фалюш.

— А мы тут при чем? Ищите его во Дворце.

Джерсен усмехнулся:

— Неплохая идея. — Он подергал путы, там подтянул, здесь укрепил узел. — Наварх, садитесь с этой стороны и следите за ними внимательно. Один из них отнял у вас Игрель Тинси.

— Скажите который.

— Фогель Фильшнер. Вы не узнаете его?

— Хотел бы... — Поэт указал на Марио: — У этого глаза бегают. — Кивнул на руки Танзела: — А этот манерный, как Фогель. — Затем он повернулся, оглядывая Этьена: — Этот злобен, да еще и несчастен.

— Конечно, я несчастен, — фыркнул Этьен. — С чего это мне веселиться?

— Следите за ними хорошенько! — приказал Джерсен. — Мы возвращаемся во Дворец.

Не обращая внимания на отчаянные вопли гостей, он поднял аэрокар в воздух. Пока все шло хорошо, но дальше-то что? Предположим, все его догадки ложны. Допустим, ни Танзел, ни Марио, ни Этьен не имеют ничего общего с Виолем Фалюшем. Однако, обдумав

вновь все детали путешествия во Дворец, он отбросил эту мысль.

Проще всего было подобраться к резиденции Виоля Фалюша сверху. Джерсен не желал вновь ползать по утесам. Он опустил аэрокар рядом с Дворцом и вернулся в салон. Как и прежде, Наварх сидел, сверля взглядом пленников, которые, в свою очередь, с ненавистью глядели на него.

Джерсен дал Наварху лучемер:

— Если возникнут сложности, убейте всех троих. Я иду искать Друзиллу и Игрель Тинси. Следите за ними очень внимательно.

Наварх дико расхохотался:

— Кто может провести Безумного Поэта? Я узнаю его и буду держать оружие у горла этого подонка.

Джерсен нахмурился: тюремщик из Наварха никуда не дышит.

— Помните — если он убежит, мы пропали. Пусть просят воды, пусть жалуются на тугие веревки — потерпят. Будьте безжалостны, если вмешается кто-нибудь снаружи. Убейте всех троих.

— С удовольствием.

— Отлично. Придержите свое сумасшествие, пока я не вернусь.

Джерсен вошел в дверь, в которую три недели назад впустили усталых путников. Для этого пришлось расплавить лучемером замок.

Во дворце царила тишина. Темные комнаты были пусты. Джерсен прошел той дорогой, которой вела его девушка в голубом, и в конце концов обнаружил банкетный зал, теперь сумеречный, слабо пахнувший духами и вином.

Он двигался очень осторожно. Одна дверь выходила в сад. Другая должна была привести его в апартаменты Виоля Фалюша.

Джерсен обшарил стены и нашел-таки за гобеленом узкую дверь, обшитую металлом. Еще раз он прожег себе дорогу.

Спиральная лестница привела его в комнату позади круглого зала.

Джерсен обыскал комнату и наткнулся на черную тетрадку в кожаной обложке. Она содержала краткие

заметки о психологии Игрель Тинси и различных методах, с помощью которых Виоль Фалюш надеялся завоевать ее. Казалось, ему было мало любви: он хотел полного подчинения, трепетного обожания, замешанного на любви и страхе.

«Значит,— подумал Джерсен — Виоль Фалюш пока не достиг цели». Он отложил тетрадь. Одну стену занимал телевизор. Джерсен нажал кнопку и увидел Друзиллу Уэллс в белом платье, сидящую на кровати. Она была бледная, худая, но ей не причинили особого вреда.

Джерсен вновь нажал кнопку. На фоне пяти черных деодаровых деревьев стояла маленькая, не больше кукольного домика, беседка. Рядом сидела девочка лет четырнадцати, как две капли воды похожая на Друзиллу. Она была в просторной белой тоге, полудетское лицо носило странное задумчиво-мечтательное выражение, словно она только что очнулась от приятного сна. Откуда-то подошло высокое негуманоидное создание, ступающее на тонких, покрытых черным мехом ногах. Оно остановилось рядом с девочкой и заговорило высоким пронзительным голосом. Девушка ответила без всякого интереса.

Новый фрагмент изображал террасу перед неким подобием алтаря. Внутри что-то блестело. Статуя божества? На ступеньках стояла еще одна Друзилла, на этот раз лет семнадцати, в одной лишь юбочке, с медным обручем на голове. Поблизости двигались другие женщины и мужчины, одетые подобным образом. Вдали виднелось морское побережье.

Джерсен нажимал кнопку снова и снова. Перед ним мелькали какие-то помещения, клетки. Мальчики, девочки, юноши, девушки, молодые мужчины и женщины, иногда по отдельности, иногда вместе. Это были эксперименты Виоля Фалюша, от которых он явно получал и удовольствие вуайера*... Других двойников Друзиллы Джерсен не увидел.

Он нервничал, потому что не верил в стойкость Наварха и спешил закончить все как можно скорее. Джерсен вышел из холла и отправился через мост, в лабора-

* Вуайер — человек, чье болезненное любопытство удовлетворяется созерцанием эротических сцен. — *Примеч. ред.*

торный отсек на западе. Здесь помещались объекты экспериментов — в клетках и камерах, за односторонним стеклом.

Ретц, широкоплечий техник, сидевший в маленькой конторе, вытаращил на него глаза:

— Что вы здесь делаете? Вы гость? Хозяин будет недоволен.

— Теперь я хозяин.— Джерсен помахал лучеметом.— Где девушка, похожая на Игрель Тинси?

Ретц поморгал, наполовину убежденный, наполовину сомневающийся.

— Я ничего не могу сказать вам.

Джерсен ткнул в него лучеметом:

— Быстро! Девушка, которую привезли три недели назад.

Ретц начал ныть:

— Как я могу сказать? Виоль Фалюш накажет меня.

— Виоль Фалюш — пленник.— Джерсен пошевелил лучеметом.— Веди меня к девушке, или я убью тебя.

— Он сделает со мной ужасные вещи.

— Уже нет.

Техник всплеснул руками и пошел по коридору. Внезапно он остановился и обернулся:

— Вы сказали, он ваш пленник?

— Да.

— И что вы собираетесь с ним сделать?

— Убить.

— А Дворец?

— Посмотрим. Веди меня к девушке.

— Вы оставите меня здесь, охранять Дворец?

— Я убью тебя, если не поторопишься.

Ретц неуверенно продолжал движение. Джерсен заговорил с ним:

— Что Виоль Фалюш с ней сделал?

— Пока ничего.

— А что хотел?

— Самооплодотворение, так сказать, непорочное зачатие. По окончании процедуры она бы понесла ребенка женского пола, свое точное подобие.

— Игрель Тинси зачала ее таким образом?

— Именно.

— И сколько еще?

— Шестерых. Потом она убила себя.

— Где остальные пять?

— О! Этого я не знаю.

Техник явно лгал, но Джерсен пока отложил выяснение этого вопроса.

Ретц остановился около двери, неуверенно оглянулся:

— Девушка там. Что бы она ни сказала, помните, что я лишь подчиненный, я только выполнял приказы.

— Теперь выполняй мои. Открывай!

Ретц вновь заколебался, с надеждой поглядывая через плечо Джерсена в коридор, словно рассчитывал на помощь. Потом вздохнул и отодвинул дверь.

Друзилла, сидевшая на кровати, взглянула на вошедших с тревогой, однако, увидев знакомое лицо, спрыгнула с постели и подбежала к Джерсену. Она всхлипывала от счастья:

— Я надеялась, что вы придете. Они делали со мной такие ужасные вещи!

Ретц попытался воспользоваться тем, что пришелец отвлекся, и попробовал ускользнуть. Но Джерсен осадил его:

— Не так быстро. У меня есть дело для тебя.— Он заговорил с Друзиллой: — Виоль Фалюш показался тебе? Ты можешь его узнать?

— Он приходил и стоял в дверном проеме, но за его спиной горел свет. Наверно, не хотел, чтобы я его видела. Он был вне себя, ненавидел меня. Сказал, что я неблагодарная. Я спросила почему, ведь я ему ничего не обещала. Он стал абсолютно холоден. Сказал, что моим долгом было ждать и развивать идеалы, пока он не придет. А я вместо этого вела себя мерзко на празднике у Наварха и во время путешествия.

Джерсен задумался:

— Одно известно наверняка: это или Танзел, или Этьен, или Марио. Кто тебе меньше всего нравился?

— Танзел.

— Танзел? Ну что ж, Ретц наверняка знает Виоля Фалюша. А, Ретц?

— Как я могу? Он никогда мне не показывался, только за стеклом в офисе.

«Маловероятно,— подумал Джерсен,— но все же возможно».

— А где остальные дочери Игрель Тинси?

— Здесь было шесть, — пробормотал Ретц. — Двух старших Виоль Фалюш убил. Одна на Альфаноре, эта, — он указал на Друзиллу, — была отослана на Землю. Самая молодая во Дворце, там где горы спускаются к морю. Еще одна — жрица бога Ародина на большом острове, прямо на востоке.

— Ретц, — процедил Джерсен, — Виоль Фалюш — мой пленник. Теперь я твой новый хозяин. Ты понимаешь это?

Ретц туго кивнул.

— Ты можешь описать Виоля Фалюша?

— Высокий мужчина с темными волосами, может быть ласковым или жестоким, веселым или злобным. Больше я ничего не знаю.

— Приказываю тебе освободить несчастных пленников.

— Невозможно! — взвился Ретц. — Они не знают иной жизни, кроме своих комнат. Открытый воздух, море, солнце — они сойдут с ума.

— Тогда мягко, насколько возможно, приведи их в норму. Я скоро вернусь и прослежу, как ты выполнил приказ. Потом скажи обитателям садов, что они больше не рабы и вольны остаться здесь или уйти. Имей в виду: я разыщу тебя хоть под землей и накажу заслушание.

— Я подчинюсь, — бормотал Ретц. — Я привык к подчинению. Я не знаю ничего иного.

Джерсен взял Друзиллу за руку:

— Я беспокоюсь за Наварха. Мы не должны задерживаться.

Но когда они вернулись к аэрокару, все было как раньше. Трое пленников замерли в креслах, а Наварх держал их на мушке. Глаза поэта вспыхнули при виде Друзиллы:

— Что с Игрель Тинси?

— Она мертва. Но у нее остались дочери. Что происходило тут, пока меня не было?

— Болтовня. Ругательства. Уговоры. Угрозы.

— Разумеется. Кто был настойчивей всех?

— Танзел.

Джерсен повернулся и холодно оглядел Танзела. Тот пожал плечами:

— По-вашему, я в восторге, что сижу здесь спутанный, как цыпленок?

— Один из вас — Виоль Фалюш, — бросил Джерсен. — Кто? Я думаю... Ну ладно, мы должны исправить одну из

величайших несправедливостей, совершенных во имя любви.

Он поднял аэрокар и медленно повел его на восток, к горам. На краю океана, там, где волны бились в каменные глыбы, темноло ущелье, за которым оказался песчаный пятачок, приблизительно с акр. Джерсен завел аэрокар в тень и спрыгнул.

Друзилла IV, самая юная из всех, медленно вышла вперед. Из трещины в скале две негуманоидные няньки издавали раздраженное шелканье. Девочка спросила:

— Вы — Человек? Тот Человек, который должен прийти и полюбить меня?

Джерсен усмехнулся:

— Я — человек, это точно, но кого ты называешь «Тот Человек»?

Друзилла IV указала на трещину в скале:

— Они рассказали мне о Человеке. Есть только он и я. Я должна буду полюбить его. Вот что я узнала.

— Но ты никогда не видела этого человека?

— Нет. Ты — первый человек, которого я вижу. Первый, подобный мне. Ты замечательный!

— В мире много людей, — успокоил Джерсен. — Они тебе соврали. Поднимайся на борт, я покажу тебе еще одного мужчину и девушку вроде тебя.

Друзилла IV оглянулась вокруг с недоверием и тревогой:

— Вы хотите забрать меня отсюда? Мне страшно.

— Не надо бояться, — улыбнулся Джерсен. — Поднимайся на борт.

— Конечно. — Она доверчиво подала ему руку и вошла в салон. При виде пассажиров девочка в удивлении остановилась. — Я не знала, что на свете столько людей! — Она критически оглядела Этьена, Марио и Танзела. — Они мне не нравятся. У них глупые злые лица. — Друзилла IV повернулась к Джерсену:

— Ты мне нравишься. Ты — первый мужчина, которого я увидела. Должно быть, ты и есть Тот Человек, и я останусь с тобой навсегда.

Джерсен не спускал глаз с Марио, Танзела и Этьена. Виолу Фалюшу, должно быть, весьма неприятно слышать такое. Пленники сидели с каменными лицами, глядя на Джерсена с равной степенью отвращения — лишь у Танзела слегка дергался уголок рта.

Джерсен поднял аэрокар в воздух и полетел на самый большой из островов. Почти немедленно он отыскал

деревню и приземлился на центральной площади. Жители глядели на него в изумлении и тревоге. Неподдалеку от деревни было каменное святилище. Оттуда вышла Друзилла III, спокойная и сдержанная, внешне такая же, как и сестры, однако в чем-то иная. Джерсена она рассматривала с дружелюбным интересом:

— Кто вы?

— Я пришел с большой земли, — объяснил тот, — и хочу поговорить с тобой.

— Хотите, чтобы я исполнила ритуал? Лучше обратитесь к другому божееству. Ародин бессилен. Я молила его перенести меня куда-нибудь, и о многом ином, но он был глух к молитвам.

Джерсен заглянул в святилище:

— Это его изваяние там, внутри?

— Да. Я жрица.

— Дозволь мне взглянуть на него.

— Нечего смотреть — просто статуя, сидящая на троне.

Джерсен зашел в святилище. В дальнем его конце сидела фигура в два человеческих роста. Голова ее была изуродована: нос, уши, щеки отбиты. Джерсен повернулся к Друзилле III и с удивлением спросил:

— Кто повредил статую?

— Я.

— Почему?

— Мне не понравилось лицо. Легенда гласит, что Ародин во плоти должен прийти сюда и взять меня в жены. Я должна была молить статую о том, чтобы он пришел как можно раньше. Я разбила лицо, чтобы отсрочить этот миг. Мне не нравится быть жрицей, но мне не разрешают больше ничем заниматься. Я надеялась, что, раз статуя подпорчена, пригласят другую жрицу, но этого не произошло. Вы заберете меня отсюда?

— Да. Ародин не бог, он просто человек. — Джерсен проводил Друзиллу III в салон и указал на Марию, Этьена, Танзела.

— Огляди этих троих. Кто-нибудь из них напоминает тебе статую Ародина, какой она была перед тем, как ты ее изуродовала?

Один из мужчин моргнул.

— Да, — сказала Друзилла III. — Да, в самом деле. Вот это лицо Ародина. — И она указала на того, кто моргнул, — на Танзела.

Танзел вскричал:

— Эй-эй! Что происходит? Что вы собираетесь делать?

— Я хочу опознать Виоля Фалюша,— пояснил Джерсен.

— Зачем тыкать пальцем в меня? Я не Ародин, не Виоль Фалюш, и даже не Вельзевул, если уж об этом речь. Я — старый добрый Гарри Танзел из Лондона, не больше и не меньше. Да развяжете вы эти чертовы веревки!

— Со временем,— усмехнулся Джерсен,— со временем.— Он повернулся к Друзилле III: — Ты уверена, что это — Ародин?

— Конечно! Почему он связан?

— Я подозреваю, что он преступник.

Друзилла III рассмеялась чистым счастливым смехом:

— Что за ужасная шутка! Человек вроде этого называет себя богом. Что он надеется получить?

— Тебя.

— Меня? Все эти труды для меня?

— Он хотел, чтобы ты любила, ценила его.

И вновь по кораблю пронесся смех.

— Столько напрасных усилий!

Джерсен, внимательно наблюдая, увидел, как лицо Танзела заливают краска.

— Ты готова уехать отсюда?

— Да... Кто эти девушки, которые так напоминают меня?

— Твои сестры.

— Как странно.

— Да. Виоль Фалюш, или Ародин, странный человек.

Джерсен поднял аэрокар и переключил управление на автоматический режим, чтобы спокойно подумать. До сих пор он не добился бесспорных доказательств. Краска стыда, сходство с изуродованной статуей — все это интересные, но косвенные признаки. По правде говоря, он и на шаг не приблизился к Виолю Фалюшу. Джерсен обернулся и оглядел салон. Наварху надоело сторожить, поэт озирает девушек с тоскливым ожиданием. Возможно, ему почудилось, что одна из них — Игрель Тинси.

Что же предпринять? Эх, раздобыть бы сыворотку правды... Во Дворце Любви ни одна душа не знает хозяи-

на в лицо, и в Аtare, и в Кулихе... На Земле Наварх пользовался кодом для вызова Виоля Фалюша... Джерсен поскреб подбородок — Наварх!

Тем временем поэт зашел в кабину. Джерсен указал на систему связи и отдал инструкции. Наварх ехидно усмехнулся.

Джерсен вернулся в салон и сел около Танзела. Он заглянул в кабину пилота и кивнул Наварху. Тот набрал код вызова Виоля Фалюша. Джерсен наклонился вперед.

На мочке уха Танзела что-то едва слышно запищало. Пленник взвизгнул и задергался в путах.

Наварх мягко проговорил в микрофон:

— Виоль Фалюш! Ты слышишь меня? Виоль Фалюш!

Танзел задергался и встретил внимательный взгляд Джерсена. Его лицо исказила гримаса отчаянья, он извивался в путах.

— Виоль Фалюш,— сказал Джерсен. — Время пришло.

— Кто вы? — прошептал Виоль Фалюш.— МПКК?

Джерсен не ответил. Наварх вернулся в салон.

— Значит, это он. Я так и думал. При его появлении у меня мурашки пробегали по коже. Где Игрель Тинси, Фалюш?

Виоль Фалюш облизнул губы:

— Вы двое собираетесь убить меня.

Джерсен и Наварх потащили его в кабину пилота и закрыли дверь, ведущую в салон.

— Почему? — закричал Виоль Фалюш.— Почему вы хотите сделать это со мной?

Поэт повернулся к Джерсену:

— Я нужен вам?

— Нет.

— Пока, Фогель! — бросил Наварх.— У тебя была интересная жизнь.— И он вернулся в салон.

Джерсен замедлил ход машины и открыл люк. Внизу, на расстоянии десяти тысяч футов, плескался океан.

— Почему, почему, почему? — кричал Виоль Фалюш.— Почему вы это со мной делаете?

— Вы — маньяк. Я — тоже. Когда я был ребенком, пять Властителей Зла повели свои корабли на Маунт-Плезент. Вы помните об этом?

— Так давно, о, так давно!

— Они разрушали, убивали, угоняли в рабство. Всех, кого я любил, всех уничтожили. Властители Зла — мое

наваждение. Я уже убил двоих, вы — третий. Я не Генри Лукас, журналист. Я — Кирт Джерсен, и всю свою жизнь я ждал этого!

Он подошел к Виолю Фалюшу, который собрал последние силы и вскочил. Пути затрещали, пленник потерял равновесие, покачнулся и выпал из люка. Джерсен следил за падением, пока длинная фигура не скрылась из виду, затем закрыл люк и вернулся в салон. Наварх уже освободил Марио и Этьена.

— Прошу прощения, — извинился Джерсен. — Надеюсь, что не причинил серьезного вреда.

Этьен окинул его взглядом, полным неприязни, Марио издал неопределенный горловой звук.

— Ну, а теперь, — вскричал Наварх, — что дальше?

— Подберем наших друзей. Наверняка они гадают, что происходит.

— А потом? — скривился Этьен. — Как мы найдем дорогу назад, на Согдиану? У нас нет космического корабля.

Джерсен рассмеялся:

— Вы не догадались? Это и есть Согдиана. Это солнце — Миель. Неужели вы не заметили?

— Как я мог? Этот пилот-лунатик тащил нас сюда несколько часов.

— Маскировка. Зог не лунатик. Но он допустил оплошность — не потрудился хотя бы притвориться, что выполняет обычные акклиматизационные правила. Когда отворился люк, я не ощутил разницы в давлении и составе воздуха. Свет был той же интенсивности, не перенесли изменений ни гравитация, ни цвет неба, ни форма облаков, ни флора.

— Я тоже ничего не заметил, — сознался Наварх, — но не стыжусь. Я не космический волк. И если я вернусь на Землю, больше ее никогда не покину.

— Итак, подберем наших спутников — и в Кулиху. Ее жители порадуются, что не нужно больше платить налогов.

В Аtare Джерсен обнаружил свой «Фараон» там, где и оставил его. У Марио, Уибла и да Ноззы были собственные корабли, остальные гости собирались вернуться в Ойкумену на судне, которое заказал для этой цели Виоль Фалюш. Наварх и три Друзиллы взошли на борт «Фараона». Джерсен доставил их в Нью-Вэксфорд, где они пересели на корабль, летящий к Земле.

— Я пришлю вам денег,— сказал он Наварху.— Для девушек. Вы должны позаботиться о них.

— Я уже позаботился о Зан Зу,— насупился Наварх.— Она выросла. Что с ней не так? Впрочем, постараюсь.

— Постарайтесь, старина. Когда буду на Земле, наве-
щу вас.

— Ладно. Посидим на палубе, хлебнем доброго
винца...

Наварх отвернулся. Джерсен вздохнул и пошел про-
щаться с Друзиллой Уэллс. Девушка сжала его руки:

— Я хочу поехать с тобой, куда бы ты ни собирался!
Почему мне нельзя поехать?!

— Не могу объяснить тебе. Один раз я уже совершил
такую ошибку.

— Все будет иначе.

— Знаю. Беда в том, что еще немного — и я не смогу
заставить себя расстаться с тобой.

— Мы увидимся снова?

— Не думаю.

Друзилла опустила глаза.

— До свидания,— прошептала она едва слышно.

Джерсен шагнул к ней, остановился; резко повернул-
ся и пошел своей дорогой.

Джерсен нанял грузовоз и взял курс на Дворец
Любви. Сады, казалось, дичали, на всем лежала печать
грустного запустения.

Ретц встретил нового хозяина с показной сердеч-
ностью:

— Я выполнил все ваши повеления. Медленно, осто-
рожно, чтобы никого не встревожить.

Джерсен вместе с ним отправился осмотреть дьяволь-
скую лабораторию Виоля Фалюша. Ретц описал приемы
и замыслы, которые испытывали на молодых жертвах.
Один за другим, узники выходили на открытый воздух.
Удивление, радость, испуг, сожаление...

Часть Счастливого Народа покинула сады. Кто-то
остался. «Со временем из сцены фальшивых пасторалей
Дворец Любви превратится в процветающую сельскую
общину», — подумал Джерсен.

Он не мог оставить на съедение плесени книги Виоля
Фалюша и отправил их Джиану Аддельсу, в Нью-

Вэксфорд. Отдав последние инструкции Ретцу, Джерсен покинул звездное Скопление Сирнеста и вернулся в Ойкумену.

Несколько месяцев спустя, сидя на эспланаде Авенты, на Альфаноре, Джерсен заметил молодую женщину в экстрамодном туалете безупречного вкуса. Незнакомка, без сомнения, выросла в атмосфере заботы и внимания.

Повинуясь неожиданному импульсу, Кирт выступил вперед:

— Пожалуйста, извините, но вы мне напоминаете кого-то знакомого. Ваши родители — земляне?

Девушка невозмутимо покачала головой:

— Это может показаться странным, но я не знаю своих родителей. Возможно, я сирота... Опекуны получают деньги на мое содержание. Вы знаете моих родителей?

«Кто тянул меня за язык? — обругал себя Джерсен. — Зачем девушке знать сомнительные подробности ее происхождения? Не стоит пугать ее кошмаром, которого она случайно избегла. Ведь она и была тем срочным делом, которое призывало Виоля Фалюша лететь на Альфанор».

Джерсен притворился смущенным:

— Думаю, я ошибся.

— Не верю, — сказала Друзилла, и губы ее изогнула дразнящая улыбка. — Вы знаете, но не хотите сказать. Интересно почему?

Джерсен усмехнулся:

— Давайте посидим немного тут, на скамейке. Я прочту вам балладу-другую Безумного Поэта — Наварха. Мне кажется, они о вас.

Друзилла I села рядом с ним:

— Не слишком удобный способ заводить знакомство. Но я неудобная особа... Ну ладно, читайте свои стихи.

ПОВЕСТИ

УМЫ ЗЕМЛИ

Даже в самые лучшие времена Айксекс была довольно унылой планетой. Ураганные ветры, насквозь продувая бесконечные горные цепи, иззубрили вершины, а ледяная крупа и проливные дожди, которые они приносили, стремились смыть последние остатки почвы в океан. Скудным был и растительный мир: к склонам гор кое-где лепились рощицы чахлых деревьев, из трещин в горных породах пробивались пучки восковой травы, за травы цеплялись лишайники, окрашивая их в грязно-синие и зеленые тона. Зато дно океана укрывал роскошный ковер водорослей, которые вместе с микроорганизмами играли решающую роль в процессе фотосинтеза на планете.

Несмотря на суровость среды обитания, а может быть, именно благодаря ей, одно из местных животных, относящихся к двоякодышащим земноводным, в процессе эволюции стало человекоподобным существом. Интуитивное ощущение математической точности и гармонии, пространственное восприятие мира предопределили создание ксексианами технической цивилизации.

Через четыре столетия после их выхода в космическое пространство они обнаружили странных существ — нопалов, из-за которых началась война, самая страшная в истории Айксекса. Длившаяся более столетия, эта война вконец опустошила и без того небогатую планету. Поверхность океана покрылась толстым слоем пены, жалкие остатки почвы были отравлены сыпавшимися с неба желтовато-белыми хлопьями. Немногочисленные города превратились в развалины, являя собой груды почерневших камней и осколки красно-коричневой черепицы, горы битого стекла и бесформенные комья тлеющего мяса.

Оставшиеся в живых представители воюющих сторон — и читуми, и таупту (так, пожалуй, можно передать звуками человеческой речи щелчки и дребезжание, с помощью которых общаются между собой ксексиане) — обитали в подземных жилищах. Жители Айксекса разделились на два непримиримых лагеря: таупту, которые знали о существовании нопалов и пытались стереть их с лица планеты, и читуми, которые не признавали самого факта существования этих невероятных существ. Таупту и читуми питали друг к другу чувство, похожее на людскую ненависть, но в десятки раз более сильное.

После первых ста лет войны в ходе боевых действий наступил определенный перелом в пользу таупту. Читуми оказались заперты в их последней твердыне под Северными горами. Вооруженные отряды таупту медленно, но уверенно продвигались вперед, взрывая один за другим выходы на поверхность планеты и отправляя в подземные глубины снабженных ядерными бомбами механических кротов.

Читуми, понимая неизбежность своего поражения, все же упорно сопротивлялись. Все громче становился шум, вызываемый приближающимися кротами, вот уже прорвана передняя линия ловушек и пришел черед внутреннего кольца туннелей, предназначенных для запутывания противника. Описывая одну за другой концентрические спирали, из шурфа, углубленного на десять миль, в помещение силовой установки вломился чудовищных размеров крот, сделав бессмысленным дальнейшее сопротивление читуми. Коридоры твердыни погрузились в непроглядную тьму, но и натываясь в темноте друг на друга, последние читуми были готовы драться до последней капли крови. Кроты таупту тем временем все глубже вгрызались в скалы, и скрежет их буров резонировал в опустевших туннелях. Вот в одной из стен образовался пролом, в который тут же заполз грохочущий металлический хобот машины. Через несколько мгновений стены твердыни рухнули, и внутрь устремились потоки анестезирующих газов... Так была поставлена точка в войне, длившейся сто лет.

Освещая себе путь прожекторами, по грудам камней вниз стали спускаться таупту. Раненых и больных читу-

ми они добивали на месте, остальных связывали и отправляли на поверхность, в плен.

Главнокомандующий Кхб Тэкс возвращался в древнюю столицу Миа. Пролетая на небольшой высоте сквозь сплошную завесу дождя, он видел грязное море, сушу, изрытую гигантскими кратерами, черные горные хребты. Впереди показались обугленные развалины Миа. Среди них уцелело лишь одно здание: совсем недавно возведенная вытянутая приземистая коробка из серого базальта.

Кхб Тэкс посадил свой летательный аппарат и, не обращая внимания на дождь, направился к зданию. Пятьдесят-шестьдесят читуми, сгрудившихся в тесном загоне, медленно повернули в его сторону головы, учуяв приближение врага особыми органами чувств, заменявшими глаза. Кхб Тэкс отнесся к их импульсам ненависти с тем же безразличием, что и к лившему с неба дождю, не обратил он внимания и на исступленный скрежет, который говорил о невыносимых мучениях тех, кто находился внутри здания. На читуми же эти звуки производили ужасное впечатление: при каждом звуке они съеживались, будто мучения были их собственными.

Кхб Тэкс, войдя в здание, направился в специально для него отведенное помещение. Здесь он снял шлем, кожаный плащ, устало вытер с лица капельки дождя. Освободившись от остальной одежды, он вычистил всего себя щеткой с очень жестким ворсом, удаляя с кожи омертвевшие частицы ткани и крошечные отслоившиеся чешуйки.

За дверью послышалось робкое поскребывание связанного.

- Вас ждут.
- Сейчас иду.

Привычными движениями главнокомандующий облачился в свежее обмундирование, пристегнул фартук, натянул сапоги, перебросил через спину гладкую, как хитин жука, длинную накидку. Случайно оказалось, что все предметы его одежды оказались одинаково черными, хотя к цвету ксексиане были абсолютно равнодушны, отличая одну поверхность от другой по особенностям ее строения или шероховатости материала. Кхб Тэкс взял в руки увенчанный медальоном шлем из плотно пригнанных друг к другу металлических пластин. Углуб-

ления на поверхности медальона составляли слово таупту — «прошедший очищение». Гребень шлема венчали шесть высоких выступов: три из них соответствовали костным наростам, расположенным вдоль головы ксексианина, а три оставшихся обозначали его ранг. Подумав, Кхб Тэкс отсоединил медальон и снова надел шлем на серый голый череп.

Степенно прошествовав по коридору к двери из расплавленного кварца, он вошел в комнату идеально круглой формы со стеклянными стенами и высоким параболическим куполом. За круглым столом из полированного базальта восседали четверо ксексиан в шлемах с шестью выступами. Они сразу же заметили отсутствие медальона на шлеме Кхб Тэкса и поняли, что он хотел этим сказать: с падением Великой Северной Твердыни отпала необходимость в различии между читуми и таупту. Собравшаяся здесь пятерка представляла собой высшее руководство таупту. Среди членов пятерки не было четкого разграничения обязанностей, за двумя исключениями: Кхб Тэкс — главнокомандующий — определял военную стратегию, Птиду Эпиптикс командовал кораблями, оставшимися в составе космического флота.

Кхб Тэкс занял свое место за столом и доложил о подробностях падения твердыни читуми. Его соратники слушали бесстрастно, потому что радость или волнение были им незнакомы.

Новое положение дел сухо подытожил Птиду Эпиптикс:

— Нопалы продолжают существовать, как и прежде. Мы одержали победу чисто местного значения.

— Тем не менее, победу, — заметил Кхб Тэкс.

Его поддержал третий ксексианин:

— Мы уничтожили читуми, а не они нас. Мы начали борьбу практически с нуля, а в их распоряжении было все, но все-таки победили мы.

— Мы одержали скорее моральную победу, — продолжал упорствовать Птиду Эпиптикс. — Мы не знаем, что последует дальше. Нопалы продолжают досаждать нам.

— Что было, то было, — торжественно провозгласил Кхб Тэкс. — Сделан лишь первый шаг, основную борьбу нужно перенести на Нопалгарт.

Все пятеро погрузились в раздумье: эта мысль уже неоднократно приходила в голову каждому из них, но ее отвергали, не зная, какие последствия она вызовет.

В разговор вступил четвертый ксексианин:

— Мы совершенно обескровлены и больше не в состоянии вести войну.

— Сейчас кровью будут истекать другие, — возразил Кхб Тэкс. — Мы заразим своей ненавистью Нопалгарт, как в свое время Нопалгарт заразил нопалами Айксекс, после чего за нами останется лишь общее руководство борьбой.

— Насколько осуществим этот план? — задумчиво произнес четвертый ксексианин. — Любой из нас рискует головой, стоит ему только показаться на Нопалгарте.

— За нас там будут действовать наши агенты. Мы должны привлечь на свою сторону кого-нибудь такого, в ком не заподозрят смертельного противника Нопалгарта — например, кого-нибудь из жителей этой планеты.

— В таком случае совершенно очевидно, кому следует отдать предпочтение, — заметил Птиду Эпиптикс...

2

Голосом, дрожащим то ли от волнения, то ли от страха — от чего именно, дежурная в Вашингтоне так и не смогла разобрать, — неизвестный просил связать его с кем-нибудь из «большого начальства». Девушка спросила у неизвестного, по какому вопросу он звонит, объяснив, что учреждение, в котором она работает, состоит из множества секторов и отделов.

— Дело сугубо секретное, — произнес незнакомец. — Мне обязательно нужно поговорить с кем-нибудь повыше, с тем, кто связан с наиболее важными научными проблемами.

«Какой-нибудь псих,» — решила девушка, уже собираясь переключить звонок на сектор связей с общественностью, но как раз в это время в вестибюле появился Пол Бек, заместитель заведующего исследовательским отделом, долговязый мужчина лет тридцати семи, внешне ничем не примечательный, успевший уже раз жениться и развестись. Большинство женщин находили его привлекательным, и дежурная не составляла исключения, поэтому решила лишний раз обратить на себя внимание.

— Мистер Бек, — проворковала она, — может быть, вы поговорите с этим человеком?

— Кто это?

— Не знаю. Похоже, он очень взволнован, хочет поговорить с кем-нибудь из руководства.

— Позвольте узнать, какую вы должность занимаете, мистер Бек? — Голос говорившего на другом конце провода тотчас же вызвал образ пожилого человека, искреннего, но знающего себе цену, взволнованно переминающегося с ноги на ногу.

— Заместитель заведующего исследовательским отделом, — сказал Бек.

— Это должно означать, что вы ученый? — осторожно спросил неизвестный. — Дело у меня такое, что я не могу обсуждать его с кем-нибудь из рядовых сотрудников.

— О чем же вы хотите мне сообщить?

— Мистер Бек, вы ни за что не поверите, если рассказывать по телефону. — Голос говорившего задрожал. — Я и сам не очень-то в это верю.

Такой поворот событий заинтриговал Бека, взволнованность говорившего передалась и ему. Тем не менее, интуиция подсказывала, что лучше не связываться с неугомонным стариком.

— Мне обязательно нужно увидеться с вами, мистер Бек, — с вами или с каким-нибудь другим ученым, специалистом в своем деле. — Голос говорившего зазвучал несколько тише, будто он на мгновение отвернулся от микрофона.

— Если вы объясните трудности, с которыми вам пришлось столкнуться, то я постараюсь помочь.

— Нет, — возразил старик. — Вы скажете, что я сошел с ума. Вам нужно непременно побывать у меня. Я покажу вам нечто такое, что не могло привидеться вам в самых нелепых и страшных снах.

— Это уж слишком, — возмутился Бек. — Хоть намекните, о чем идет речь!

— Вы подумаете, что я сумасшедший, хотя я уже не исключаю и такой версии... — Говоривший неожиданно рассмеялся. — Очень хотелось бы, чтобы именно так и было.

— Что вы хотите этим сказать?

— Так вы навестите меня?
— Пошлю к вам кого-нибудь из помощников.
— Нет, так дело не пойдет. Вы пошлете ко мне полицию, и тогда... вот тогда-то и начнутся неприятности! — Последние слова он прошептал буквально на одном дыхании.

Бек прикрыл трубку рукой и попросил дежурную проследить, откуда звонят.

— С вами приключилась какая-нибудь беда? Вам кто-то угрожает?

— Нет, что вы, мистер Бек! Ничего подобного! Только скажите, вы сможете навестить меня прямо сейчас? Мне обязательно нужно это знать!

— Совершенно исключено, пока я хоть что-нибудь не узнаю о цели своего визита.

Старик тяжело вздохнул.

— Ладно, тогда слушайте и не говорите потом, что я вас не предупреждал. Я... — Голос в трубке сменился короткими гудками.

Бек посмотрел на трубку со смешанным чувством облегчения и неприязни, затем повернулся к дежурной.

— Чем порадуете?

— Я не успела выполнить вашу просьбу, мистер Бек. Он слишком быстро повесил трубку.

Бек недоуменно пожал плечами.

— Скорее всего, какой-то чокнутый... И все же... — Он отвернулся.

Непонятно отчего вдруг возникшее чувство страха не проходило, в затылке все так же продолжало покалывать. Он направился в свой кабинет, где к нему присоединился доктор Ральф Тарберт, математик и физик, для своих пятидесяти лет весьма подтянутый и импозантный, с копной совершенно белых волос, чем он очень гордился. В противоположность Беку, который любил носить помятые твидовые пиджаки и широкие фланелевые брюки, Тарберт носил элегантные костюмы темно-синего или серого цвета. Он и не думал умерять свойственный ему снобизм, наоборот, он выставлял его напоказ, принимая позу закоренелого циника, что частенько раздражало Бека.

Неожиданно прервавшийся разговор с неизвестным не шел у Бека из головы, и он вкратце рассказал о нем

Тарберту, который, как и следовало ожидать, лишь отмахнулся.

— Он был очень напуган, — задумчиво произнес Бек.

— Скорее всего, на дне его пивной кружки хихикал зеленый чертик.

— Нет, впечатление было такое, что он трезв как стеклышко. Вы знаете, Ральф, у меня чувство, будто я зря не повидался с этим человеком.

— Примите что-нибудь успокоительное и давайте-ка лучше обсудим вопрос истечения электронов...

Вскоре после полудня посыльный занес в кабинет Бека небольшой пакет. Бек расписался в регистрационной книге и внимательно осмотрел сверток. Имя и адрес были написаны шариковой ручкой, ниже была приписка: «Не вскрывать при посторонних».

Бек, развернув пакет, обнаружил внутри картонную коробку с металлическим диском размером с долларовую монету. Когда он вытряхнул диск себе на ладонь, тот показался ему и легким, и тяжелым одновременно, маслянистым и в то же время невесомым. Удивленно вскрикнув, Бек отдернул руку, но диск не упал, а завис в воздухе, затем начал медленно подниматься. Бек изумленно уставился на него и потянулся к нему пальцами.

— Дьявольщина, да и только! На него не действует сила тяжести?

Зазвонил телефон. Уже знакомый голос встревоженно спросил:

— Вы получили пакет?

— Минуту назад.

— Теперь вы навестите меня?

Бек сделал глубокий вздох.

— Как вас зовут?

— Вы придете один?

— Да, — ответил Бек. Он принял решение.

3

Сэм Гиббонс был вдовцом. Два года назад он оставил процветающую торговлю поддержанными автомобилями в городке Бьюэллтон, штат Виргиния, в семидесяти пяти милях от Вашингтона. Двое его сыновей учились в кол-

ледже, а он жил один в небольшом кирпичном доме на вершине холма в двух милях от городка.

Гиббонс встретил Бека у ворот — представительный мужчина лет шестидесяти с похожим на грушу туловищем и добродушным лицом, которое от волнения покрылось морщинками и слегка подрагивало. Прежде всего он удостоверился в том, что Бек прибыл один, а затем признался:

— Я навел о вас справки. Вы признанный ученый, пока по части космоса и всяких там лучей и занимаете достаточно крупную должность в заведении, в котором работаете. Поймите меня правильно, — нервничая, пояснил Гиббонс, — иначе было нельзя, вы в этом убедитесь через несколько минут. Слава тебе, Господи, что я сам-то здесь совсем ни при чем. — Тяжело и часто дыша, он глянул в сторону дома.

— Что же здесь все-таки происходит? — спросил Бек. — К чему такая конспирация?

— Сейчас вы все поймете, — хрипло сказал Гиббонс. Только теперь Бек заметил, что старик едва держится на ногах от усталости, что вокруг его глаз залегли темные круги. — Мне нужно завести вас в дом. Вот и все, что от меня требуется, а дальше разбирайтесь сами.

Бек посмотрел на дорожку, ведущую к дому.

— В чем разбираться?

Гиббонс похлопал его дрожащей ладонью по плечу.

— Все нормально, вы просто...

— Я не сдвинусь с места, пока не узнаю, кто меня ждет в доме.

Гиббонс глянул украдкой через плечо.

— Это человек с другой планеты, — неожиданно выпалил он. — Марсианин, что ли. Не знаю точно, откуда, он велел мне позвонить по телефону кому-нибудь, с кем он мог бы переговорить, вот я и связался с вами.

Бек присмотрелся к фасаду дома: за занавеской в одном из окон явно кто-то скрывался. Беку почему-то даже в голову не пришло не поверить Гиббонсу, и он только смущенно рассмеялся.

— Рехнуться можно!

— А что же тогда говорить обо мне? — закивал Гиббонс.

Бек почувствовал, как ноги у него стали ватными, и желание зайти в дом пропало без следа.

— Откуда вам известно, что он с другой планеты?

— Он мне так сказал, и я ему поверил. Вот погодите, вы сами его увидите.

Бек глубоко вздохнул.

— Ладно, пойдемте. Он говорит по-английски?

Некое подобие улыбки на мгновение смягчило лицо Гиббонса.

— Из коробки. Он держит у себя на животе коробку, вот она-то и разговаривает.

Они подошли к дому. Гиббонс распахнул входную дверь, Бек переступил через порог и как вкопанный остановился.

Существо, которое его дожидалось, было человеком, но стало им, пройдя совершенно иной путь эволюции, чем тот, которому следовали предки Бека. Человек этот был на четыре дюйма выше Бека; кожа серая, грубая, напоминающая слоновью шкуру; голова узкая и вытянутая; глаза, похожие на необработанные желтые стекляшки, ничего не выражали и, скорее всего, ничего не видели. Вдоль всего черепа как продолжение позвоночного столба проходил костяной гребень, увенчанный тремя наростами. Круто обрываясь вниз в районе лба, этот гребень становился тонким, как лезвие сабли, носом. Грудь существа была узкая, но выпуклая, вдоль рук и ног обозначались тугие мышцы.

Совершенно ошарашенный таким зрелищем, Бек долго не мог прийти в себя. Его беспокоило, что к пришельцу он испытывает неприязнь и недоверие — чувства, которые он старался в себе подавить всей душой. Но ведь иначе и не может быть, подумалось ему, — существа с различных планет не могут не испытывать стесненности в общении друг с другом. В попытке скрыть охватившие его чувства Бек заговорил с такой искренностью, что она показалась фальшивой даже ему самому.

— Меня зовут Бек. Пол Бек. Насколько я понимаю, вы знакомы с нашим языком.

— Мы изучаем вашу планету вот уже много лет. — Аппарат, висевший на груди инопланетянина, выговаривал слова медленно, но четко, приглушенная синтези-

рованная речь сопровождалась щелчками и шипением, вызванными колебаниями особых пластин, заменяющих прищельцу голосовые связки. Машина-переводчик, отметил про себя Бек, скорее всего осуществляет и обратный перевод с английского на тот скрежет и треск, которые являются речью инопланетянина.

— Мы давно уже хотели посетить вашу планету, но это сопряжено для нас с крайней опасностью.

— С опасностью? — удивленно переспросил Бек. — Не понимаю почему, ведь мы не варвары. С какой планеты вы сюда прибыли?

— Наша планета находится на очень большом расстоянии от Солнечной системы. Мы называем нашу планету Айксекс. Меня зовут Птиду Эпиптикс. Вы — один из ученых вашей планеты?

— Да. Физик и математик. А в настоящий момент я состою на высокой административной должности.

— Прекрасно. — Птиду Эпиптикс, вытянув руку вперед, повернул ладонь в направлении Сэма Гиббонса, который стоял, нервно переминаясь с ноги на ногу, в дальнем конце комнаты. Небольшой угловатый предмет, который пришелец держал в руке, издал звук, похожий на удар бича, рассекающего воздух. Гиббонс захрипел и стал оседать на пол бесформенной грудой, будто в одно мгновение исчезли все кости, поддерживающие его тело.

У Бека от ужаса захватило дух.

— Эй, эй! — ловя ртом воздух, закричал он. — Что вы делаете?

— Нельзя допустить, чтобы этот человек что-то рассказал кому-нибудь. Слишком важна выполняемая мной функция. Я должен осуществить свою миссию.

— Черт побери вашу миссию! Вы нарушаете наши законы! Здесь вам не...

Птиду Эпиптикс оборвал его на полуслове:

— Иногда нельзя обойтись без убийства. Вам придется переменить свою точку зрения, так как в мои намерения входит привлечение вас к содействию в осуществлении моей миссии. Если вы откажетесь, то я убью вас и буду искать другого помощника.

Бек на мгновение потерял дар речи, потом решительно тряхнул головой.

— Что вам от меня нужно?

— Мы отправляемся на Аиксекс. Там вы обо всем узнаете.

Бек попытался было протестовать.

— Я не могу отправиться на вашу планету, у меня по горло работы. Давайте лучше вместе съездим в Вашингтон... — Он запнулся, пораженный злобно-насмешливой терпеливостью инопланетянина.

— Мне безразличны ваши проблемы и ваша работа.

Почти доведенный до истерики, Бек задрожал всем телом и подался вперед, но остановился, увидев в руке пришельца страшное оружие.

— Не давайте эмоциям взять верх над собой. — Рот инопланетянина исказила гримаса, по сторонам носа пробежали складки — единственное изменение выражения лица инопланетянина, которое заметил Бек. — Следуйте за мной, если хотите остаться в живых. — Он попятился в дальний угол комнаты.

Бек последовал за ним на одеревеневших ногах. Они вышли через черный ход на задний двор, где Гиббонс соорудил для себя плавательный бассейн и веранду для гостей.

— Подождем здесь, — произнес Эпиптикс и застыл в неподвижности, наблюдая за Беком с холодным безразличием насекомого.

Прошло минут пять. Мрачные предчувствия и не находящий выхода гнев словно парализовали Бека. Десятки раз он подавался телом вперед и десятки раз вспоминал страшное оружие в серой руке...

С неба опустился металлический предмет правильной цилиндрической формы размером с автомобиль. Эпиптикс сделал повелительный жест в сторону открытой секции. Бек на негнущихся ногах вошел внутрь летательного аппарата, следом за ним шагнул и Эпиптикс, после чего проем в корпусе тотчас же закрылся. На какое-то мгновение у Бека возникло ощущение быстрого движения.

— Куда вы меня везете? — спросил Бек, стараясь, чтобы его голос прозвучал как можно спокойнее.

— На Аиксекс.

— Зачем?

— Чтобы вы узнали, чего мы от вас ждем. Я вполне разделяю ваш гнев, прекрасно понимаю, что вы недовольны нашими действиями. Тем не менее, я хотел бы, чтобы вы поняли, насколько изменилась ваша жизнь.— Эпиптикс отложил в сторону оружие.— Теперь для вас не имеет смысла...

Бек, не в силах более удерживать kloкотавшую в нем ярость, бросился на ксексианина, но тот крепко схватил его мгновенно напрягшейся мускулистой рукой. Глаза Бека ослепила вспышка ярко-пурпурного света, и на какое-то мгновение возникло ощущение, будто череп его раскалывается. Затем Бек потерял сознание...

4

Очнулся он в совершенно незнакомом месте — в темном помещении, остро пахнущем влажными камнями. В густой темноте ничего не было видно, но под собой он обнаружил некое подобие эластичного мата и, просунув под него пальцы, нащупал холодный твердый пол.

Приподнявшись на локте, Бек прислушался: ни единого звука, всюду царила полнейшая тишина. Бек ощутил лицо, пытаясь по длине отросшей щетины выяснить, сколько же времени он тут находится. Скулы покрывала щетина длиной по меньшей мере в четверть дюйма — значит, он находится в этом каменном мешке примерно неделю.

Вдруг Бек почувствовал, что к нему кто-то приближается. Как ему удалось почувствовать это? Ведь никаких звуков он не услышал... просто нахлынуло ощущение исходящего откуда-то зла.

Стены внезапно стали люминесцировать, высветив продолговатую узкую камеру с изящным сводчатым потолком. В дверях показался Птиду Эпиптикс или кто-то на него очень похожий. Шатаясь от голода и усталости, Бек попытался выпрямиться во весь рост. Страшное напряжение сдавило ему грудь.

— Где я? — невозможная застрявший в горле комок, сиплым голосом спросил он.

— Мы на Айксексе,— ответила коробка на груди Эпиптикса.— Следуйте за мной.

— Нет.— Колени подкосились, и Бек грузно осел на пол.

Птиду Эпиптикс исчез в коридоре. Вскоре он вернулся с двумя другими ксексианами, катившими металлический шкаф со множеством выдвижных ящиков. Они схватили Бека, затолкали ему в горло гибкий шланг и стали вливать в желудок какую-то теплую жидкость, затем столь же бесцеремонно вынули шланг и удалились.

Эпиптикс продолжал стоять, сохраняя молчание. Так прошло несколько минут. Все это время Бек лежал без движения, изредка поглядывая на своего мучителя из-под опущенных век. Несмотря на жестокость инопланетянина невозможно было не признать его сверхъестественного великолепия. Голову и часть спины этого существа прикрывал роскошный шлем, состоящий из узких металлических полосок, с шестью зловещими шипами. Бек съежился и закрыл глаза, испытывая крайне неприятное чувство собственной немощи и бессилия в присутствии этого законченного воплощения зла.

Прошло еще пять минут, в течение которых тело Бека снова постепенно наполнилось жизненной силой. Он пошевелился, открыл глаза и раздраженно спросил:

— Полагаю, вы наконец расскажете, зачем меня сюда поместили?

— Когда вы будете готовы,— сказал Птиду Эпиптикс,— мы выведем вас на поверхность. Тогда и узнаете, что от вас требуется.

— Что вам требуется и что удастся получить — разные вещи,— уныло пробурчал Бек и уткнулся головой в мат.

Птиду Эпиптикс вышел, а Бек яростно ругал себя за ничемное упорство и глупое бездействие — ничего не изменится, пока он будет вот так валяться в темноте.

Через час Птиду Эпиптикс вернулся.

— Вы готовы?

Бек ничего не ответил, он просто поднялся и последовал за инопланетянином в коридор, который вел к лифту. В кабине лифта они стояли очень близко друг к другу, и у Бека возникло ощущение, будто он сжался, превратившись в комок обнаженных нервов. Ксексианин по всем данным принадлежал к тому типу существ, который описывается универсальным понятием «чело-

век», почему же тогда Бек испытывал к нему непреодолимое отвращение? Из-за проявленной ксексианином жестокости? Причина серьезная, и все же...

Ход мыслей Бека неожиданно прервал Эпиптикс:

— Возможно, вы задаетесь вопросом, почему мы живем глубоко под землей.

— Меня волнует и ряд других вопросов.

— Война загнала нас под землю — война такая, какую на вашей планете даже трудно представить.

— Она продолжается и сейчас?

— Война на Айксеке закончилась, мы завершили очищение читуми. Теперь можно снова выйти на поверхность планеты.

Кабина лифта остановилась. Бек неохотно последовал за ксексианином в коридор, лихорадочно перебирая в уме десятки отчаянных, но неосуществимых планов своего освобождения. Вряд ли можно было ожидать милосердия со стороны Птиду Эпиптикса, но любого рода действие было бы все же предпочтительнее покорной уступчивости. Нужно найти хоть какое-нибудь средство самозащиты — годится любое, пусть даже придется драться, бежать, прятаться, хитрить... Только не сдаваться!

Эпиптикс неожиданно повернулся лицом к нему и поднял руку.

— Сюда, — раздалось из переводчика на его груди.

Бек всем телом подался вперед. Ну! Смелее!.. И тут же уныло расслабился. Легко сказать — действуй! Как действовать? Пока что ксексиане не причинили ему вреда, и все же... Звуки, которые он вдруг услышал, заставили его встрепенуться: ужасный прерывистый скрежет, переходящий в хрип. Совсем не нужно было напрягаться, чтобы понять природу этих звуков — язык боли универсален.

Ноги у Бека подкосились, он схватился рукой за стену. Громкий скрежет распался на отдельные щелчки, звуки задрожали, повисли в воздухе, стали едва слышными.

Ксексианин продолжал бесстрастно смотреть на Бека.

— Сюда, — повторил голос переводчика.

— Куда это? — прошептал Бек.

- Сейчас увидите.
- Я не тронусь с места.
- Идите – в противном случае вас понесут.

Бек стоял, не зная, как поступить. Ксексианин сделал шаг в его сторону, и ему ничего не осталось как подчиниться.

Металлическая дверь отъехала в сторону, в образовавшийся проем с оглушительным воем ворвался холодный сырой ветер. За всю жизнь Беку не приходилось видеть более унылого пейзажа. Островерхие вершины, словно зубы крокодила, обрамляли линию горизонта, по небу неслись, сталкиваясь и нагромождаясь друг на друга, черные и свинцовые тучи, проливающиеся траурными завесами дождя. Равнина внизу – сплошные развалины. Высоко в небо вздымались искореженные, насквозь проржавевшие стальные фермы и балки, обваливавшиеся стены и крыши превратились в груды почерневших кирпичей и грязной черепицы. Те участки стен, которые продолжали стоять, покрывали уродливые зловещие пятна плесени. Во всей этой безрадостной картине не ощущалось никаких признаков жизни, никакого намека на какие-нибудь перемены к лучшему – всюду царили запустение и безнадежность. Глядя на это, Бек невольно испытал сострадание к ксексианам, независимо от грехов, которые они совершили... ведь ксексиане тоже хотели счастья и мира.

Бек и Птиду Эпиптикс стояли на пороге единственного уцелевшего сооружения и глядели на темные силуэты внутри открывшегося перед ними загона. Кто это? Люди? Ксексиане?

На этот, еще не произнесенный вслух вопрос, ответил голос переводчика:

- Это последние из Читуми. Остались только таупту.

Бек медленно направился к загону. На сгрудившихся в кучу, чтобы защититься от холодного ветра, читуми было невозможно смотреть без сострадания. Подойдя вплотную к защитному ограждению, Бек заглянул внутрь. Читуми, повернувшие головы в его сторону, казалось, скорее чувствовали, чем видели его приближение. Вид у них и в самом деле был жалкий: лохмотья едва прикрывали обтянутые кожей скелеты несчастных существ. Они принадлежали, безусловно, к той же расе,

что и таупту, но несходство между ними было разительным: несмотря на позор пребывания в загоне, на царившее в нем убожество, эти существа буквально излучали одухотворенность. Древняя, как мир, история: торжество варварства над цивилизацией. Бек бросил ненавидящий взгляд в сторону Эпиптикса, в котором видел средоточие зла и порока. Приступ внезапно вспыхнувшей ярости заставил его позабыть обо всем на свете, в исступлении он бросился вперед, неистово размахивая кулаками. Читуми одобрительно загудели, подбадривая его, но толку от этого было мало. К Беку бросились находившиеся поблизости таупту и, прижав его к стене, держали, пока он не прекратил сопротивления и не обмяк.

Все тем же бесстрастным голосом Птиду Эпиптикс произнес:

— Вот это и есть читуми. Их осталось совсем немного, и скоро они будут полностью уничтожены.

До Бека донесся еще один душераздирающий скрежещущий звук.

— Пытаете читуми да еще заставляете других слушать?

— Ничего не делается без особой на то причины. Следуйте за мной и посмотрите.

— Я уже достаточно нагляделся.

Бек посмотрел вдаль, пробежался взглядом вдоль линии горизонта. Помощи было ждать неоткуда. Эпиптикс дал знак. Двое таупту поволокли его назад, в здание. Бек сопротивлялся, брыкался ногами, пытаясь высвободиться, но все было тщетно. Таупту внесли его в помещение, залитое ярко-зеленым светом. Бек тяжело и часто дышал, двое таупту стояли рядом с ним.

— Если вам удастся обуздать ваши агрессивные устремления,— раздался бесчувственный голос переводчика,— вас освободят.

Поток бешеных ругательств застрял в горле у Бека. Бороться было бесполезно. Он выпрямился и коротко кивнул. Таупту отступил. Бек стал разглядывать комнату, в которую его затолкали. Вокруг громоздились шкафы с электроаппаратурой, в дальнем конце комнаты стояла металлическая рама с решеткой. У самой стены в оковах стояли четверо ксексиан. Что-то подсказало Беку, что

это были читуми. Вперед вышел Эпиптикс, неся в руках какой-то предмет, оказавшийся очками без стекол.

— В данный момент вы еще многого не понимаете, — сказал, обращаясь к Беку, Эпиптикс. — Здешние условия сильно отличаются от земных. На Айксеке есть две разновидности людей: таупту и читуми. Они различаются наличием нопала.

— Нопала? А что такое нопал?

— Вот это вам и предстоит узнать. Прежде всего мне необходимо выяснить, насколько у вас развита так называемая псионическая чувствительность. — Он показал на очки с почти незаметными для глаза стеклами. — Этот несложный прибор изготовлен из очень необычного материала — вещества, вам неизвестного. Попробуйте посмотреть с его помощью.

Чувство отвращения ко всему, чего касалась рука таупту, заставило Бека произвольно отпрянуть назад.

— Нет.

Эпиптикс протянул Беку очки. Лицо его, казалось, исказилось в насмешливой гримасе, хотя ни один мускул на нем не дрогнул.

— Мне снова придется прибегнуть к силе.

Превозмогая себя, Бек надел очки. Не произошло ничего такого, никаких зрительных искажений.

— Поглядите внимательно на читуми, — сказал Эпиптикс. — Линзы очков добавляют, скажем так, некое новое измерение к вашей способности видеть.

Бек взглянул на читуми. На какое-то мгновение перед ним что-то мелькнуло. Что? Этого он уже не мог вспомнить. Он посмотрел еще раз, но теперь линзы только мешали. Контуры читуми затуманились, верхнюю половину их тел прикрывали расплывшиеся черные кляксы, похожие на гусеницу. Бек посмотрел на Птиду Эпиптикса и удивленно заморгал, увидев снова черную кляксу — или нечто иное? Но что же именно? Пятно было как бы фоном, на котором просматривалась голова Эпиптикса, оно состояло из какой-то сложной субстанции, не поддающейся объяснению, но чем-то безмерно опасной. И еще послышался какой-то странный звук, этакое скрежещущее гортанное урчание: «ггер, ггер». Откуда оно исходило? Бек снял очки, быстро осмотрелся. Непонятный звук исчез.

Раздалось шелканье и гудение в гортани Эпиптикса.

— Что вы увидели? — произнес голос из коробки.

— Ничего такого, чтобы можно было описать, сказать что-нибудь определенное, — в конце концов был вынужден признаться Бек, хотя в глубине сознания осталось смутное ощущение, что что-то все-таки не так... — А что я должен был увидеть? — спросил он.

Негромкий ответ, произнесенный переводчиком, захлебнулся в клокочащем скрежете непереносимой боли, раздавшемся в дальнем конце комнаты. Бек обнял ладонями голову и стал раскачиваться из стороны в сторону, чувствуя, что вот-вот упадет. На читуми это тоже очень подействовало: тела их стали оседать, двое упали на колени.

— Что вы делаете? — хрипло закричал Бек. — Для чего вы меня сюда привели? — Он не мог заставить себя посмотреть на страшную решетку в конце комнаты.

— В связи с крайней необходимостью. Пройдите туда и посмотрите.

— Нет! — Бек рванулся к двери, но его задержали. — Не желаю больше ничего видеть!

— Вы должны.

Ксексиане бесцеремонно развернули Бека и, несмотря на его отчаянное сопротивление, потащили через комнату к таинственным механизмам. На металлической решетке лицом вниз лежал ксексианин. Голову его стягивали два полуобруча замысловатой конструкции, а руки, ноги и туловище облегали стальные рукава. Над головой и плечами свободно висела тончайшая пленка из какого-то материала, прозрачного, как целлофан. К большому удивлению Бека, жертва была не читуми. На мужчине была одежда таупту, на столике рядом покоился такой же шлем, какой венчал голову самого Эпиптикса, только с четырьмя зубцами. Удивительный парадокс! В замешательстве Бек наблюдал за тем, как продолжается процесс — чем бы он ни был: пыткой, наказанием или испытанием силы духа.

К решетке подошли двое таупту в белых перчатках и плотно со всех сторон прикрыли голову жертвы прозрачной пленкой. Тотчас ноги и руки ее судорожно задергались, повинаясь безусловным рефлексам, обручи внезапно озарились бледно-голубым сиянием — произо-

шел разряд какой-то энергии. Жертва издала скрежещущие звуки, и Бек напрягся в крепких руках ксексиан.

Мучители поправили пленку на голове у жертвы, кое-где подтянули ее, чтобы она плотнее облегла голову, следуя всем изгибам черепа. Еще раз вспыхнуло голубое мерцание, снова несчастный издал жалобные звуки, затем тело распростертого ксексианина совершенно обмякло. Один из мучителей сдернул прозрачный мешок с головы жертвы и поспешно унес его прочь. Двое других таупту бесцеремонно сбросили беднягу на пол, затем схватили одного из читуми и с размаху швырнули на решетку. Ноги и руки новой жертвы были уже связаны, однако он продолжал извиваться на решетке, пуская пену изо рта. В комнату внесли едва различимую пленку, которая, казалось, не имела веса, затем плотно закрыли этой пленкой голову и плечи читуми. Началась очередная пытка...

Через десять минут тело читуми, голова которого безвольно свешивалась вниз, отнесли к одной из боковых стен.

Эпиптикс вручил дрожащему всем телом Беку очки.

— Поглядите на очищенного читуми. Что вы сейчас видите?

— Ничего, — ответил Бек, глянув в сторону решетки. — Абсолютно ничего.

— А теперь посмотрите вот сюда. Быстро!

Бек повернул голову и уставился в зеркало. Над его головой витало нечто. Огромные выпуклые глаза горделиво и в то же время бесстрастно глядели из-за его затылка. Видение это мелькнуло лишь на какую-то долю секунды, затем совершенно исчезло. Зеркало затуманилось. Бек сорвал очки. Зеркало было очень чистым, и в нем он увидел только свое бледное лицо.

— Что это было? Я увидел нечто такое...

— Это и был нопал, — сказал Эпиптикс. — Вы спугнули его.

Он забрал у Бека очки, после чего землянина схватили двое таупту и потащили к решетке, не обращая внимания на сопротивление. После того как его руки и ноги просунули в стальные рукава, он не мог шевельнуть даже пальцем. Голову ему накрыли таким же прозрачным мешком. Последнее, что увидел Бек, — исполненное

лютой ненависти лицо Птиду Эпиптикса. Затем острая боль пронзила позвоночник.

Бек, закусив губу, напрягся, чтобы пошевелить головой. Еще одна вспышка голубого света, еще один приступ невыносимой боли... Бек закричал. Он никогда не думал, что страдание может быть таким чудовищным.

Голубое мерцание прекратилось, остались только ощущение упругого прикосновения пальцев в белых перчатках да сосущая боль под ложечкой. Еще один удар голубой энергии уничтожил последние остатки его воли и душевной стойкости. Бек ощутил последний, мучительный рывок, будто из его тела вырвали позвоночный столб, затем последовал приступ бессильной ярости, после чего Бек потерял сознание.

5

Голова слегка кружилась, будто после принятия наркотика. Через несколько мгновений Бек обнаружил, что лежит примерно на таком же эластичном мате, на каком лежал раньше. Ему вспомнились последние мгновения, муки, которые он испытал... Он приподнялся на локте, терзаемый воспоминаниями. Дверь помещения, где он сейчас находился, была открыта и не охранялась. Бек лихорадочно стал обдумывать планы побега, но вдруг услышал шаги. Все пропало. Он снова принял прежнюю позу.

В дверях показался Птиду Эпиптикс, бесстрастный и несокрушимый, как всегда. Бек неторопливо поднялся на ноги, готовый к чему угодно.

Птиду Эпиптикс сделал несколько шагов ему навстречу. Бек не спускал с него глаз, следя за каждым движением с враждебной настороженностью.

Но неужели это Птиду Эпиптикс? На первый взгляд, все тот же человек, но что-то изменилось: исчезли злоба и ненависть, исходившие от него раньше.

— Ступайте за мной, — раздалось из пульта на груди Эпиптикса. — Сначала мы вас накормим, а затем я многое вам объясню.

Слова застряли в горле у Бека. Как изменилась личность ксексианина!

— Вы удивлены? — спросил Эпиптикс. — На это есть своя причина. Следуйте за мной.

В полнейшей растерянности Бек прошел в большую комнату, служившую, по всей видимости, столовой. Эпиптикс предложил ему сесть, сам же направился к раздаточному лотку и вскоре вернулся с похлебкой и лепешками из какого-то темного вещества, внешне напоминающими прессованный изюм. Только вчера этот человек подвергал меня пыткам, подумал Бек, а сегодня выступает в роли радушного хозяина. Бек внимательно посмотрел на похлебку: он не был привередлив, но еда, приготовленная из неизвестных продуктов, не вызывала у него особого аппетита.

— Наша пища сплошь синтетическая, — сказал Эпиптикс. — Мы не можем позволить себе употреблять настоящие продукты. Но не бойтесь отравиться — у нас совершенно одинаковый обмен веществ.

Превозмогая тошноту, Бек попробовал содержимое своей миски — оно оказалось просто безвкусным. За все время, пока они ели, никто не произнес ни слова. Бек думал о том, что никакая внешняя перемена в Эпиптиксе не заставит его иначе к нему относиться, факты говорили красноречивее слов: он оставался убийцей, похитителем, палачом.

Эпиптикс разделался с едой очень быстро, вряд ли она и ему доставляла удовольствие. Ксексианин погрузился в мрачное раздумье, и Беку вдруг вспомнился фотоснимок головы слепня, сделанный под большим увеличением: у ксексиан были точно такие же глаза, пронизанные множеством жилок и разделенные тканями на совершенно одинаковые выпуклые участки, такие же абсолютно ничего не выражающие глаза — даже не глаза, а огромные пузыри.

— Ваша реакция вполне естественна, — заметил Эпиптикс. — Вы сбиты с толку и испытываете неловкость. Вы не можете разобраться, что с вами произошло, не можете понять, почему я сегодня воспринимаюсь вами совершенно иначе, чем вчера. Разве не так?

Бек был вынужден признаться, что ксексианин не ошибается.

— Разница не во мне, она в вас самом. Вот, взгляните-ка.— Он повел рукой у них над головами.— Присмотритесь получше.

Бек пристально уставился в потолок, пока перед глазами не поплыли какие-то бесформенные пятна. Несколько раз закрыв и открыв глаза, он попытался освободиться от них. Так ничего и не увидев, он вопросительно посмотрел на Эпиптикса.

— Что вы увидели? — спросил Эпиптикс.

— Ничего.

— Посмотрите снова,— ксексианин показал рукой,— вот сюда.

Как ни всматривался Бек в пространство над головой, перед уставшими глазами плыли только пятна и ленты.

— Ничего не вижу... — Он запнулся. У него возникло ощущение, будто смотрят на него самого.

— Продолжайте смотреть,— сказал Эпиптикс.— У вашего мозга нет должной подготовки. Пройдет совсем немного времени — и вы начнете различать их совершенно отчетливо.

— Кого? — растерянно спросил Бек.

— Нопалов.

— Но здесь совершенно ничего нет.

— Неужели вы не видите этикие едва различимые силуэты? Зрение у землян развито гораздо лучше, чем у ксексиан.

— Я вижу только пятна, ничего больше...

— Приглядитесь повнимательнее. Например, вот к этому пятну.

Удивляясь в душе, как это Эпиптиксу удастся видеть пятна перед чужими глазами, Бек внимательно вгляделся. Ему вдруг показалось, что пятна начинают собираться вместе, сосредоточиваться, и вот уже на него зловеще глядят два огромных глазных яблока, совершенно ни с чем не связанные, как бы вынутые из глазниц. Теперь он даже разглядел игру света, отражаемого ими.

— Что это?! Гипноз?

— Это нопал. Айсекс наводнен нопалами, несмотря на все наши усилия. Вы закончили еду? Тогда пойдемте, вам непременно нужно посмотреть на не прошедших очищение читуми.

Выйдя из здания, они сразу оказались под мощными потоками ливня, который, казалось, шел не переставая на этой планете. Всюду среди развалин светились рассеянным светом лужи, мертвенно-бледные, как ртуть.

Птиду Эпиптикс, не обращая внимания на дождь, твердой походкой направился к загону, где находились читуми. Их там оставалось всего десятка два, не больше, и все с ненавистью смотрели на Птиду Эпиптикса, но теперь эта ненависть распространилась и на Бека.

— Последние из читуми. Приглядитесь к ним еще раз.

Бек подошел к самой сетке загона и заглянул внутрь. Контуры голов и верхних частей туловищ показались ему размытыми. Как будто... Он в изумлении вскрикнул. Теперь он увидел все совершенно четко, без помех. Каждый читуми был словно оседлан ужасным всадником, прицепившимся к его затылку с помощью студнеобразной присоски. Над головой у каждого из читуми гордо вздымался роскошный султан, состоящий из множества продолговатых щетинок и выраставший из комка темного пуха, напоминающего футбольный мяч, а между человеческими глазами и плечами в воздухе висели две сферы, по-видимому, выполняющие функцию глаз. И эти глаза обдавали Бека такой же вызывающей ненавистью и презрением, что и пленные читуми.

Огромным усилием воли Беку удалось обрести дар речи.

— Что это за существо? — сильным голосом спросил он. — Нопал?

— Да. Это и есть нопал. Один из мерзких паразитов. — Он показал рукой на небо. — Вы еще многих увидите. Они непрерывно парят над нами, вечно голодные, в надежде оседлать кого-нибудь из нас. Все наши усилия направлены на то, чтобы очистить планету от гнусных тварей.

Бек посмотрел на небо. Если там и парили нопалы, то в дождь, видимо, они были незаметны. И вдруг ему почудилось, что он видит одну из этих тварей, плывущую в толще воздуха, как медуза в воде. Нопал был небольшой и не до конца оформившийся, щетинистый гребень был довольно редкий, глаза — не больше лимона.

Бек, прищурившись, потер лоб. Нопал исчез, над головой свистел лишь ледяной ветер и проносились рваные тучи.

— Эти существа материальны?

— Они существуют — следовательно, природа их материальна. Если же вы спросите, из какого вещества складывается их оболочка, я не смогу вам ответить. Война настолько поглощала все наши силы в течение ста лет, что у нас не было возможности заниматься исследованиями.

Втянув голову в плечи, Бек снова повернулся к пленным читуми. Как все изменилось... Если вчера он расценивал их открытое неповиновение как проявление благородства, то теперь оно казалось ему бессмысленным. И таупту, к которому он питал отвращение... Тут было над чем поразмыслить. Взять, например, Птиду Эпиптикса, который, нарушив нормальное течение его жизни, втянул в эту историю, убил ни в чем не повинного Сэма Гиббонса. Вряд ли такая личность может вызвать к себе симпатию, и все же отвращение, которое питал к нему Бек еще вчера, сменилось невольным восхищением.

Неожиданная мысль пронзила мозг Бека: неужели он стал жертвой искусно проделанной промывки мозгов, которая превратила ненависть в уважение и породила в его сознании иллюзию существования паразитов материального свойства?

Он еще раз обернулся к читуми и поймал точно такой же, как и раньше, лютый взгляд нопала. Стало даже трудно мыслить под этим взглядом, но, тем не менее, что-то прояснилось.

— Нопалов привлекают не только ксексиане? — спросил он Птиду Эпиптикса.

— Совершенно верно.

— Один из них пристроился и ко мне?

— Да.

— И вы поместили меня на ту решетку, чтобы соскрести с меня нопала?

— Да.

Это признание повергло Бека в такие тяжелые раздумья, что он даже перестал обращать внимание на дождь, на холодные струи, стекающие по спине.

— Уже скоро вы почувствуете, насколько реже станут возникать у вас произвольные приступы ярости и неосознанные побуждения. Для того чтобы сотрудничать с вами, нам прежде всего нужно было подвергнуть вас очищению.

Бек удержался от вопроса о будущем сотрудничестве, потому что, запрокинув голову, увидел парящего над собой нопала, глаза-пузыри с вождением взирали на Бека.

— Почему нопалы снова не пристраиваются ко мне? — спросил он.

На лицо Эпиптикса легла тень.

— Они еще успеют это сделать, и тогда вас снова придется подвергнуть очищению. Примерно в течение месяца они держатся в стороне. Возможно, их что-то отпугивает. Может быть, мозг не может отгонять их более длительное время. Для нас пока это загадка. Однако рано или поздно они спускаются — и тогда любой из нас снова делается читуми и подлежит очищению.

В нопале было нечто такое, что вызывало к нему болезненное влечение — Бек никак не мог отвести взгляд от этого существа. И одна из таких тварей была его неразлучным спутником! Бек ощутил прилив благодарности к таупту за то, что они освободили его от этой гадости, хотя им пришлось забрать его с Земли на Айксекс.

— Идите за мной, — сказал Эпиптикс. — Сейчас вы узнаете о том, что от вас требуется.

Насквозь промокший и продрогший, хлюпая ногами в мокрых ботинках, Бек понуро поплелся за Эпиптиксом в столовую, чувствуя себя несчастным как никогда. Эпиптикс, которому, казалось, ни стужа, ни дождь были нипочем, пригласил Бека присесть.

— Я расскажу вам кое-что из нашей истории. Сто двадцать лет назад Айксекс была совершенно другой. Тогда наша цивилизация по уровню развития напоминала вашу, хотя в некоторых отношениях мы продвинулись несколько дальше. К тому времени мы давно путешествовали в космосе и хорошо знали вашу планету. Сто лет назад группа ученых... — Тут он заметил, что Бек дрожит. — Вам холодно?

Не дожидаясь ответа, он что-то протрещал служителю, и тот принес массивную стеклянную кружку с горячей синей жидкостью.

Бек попробовал жидкость, горячую и горькую — по всей вероятности, алкогольную. Не прошло и несколько минут, как он почувствовал, что взбодрился, даже стал каким-то беспечным, хотя вода по-прежнему стекала с него, образуя на полу лужицу.

— Сто лет назад, — продолжил свой рассказ Птиду Эпиптикс, — один из наших ученых в процессе исследования явления, которое вы называете псионической активностью, совершенно случайно попал на след существования нопалов. Неизвестно, по какой причине Мауб Киамкагх — так звали этого ученого, — человек с необычайно развитыми телетактильными способностями, в течение нескольких часов никак не мог выбраться из нагромождения высокочастотной электронной аппаратуры, в которой почему-то что-то разладилось, и все это время его омывали и пронизывали потоки высокочастотной энергии. В конце концов его спасли, и ученые возобновили свои эксперименты, спеша выяснить, каким образом повлияла на телетактильные способности Киамкагха приключившаяся с ним история.

Мауб Киамкагх стал первым таупту. Когда коллеги к нему приблизились, он в ужасе отпрянул. Ученые, в свою очередь, тоже почувствовали к нему необоснованную неприязнь. Сам Мауб никак не мог разобраться со своими ощущениями. Он чувствовал вокруг себя присутствие нопалов, но поначалу приписывал их существование своему воображению, вернее, своим телетактильным ощущениям. На самом же деле он был таупту — очищенным. Он описал нопалов ученым, но те ему не поверили. «Почему вы не замечали этих ужасных существ раньше?» — говорили они.

И тогда Мауб Киамкагх выдвинул гипотезу, которая привела нас к победе над читуми и их нопалами: «Энергия силового генератора убила паразитировавшее на мне существо. Таков вывод, к которому я пришел».

Был поставлен соответствующий эксперимент, в ходе которого очищению подвергли преступника. Мауб провозгласил его таупту. Ученые, в свою очередь, стали испытывать ненависть уже к двоим первоочищенным,

однако, побуждаемые жадой понимания истинного положения вещей, они подвергли очищению еще двоих из своей среды. Мауб и их объявил таупту, тогда прошли очищение и остальные ученые группы, образовав первоначальное ядро таупту.

Вскоре вспыхнула война, кровопролитная и ожесточенная. Таупту стали жалкой группой беглых преступников, жить им пришлось в толще льда, в естественных кавернах, ежемесячно подвергая себя энергетическим пыткам, а заодно очишая тех читуми, которых удалось взять в плен. Однако со временем таупту стали выигрывать эту войну, и вот, всего лишь месяц назад, она закончилась. Последние читуми ожидают своей очереди подвергнуться очищению.

Такова наша история. Мы победили на этой планете, сломили сопротивление читуми, но нопалы на ней так и остались, поэтому нам приходится ежемесячно подвергать себя пытке на энергетической решетке, и мы не прекратим войны до тех пор, пока не будет уничтожен последний нопал. Так что война для нас не закончена, она просто вступила в новую фазу. Нопалов на Айксеке не так уж много. Все дело в том, что их родина — не наша планета. Их цитаделью является Нопалгарт. Именно с Нопалгарта полчища нопалов устремляются на Айксеке со скоростью мысли, чтобы упасть нам на плечи. Вы должны отправиться на Нопалгарт и поднять его обитателей на борьбу с тварями — такова следующая стадия нашей войны с нопалами, в которой мы непременно когда-нибудь победим.

Какое-то время Бек молчал, не находя слов.

— Почему вы сами не отправитесь на Нопалгарт?

— На Нопалгарте ксексиане сразу же вызовут отвращение и ненависть, нас станут убивать и преследовать, не дав возможности даже приступить к осуществлению своей миссии.

— Но почему вы избрали именно меня? Какой от меня прок, если даже я и соглашусь помогать вам?

— Потому что вы не будете вызывать подозрений, а значит, добьетесь большего.

Нехорошие предчувствия закрались в душу Бека.

— Обитатели Нопалгарта такие же люди, как и я?

— Да. Они — люди, и это неудивительно, поскольку слово «Нопалгарт» употребляется нами для обозначения планеты Земля.

Бек скептически улыбнулся.

— Скорее всего, вы заблуждаетесь. На Земле нет нопалов.

— Вы просто не осознаете, что ваш мир кишмя кишит этими тварями.

От мрачных предчувствий у Бека похолодело внутри.

— Для меня это совершенно непостижимо.

— Такова истина.

— Значит, нопал был со мной еще до того, как я попал сюда?

— Он был с вами всю вашу жизнь.

6

Бек присел и затих, едва не захлебнувшись в водовороте сумбурных мыслей, потоками нахлынувших на него, а тем временем ксексианин продолжал:

— Земля и есть Нопалгарт. Нопалы кишат в воздухе над вашими больницами, поднимаясь с покойников, теснясь над новорожденными. С самого первого мгновенья, когда вы вступаете в мир, и до самой смерти нопал всегда с вами.

— Мы бы, безусловно, узнали об этом, — невнятно бормотал Бек. — Мы бы узнали, так же, как и вы...

— Наша история на многие тысячи лет старше вашей, и все равно только благодаря чистой случайности нам стало известно о существовании нопалов...

Бек погрузился в угрюмое молчание, ощущая, как стремительно разворачиваются трагические события, предотвратить которые он не в силах. В столовую вошли несколько ксексиан и расселись так, что Бек видел их чуждые, слепые глаза.

— Почему вы говорите мне это? — неожиданно спросил он у Эпиптикса. — Ради чего доставили меня сюда?

Птиду Эпиптикс устало вздохнул:

— Мы очистили свою планету, дорого заплатив за это. Пока нопалам не найти здесь пристанища. В течение месяца мы свободны, затем нопалы с Нопалгарта

устремляются на нас, и нам опять приходится претерпевать ужасные муки, чтобы очиститься.

Бек задумался.

— И вы хотите, чтобы мы очистили Землю от нопалов?

— Вы обязаны это сделать.— Больше Птиду Эпиптикс уже ничего не говорил. Он и его соплеменники молча откинулись на спинки своих сидений, ожидая ответа.

— Работенка предстоит немалая. Слишком уж велика она для одного человека, даже если он посвятит ей оставшуюся жизнь.

— А разве может быть легкой такая работа? Нам удалось очистить Айксекс, но какой ценой? — в процессе выполнения этой миссии была разрушена почти вся планета.

Бек ничего не ответил.

— Вас одолевают сомнения: не является ли лекарство опаснее самой болезни,— сказал Эпиптикс, предчувствуя реакцию Бека.

— Да, я подумал об этом.

— Через месяц нопал снова пристроится к вам. И вы позволите, чтобы он так и остался с вами?

Беку вспомнился процесс очищения — хоть сколько-нибудь приятным его не назовешь. Предположим, он не даст подвергнуть себя очищению. Тогда к нему снова возвратится нопал и, благополучно пристроившись к затылку, опять станет невидимым, но Бек будет знать, что тот сидит у него на шее, гордо расправив свой султан, как павлиний хвост, и совиные глаза-пузыри злобно выглядывают из-за его плеч. Тончайшие волокна-щупальца, проникнув в его мозг, будут направлять любые эмоции... Бек тяжело вздохнул.

— Нет, не допущу, чтобы он остался.

— Столь же решительно настроены и мы.

— Вот только как очистить всю Землю от нопалов...

Бек запнулся на полуслове, полный нерешительности, ошеломленный масштабом задачи, затем сокрушенно покачал головой, чувствуя свое бессилие.

— Я даже не представляю, как это может быть сделано... на Земле живет очень много самых разных людей: различной национальности, вероисповедания, расовой

принадлежности — миллиарды людей, которые ничего не знают и не захотят знать о нопалах, которые ни за что не поверят мне, когда я расскажу об этом!

— Я вас прекрасно понимаю, — согласился Птиду Эпиптикс. — Точно такое же положение сложилось на Айксексе сто лет назад. Только миллион моих соплеменников пережил ужасную войну, но мы, не задумываясь, начали бы новую. Если народы Земли не очистятся от этой скверны сами, тогда мы за них это сделаем.

Наступила гнетущая тишина. Когда Бек заговорил, его голос звучал угрюмо, как колокол под водой.

— Вы угрожаете нам войной.

— Я угрожаю войной против нопалов.

— Если нопалов изгнать с Земли, они переберутся на какую-нибудь другую планету.

— Мы будем преследовать их и там, пока не уничтожим всех до единого.

Бек сокрушенно покачал головой. Такие настроения ксексиан казались ему проявлением обыкновенного фанатизма. Да и насколько откровенны были с ним ксексиане? Все ли они рассказали ему из того, что им известно? Не находя ответов на эти вопросы, он произнес почти безнадежно:

— Я не могу брать на себя такие огромные обязательства! Я просто не могу принять столь ответственное решение, не располагая более полной информацией!

— Что бы вы еще хотели узнать?

— Намного больше того, чем вы мне рассказали. Например, что из себя представляют нопалы? Какова их материальная основа?

— Эти вопросы не относятся к сути проблемы. Тем не менее, я постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Нопалы представляют собой совершенно особый вид жизни, нечто вроде сгустка мысленной энергии в ее чистом, оторванном от материального содержания виде, в нашем понимании материи. Кроме этой, чисто умозрительной теории, нам больше ничего не известно о нопалах...

— Вы располагаете только умозрительными представлениями? — ошеломленно спросил Бек. — В вашем понимании, это материальное воплощение мысли?

Ксексианин долго молчал, с трудом подбирая слова, чтобы выразить непривычные для человеческого ума понятия.

— Термин «мысль» для нас имеет несколько другое значение, он наполнен другим содержанием, но я попытаюсь объяснить вам ситуацию, пользуясь термином «мысль» в том смысле, какой в него вкладываете вы. Нопал перемещается в пространстве со скоростью мысли. Нам неведома истинная сущность и природа мысли, поэтому нам ничего не известно о природе нопала.

Остальные ксексиане взирали на Бека с бесстрастной сдержанностью, похожие на ряд античных статуй.

— В их поведении есть определенная логика? Они являются разумными существами?

— Разумными? Вы используете термин «разум» для обозначения такого рода мышления, который свойствен вашим соплеменникам. «Разум» — это созданная живущими на Земле людьми концепция. Нопал тоже мыслит, но не так, как люди. Если вы подвергнете нопала какому-нибудь тесту на определение «уровня интеллектуального развития», то его коэффициент будет удивительно низким, однако ему удастся манипулировать вашим сознанием более легко и умело, чем вам самим. Ваши мыслительные процессы и ваше восприятие зрительных образов гораздо быстрее наших, им свойственна большая гибкость и большая податливость к внушению со стороны нопалов. Нопалы прекрасно понимают, что вы ужаснетесь, узнав об их существовании, поэтому стараются лучше спрятаться. Они понимают, что таупту — враги, поэтому внушают читуми ненависть к таупту. Это очень хитрое существо, ничем не брезгующее в борьбе за существование, не обделенное изворотливостью и инициативностью. В наиболее общем смысле нопал — вполне разумное существо.

Несколько задетый снисходительным, как ему показалось, тоном ксексианина, Бек ответил по возможности лаконичнее:

— Ваши представления об интеллекте не лишены логики, хотя и не все в них мне кажется бесспорным. Ваши же представления о природе нопалов кажутся мне весьма несуразными, а методы очищения — абсолютно

примитивными. Неужели никак нельзя обойтись без попыток?

— Нам другие способы неизвестны. Вся наша энергия была направлена на ведение военных действий. У нас не было времени для научных исследований.

— Ваша система может оказаться несостоятельной на Земле.

— Вы должны позаботиться о том, чтобы она сработала!

Бек наигранно рассмеялся.

— Да стоит мне только прибегнуть к ней, как меня упекут за решетку.

— В таком случае вам придется создать особую организацию, чтобы не допустить подобного исхода и замаскировать свою деятельность.

Бек медленно покачал головой.

— Вас послушать — все так просто, проще даже быть не может. Я же один-одинешенек, и даже не знаю, с чего начать.

Эпиптикс пожал плечами — точно как землянин.

— Сейчас вы один, а завтра вас должно стать двое. Двое должны стать четверьмя, и так далее, пока не будет очищена вся Земля. Так мы очистили Айксекс от читуми и поэтому надеемся на успех на другой планете. Со временем восстановится численность вашего населения, отстроятся города. Война — всего лишь миг в истории планеты.

Бека это не очень убедило.

— Если Земля наводнена нопалами, то ее нужно освободить от них — здесь и спорить не о чем. Но мне совсем не хочется поднимать паники, всеобщего брожения умов, а о войне и говорить не приходится.

— Не хотел этого и Мауб Киамкагх. Война началась только тогда, когда читуми обнаружили таупту. Нопалы возбудили ненависть в них, и они принялись уничтожать таупту. Таупту сопротивлялись, ловили читуми и очищали их. Такой была война. Такой же оборот события могут принять и на Земле.

— Надеюсь, что нет, — коротко бросил Бек.

— Пока нопалы на Нопалгарте будут уничтожаться, и притом быстро, нас не будут интересовать методы, с помощью которых это делается.

Вновь воцарилась тишина. Ксексиане сидели неподвижно, как каменные изваяния. Бек устало вздохнул. Будьте все вы трижды прокляты — и ксексиане, и нопа-лы, и вся эта кутерьма, с ними связанная! Но раз уж он оказался вовлеченным в нее...

— Я сделаю все, что в моих силах.

Эпиптикс, казалось, ждал такого ответа, поэтому не выразил ни удивления, ни восхищения.

— Я поделюсь с вами всем, что знаю о нопалах, — поднявшись, сказал он. — Идемте со мной.

Пройдя по коридору, они вернулись в помещение, которое Бек в уме называл камерой денопализации. Работа в ней шла полным ходом. Чувствуя, что внутри у него сжался комок, Бек смотрел, как на решетку поместили извивающуюся всем телом женщину. Теперь его зрение и чувства обострились настолько, что он явно видел нопала: залитая ярким светом тварь тряслась всем своим естеством, щетинки султана в ужасе расширились в разные стороны, нервно пульсировали глаза-пузыри, беспомощно трепетала покрытая пухом грудная клетка.

Бек повернулся к Эпиптиксу.

— Неужели никак нельзя использовать обезболивающие средства? — недовольно спросил он. — Разве обязательно доставлять такие страдания?

— До вас так и не дошла суть процесса, — ответил ксексианин. — Энергия сама по себе не приносит никакого вреда нопалу, его ослабляет и заставляет покинуть жертву сумятица, которая творится в ее сознании. В данном случае это абсолютная уверенность читуми в тех муках, которые придется терпеть, поэтому их и помещают рядом с камерой, откуда слышны крики соплеменников. Это ужасно, но это ослабляет нопала. Возможно, со временем вам на Земле удастся разработать более совершенную методику денопализации.

— Очень надеюсь, — пробормотал Бек. — Мне не под силу терпеть такие муки.

— Вам никуда от них не деться, — с обычной бесстрастностью констатировал переводчик.

Бек сделал попытку отвернуться от страшной картины, но она притягивала его. Тело женщины сотрясилось, как в лихорадке, из груди непрерывно раздавалось неис-

товое клокотание. Нопал отчаянно цеплялся за череп женщины, но в конце концов его удалось отодрать, и он был унесен в прозрачном мешке.

— А что дальше? — спросил Бек.

— В конечном счете становится полезным и сам нопал. Возможно, вы уже задумывались над тем, из чего сделан мешок и как в нем удастся удерживать совершенно бесплотное существо?

Это действительно очень интересовало Бека.

— Вещество мешка — мертвый нопал. Тепло, кислоты, электричество — ничто из нашего физического мира на него не действует. Это вещество не обладает ни массой, ни инерционностью, оно не сцепляется ни с каким веществом, кроме себя. Поэтому-то нопал не может проникнуть через пленку из вещества, полученного при умерщвлении нопала. Едва отсоединив нопала от читуми, мы сразу же хватаем его и давим, превращая в тончайшую пленку. Сделать это совсем нетрудно, так как нопал крошится даже от малейшего соприкосновения с пленкой из мертвого нопала. — Он посмотрел в сторону решетки, и к нему прямо по воздуху подплыл обрывок нопалона — пленки, полученной из уничтоженного нопала.

— Как вам это удалось?

— Телекинез.

Бек, не очень удивленный ответом, присмотрелся к нопалону внимательнее. Материал показался ему волокнистым, как будто сотканным из тончайшей паутины... Но тут снова заговорил Эпиптикс, прервав ход мыслей Бека.

— Из нопалона же изготовлены линзы очков, сквозь которые вы смотрели вчера. Нам непонятно, почему читуми могут иногда чувствовать присутствие нопала, когда свет проходит через пленку. Мы много над этим рассуждали, но законы природы, действующие в нашем пространстве, неприменимы к тому роду материи, из которого состоит нопал. Возможно, вы добьетесь большего, мы же — лишь уставшие воины.

С тоской вспомнилась Беку его мирная, безоблачная жизнь, которая безвозвратно канула в прошлое. Вспомнились друзья: доктор Ральф Тарберт, Маргарет — энергичная, жизнерадостная Маргарет Хэвен. Ему предста-

вились их лица — и их нопалы. Получившаяся картина была одновременно несуразной и трагической. Теперь ему была понятна непреклонная беспощадность таупту, на их месте он бы действовал так же. На их месте? Да ведь он уже и есть на их месте.

Печальную вереницу мыслей прервал Эпиптикс.

— Смотрите.

Бек увидел отчаянно сопротивлявшегося читуми, которого волокли к денопализационной решетке. Нопал возвышался над ним, как фантастический боевой шлем.

— Сейчас вы являетесь свидетелем великого события, — сказал Эпиптикс. — Это последний из читуми, их не осталось больше ни одного. Айксекс очищен полностью.

Бек лишь тяжело вздохнул, помня об огромной ответственности, которая легла на его плечи.

— Со временем и Земля будет такой же... Со временем, со временем...

Таупту прикрепили последнего читуми к решетке. Бек отвернулся — смотреть он просто не мог.

— Сейчас я вам покажу, что станется с нопалом, — сказал Эпиптикс.

Они вошли в длинное, тускло освещенное помещение, заставленное рядами верстаков. Примерно сотня ксексиан напряженно трудилась, собирая какой-то механизм.

— Крепко сожмите эту сумку, — велел Беку Эпиптикс.

Бек осторожно сдвинул сумку. Нопал внутри раскрылся при первом же прикосновении.

— Он такой же ломкий, как высушенная яичная скорлупа, — заметил Бек.

— Не странно ли? — спросил Эпиптикс. — Не обманываетесь ли вы? Как можно ощущать неосознаваемое?

Бек изумленно поглядел на Эпиптикса, затем на сумку. Он уже больше не ощущал сумку в своих пальцах, она проходила сквозь них, как струйка дыма.

— Она не ощущается, — упавшим голосом признался он.

— Определенно ощущается, — возразил Эпиптикс. — Она здесь, никуда не делась, вы можете ее чувствовать, как уже удалось раньше.

Бек снова протянул руку. Поначалу сумка показалась ему еще менее ощутимой, чем раньше, но она была здесь. И по мере роста этой уверенности, он все более чувствовал ее в своей руке.

— Может быть, мне все только кажется? — спросил Бек. — Сумка в самом деле реальна?

— Это нечто такое, что вы ощущаете не пальцами, а разумом.

Бек стал так и этак вертеть сумку.

— Я перемещаю ее руками. Сжимаю ее. Чувствую, как нопал крошится у меня под пальцами.

Лицо Эпиптикса стало насмешливо-лукавым.

— Разве ощущение не является реакцией вашего мозга на поступление нервных импульсов? Так, насколько я понимаю, действует мозг у землян.

— Я понимаю различие между ощущением, которое испытывает моя рука, и чисто мысленным ощущением, — холодно заметил Бек.

— В самом деле?

Бек хотел было ответить, но воздержался.

— Вы заблуждаетесь. Вы ощущаете сумку разумом, а не пальцами, а вот руки ваши чувствуют только чисто механическое движение, которым сопровождается ощущение сумки. Вы протягиваете руку и прикасаетесь пальцами к сумке — у вас создается впечатление, будто вы к ней прикоснулись. Когда вы не протягиваете руку к сумке, вы ничего не ощущаете, потому что вы не ожидаете получить какое-либо ощущение.

— В таком случае, — заметил Бек, — я мог бы почувствовать нопалов без помощи рук.

— Вы чувствовали бы что угодно, не прибегая к помощи рук.

Телеосязание, отметил про себя Бек. Ощущение прикосновения без помощи чувствительных нервных окончаний. А разве ясновидение не было зрением без помощи глаз? Он снова повернулся к сумке. Нопал внутри нее злобно смотрел в его сторону. Он мысленно представил себе, как берет сумку в руку, сжимает между пальцами. Всего лишь едва различимое ощущение коснулось его рассудка, не более того, — всего лишь какой-то намек на хрупкость и легкость.

– Попробуйте переместить сумку с одного места на другое.

Бек сосредоточил все свое внимание на сумке. Сумка и попал в ней чуть переместились без всяких усилий с его стороны.

– Непостижимо! – пробормотал он. – У меня, выходит, способности к телекинезу?!

– С этим материалом проявить их довольно несложно, – пояснил Эпиптикс. – Попал представляет собой мысль, сумка – мысль, что же еще можно передвинуть с помощью разума?

Считая вопрос риторическим, Бек ничего не ответил и стал смотреть, как операторы, швырнув сумку на верстак, разгладили ее так, что она стала совершенно плоской. Попал, рассыпавшись в мельчайший порошок, смешался с материалом сумки.

– Здесь больше нечего смотреть, – сказал Эпиптикс. – Пошли.

Они вернулись в столовую. Бек угрюмо плюхнулся на скамью, от его недавнего рвения не осталось и следа.

– Вас одолевают сомнения, – посочувствовал Эпиптекс. – Спрашивайте.

Бек задумался.

– Совсем недавно вы вскользь упомянули о том, как действует мозг землян. Не значит ли это, что у ксексиан иной механизм мышления?

– Да. Ваш мозг проще, а его составляющие более гибки и универсальны. Наш мозг устроен куда сложнее. В одних случаях это оборачивается для нас преимуществом, в других – наоборот. Ваш мозг наделен способностью создавать мысленные представления, которые вы называете воображением. Мы этого лишены, как лишены способности открывать новое, сопоставляя неизмеримые и неисчислимые величины между собой. Большая часть вашей математики для нас непостижима, выводы кажутся нам бессвязными, несуразными и даже бессмысленными. Но наш разум располагает и определенными механизмами, компенсирующими эти недостатки: встроенными калькуляторами, которые мгновенно производят вычисления, для вас кажущиеся сложными и утомительными. Вместо того чтобы создавать мысленный образ, то есть воображаемый предмет, мы конструируем подлинную модель этого предмета в

особой полости у себя в черепной коробке. Некоторые из нас в состоянии создавать очень сложные модели. Такой процесс полезен, но обременителен. Мы постигаем мир так: сначала формируем у себя в мозгу модель, а затем ее изучаем с помощью своего внутреннего осязания.

После небольшой паузы Бек спросил:

— Когда вы приравниваете нопала к сгустку мысли, вы имеете в виду мысль землянина или мысль ксексианина?

Птиду Эпиптикс ответил не сразу.

— Это слишком общее сравнение, я применил его в довольно широком смысле. Что такое мысль? Мы не знаем. Нопалы невидимы и неосязаемы и, когда лишены свободы передвижения, могут без особого труда подвергаться телекинетическим манипуляциям. Они питаются умственной энергией. Являются ли они воплощением мысли, мы не знаем.

— Почему вы не можете просто снимать нопала с мозга? Неужели для этого так необходимы мучения?

— Мы именно так и пытались поступать, — сказал Эпиптикс. — Мы страшимся физической боли ничуть не меньше, чем вы. Но это оказалось невозможным: нопал в последнем отчаянном приступе злобы убивает читуми. На денопализационной решетке мы подвергаем его таким мучениям, что он сам извлекает из разума жертвы корешки, с помощью которых к ней присосался, и только после этого его можно отодрать от жертвы.

— Хотелось бы мне знать, как можно денопализировать Землю, не нажив врагов?

— Процесс уничтожения нопалов не может быть легким. Я передам вам чертежи и схемы денопализатора, вы должны будете построить такую установку и начать очищение своих соплеменников. Почему вы качаете головой?

— Слишком уж громоздкое начинание. Меня не покидает чувство, что существует более простой способ. — Бек задумался, затем произнес:

— Нопал, безусловно, мерзкое существо, но если абстрагироваться от этого, какой еще от него вред?

Птиду Эпиптикс застыл, устремив на Бека глаза-самоцветы, формируя внутри себя, как теперь догадался Бек, модель его головы.

— Не исключено, что они препятствуют свободному развитию у нас парапсихических или, как вы называете, псионических способностей,— продолжал рассуждать Бек.— Разумеется, мне ничего не известно, однако впечатление такое...

— Выбросьте из головы все подобные опасения. Существует один неоспоримый факт: мы сейчас таупту и ни за что не станем снова читуми. Запомните: у нас нет ни малейшего желания ежемесячно подвергать себя мучительнейшим пыткам; мы хотим, чтобы вы сотрудничали с нами в войне против нопалов, но можем обойтись и без вас, мы сами уничтожим нопалов на Нопалгарте, если этого не сделаете вы.

Бек снова про себя отметил, что питать дружеские чувства по отношению к ксексианам довольно трудно.

— Может случиться, что мне не удастся разобраться в чертежах денопализатора.

— Они будут адаптированы к вашей системе единиц и к возможности применения стандартных комплектующих компонентов. Вы не столкнетесь с трудностями.

— Мне понадобятся деньги.

— В них недостатка не будет. Мы снабдим вас золотом в таком количестве, в каком сами пожелаете, вам только придется позаботиться о том, чтобы сбыть его. Что еще вы хотите знать?

— Для отсоединения нопала вы пользуетесь материалом, полученным из мертвого нопала. А откуда к вам попал первый кусок нопалона?

Слепые стеклянные глаза Эпиптикса застыли, из пульта на груди проклокотало что-то совершенно неразборчивое, после чего Эпиптикс поднялся во весь рост.

— Идемте, сейчас вы отправляетесь на Нопалгарт.

— Но вы так и не ответили на мой вопрос.

— Я не знаю на него ответа.

Беку почудилось, что последнюю фразу его собеседник произнес как никогда холодно и резко.

На Землю они возвратились в некомфортабельном черном цилиндре, изрядно потрепанном за сто пятьдесят лет эксплуатации. Птиду Эпиптикс наотрез отказал-

ся сообщить что-нибудь об устройстве цилиндра, намекнув только на принцип антигравитации.

Беку вспомнился диск из антигравитационного металла, который — как давно это было! — соблазнил его отправиться к Сэму Гиббонсу, в городишко Бьюэллтон в штате Виргиния. Он пытался затеять разговор с Птиду Эпиптиксом об антигравитации, но безуспешно. Ксексианин упорно не хотел говорить на эту тему, и у Бека сложилось впечатление, что тот не желает делиться секретами.

Пробовал он говорить и на другие темы, пытаясь выяснить, как далеко продвинулась ксексианская наука, но Эпиптикс не удовлетворил его любопытства. Скрытная, малоразговорчивая, лишенная чувства юмора раса, подумал Бек, однако тут же напомнил себе, что длившаяся целое столетие война не могла способствовать развитию положительных качеств. И столь же печальная участь могла постигнуть и Землю.

Прошло несколько дней. Они приближались к Солнечной системе, но Беку так и не удалось посмотреть на нее со стороны: в звездолете не было иллюминаторов, а в командную рубку вход был запрещен.

Бек сидел, в очередной раз изучая чертежи денопализатора, как вдруг рядом с ним возник Эпиптикс. Ксексианин резким жестом дал понять, что настал момент высадки. Он провел Бека в кормовой отсек, где находился посадочный бот, такой же проржавевший и обшарпанный, как и корабль-носитель.

Бек крайне изумился, обнаружив закрепленный в трюме бота свой собственный автомобиль.

— Мы неплохо знакомы с вашими телепередачами, — объяснил Эпиптикс, — и понимаем, что оставленный без внимания автомобиль привлечет к себе внимание, а это может расстроить наши планы.

— А как же тогда Сэм Гиббонс, человек, которого вы убили? — язвительно спросил Бек. — Неужели вы думаете, что это останется без внимания?

— Мы уничтожили труп. Обстоятельства его исчезновения так и останутся невыясненными.

Бек негодуяще фыркнул.

— Он исчез одновременно со мной. Мои сотрудники знают, что он разговаривал со мной по телефону. Мне

придется давать показания, если кому-нибудь придет в голову сопоставить факты.

— Вам придется пустить в ход всю свою изобретательность. Советую по возможности избегать общения со своими друзьями и сотрудниками. Теперь вы таупту среди читуми. Не ждите от них милосердия.

Бек усомнился в способности пульта-переводчика донести сарказм замечания, готового уже было сорваться с языка, поэтому промолчал.

Цилиндр совершил посадку на тихом проселке в деревенской глуши. Бек, приятно потягиваясь, поспешил выйти наружу. Воздух показался ему удивительно сладким — воздух Земли!

Было примерно девять часов вечера. Вовсю заливались сверчки в густых зарослях смородины, с ближайшей фермы доносился собачий лай.

Эпиптикс дал Беку последние наставления. Голос переводчика казался приглушенным после гулких коридоров звездолета.

— В вашем автомобиле сто килограммов золота, вы должны обратить его в деньги. — Затем он похлопал по черному кейсу, который Бек держал в руке. — Соорудите денопализатор как можно скорее, не забывайте, что очень скоро, через неделю или две, нопал снова пристроится к вашему мозгу. Вы должны быть готовы к тому, чтобы очиститься от него. Вот это устройство... — он вручил Беку небольшой черный ящик, — будет информировать меня о вашем местонахождении. Если вам потребуется помощь или не хватит золота, взломайте пломбу и нажмите на кнопку — этим вы установите связь со мной.

Без каких бы то ни было формальностей он зашагал назад к кораблю. Через несколько мгновений звездолет взмыл в небо и исчез.

Бек остался один на проселке. Родная старушка Земля! Никогда еще Бек не ощущал так остро любовь и привязанность к родной планете. А вдруг ему пришлось бы провести остаток дней на Айксексе? У него защемило сердце от одной мысли об этом. И все же Земля должна будет, да еще при его пособничестве, истекать

потоками крови... Если только ему не удастся придумать не такой жуткий способ убивать нопалов...

Вдоль проселка, ведущего к ближайшей усадьбе, запрыгал световой зайчик от карманного фонарика. Это фермер, разбуженный лаем собаки, решил посмотреть, что происходит на дороге. Бек забрался в кабину автомобиля, но тут зайчик его настиг и замер, слепя глаза.

— Кто здесь? — раздался ворчливый голос. Бек скорее почувствовал, чем увидел, что у человека в руках дробовик. — Что вы здесь делаете, мистер? — Голос был откровенно враждебным. Нопал, обволакивающий голову фермера и чуть-чуть светящийся, важно выпятился и негодуяще раздулся.

Бек объяснил, что остановился облегчить мочевого пузыря. Любое другое объяснение могло бы показаться неправдоподобным при таких странных обстоятельствах.

Фермер, оставив без внимания слова Бека, обвел лучом придорожные кусты, затем снова направил на Бека.

— Отправляйтесь-ка дальше своей дорогой. Что-то вы мне не нравитесь, меня так и подмывает всадить в вас добрую порцию дрови.

Понимая, что спорить бесполезно, Бек постарался уехать раньше, чем нопал окончательно убедил фермера выстрелить. В зеркале заднего обзора зловещий луч фонарика мелькнул еще несколько раз и исчез совсем. «Вот как радушно встретил меня на пороге родного дома один из читуми, — с грустью подумал Бек. — Хорошо еще, что обошлось...».

Грязный проселок в конце концов вывел его на шоссе. В баке оставалось совсем немного бензина, и, проехав по шоссе примерно километров пять, Бек подкатил к ближайшей бензозаправке. Из-за стойки ему навстречу вышел коренастый молодой человек с загорелым обветренным лицом и выгоревшими светлыми волосами. Иглы, венчавшие гребень его нопала, переливались всеми цветами радуги, глаза-пузыри по-совиному пристально вглядывались в Бека. От внимания Бека не ускользнуло, что иглы нопала вдруг неожиданно дернулись. Заправщик на мгновение остановился как вкопан-

ный, и с его лица с поражающей быстротой исчезла традиционная профессиональная улыбка.

— Слушаю, сэр,— грубовато проворчал он.

— Наполните, пожалуйста, бензобак,— попросил Бек.

Заправщик что-то пробурчал себе под нос и пошел к колонке. Когда бензобак наполнился, он, не глядя на Бека, принял от него деньги, не удосужившись ни проверить смазку, ни протереть ветровое стекло. Вытащив сдачу, он сунул ее прямо через боковое стекло, невнятно пробормотав:

— Спасибо, сэр.

Бек спросил, как побыстрее выехать на дорогу, ведущую в Вашингтон. В ответ парень ткнул пальцем в небо и хмуро пошел прочь.

— Следите за знаками,— бросил он через плечо.

Бек невесело рассмеялся в душе, поворачивая на шоссе. Таупту в Нопалгарте и снежный ком в пекле имеют много общего, подумалось ему.

Мимо с грохотом и ревом мчались автомобили... С неожиданно вспыхнувшей тревогой Бек задумался о водителях и их нопалах, которые вместе вглядывались в залитое светом фар шоссе. Насколько сильным может оказаться влияние нопала на человека? Легкое движение руки, ничтожный поворот баранки... Теперь, едва завидев впереди фары встречных машин, Бек втягивал голову в плечи и наклонялся почти к рулю, едва успевая стирать пот со лба.

Без особых происшествий Бек добрался до окраины Арлингтона, где жил в ничем не примечательной квартире. Неприятное ощущение в желудке заставило его вспомнить, что он ничего не ел уже часов восемь. При тормозив у ярко освещенной бутербродной, он нерешительно заглянул в окно. В одной из кабин веселилась стайка подростков, двое молодых рабочих в джинсах расправлялись с гамбургерами за стойкой. Все, казалось, были полностью поглощены своими делами, хотя их нопалы явно занервничали и устремили глаза в сторону Бека. Он задумался, не зная как поступить, а затем, повинувшись скорее дерзкому упрямству, чем доводам рассудка, припарковал машину.

Пройдя к стойке с прохладительными напитками, Бек присел у самого краешка. К нему подошел, вытирая

руки фартуком, хозяин — высокий мужчина с помятым лицом. Над белой поварской шапочкой гордо возвышался огромный нопал с глазами, похожими на перезревшие грейпфруты. Такого большого и величественного нопала Беку еще не доводилось видеть.

Как можно более спокойным и выдержанным тоном он заказал пару гамбургеров. Хозяин уже собрался было идти на кухню, как вдруг остановился и искоса поглядел на Бека.

— Что с вами, дружище? Хватили лишку? Что-то вы странно себя ведете.

— Нисколько, — вежливо ответил Бек. — Вот уже несколько недель капли в рот не брал.

— Что-то не похоже.

— Просто я очень голоден, — чуть улыбнувшись, сказал Бек.

Хозяин медленно пошел прочь.

— Только остряков мне еще не хватало. И так всякой шпаны полно.

Бек до боли прикусил язык. Хозяин, раздраженно швырнув биток на сковородку, то и дело поглядывал через плечо на Бека. Его нопал, казалось, тоже повернулся, сосредоточив на Беке все свое внимание.

Бек обвел взглядом помещение: глаза всех находившихся здесь нопалов были устремлены на него. Нопалы не только сидели на головах у людей, три-четыре твари проплывали в воздухе, словно рыбы в аквариуме; они были повсюду — большие и маленькие, розовые и бледно-зеленые, целые стаи нопалов, в любом конце помещения и за его пределами...

Входная дверь распахнулась, внутрь зашли четверо молодых парней и присели совсем рядом с Беком. Из реплик, которыми они перебрасывались, Бек понял, что они катались по округе в надежде подцепить девочек, но не преуспели. Бек сидел тихо, хотя его нестерпимо жгла мысль, что со всех сторон прямо ему в лицо смотрят наглые глаза нопалов. Он даже съежился при этой мысли, и тотчас сидевший рядом парень, повернувшись к нему, спросил неприязненно:

— Тебя что-нибудь беспокоит, приятель?

— Нет, нет, ничего, — вежливо ответил Бек.

— Слишком ты веселый, а с чего?

Перед ними возник хозяин.

— Что здесь происходит?

— Тут среди нас завелся весельчак, — пояснил парень, не давая Беку объясниться.

Глаза одного из нопалов зависли сантиметрах в тридцати от головы Бека, с мрачным вожделением уставившись на него. Остальные нопалы внимательно следили за происходящим. Бек почувствовал себя всеми покинутым и совершенно одиноким.

— Прошу меня извинить, — ровным голосом произнес он. — Я не хотел никого обидеть.

— Может быть, разберемся, приятель? Был бы рад тебе помочь.

— Нет, спасибо.

— Кишка тонка?

Бек проямил что-то невразумительное. Парень недовольно фыркнул и повернулся к нему спиной.

Бек доел гамбургеры, небрежно брошенные хозяином, расплатился и вышел наружу. За дверью его дождались четверо парней.

— Послушай, друг, — произнес все тот же задира, — со мной этот номер не пройдет. Да и рожа твоя мне не очень-то нравится.

— Мне она не нравится тоже, — сказал Бек, — а вот жить приходится.

— С таким языком, как у тебя, ты мог бы трепаться по телеку. И уж больно ты умный.

Бек промолчал и сделал попытку вернуться к машине. Задира, прыгнув, и заслонил ему дорогу.

— Может быть, раз уж твоя рожа не нравится мне, не нравится тебе, мы ее маленько поправим?

Парень замахнулся на Бека, но тот увернулся, однако кто-то другой толкнул его сзади. Бек споткнулся, и тут первый из хулиганов нанес ему сильнейший удар в лицо. Бек упал на асфальт, и все четверо стали пинать его ногами.

— Получай, сукин сын, — цедили они сквозь зубы. — Получай еще!

Из дверей закуской выскочил хозяин.

— Прекратите! Слышите? Хватит! Мне все равно, что тут у вас происходит, только не занимайтесь этим здесь. — Он повернулся к Беку: — А вы поднимайтесь и

мотайте отсюда, пока целы. И чтоб ноги вашей здесь не было...

Бек, прихрамывая, проковылял к своему автомобилю и забрался в кабину, провожаемый злобными взглядами. Он запустил двигатель и поехал домой. Все тело ныло от бесчисленных ссадин и ушибов. «Приятное возвращение, ничего не скажешь», — с горечью отметил он про себя.

Оставив машину прямо на улице, Бек, шатаясь, поднялся по лестнице, открыл дверь своей квартиры и усталое ввалился внутрь. Стоя посреди гостиной, он с любовью глядел на мебель, книги, дорогие сердцу безделушки. Какими родными и привычными были они ему еще совсем недавно — и какими далекими стали теперь. У него возникло ощущение, будто он забрел в комнату, где провел детство и долго не бывал...

В коридоре слышались шаги миссис Макриди, его квартирной хозяйки, женщины с безупречными манерами, но при случае любящей поболтать. Остановившись возле двери, она легонько постучала. Бек недовольно скривился: весь в синяках, усталый, взъерошенный, он не испытывал желания обмениваться светскими любезностями.

Стук повторился. Бек не мог проигнорировать ее: хозяйка знала, что он дома. Пришлось проковылять к двери.

В коридоре действительно стояла миссис Макриди. Она жила в одной из квартир первого этажа. Хрупкая энергичная женщина шестидесяти лет, с тщательно причесанными волосами и ухоженным лицом, она держалась с достоинством, говорила четко и выразительно. Беку она всегда казалась обаятельным реликтом эдвардианской эпохи. Но пад, восседавший на ее плечах, оказался огромным, гигантский плюмаж надменно поднимался на высоту, равную росту самой миссис Макриди. Зрелище это потрясло Бека до глубины души — как могла миниатюрная женщина выдерживать на себе такую громадину?

Миссис Макриди, в свою очередь, была поражена ужасным видом Бека.

— Мистер Бек! Что с вами приключилось? Неужели... — Голос ее дрогнул, и последние слова прозвучали

с большими паузами: — С вами ... произошел... какой-то несчастный случай?

Бек сделал попытку успокоить ее благодушной улыбкой.

— Ничего серьезного. Просто мне немного досталось от хулиганов.

Миссис Макриди от удивления раскрыла рот, одновременно на Бека уставились два огромных пузыря — глаза нопада. Лицо женщины покрылось розовыми пятнами.

— Вы были пьяны, мистер Бек?

Невесело рассмеявшись, Бек возразил:

— Нисколько, миссис Макриди. Разве я пьяница и забуддыга?

Миссис Макриди презрительно фыркнула.

— Вы бы оставили хоть какую-нибудь записку, мистер Бек. Вам звонили несколько раз с работы, а еще приходили какие-то люди — видимо, переодетые полицейские.

Бек пробормотал что-то о не зависящих от него обстоятельствах, но его слова не произвели на миссис Макриди никакого впечатления. Ее раздражали беззаботность Бека и отсутствие у него должной предупредительности. Она никогда не думала, что мистер Бек может быть — да, да — таким грубияном.

— Звонила также и мисс Хэвен, почти ежедневно. Она ужасно беспокоится. Я обещала дать ей знать, как только вы объявитесь.

Бек аж застонал, скрипнув зубами. Совершенно невысказанно впутывать в свои дела Маргарет!

— Может быть, вы заболели, мистер Бек? — спросила она, но не из сочувствия, а повинувшись внутреннему кредо творить всегда и везде добро, что делало ее непримиримым врагом тех, кто, по ее мнению, дурно обращается с животными.

— Нет, миссис Макриди, я совершенно здоров, только не звоните мисс Хэвен, пожалуйста.

Миссис Макриди откланялась.

— Спокойной ночи, мистер Бек.

Она гордо спустилась по лестнице, явно недовольная поведением мистера Бека, которого считала таким воспитанным и заслуживающим доверия молодым челове-

ком. Направившись прямо к телефону, она тут же позвонила Маргарет Хэвен.

Бек приготовил себе изрядную порцию виски с содовой и без всякого удовольствия выпил, затем принял горячий душ, побрился, заполз в постель и уснул.

Проснулся он сразу же, как начало светать, и долго лежал, прислушиваясь к утренним звукам: урчанию случайного автомобиля на улице, неожиданному звону далекого будильника, бойкому щебету воробьев. Все было таким естественным, что его миссия показалась вдруг нелепой и фантастичной. И все же нопалы существовали! Он видел, как они проплывали в утреннем воздухе, будто огромные пучеглазые фонари. И сколь ни фантастичными они кажутся, их нельзя выбросить из головы. Если верить Птиду Эпиптиксу, у него оставалось не более двух недель, а потом нопал преодолает остатки сопротивления, и он опять станет читуми... Бек задрожал при мысли об этом и сел на край кровати. Он будет таким же беспощадным, как ксексиане, он не станет больше рабом паразита.

Раздался звонок в дверь. Бек нетвердой походкой направился к двери, страхась увидеть именно то лицо, которое, он не сомневался, должно оказаться за дверью.

Прямо перед ним стояла Маргарет Хэвен. Беку стало тошно при виде нопала, присосавшегося к ее голове.

— Пол,— с придыханием спросила она.— Что с тобой стряслось? Где ты пропадал?

Бек взял ее за руку и провел внутрь комнаты.

— Приготовь кофе,— утрюмо попросил он,— а я пока оденусь.

Ее голос донесся в спальню:

— У тебя такой вид, будто ты перенес месячный запой.

— Нет,— ответил он.— Со мной приключилось, скажем так, некая удивительная история.

Через пять минут он присоединился к Маргарет. Высокая и длинноногая, всеми движениями напоминающая очаровательного мальчишку-сорванца, в толпе Маргарет ничем не выделялась, но глядя на нее сейчас, Бек подумал, что никогда в жизни не видел более привлекательной девушки. У нее были темные непослушные волосы, широкий рот с характерными кельтскими

ямочками в уголках, слегка изогнутый нос — результат автомобильной катастрофы в детстве. Удивительно выразительное и живое лицо отчетливо передавало каждое чувство, владевшее ею в данное мгновение. Бек прекрасно знал, что Маргарет удивительно бесхитростна и незлоблива. Ей было двадцать четыре года, и работала она в каком-то безвестном отделе министерства внутренних дел.

Теперь она хмуро глядела на него, явно ничего не понимая. Бек сообразил, что она ждет объяснений по поводу его отсутствия, хотя ничего придумать не успел. Маргарет, несмотря на свою природную искренность, чувствовала малейшие оттенки фальши в других.

В конце концов все-таки решившись, он произнес:

— Меня здесь не было почти месяц, но я просто не могу объяснить тебе все.

— Не можешь или не хочешь?

— Того и другого понемножку. Это нечто такое, что пока приходится держать в тайне.

— Правительственное задание?

— Нет.

— Ты попал... в какую-то беду?

— Не совсем такую, как ты себе представляешь.

— Я как раз не думаю ни о чем конкретном.

Бек уныло плюхнулся в кресло.

— Поверь мне, я не развлекался с какой-нибудь женщиной и не занимался контрабандой наркотиков.

Маргарет только пожала плечами и села в другом конце комнаты.

— Ты сильно изменился.

— Да, я сильно изменился.

— Ты собираешься что-нибудь делать?

— Одно знаю точно: на работу я больше не пойду, — ответил Бек. — Сегодня же подаю заявление, если меня и без него еще не уволили... Что напомнило мне... — Он запнулся на полуслове, едва не проболтавшись, что у него в багажнике лежит центнер золота стоимостью почти в миллион долларов, если его, конечно, еще не украли.

— Мне очень хотелось бы знать, что же все-таки произошло, — сказала Маргарет. Голос ее был спокоен, но руки дрожали, и Бек понял, что она вот-вот распла-

чется. Ее нопал безмятежно взирал на Бека, не выказывая какого-либо возбуждения. — Все стало не таким, как раньше, и я никак не пойму почему. Мне страшно.

Бек поднялся и пересек комнату, подойдя к девушке совсем близко. Взгляды их встретились.

— Ты хочешь знать, почему я не могу рассказать тебе все, что произошло?

— Да.

— Да потому что, — медленно произнес он, — ты все равно мне не поверишь. Ты подумаешь, что я сошел с ума, а я не хочу провести в сумасшедшем доме даже несколько часов.

Маргарет ничего не ответила, но Бек почувствовал, что она и в самом деле подумала, не сошел ли он с ума. Как ни парадоксально, но в нее такая мысль вселяла надежду: Пол Бек — сумасшедший — больше не являлся тем таинственным, малообщительным и злобным Беком, явившимся ей в новом обличье, и во взгляде, которым она теперь смотрела на Бека, явно теплилась искорка этой надежды.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — робко спросила она. Бек взял ее руку в свою.

— Я прекрасно себя чувствую и нахожусь в здравом уме. Я получил новую работу чрезвычайной важности, поэтому мы больше не можем встречаться друг с другом.

Она выдернула руку из его пальцев, в глазах ее сверкнула ненависть, но эта ненависть была лишь зеркальным отражением той ненависти, что теперь пылала в глазах-пузырях нопала.

— Что ж, я только рада, что ты решил больше не скрывать своих чувств. Так проще, потому что я ненавижу тебя.

С этими словами она повернулась и выбежала из квартиры.

Бек допил кофе, затем, подойдя к телефону, набрал номер. После нескольких гудков ему стало ясно, что доктор Ральф Тарберт уже выехал в свою вашингтонскую контору.

Бек налил себе еще чашку кофе и через полчаса позвонил в контору Тарберта.

Секретарша попросила его назвать имя, и через несколько секунд в трубке послышался ровный голос Тарберта:

— Где, черт возьми, носило вас столько времени?

— Это долгая и неприятная история. Вы сейчас сильно заняты?

— В общем, нет. А что?

Неужели тон Тарберта изменился? Возможно ли, чтобы нопал учуял таупту на расстоянии в пятнадцать миль? Бека испугала такая неопределенность, за последнее время он стал очень мнительным и больше не доверял собственным суждениям.

— Мне нужно поговорить с вами. Гарантирую, вас это очень заинтересует.

— Хорошо, приезжайте ко мне прямо сейчас.

— Я предпочел бы, чтобы вы ко мне заглянули. На это есть серьезные причины.

«Главным образом потому, что я не отваживаюсь покинуть квартиру», — добавил про себя Бек.

— Гм, звучит таинственно, даже как-то зловеще.

— У вас прекрасная интуиция.

На несколько минут воцарилось молчание, затем Тарберт осторожно спросил:

— Вы, наверное, были больны? Или пострадали в какой-то аварии?

— Почему вы так решили?

— У вас как-то странно звучит голос.

— Вот как, вы заметили даже по телефону? Что ж, я и в самом деле стал весьма странным, даже уникальным. Объясню все при встрече.

— Я сейчас приеду.

Сложные чувства овладели Беком: вешая трубку, он испытал наряду с облегчением и весьма мрачные предчувствия. Тарберт, как и любой другой житель Нопалгарта, может так люто его возненавидеть, что откажется помогать. Складывалась такая ситуация, что любой неверный шаг мог провалить все дело, требовался очень тонкий подход. До какой степени можно посвятить Тарберта в эту историю? Можно ли надеяться, что скептик Тарберт примет все за чистую монету? Бек судорожно думал, как лучше поступить, но так и не пришел ни к чему...

За окном, возле которого притаился Бек, шли по своим делам мужчины и женщины — читумы, не ведающие, с каким грузом за плечами они ходят. И пока они проходили под его окнами, Бека ни на секунду не оставляло ощущение, что все нопалы смотрят в его сторону, хотя это могло быть плодом фантазии. Посмотрев на небо, он увидел, что всюду шныряют туманные силуэты нопалов, тоскливо проплывая над людскими толпами, завидуя своим более удачливым собратьям. Тогда Бек решил сосчитать, сколько же нопалов у него в комнате: раз, два, три... нет, четыре! Он подошел к столу и вынул из кейса обрывок нопалона. Соорудив из него кулек, он принялся ловить одного из нопалов, но тот все время уворачивался, как ртутный шарик. Но даже если он поймает одного и раздавит, что тогда? Что значит один нопал, если они наводнили всю планету? С таким же успехом можно бороться с мухами, ловя их по одной.

Раздался звонок. Бек пересек комнату и осторожно открыл дверь. На пороге стоял доктор Тарберт в элегантном костюме и белоснежной рубашке, еще более оттеняемой черным галстуком в крапинку. Ни один случайный прохожий ни за что не догадался бы, чем занимается этот человек. Преуспевающий делец, телеобозреватель, архитектор-авангардист, удачливый гинеколог — да, один из величайших ученых — никогда! А вот нопал над его головой был самый что ни на есть заурядный, не шедший ни в какое сравнение с тем, что оседлал миссис Макриди. Видимо, умственные способности человека никак не влияли на особенности пристроившегося нопала. Однако глаза-пузыри глядели на Бека с такой же злобностью, как глаза всех других нопалов, которых Беку приходилось видеть вблизи.

— Здравствуйте, Ральф,— произнес как можно почтительнее Бек.— Заходите, пожалуйста.

Тарберт осторожно зашел в комнату. Нопал тотчас же вздыбил свой плюмаж и затрепетал в ярости.

— Кофе? — спросил Бек.

— Спасибо, не надо.— Тарберт обвел комнату любопытным взглядом.— А впрочем, не возражаю. Черный, хотя, я думаю, вы помните об этом.

Бек налил Тарберту кофе, наполнив, заодно и свою чашку.

— Садитесь, разговор предстоит долгий.

Тарберт сел поудобнее в кресло, Бек устроился на диване.

— Начну с того, что вы сами пришли к выводу, будто что-то изменило мою личность.

— Да, я заметил перемену в вас, — признался Тарберт.

— В худшую сторону?

— Да, если уж вы настаиваете, — вежливо согласился Тарберт. — Хотя я не в состоянии сказать что-то определенное в отношении характера этой перемены.

— Тем не менее, вы чувствуете ко мне неприязнь и удивляетесь, как такое могло случиться, ведь раньше вы хорошо ко мне относились.

Тарберт недоуменно улыбнулся.

— О, вы утверждаете очень категорически!

— Это лишь часть общей проблемы, хотя и весьма существенная. Я специально с самого начала хочу обратить на нее ваше внимание, чтобы в дальнейшем вы попробовали делать скидку на это или даже вовсе не замечать.

— Понимаю, — кивнул Тарберт. — Продолжайте.

— Чуть позже я объясню все подробно, а пока вам придется мобилизовать всю свою профессиональную непредубежденность и отбросить в сторону ту непонятную, только что зародившуюся неприязнь ко мне. Она и в самом деле существует, но, уверяю вас, имеет искусственное происхождение — нечто, не зависящее от нас обоих.

— Хорошо, я обуздаю свои эмоции. Продолжайте, я очень внимательно вас слушаю.

Бек задумался, подбирая слова.

— В самых общих чертах моя история такова: я наткнулся на совершенно новую область знания, и мне нужна ваша помощь для ее исследования. Меня ставит в очень невыгодное положение та атмосфера ненависти, которая меня сейчас окружает. Вчера вечером хулиганы набросились на меня прямо на улице, теперь я даже не отваживаюсь покинуть квартиру.

— Область знания, на которую вы ссылаетесь, — осторожно спросил Тарберт, — относится, вероятно, к человеческой психике?

— В какой-то мере да. Хотя я предпочел бы не употреблять специфическое слово «психика»; знание, о котором я говорю, включает в себя слишком много сопутствующих метафизических построений, я все еще затрудняюсь выбрать наиболее подходящий термин для его обозначения. Псионика — вот, пожалуй, самое лучшее из всего, что приходит мне в голову. — Заметив, с каким трудом Тарберту удастся сохранить сдержанность, Бек тут же решил уточнить: — Я пригласил вас сюда не для того, чтобы обсуждать отвлеченные понятия. В данном случае речь идет о психике как о своего рода системе преобразования электрических импульсов. Мы не видим электрического тока, но можем наблюдать различные проявления его прохождения. Та неприязнь, которую вы сейчас ко мне испытываете, является одним из побочных эффектов рассматриваемого мною явления.

— Я ее больше совсем не ощущаю, — задумчиво произнес Тарберт, — теперь, когда я пытаюсь уловить хотя бы намек на нее... Могу отметить некоторые чисто телесные ощущения: головную боль, беспокойство в желудке...

— Не торопитесь с выводами — она никуда не делась. Вам нужно быть все время начеку.

— Хорошо, начеку так начеку, — сказал Тарберт.

— Источником всего этого является... — Бек задумался, подбирая нужное слово, — некая сила, воздействию которой я на какое-то время перестал быть подвержен, но которая и сейчас продолжает расценивать меня как угрозу своему существованию. Эта сила сейчас обрабатывает ваш разум, пытаюсь разубедить вас мне помочь. Не знаю, какими рычагами она в данном случае пользуется, так как не вполне уверен, насколько разумна эта сила. Во всяком случае, она осведомлена о том, что я представляю для нее смертельную опасность.

Тарберт кивнул.

— Да, я сейчас как раз это и ощущаю: испытываю желание, как ни странно, убить вас. — Он улыбнулся. — На чисто эмоциональном, а не интеллектуальном уровне, рад сказать. Гм, я и в самом деле заинтригован... Никогда даже не представлял себе, что такое возможно.

Бек наигранно рассмеялся.

— То ли еще будет, когда выслушаете меня до конца! Тогда вы будете более, чем заинтригованы.

— Источником этого воздействия является кто-то из людей?

— Нет.

Тарберт покинул кресло и сел на диване рядом с Бекон. Его нопал затрепетал и стал извиваться, злобно сверкая глазами-пузырями. Тарберт несколько искоса посмотрел на Бека, взметнув бровь.

— Вы отодвинулись от меня. Вы ощущаете ко мне такую же неприязнь?

— Нет, никоим образом. Посмотрите-ка вот сюда, на столик. Обратите внимание на сложенный кусок ткани.

— Где?

— Да вот здесь.

Тарберт прищурился.

— Кажется, что-то вижу, но не могу быть уверенным. Что-то очень смутно различимое. Что-то, что заставляет меня вздрогнуть, сам не знаю почему, — как отпечатки пальцев лектора на доске.

— Мне следует вас утешить. Если вы в состоянии питать к куску материи чувство такого же рода, как и ко мне, значит, вы должны понять, что такое чувство не имеет рациональной подоплеки.

— Я понимаю, — сказал Тарберт. — Теперь, когда я это осознаю, я в состоянии контролировать свое чувство. — С него в какой-то мере сошел налет холодной учтивости, обнажив искренность натуры, которую он скрывал под маской напускного снобизма. — Сейчас я ощущаю какое-то странное урчание у себя в голове: «грр», «грр», «грр». Как будто лязгают шестеренки при переключении передач или кто-то прочищает горло... Странно. «Ггер» — так, точнее, гортанное «ггер». Это, случайно, не телепатия? Что за «ггер»?

Бек покачал головой.

— Понятия не имею, хотя и мне приходилось слышать то же самое.

Тарберт посмотрел куда-то вдаль, затем прикрыл глаза.

— Я вижу какие-то своеобразные, беспорядочно перемещающиеся силуэты — очень странные, в какой-то степени даже отталкивающие. Трудно разобрать что-

нибудь определенное... — Он открыл глаза и потер лоб. — Странно... Вы тоже в состоянии воспринимать эти... видения?

— Нет, — сказал Бек. — Я просто вижу то, чем они являются на самом деле.

— Вот как? — изумился Тарберт. — Вы сразили меня наповал. Ну-ка, расскажите поподробнее.

— Я хочу соорудить целый комплекс оборудования. Оно громоздкое, и мне нужно большое изолированное помещение, куда бы никто не входил. Месяц назад я мог бы выбирать такое помещение среди доброго десятка лабораторий, теперь же мне неоткуда ждать помощи: куда бы я ни обратился — в любую точку земного шара, — меня встретят лютой ненавистью.

— «В любую точку земного шара», — задумчиво повторил Тарберт. — Не означает ли это, что кто-нибудь, кто не живет на нашей планете, не питает к вам такой ненависти?

— В какой-то мере именно так. Вы узнаете обо всем столько же, сколько знаю я, через неделю или две, самое большее, и тогда вам придется сделать свой выбор, как пришлось его сделать мне, — ввязываться в это дело или нет.

— Хорошо, — сказал Тарберт. — Я могу подыскать вам приличную мастерскую. «Электродин Инжиниринг» будет только рада, так как фирма, по сути, лопнула, завод ее закрыт, там никто не работает. Вы, возможно, знакомы с Клайдом Джеффри?

— Даже очень.

— Я переговорю с ним. Уверен, он позволит пользоваться заводскими помещениями столько, сколько вам будет необходимо.

— Хорошо. Вы можете позвонить ему сегодня?

— Я позвоню ему прямо сейчас.

— Вот телефон.

Тарберт позвонил и сразу же добился неофициального разрешения пользоваться помещением и оборудованием «Электродин Инжиниринг Компани» столько времени, сколько Беку понадобится.

Бек выписал Тарберту чек.

— За что это? — удивился Тарберт.

— Мне понадобится множество различных материалов и комплектующих. За них нужно будет платить.

— Ну, на две тысячи двести долларов не очень-то разгуляешься.

— Деньги меня беспокоят меньше всего. В багажнике моего автомобиля лежит сто килограммов золота.

— Боже правый! — воскликнул Тарберт. — Это впечатляет. Что вы собираетесь соорудить на заводе «Электродин»? Машину для синтеза золота из железа?

— Нет. Нечто под названием денопализатор. — Говоря, Бек внимательно следил за поведением нопала Тарберта. В состоянии ли он постичь смысл сказанного? Разобраться было трудно. Гребень его заколыхался, вздыбился, но это могло означать как очень многое, так и вообще ничего.

— Что такое денопализатор?

— Скоро узнаете.

— Хорошо, — сказал Тарберт. — Подожду, если так надо.

8

Двумя днями позже в дверь квартиры Бека постучалась миссис Макриди. Сделала она это деликатно, чисто по-женски, но, тем не менее, решительно.

— Доброе утро, мистер Бек, — подчеркнуто вежливо произнесла она. Ее чудовищный нопал при виде Бека надулся, как индюк. — К сожалению, мне придется огорчить вас. Ставлю вас в известность, что мне нужна ваша квартира. Я была бы крайне признательна, если бы вы поскорее нашли себе другое жилье.

Требование квартирной хозяйки не явилось для Бека неожиданностью. Не дожидаясь его, он оборудовал уголок в одном из цехов завода, поставив там койку и бензиновую плитку.

— Хорошо, миссис Макриди. Не сегодня-завтра я съеду.

Миссис Макриди почувствовала угрызения совести: вот если бы жилец устроил ей сцену или хотя бы выразил недовольство, она могла бы оправдать поступок в соб-

ственных глазах. Она уже хотела высказаться по этому поводу, но все же сдержалась и сухо произнесла:

— Благодарю вас, мистер Бек.

Этот эпизод вполне вписывался в схему событий, которых следовало ожидать Беку. Чопорная учтивость миссис Макриди была проявлением не меньшего антагонизма, чем разбойное нападение хулиганов. Ральф Тарберт, склад характера которого не позволял сомневаться в его объективности, сам признавался, что ему все время приходится преодолевать явную предубежденность по отношению к Беку. Крайне расстроенной и встревоженной показалась ему Маргарет Хэвен, звонившая по телефону. Что с ним стряслось? То отвращение, которое она почувствовала к Беку, не могло быть чем-то естественным. Может, Бек заболел? Или ее саму поразила паранойя? Бек не мог дать ей вразумительного ответа, и те секунды, что он стоял молча, сжимая в руке телефонную трубку, были для него настоящей пыткой. Что он мог сейчас предложить ей, кроме огорчений и страданий? Единственно порядочным поступком по отношению к девушке было бы сейчас навсегда порвать с ней отношения. Запинающимся голосом Бек попытался об этом сказать, но она и слушать не хотела; постигшая их беда, считала она, является чем-то внешним, и они справятся с ней, объединив усилия.

У Бека, удрученного такой ответственностью и одиночеством, которое усугубляло его душевную подавленность, не было сил сопротивляться и спорить. Бек сказал, что если она придет на завод «Электродин Инжиниринг», то он ей все объяснит.

Дрожащим от волнения голосом Маргарет ответила, что придет сейчас же.

Через полчаса она уже стучалась в дверь проходной. Бек вышел из цеха, закрыв дверь на засов. Маргарет прошла внутрь медленно, нерешительно, как будто заходила в бассейн с холодной водой. Она была напугана не на шутку, ее нопал тоже показался Беку изрядно возбужденным, его плюмаж испускал переливчатое зелено-красное свечение.

Бек попытался улыбнуться, но лицо Маргарет было настолько встревоженным, что его улыбка получилась изрядно вымученной.

— Идем со мной,— произнес он наигранно бодрым тоном.— Сейчас тебе многое станет ясным.

В цеховой мастерской она обратила внимание на столик с походной плиткой.

— Что это? Ты теперь живешь здесь?

— Да,— ответил Бек.— Миссис Макриди стала испытывать ко мне точно такую же неприязнь, как ты.

— А это что? — совсем уже упавшим голосом спросила Маргарет.

— Это денопализатор.

Она обвела испуганным взглядом странное сооружение, ее нопал разволновался еще больше.

— И что он делает?

— Осуществляет денопализацию.

— Мне как-то страшно, когда я смотрю на него, он похож на что-то вроде дыбы или на какую-то машину для пыток.

— Не бойся,— сказал Бек.— Этот механизм не таит в себе никакого зла.

— В таком случае, что это все-таки такое?

Вот и наступило — сейчас или никогда — время во всем ей признаться, однако он не мог заставить себя говорить. Зачем обременять ее своими бедами, даже если допустить, что она всему поверит? Но поверит ли она? Что его силком завезли на другую планету, что ее жители убедили его в том, будто все люди на Земле поражены мерзкой пиявкой, паразитирующей на их рас-судке, и что только он один в состоянии ощущать присутствие этих тварей... Что на него, Бека, возложена миссия освободить Землю от этих паразитов! Что если ему не удастся этого сделать, то пришельцы вторгнутся на Землю и уничтожат ее. В реакции Маргарет можно не сомневаться: она поставит диагноз «явная мегаломания» и посчитает своим первейшим долгом вызвать «скорую помощь».

— Ты не хочешь рассказать мне?

— Мне хочется придумать какую-нибудь убедительную ложь,— признался он, тупо глядя на денопализа-

тор, — но никак не могу. Если я расскажу тебе всю правду, ты мне неверишь.

— Попробуй.

Бек отрицательно покачал головой.

— Одно ты должна знать: ни я, ни ты нисколько не виноваты в той ненависти, которую ты ко мне испытываешь. Это результат внешнего внушения со стороны того, кто хочет, чтобы ты меня ненавидела.

— Как такое может быть? Пол, как ты переменялся, ты совсем не такой, каким был раньше!

— Да, я изменился. И совсем не обязательно в худшую сторону, хотя тебе кажется, что именно так. — Он уныло посмотрел на станину денопализатора. — Если я и дальше буду сидеть сложа руки, то снова стану таким, как прежде.

Маргарет произвольно схватила его за руку.

— Как мне этого хочется! — Она отдернула руку, отошла на шаг, продолжая глядеть на Бека в упор. — Сама не пойму, что со мной... и что с тобой...

Она повернулась и быстро направилась из цеха в контору.

Бек только тяжело вздохнул ей вслед, но остался в мастерской. Сверившись с чертежами, полученными от Птиду Эпиптикса, он возобновил работу. Время летело быстро. И постоянно у него над головой парили два, а иногда и три нопада, ожидая загадочного сигнала, необходимого им, чтобы снова прикрепиться к затылку Бека.

В дверях снова появилась Маргарет и какое-то время молча наблюдала за Беком, затем взяла кофейник, заглянула в него, брезгливо сморщила нос. Вылив остатки кофе в туалете, она помыла кофейник и заварила новый ароматный напиток. Тут появился Ральф Тарберт, и они вдвоем сели пить кофе. Присутствие Тарберта заметно приободрило Маргарет, и она попыталась выудить что-нибудь у него.

— Ральф, что такое денопализатор? Пол так и не удосужился объяснить мне.

— Денопализатор? — с наигранной веселостью переспросил Тарберт. — Устройство, которое служит для денопализации, в чем бы она ни заключалась.

— Значит, и вы толком не знаете.

— Не знаю. Пол стал таким скрытным.

— Потерпите немного,— сказал Бек.— Еще дня два — и вам все станет ясно. Вот тогда-то и начнется потеха.

Тарберт окинул каркас будущего устройства критическим взглядом, особое внимание обратив на стойки с электронными блоками, посмотрел и на источники питания.

— Полагаю, здесь собирается какой-то прибор из области радиотехники, а вот служит ли он для приема сигналов или для их передачи — мне не совсем ясно.

— А меня эта штука просто пугает,— сказала Маргарет.— Всякий раз, когда я на нее смотрю, у меня все холодеет внутри, слышатся непонятные звуки, чудятся таинственные огни. И почему-то видятся консервные банки, наполненные червями, какие готовят перед рыбалкой.

— У меня точно такие же ощущения,— согласился Тарберт.— Странно, что вид разрозненных элементов оборудования может так действовать.

— В этом нет ничего странного,— возразил Бек.

Маргарет искоса посмотрела на него. На нее нахлынули гадливость и страх, готовые прорвать плотину самоконтроля в ее сознании.

— Твои слова звучат зловеще.

Бек только пожал плечами, но жест этот показался Маргарет проявлением жестокости и бессердечия.

— Ты неправильно меня поняла.— Он поднял глаза на нопала, парившего прямо у него над головой, чем-то похожего на португальскую каравеллу под всеми парусами. Этот экземпляр преследовал его днем и ночью, выпучив глаза, топорща плюмаж и судорожно дергаясь от неумейной алчности.— Мне нужно вернуться к работе. У меня осталось совсем мало времени.

Тарберт поставил на стол пустую чашку. Наблюдая за ним, Маргарет поняла, что он тоже начинает находить Бека совершенно невыносимым. Что же произошло со стариной Беком, всегда таким обходительным, добродушным и немножечко легкомысленным? Маргарет пришла в голову мысль о мозговых опухолях, иногда они бывают причиной неожиданных изменений характера человека. Ей даже стало стыдно за себя: старина Пол такой же, как и всегда, его нужно лишь понять и пожалеть.

— Завтра я не приду,— сказал Тарберт,— буду весь день занят.

— Ничего страшного,— кивнул Бек.— У меня все готово будет во вторник, вот тогда-то вы мне и понадобится. Во вторник вы будете свободны?

— Да,— ответил Тарберт,— во вторник я свободен, а вы, Маргарет?

Маргарет хотела что-то сказать, но Бек перебил ее.

— Лучше, если мы все сделаем вдвоем. По крайней мере, пробные испытания.

— Почему? — удивленно спросил Тарберт.— Это опасно?

— Нет,— ответил Бек.— Ни для одного из нас. Присутствие же третьего лица может осложнить положение.

— Хорошо,— довольно безразлично согласилась Маргарет.

Раньше в подобной ситуации она здорово бы обиделась на Бека, теперь же осталась совершенно равнодушной к происходящему. Эта машина, по всей вероятности, лишь плод его помрачившегося рассудка, бессмысленное нагромождение деталей... Странно только, что все эти чудачества принимает всерьез доктор Тарберт. Может, машина все-таки не бред сумасшедшего? Если так, то каково ее предназначение? Почему Бек не хочет, чтобы она пришла на испытание?

Она потихоньку прошла в примыкавшее к мастерской складское помещение. Подойдя к неприметной двери, запертой на пружинный замок, Маргарет оттянула задвижку и поставила ее на предохранитель. Теперь сюда можно было зайти и снаружи.

Она вернулась в мастерскую. Тарберт уже собрался уходить. Маргарет вышла из цеха вместе с ним.

Спала она очень плохо. На следующий день все валилось у нее из рук. В понедельник Маргарет попыталась связаться с Ральфом, но его не оказалось дома. Что-то подсказывало ей, что завтрашний день будет каким-то особенным. Маргарет провела еще одну бессонную ночь, но под утро, наконец, уснула, а когда проснулась, ее снова начали одолевать мучительные сомнения. Она попыталась связаться с Тарбертом — опять безуспешно.

Побуждаемая ничем не объяснимым беспокойством, Маргарет направилась к гаражу и через некоторое время уже подъезжала к серым заводским корпусам «Электродин Инжиниринг». Снедаемая тревогой, она свернула на первую попавшуюся проселочную дорогу и остановилась на обочине, собираясь с мыслями. Она вела себя безрассудно, вопреки всякой логике и здравому смыслу. Почему она позволяет, чтобы ею владели совершенно безумные побуждения? И что это за странные звуки у нее в голове, что за странные видения?

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Маргарет направилась в сторону шоссе, у перекрестка остановилась в нерешительности, а затем, заскрипев зубами от непонятного смутения, направилась прямо к «Электродин Инжиниринг».

На стоянке перед проходной виднелись только старый черный плимут Бека с откидным верхом и «феррари» доктора Тарберта. Маргарет припарковалась и еще с полминуты сидела в нерешительности, рассуждая, пройти ли через административный корпус или проникнуть через складскую дверь.

В конце концов Маргарет обогнула здание завода и направилась к складу. Отворив дверь, которая оказалась в том же состоянии, в каком ее позавчера оставила Маргарет, девушка вошла в тускло освещенное помещение склада. Шаги гулким эхом отдавались в пустом помещении, несмотря на все ее усилия подкрасться к мастерской как можно незаметнее.

Из мастерской послышался приглушенный говор, и вдруг раздался хриплый отчаянный крик — кричал доктор Тарберт. Маргарет, тихонько подбежав ближе, заглянула внутрь.

Она была права. Бек и в самом деле сошел с ума: привязав Тарберта к прутьям своей дьявольской машины и прикрепив к голове какие-то массивные контакты, он что-то говорил своей жертве с искаженным в дьявольской усмешке лицом. До нее доносились обрывки фраз...

— ...В гораздо менее приятном окружении на планете Айксекс... нопал, как вы сами убедитесь... а теперь расслабьтесь — и очнетесь уже таупту...

— Отпустите меня, — ревел Тарберт. — Не хочу! Не надо мне этого!

Бек, лицо которого стало белым, как снег, не обращая уже на Тарберта никакого внимания, решительно повернул ключ на пульте. Сполохи синевато-лилового света озарили стены комнаты. Из рта Тарберта вырвался нечеловеческий вопль, все тело напряглось в попытке разорвать связывавшие его путы и избавиться от мучительной боли.

Пораженная ужасом, Маргарет не могла отвести глаз от происходящего. Бек поднял со стола скомканный лист какой-то прозрачной пленки и набросил его на голову и плечи Тарберта. Что-то явно мешало плотно прижать пленку к плечам Тарберта, не давало возможности завернуть голову, раздувало пленку под пальцами Бека, однако Бек, не обращая внимания на частые вспышки, сопровождаемые громким треском электрических разрядов и отчаянными воплями Тарберта, энергично орудовал руками, разглаживая пленку вокруг головы и плеч своей жертвы.

Постепенно Маргарет пришла в себя. Ггер, ггер, ггер!!! Она стала искать глазами что-нибудь, что могло бы послужить оружием: стальной прут, гаечный ключ... Но ничего такого не попадалось на глаза. Она уже почти решилась наброситься на Бека с голыми руками, как вспомнила, что в конторе есть телефон.

К счастью, он оказался подключен — в трубке раздались продолжительные ровные гудки.

— Полиция! Полиция,— вздохнула кричала она в микрофон.— Здесь сумасшедший! Он убивает доктора Тарберта! Пытает его!

Ей ответил не очень любезный мужской голос, потребовав сообщить адрес. Запинаясь, Маргарет объяснила, куда надо ехать.

— Сейчас пришлем патрульную машину. «Электродин Инжиниринг», Леггорн-Роуд, верно?

— Да. Быстрее, быстрее...

Слова застряли у нее в горле. Каким-то шестым чувством она ощутила, что в комнате есть кто-то еще. Ей стало так страшно, что все тело ее онемело. Медленно, с большим трудом она повернула голову.

В дверях стоял Бек. Он сокрушенно покачал головой, затем развернулся и медленно пошел туда, где в страшных конвульсиях билось тело Ральфа Тарберта. Снова взяв в руки пленку, он принялся обтягивать ею голову несчастного.

Ноги Маргарет подкосились. В потрясенном ее сознании никак не укладывалось, почему Бек не сделал ей ничего плохого, ведь он маньяк, он должен был слышать, что она звонила в полицию... Откуда-то издалека раздался вой сирены. С каждой минутой он приближался, становясь все громче, все надежнее...

Бек выпрямился во весь рост. Он тяжело дышал, его и без того изможденное лицо теперь совершенно осунулось. Он казался Маргарет воплощением зла, и, оказавшись у нее в руках пистолет, она выстрелила бы, не задумываясь. Более того, не будь она сейчас так слаба, она разорвала бы его голыми руками... Бек держал в руках пленку, будто это был кулек, в который удалось что-то запихнуть. Внутри прозрачного кулька ничего не было, но, тем не менее, он, казалось, трепетал у Бека в руках и даже сам по себе передвигался, что никак не укладывалось в сознании девушки. Затем она увидела, как черная дымка окутала кулек... А потом Бек стал топтать кулек ногами, как бы оскверняя его невидимое содержимое. Это показалось Маргарет совершенно омерзительным.

Прибыла полиция. Бек поворотом ключа остановил свою дьявольскую машину. В немом оцепенении Маргарет проводила взглядом полицейских, осторожно приближавшихся к Беку, который покорно ждал, измученный и побежденный.

Затем они заметили Маргарет.

— Все в порядке, барышня?

Маргарет только кивнула, и вдруг осела на пол, разразившись рыданиями. Ее перенесли в кресло и попытались успокоить. Вскоре прибыла «скорая помощь». Санитары вынесли находящегося без сознания Тарберта, Бека увезли в одной патрульной машине, Маргарет — в другой.

9

Бека определили в федеральную психиатрическую больницу для душевнобольных с преступными наклонностями. Его поместили в небольшую палату с побеленными стенами и бледно-голубым потолком, с окнами из каленого стекла, зарешеченными снаружи.

Психиатры считали Бека человеком, способным четко формулировать свои мысли и хорошо воспитанным, хотя их смущала мрачноватая насмешливость, с которой он относился к различным тестам, картам, диаграммам и играм, предназначенным для установления точного диагноза.

С диагнозом у них так ничего и не вышло. Умственное расстройство Бека отказывалось проявляться каким-то объективным образом, поэтому психиатры, оказавшись на редкость единодушными, решили отнести заболевание к «крайней степени паранойи». Они охарактеризовали Бека как «способного маскировать свои навязчивые идеи за вводящей в заблуждение ясностью мышления». Они докладывали, что Бек замкнут и апатичен, не проявляет особого интереса ни к чему, кроме местонахождения и состояния своей жертвы, доктора Ральфа Тарберта, о встрече с которым неоднократно просил, но в чем ему, естественно, было неоднократно отказано. Врачи затребовали для обследования Бека дополнительное время.

Шли дни, и с каждым следующим днем состояние Бека ухудшалось. Курировавший его психиатр выявил у него манию преследования: Бек все чаще иступленно оглядывался по сторонам, как бы провожая взглядом какие-то проплывающие в воздухе предметы, отказался от еды, похудел, стал так бояться темноты, что у него в палате перестали выключать свет. Были отмечены два случая, когда он просто молотил воздух руками.

Бек страдал не только душевно, но и физически, испытывая постоянную болезненную пульсацию в голове и острые спазмы — примерно те же ощущения, которыми сопровождается первоначальная денопализация, но, к счастью, не такие мучительные. Ксексиане предупредили его об этих болях. Если им приходилось терпеть такое ежемесячно вдобавок к пыткам самой денопализации, то Бек теперь уже вполне разделял их решимость ликвидировать нопалов во всей Вселенной.

Тем временем какая-то непонятная деятельность внутри его мозга становилась все более интенсивной. Он все больше опасался в самом деле сойти с ума. Психиатры с умным видом задавали Беку заковыристые вопросы, делали большие глаза, выслушивая его ответы, а

восседавшие на их плечах нопалы почти с таким же всепонимающим благодушием взирали на Бека. В конце концов палатный врач назначил ему успокоительное, но Бек категорически отказался от укола, страшась уснуть. Один из нопалов уже завис непосредственно у него над головой, нагло заглядывая ему в глаза. Врач вызвал санитаров, Бека схватили, насильно сделали инъекцию, и, несмотря на отчаянную решимость не засыпать, он в изнеможении свалился на постель.

Проснулся он через шестнадцать часов и еще долго лежал, вперившись безразличным взглядом в потолок. Головная боль прошла, но состояние оставалось вялым, как при простуде. Память возвращалась медленно, фрагментарно. Обведя взглядом пространство, Бек не увидел ни одного нопала.

Дверь отворилась, вошел санитар и вкатил тележку с едой. Бек приподнялся на локтях и присмотрелся к санитару — нопала не было, пространство за его плечами не было заполнено ничем. Бек все понял...плечи его обмякли. Медленно подняв руку, он тщательно ощупал затылок — ничего, кроме кожи и колючих волос.

Санитар, глядя на него, задержался в дверях. Бек показался ему значительно более спокойным, почти нормальным. Такое же впечатление сложилось во время обхода и у палатного врача. Перебросившись несколькими фразами с Беком, врач пришел к выводу, что пациент выздоровел. Памятуя об обещании, данном Маргарет Хэвен несколькими днями раньше, он позвонил ей и сообщил, что она может посетить Бека в специально отведенные часы.

Во второй половине дня Беку сообщили, что его пришла навестить мисс Маргарет Хэвен. В сопровождении санитаров Бек проследовал в уютную приемную, обманчиво похожую на вестибюль провинциальной гостиницы.

Маргарет кинулась к нему навстречу, схватила за руки, оглядела с ног до головы, заглянула в глаза, и ее лицо, бледное и осунувшееся, радостно засветилось.

— Пол! Ты снова такой, как раньше! Поверь мне! Я знаю, что говорю!

— Да, — сказал Бек. — Я вернулся к своему прежнему состоянию. — Они присели. — Где Ральф Тарберт?

Блеск в глазах Маргарет угас.

— Не знаю. Он потерялся из виду, как только выписался из больницы. Она сжала руки Бека. — Меня просили не говорить с тобой на эту тему: врач опасается, что мое посещение разволнует тебя.

— Уважим его просьбу. И сколько меня намерены здесь содержать?

— Не знаю.

— Гм. Они не имеют права держать меня здесь без официального заключения.

Маргарет отвела глаза.

— Насколько я понимаю, полиция сняла с тебя всякую вину за случившееся. Доктор Тарберт отказался выдвинуть обвинение против тебя, он утверждает, что вы с ним проводили совместный эксперимент. Полиция считает, что он такой же... — она прикусила язык.

Бек отрывисто рассмеялся.

— Такой же сумасшедший, как и я, верно? Так вот, Тарберт — никакой не сумасшедший. В данном случае он говорит чистую правду.

Маргарет вся подалась вперед, тень сомнений и тревог снова легла на ее лицо.

— Что происходит, Пол? Ты взялся за очень странную работу, это никакой не правительственный заказ, я уверена!

Бек тяжело вздохнул.

— Не знаю... Все снова переменилось. Возможно, я действительно был не в своем уме, возможно, я был жертвой самых странных галлюцинаций... Мне трудно разобраться сейчас.

Маргарет опустила глаза и тихо сказала:

— Меня все время мучает мысль, правильно ли я сделала, вызвав полицию. Я думала, ты убиваешь Тарберта. Но теперь... — Она нервно дернула рукой. — ...Я вообще ничего не понимаю.

Бек не ответил.

— Ты не хочешь со мной об этом говорить?

Бек невесело улыбнулся и покачал головой.

— Ты сочтешь меня действительно сумасшедшим.

— Ты на меня сердишься?

— Конечно же нет.

Раздался звонок — время свидания истекло. Маргарет встала, Бек поцеловал ее.

— Когда-нибудь я тебе все расскажу — скорее всего, сразу же, как только выберусь отсюда.

— Обещаешь, Пол?

— Да, обещаю.

На следующее утро к Беку заглянул доктор Корнберг, главный психиатр больницы.

— Ну, мистер Бек, как вы себя чувствуете? — добродушно спросил он.

— Очень неплохо, — ответил Бек. — Я подумываю о выписке.

Как обычно при таких вопросах, выражение лица психиатра стало неопределенно вежливым.

— О, как только мы доподлинно установим, что же с вами происходит. Честно говоря, ваш случай, мистер Бек, заставляет нас изрядно поломать головы.

— Разве вы не убедились, что я вполне нормален?

— Мы не можем позволить себе принимать решение, поддаваясь сиюминутным впечатлениям. Некоторые из наших неизлечимых больных временами кажутся обезоруживающе нормальными. Это, разумеется, не относится к вам, хотя у вас и сейчас проявляются некоторые озадачивающие симптомы.

— Какие?

Психиатр рассмеялся.

— Какое же я имею право раскрывать профессиональные секреты? «Симптомы» — это, возможно, слишком громко сказано. — Он задумался. — Что ж, попробую быть с вами откровенным, как мужчина с женщиной. Почему вы часто, да еще минут по пять подряд, изучаете себя в зеркале?

Бек криво улыбнулся.

— Наверное, мне свойствен нарциссизм.

Психиатр отрицательно покачал головой.

— Сомневаюсь. Почему вы пробуете воздух у себя над головой?

Бек задумчиво потер подбородок.

— Видимо, вы застали меня, когда я выполнял упражнение йоги.

— Понятно. — Психиатр поднялся, чтобы уйти.

— Минуточку, доктор. Вы не верите мне, считаете меня то ли фигляром, то ли хитрым притворщиком, но в любом случае параноиком. Позвольте мне задать вам один вопрос: себя вы считаете материалистом?

— Я не признаю догматов ни одной из основанных на слепой вере религий, что подразумевает — или исключает — абсолютно все, насколько мне известно, религии. Вас устраивает такой ответ?

— Не совсем. Меня интересует вот что: вы допускаете возможность существования явлений и ощущений, которые являются, скажем так, неординарными?

— Да, — настороженно произнес Корнберг, — до определенной степени.

— Значит, всякого, кто имеет какое-то отношение к экстранеординарным явлениям и описывает их, нельзя расценивать как не в своем уме?

— Безусловно, — сказал Корнберг. — Тем не менее, если вы поведаете мне, что недавно видели голубого жирафа на роликовых коньках да еще играющего на аккордеоне, я просто вам не поверю.

— Конечно, не поверите, потому что это просто совершенная нелепица, карикатура на действительность. — Бек задумался в нерешительности. — Не стану пускаться в дальнейшие подробности, поскольку хочу поскорее выбраться отсюда. Но те мои действия, свидетелем которых вы стали: изучение себя в зеркале, прощупывание воздуха, — все они обусловлены обстоятельствами, которые я считаю не совсем, скажем так, обыкновенными.

Корнберг рассмеялся.

— Вы явно осторожничаете.

— Естественно, ведь я разговариваю с психиатром в сумасшедшем доме.

Корнберг неожиданно поднялся и направился к двери.

— Пора продолжать обход.

Бек совершенно прекратил глядеть на себя в зеркало, перестал щупать воздух у себя за плечами. Через неделю его выписали из больницы. Отпали все обвинения против него, он снова стал свободным человеком.

Перед уходом из больницы доктор Корнберг на прощание пожал ему руку.

— Меня весьма заинтриговали те «обстоятельства», на которые вы намекнули.

— Меня они тоже интересуют,— ответил Бек.— Я намерен произвести их тщательное исследование. Не исключено, что мы скоро здесь встретимся.

Корнберг сокрушенно покачал головой. Маргарет взяла Бека за руку и повела к автомобилю. В кабине она обняла его и нежно расцеловала.

— Вот ты и вышел! Ты теперь на свободе, ты совершенно здоров, ты...

— Безработный,— закончил за нее Бек.— А теперь мне нужно незамедлительно встретиться с Тарбертом.

На лице Маргарет проступило недовольство.

— О, давай не будем беспокоить доктора Тарберта,— с откровенно фальшивой беззаботностью произнесла она.— Ему хватит своих неприятностей.

— Мне нужно повидаться с Ральфом Тарбертом.

— Т-только не подумай... — заикаясь, начала Маргарет, не зная, что говорить.— Давай лучше поедem в другое место.

Бек криво ухмыльнулся. Очевидно, Маргарет посоветовали — или она сама решила — держать Бека подальше от Тарберта.

— Маргарет,— нежно сказал он,— ты многого не понимаешь.

— Не хочу, чтобы ты снова попал в беду,— в отчаянии вскричала Маргарет.— Предположим, ты разволнуешься...

— Я разволнуюсь куда больше, если не встречу с Тарбертом. Пожалуйста, Маргарет. Сегодня я тебе все объясню.

— Дело не в тебе одном,— горестно призналась девушка,— дело в докторе Тарберте. Он переменялся! Раньше он был такой... воспитанный, а теперь — колючий, такой ожесточившийся. Пол, поверь, я очень боюсь его. Мне кажется, что он просто источает зло!

— Уверен, это совсем не так. Мне нужно с ним встретиться.

— Ты обещал рассказать, как попал в такое жуткое положение.

— Вот именно, жуткое,— тяжело вздохнув, сказал Бек.— Мне очень не хотелось впутывать сюда и тебя, но я обещал. Однако прежде давай увидимся с Тарбертом. Где он?

– В «Электродин Инжиниринг». Там, где раньше обосновался ты. Он стал очень странным.

– Меня нисколько это не удивляет. Если все реально, если я в самом деле не маньяк...

– Сам ты не можешь разобраться?

– Нет. Я выясню это у Тарберта, и надеюсь, что я чокнутый. Будь оно так, у меня отлегло бы от души.

По Леггорн-Роуд они ехали совсем медленно, Маргарет хотелось отсрочить развязку, да и сам Бек попытался отыскать любую причину, чтобы отменить встречу. То и дело у него в голове раздавалось назойливое шипение, переходящее в рокот. «Ггер, ггер» – как тогда, на Айксеке. Или Айксеке был лишь иллюзией, а сам он помешанным? Все, что с ним произошло, никак не укладывалось в его сознании. Побуждаемый каким-то нелепым наваждением, он привязал беднягу Тарберта к самодельной машине для пыток, едва не погубил его... Да, Тарберт пережил мучительные минуты. Теперь у Бека определенно не было никакого желания встречаться с Тарбертом. Чем ближе они подъезжали к корпусам завода, тем сильнее становилось его нежелание и тем громче раздавался скрежет у него в голове: «Ггер-ггер-ггер». Мозг как будто взрывался интенсивными вспышками света, перед глазами поплыли какие-то видения: какое-то огромное черное пятно, очертаниями напоминающее утопленницу с развевающимися волосами, плавающую в черно-зеленой толще океана... восковые водоросли, покрытые цветами-звездами... что-то типа вспушенного спагетти из сине-зеленого стекла... Бек вздохнул и протер глаза тыльной стороной ладони.

С надеждой Маргарет наблюдала за каждым его движением, однако Бек только упрямо поджимал губы. Когда он встретится с Тарбертом, он узнает всю правду. Обязательно узнает.

Маргарет заехала на стоянку. Машина Тарберта стояла здесь. На одеревеневших ногах Бек подошел к входной двери – урчание в мозгу стало откровенно угрожающим. Внутри здания таилось нечто враждебное, зловещее. Такие же ощущения, подумалось Беку, испытывал первобытный человек перед входом в темную пещеру, откуда пахло кровью и мертвечиной...

Он попробовал открыть дверь в контору, но та оказалась запертой. Тогда он постучал...

Таившееся где-то зло пошевелилось. Беги, покуда есть время! Еще не поздно!

В дверях появился Тарберт — надменный и способный на любую подлость и злодейство.

— Привет, Пол,— глумливым голосом сказал Ральф.— Вас в конце концов отпустили?

— Да... Ральф, я в своем уме или нет?! Вы его видите?

Так и есть, Тарберт глядит на него, как голодная акула.

— Вижу.

Бек задохнулся, словно кто-то железной рукой пережал ему горло. Сзади послышался испуганный голос Маргарет:

— Что он видит? Скажи мне, Пол! Что?

— Нопала,— проскрежетал Бек.— Он восседает на моей голове, высасывая у меня мозг.

— Нет! — вскричала Маргарет, хватая его за руку.— Посмотри на меня, Пол. Не верь ему, он лжет! Тут ничего нет, я же вижу!

— Значит, я не сумасшедший. Ты не видишь его, потому что он есть и у тебя. Это он не дает тебе его увидеть, это он заставляет нас питать отвращение к Тарберту — точно так же, как заставлял тебя ненавидеть меня.

Лицо Маргарет перекошилось от ужаса, она никак не могла поверить в такое.

— Я не хотел тебя впутывать в эту историю, но, раз уж так вышло, тебе не помешает узнать, что же все-таки происходит.

— Что такое нопал? — прошептала Маргарет.

— Вот именно,— сказал Тарберт,— мне тоже хотелось бы узнать, кого я ношу на собственных плечах.

Бек взял Маргарет за руку, провел в контору.

— Присядь.— Маргарет робко села, Тарберт прислонился к дверному косяку.— Чем бы ни был нопал на самом деле, от него нельзя ожидать ничего хорошего. Злой дух, вредный симбионт, паразит сознания — всего лишь жалкие слова, не передающие сути этих тварей. Они способны оказывать на нас воздействие. Вот сейчас, Маргарет, они убеждают нас ненавидеть Тарберта.

Я даже сам не предполагал, насколько они могущественны, пока мы не свернули на Леггорн-Роуд.

Маргарет прикоснулась руками к голове.

— На мне он тоже сейчас есть?

Тарберт кивнул:

— Зрелище не из приятных.

Маргарет плюхнулась в кресло и, дрожащими руками обхватив колени, робко спросила Бека:

— Ты шутишь, верно? Ты просто решил напугать меня?

Бек успокаивающим жестом погладил ее руки.

— Я бы с радостью, но это, к сожалению, серьезно.

— Почему же их не видит никто другой? Почему о них не знают ученые?

— Сейчас все объясню.

— Давайте, — сухо произнес Тарберт. — Мне будет интересно послушать, ведь я до сих пор абсолютно ничего не знаю, кроме того, что у каждого есть свое чудовище, восседающее у него на голове.

— Простите, Ральф, за нескромность, — улыбнулся Бек, — но хотелось бы знать: вы были поражены, увидев такое?

Тарберт упрямо мотнул головой.

— Этого вы никогда не узнаете.

— Ну что ж, история такова...

10

Наступил вечер. Все сидели в мастерской, в кругу света, поблизости от денопализатора. На верстаке булькал кофе в электрическом кофейнике.

— Положение просто ужасное, — заключил Бек. — Не только для нас лично, но для всех и для каждого. Мне нужна была помощь, Ральф, и не оставалось другого выхода, как вовлечь вас в эту историю.

Тарберт повернул голову в сторону денопализатора. В помещении воцарилась тишина. Хотя Тарберт продолжал казаться воплощением всяческих опасностей, но Бек, отчаянно сопротивляясь, убеждал себя, что Ральф его друг и союзник, однако не решался встретиться с ним взглядом.

— У вас пока все еще есть выбор,— в конце концов сказал Бек.— Ведь вы совершенно не обязаны принимать участие в этом деле. Впрочем, как и я сам. Но теперь вам известно, что происходит, и если вы не захотите иметь с этим что-нибудь общее, я вас пойму.

Тарберт грустно улыбнулся.

— Я нисколько не жалею. Раньше или позже, но я все равно окажусь вовлечен в это, поэтому пусть уж лучше будет в самом начале.

— Как и я,— с облегчением произнес Бек.— Сколько времени я провел в психушке?

— Около двух недель.

— Примерно через две недели вас снова оседлает нопал. Спокойно заснете, а проснувшись, сочтете случившееся ужасным кошмаром, вот как я сейчас. Забываете, однако, обо всем без всякого труда, так как нопал помогает сделать это.

Тарберт окинул взглядом нопала, сидящего на плечах Бека.

— Постоянно жить вон с той штукой, которая на меня сейчас смотрит? — Он отрицательно покачал головой.— Не понимаю, как вы можете терпеть присутствие паразита...

Бек скривился.

— Нопал делает все возможное, чтобы подавить отвращение к нему... Он заглушает в человеке мысли, которые ему не угодны, тем самым достигая контроля над своим «хозяином», но он может и поощрять таящуюся в каждом враждебность. Очень опасно быть таупту в мире, населенном читуми.

— Что-то не пойму, что вы намерены сделать,— робко вмешалась Маргарет.

— Дело не в том, что мы намерены сделать, а в том, что мы обязаны сделать. Ксексиане объявили нам ультиматум: или мы сами очистим планету, или они за нас это сделают. Они способны на такое!

— Я разделяю их решимость: они исстрадались,— убежденно сказал Тарберт.

— Но ведь они обрекают нас на такие же страдания! — возмутился Бек.— Я считаю их жестокими, бессердечными и деспотичными.

— Вы встречались с ними в наихудших обстоятельствах,— подчеркнул Тарберт.— И все равно у меня сложилось впечатление, что они обходились с вами настолько любезно, насколько могли. Нужно воздержаться от категорических суждений до тех пор, пока мы не узнаем их лучше.

— Я знаю их достаточно хорошо,— возразил Бек.— Не забывайте, что мне пришлось стать свидетелем... — Он запнулся на полуслове, поняв, что это нопал побуждает его очернять ксексиан. Сдержанность Тарберта — рациональный подход, и все же...

Тарберт перебил ход его мыслей:

— Есть еще многое, чего я совершенно не понимаю. Взять хотя бы такой пример. Они называют Землю Нопалгартом, то есть считают, будто Земля является очагом этой заразы. Но ведь Вселенная огромна, в конце концов бесконечна, и в ней должно быть множество других планет, пораженных нопалами. Неужели они рассчитывают перевернуть вверх дном всю Вселенную?! Невозможно уничтожить всех комаров, посыпав дустом одну лужу на болоте.

— Как мне было сказано, это и является их главной целью,— ответил Бек.— Они объявили крестовый поход против нопалов, и мы оказались первыми неофитами. Они возлагают на нас огромную ответственность, но я не вижу возможности отвертеться.

— Но ведь если такие твари существуют на самом деле,— неуверенно произнесла Маргарет,— и вы честно признаетесь людям...

— А кто нам поверит? Мы ведь не можем просто взять и начать денопализацию с первого встречного. Если же мы отправимся на какой-нибудь отдаленный остров и организуем там колонию таупту, развяжется такая же война, как и на Айксексе.

— В таком случае... — начала было Маргарет, но Бек прервал ее.

— Если мы будем бездействовать, ксексиане уничтожат нас. Они умертвили миллионы читуми у себя на планете, что же им помешает здесь сделать то же самое?

— Давайте успокоимся и поразмыслим на трезвую голову,— сказал Тарберт.— Я один готов выдвинуть десяток вопросов, которые следует хорошенько обдумать.

Например, имеется ли какой-нибудь иной способ борьбы с нопалами, кроме этой страшной машины? Не может ли быть, что нопал является частью человеческого организма — вроде так называемой души — или просто отражением мыслительных процессов? Или, может быть, подсознания?

— Если они являются частью нас самих, — рассудил Бек, — то почему они кажутся такими омерзительными?

Тарберт рассмеялся.

— Если я разложу ваши кишки у вас перед носом, вам покажется, что более мерзкого зрелища просто не существует.

— Что правда, то правда, — вздохнул Бек, — и снова задумался. — Отвечу на первый ваш вопрос: ксексианам неведомы другие способы очищения читуми, кроме де-нопализатора. Это, разумеется, вовсе не означает, что другого способа не существует вообще. Что же касается того, могут ли нопалы являться частью человеческого организма, то они, определенно, не могут играть никакой роли в процессе его функционирования: они с голодным видом парят над головами людей, пересекают межзвездное пространство, чтобы очутиться на других планетах, — словом, поступают, как совершенно независимые существа. Если даже предположить симбиоз нопала и человека, то он явно только в пользу нопала. Насколько мне известно, они не предоставляют своим «хозяевам» каких-то выгод, хотя, должен признаться, ничего не могу сказать и о вреде.

— Почему в таком случае ксексиане столь рьяно решили избавиться от них, очистить от нопалов всю Вселенную?

— Потому что они, вероятно, очень уж омерзительны, — пожал плечами Бек. — Ксексианам достаточно одной этой причины.

Маргарет вдруг вся задрожала.

— Со мной, наверное, что-то не так... Если эти твари на самом деле существуют, то я должна питать к ним отвращение, но я его не испытываю.

— Твой нопал прищемляет соответствующий нерв в нужное время, — пояснил Бек.

— Этот факт, — сказал Тарберт, — может означать, что нопалу присущ определенный разум, отсюда вытекает

вопрос: понимает ли нопал слова или питается сырыми эмоциями? По-видимому, он не меняет «хозяина» до самой его смерти и в таком случае имеет возможность изучить язык. Но, с другой стороны, есть ли у него память?

— Но если нопал остается с человеком до самой его смерти, то в таком случае в интересах нопала продлить жизнь своего «хозяина», — резонно заметила Маргарет.

— Похоже, что так.

— Возможно, именно этим и объясняются интуитивные предчувствия опасности, всякие прозрения...

— Вполне возможно, — согласился Тарберт.

Со стороны входной двери раздался повелительный стук. Тарберт поднялся, а Маргарет резко повернулась к мужчинам, приложив палец к губам.

Тарберт направился было к двери, но его остановил Бек.

— Лучше я пойду. Я такой же читуми, как и все остальные.

Он пересек тускло освещенный цех, превозмогая трусливое нежелание, природа которого показалась ему очень знакомой. Стук повторился. Взглянув в ночную тьму через стеклянную панель двери, он увидел тусклый полумесяц, прятавшийся за кронами высоких кипарисов, а в тени — очертания какого-то темного массивного предмета.

Бек медленно отворил дверь. В отблесках фар проезжавших по Леггорн-Роуд автомобилей четко была видна грубая серая кожа вошедшего, далеко выступающий гребень носа, напоминающий согнутый лук, затянутые пленкой слепые глаза. Это был Птиду Эпиптикс. За ним в темноте неясно виднелись еще четыре зловещих силуэта ксексиан. На всех были черные плащи и металлические шлемы с высокими шипами вдоль гребней.

Эпиптикс обдал Бека незрячим взглядом. Вся ненависть и страх, которые ощущал Бек в присутствии таупту вырвалась наружу. Он отчаянно пытался побороть эти чувства.

Птиду Эпиптикс надменно ступил внутрь, но тут на шоссе, метрах в тридцати от них, раздался визг тормозов автомобиля. Взыла сирена, ярко замигала красная по-

лицейская вертушка на крыше машины, в сторону завода качнулся сноп прожектора.

Бек прыгнул вперед.

— Прячьтесь за деревьями, быстро! Дорожный патруль!

Ксексиане нырнули в тень, выстроившись там, как шеренга античных статуй. Из патрульной машины слышались звуки переговаривающихся по рации голосов, дверь машины открылась, и оттуда вышли двое полицейских.

С замиранием в сердце Бек двинулся им навстречу. Луч карманного фонарика играл на его лице.

— В чем дело? — спросил Бек.

— Ничего особенного, обычная проверка. В помещении кто-нибудь есть?

— Друзья.

— У вас есть разрешение на использование помещения?

— Разумеется.

— Не возражаете, если мы заглянем на минутку? — Они решительно двинулись вперед.

— Что вы ищете?

— Ничего особенного. Просто за этим местом водится дурная слава, уж больно оно подозрительное. Совсем недавно тут уже были неприятности.

Бек, затаив дыхание, следил за каждым их шагом. Дважды он попытался предупредить их, и дважды слова застревали у него в горле. Да и что сказать? Близость ксексиан действовала на них угнетающе, это чувствовалось по нервной дрожи их фонариков. Беку четко были видны силуэты спрятавшихся в тени деревьев ксексиан. Лучи фонариков подбирались к ним все ближе... В дверях показались Тарберт и Маргарет.

— Кто там? — окликнул Тарберт.

— Дорожный патруль, — отозвался один из фараонов. — А вы кто?

Тарберт ответил. Патрульные повернули назад, к шоссе. Один из лучей запрыгал прямо возле кипарисов. Нерешительно заколебался, замер. Патрульный удивленно вскрикнул. В руках у обоих копов мгновенно появились пистолеты.

— Ну-ка, выходите, кто там прячется?

Вместо ответа ночную тьму прорезали две вспышки розового света, две трассирующие очереди. Объятых пламенем полицейских отшвырнуло на несколько метров, они повалились наземь и сплющились, как пустые мешки.

Бек что-то крикнул, спотыкаясь, рванулся вперед, но тут же остановился. Птиду Эпиптикс, на мгновение повернув голову в его сторону, направился к двери.

— Давайте пройдем внутрь, — произнес переводчик.

— Но ведь это же люди! — срывающимся голосом закричал Бек. — Вы убили их!

— Успокойтесь, трупы исчезнут, автомобиль тоже.

Бек взглянул в сторону полицейской машины, где надрывалась рация.

— Вы, похоже, не понимаете, что натворили! Нас всех арестуют, казнят...

Он притих, осознав, какую чушь несет. Эпиптикс, не обращая на него внимания, прошел внутрь. Двое его соплеменников последовали за ним, не отставая ни на шаг, оставшиеся двое занялись трупами полицейских. Бека бросило в холодный пот, Тарберт и Маргарет попятиться назад при виде приближающихся к ним серых силуэтов.

Ксексиане остановились у самого края светового круга. Глядя на Тарберта и Маргарет, Бек с горечью произнес:

— Если вы раньше сомневались в глубине души...

Тарберт кивком головы оборвал его.

— Все предельно ясно.

Эпиптикс подошел к денопализатору, осмотрел его, затем повернулся к Беку.

— Этот человек, — он указал на Тарберта, — единственный таупту на Земле. За то время, которым вы располагали, можно было организовать целый полк.

— Почти все это время меня продержали в сумасшедшем доме, — с нескрываемой злобой огрызнулся Бек. Неужели та ненависть, которую он сейчас испытывал к Птиду Эпиптиксу, была целиком внушена ему нопалом? — Кроме того, я далеко не уверен, что денопализация как можно большего числа лиц является наилучшим средством для достижения поставленной цели.

— Вы можете предложить что-нибудь другое?

— Мы считаем, что необходимо более тщательно изучить природу нопала. Возможно, существуют более простые способы денопализации.— Он вопросительно посмотрел на ксексианина.— Сами-то вы пробовали другие средства?

— Мы — воины, а не ученые,— равнодушно сказал Эпиптикс.— На Айксекс нопалы перешли с Нопалгарта. Раз в месяц мы выжигаем их из своего мозга. Земля — главный очаг заражения этими паразитами. Вы должны принять меры для их уничтожения.

Тарберт кивнул. Что-то уж очень быстро согласился он с доводами ксексианина, с возмущением подумал Бек.

— Мы понимаем ваше нетерпение.

— Нам нужно время! — воскликнул Бек.— Вы можете подождать еще месяц или два?!

— Зачем вам столько времени? Денопализатор готов, остается только пустить его в ход.

— Нужно еще очень многое выяснить! — продолжал возмущаться Бек.— Что из себя представляют нопалы? Да, они кажутся отвратительными, но, может быть, они благотворно влияют?

— Совершенно нелепая мысль.— В словах Птиду Эпиптикса прозвучала ирония.— Нопалы приносят только вред, они превратили Айксекс в руины, став причиной войны.

— Являются ли они разумными существами? — не унимался Бек.— Способны ли они общаться с людьми? Вот что мы хотим выяснить.

— Откуда у вас возникла такая мысль? — удивился Эпиптикс.

— Временами мне кажется, что нопал пытается что-то мне сказать.

— На чем основано ваше впечатление?

— Трудно сказать что-то определенное, но, когда я близко подхожу к таупту, у меня в голове возникает странный звук: «ггер, ггер, ггер».

— По правде говоря, мы действительно мало что знаем,— поддержал Тарберт. Не забывайте, в наших традициях сначала понять, а затем уже действовать.

— Что такое нопалон? — настаивал Бек. Он может быть получен из чего-то еще, кроме нопала? И откуда

взялся первый кусок нопалона? Даже если допустить, что в самом начале какой-то человек сам себя денопализировал, то совершенно непонятно, как он мог собственными силами изготовить пленку из нопалона?

— Это не относится к делу,— сухо передал переводчик.

— Как сказать,— скептически заметил Бек.— Нам, как и вам, многое непонятно. Все-таки ответьте: вы знаете, откуда взялся первый образец нопалона и каким образом?

— Не добивайтесь бесполезного знания, оно не поможет вам в деле уничтожения нопалов, поэтому действуйте согласно нашим инструкциям.

В этих словах, произнесенных ровным, механическим голосом, отчетливо проступало что-то зловещее, однако Бек, призвав на помощь всю свою храбрость, продолжал упорствовать:

— Мы просто не можем действовать вслепую. Машина убивает нопалов, а это не самый лучший способ решения задачи. Ваша планета в руинах — вы хотите, чтобы то же произошло с Землей? Дайте нам хоть немного времени на изучение, и тогда мы доберемся до сути проблемы!

Какое-то время ксексианин хранил молчание.

— Землянам свойственна изворотливость. Для нас же уничтожение нопалов — смысл и цель. Не забывайте, мы можем обойтись и без вашей помощи, мы уничтожим нопалов вместе с Нопалгартом. Хотите знать, как это произойдет? — Не дожидаясь ответа, он подошел к столу и взял кусочек нопалона. — Вы уже пользовались этим материалом и знаете, что он лишен массы и инерционности, что он поддается телекинезу, что его растяжимость почти безгранична и что он непроницаем для нопалов.

— Знаем.

— В случае необходимости мы обернем всю Землю цельным куском нопалона. Нопалы останутся на Земле, как в ловушке, и по мере движения планеты их будут отделять от мозга их «хозяев». Мозги будут кровоточить, и все население Земли погибнет.

Все молчали.

— Такое решение жестоко, — продолжал Эпиптикс, — но зато прекратятся все наши мучения. Я объяснил, что нужно сделать. Или вы сами уничтожите нопалов, или мы это сделаем вместо вас. — Он развернулся и вместе со своими спутниками направился к выходу.

Охваченный смятением, но пытаясь сохранить спокойствие, Бек бросил им вслед:

— Нельзя требовать от нас чуда! Нам нужно время!

— Вам дается еще неделя.

Ксексиане вышли из здания. Бек и Тарберт последовали за ними. Трупов и патрульной машины не было. На глазах землян корабль ксексиан бесшумно оторвался от Земли, мгновенно набрал скорость и исчез в пространстве среди звезд.

— Как им это удастся? — удивился Тарберт.

— Понятия не имею. — У Бека кружилась голова, он в изнеможении опустился на ступеньку перед заводской проходной.

— Какой энергичный народ! — воскликнул Тарберт. — Мы по сравнению с ними просто улитки.

Бек посмотрел на него подозрительно.

— Энергичный и кровожадный, — буркнул он. — Даже сейчас они впутали нас в историю. Полиция налетит сюда, как саранча.

— Не думаю, — возразил Тарберт. — Трупы и автомобиль исчезли. Несчастный случай...

— Особенно для фараонов.

— Вам достаточно неприятностей принесет ваш собственный нопал, — заметил Тарберт.

Маргарет дожидалась их в конторе.

— Они ушли?

Бек коротко кивнул.

— Никогда мне не было еще так страшно. Как будто плаваешь в море и вдруг видишь, что прямо на тебя плывет акула.

— Нопал искажает твои ощущения, — сказал Бек, — мои мысли тоже путаются. — Он посмотрел на денопализатор. — Ничего не поделаешь. Видно, придется помучиться. — Острая боль внезапно сжала голову. — Нопал, однако, так не считает.

— Не думаю, что вам следует очищаться. Один из нас должен вербовать новобранцев для создания полка — так, кажется, выразился ксексианин?

— А что потом? — спросил упавшим голосом Бек. — Пулеметы? Коктейли Молотова? Бомбы?

— Все это мерзко и бессмысленно, — проговорила Маргарет.

Бек согласился.

— Положение отвратительное, но у нас нет выбора.

— Они целое столетие искореняли нопалов, — сказал Тарберт, — они должны знать о них все!

— Нет, — возразил Бек. — Они сами ничего толком не знают или не хотят поделиться опытом. Они хотят, чтобы мы потеряли голову. А почему? Несколькими днями раньше, несколькими позже — не все ли равно? События принимают очень странный оборот!

— Вашими устами сейчас говорит нопал. Ксексиане суровы, но кажутся искренними. Они не такие безжалостные, как заставляет думать нопал. В противном случае, они просто уничтожили бы Землю, даже не предупредив.

Бек сделал попытку причесать свои мысли.

— Или это действительно так, или им по какой-то причине выгодно, чтобы Земля осталась заселенной, но денопализированной. Они фактически не оставили нам времени на исследования.

— В нашем распоряжении неделя. — Тарберт не собирався сдаваться. — Неделя на то, чтобы создать и развить совершенно новую науку.

— Совсе нет, нужно остановиться на каком-то одном способе решения задачи. Мы просто сосредоточим все усилия в одном определенном направлении — быстрой денопализации Нопалгарта, а после того как разложим по полочкам свои идеи, можно будет использовать оставшуюся часть недели для передышки.

— Что ж, за работу, — сухо произнес Тарберт. — В качестве отправной точки возьмем факт существования нопалов. Начнем с того, что это абсолютно не укладывается в наши прежние представления о мире, в котором мы живем. Кто они? Призраки? Духи? Демоны? Кем бы они ни были, вещество, из которого они состоят, не имеет аналогов в окружающем нас мире. Это какой-то

новый вид материи, только односторонне различаемый нашим зрением, неосязаемый, не обладающий массой и инерционностью. Жизнь такого существа поддерживается мозгом «хозяина», его мыслительными процессами, а мертвые тела нопалов поддаются телекинезу — свойство, более других наводящее на размышления.

— Оно предполагает, что мышление является процессом, имеющим гораздо более существенную материальную подоплеку, чем мы до сих пор считали, — заметил Бек. — Или, лучше сказать, существуют такие материальные процессы, которые соотносятся с мышлением, но как это происходит — мы пока не знаем.

— На то же самое указывают телепатия, ясновидение и другие им подобные так называемые псионические явления, — задумчиво продолжил мысль Тарберт. — Вполне возможно, что нопалон является промежуточной, как бы проводящей средой. Когда что-нибудь — мысль или яркое впечатление — передается от одного разума другому, эти разумы становятся физически связаны друг с другом. Чтобы уяснить, что же из себя представляет нопал, мы должны прежде всего разобраться с механизмом собственного мышления.

Бек устало покачал головой.

— О природе мысли нам известно ничуть не больше, чем о нопалах. Даже меньше. Энцефалографы записывают побочные продукты мышления. Хирурги утверждают, что определенные секции головного мозга связаны с определенными сферами мышления. Как мы полагаем, телепатия передается мгновенно, если не быстрее...

— Что может быть быстрее мгновенного? — удивленно спросила Маргарет.

— Если какая-то информация принимается до того, как она начала передаваться, такая ее переработка в мозгу называется предвидением.

— Вот как!

— В любом случае, похоже, мысль обладает определенными материальными свойствами, но резко отличается от того, что мы обычно называем материей. Мысль подчиняется определенным законам, действует в совершенно иной среде, в другой системе измерений. Короче говоря, существует в особом пространстве, что подразумевает отличную от нашей Вселенную.

Тарберт нахмурился.

— Вас занесло. Вы несколько легкомысленно обращаетесь с такими понятиями, как мысль и мышление. А ведь что такое мысль? Насколько нам известно, это слово означает совокупность электрических и химических процессов в нашем мозге, процессов необыкновенно сложных, но, в сущности, не более загадочных, чем те, что происходят в электронных цепях компьютера. И я не могу понять, как мысль способна творить метафизические чудеса.

— В таком случае,— язвительно спросил Бек,— что вы сами можете предложить?

— Для начала хотя бы некоторые новейшие разработки в области ядерной физики. Вам, разумеется, известно, как открыли нейтрино: энергия частиц перед взаимодействием друг с другом оказалась больше, чем после взаимодействия, и объяснить такой феномен можно только за счет какой-то новой, образовавшейся в ходе проведения эксперимента частицы. Вскоре выяснились и новые, более трудно уловимые противоречия. Осталось только предположить, что это результат действия новых и неожиданных «слабых» сил.

— Какой нам толк от этих умозрительных гипотез? — едва не сорвавшись на грубость, спросил Бек, но усилием воли взял себя в руки. — Прошу прощения.

Тарберт взмахом руки дал понять, что не обижается.

— Мне прекрасно видна реакция вашего нопала... А какой от всего этого толк? Нам известны два так называемых «сильных» взаимодействия: энергия внутриядерного сцепления, а также энергия бета-распада. Кроме того, существует одно «слабое» взаимодействие: сила тяготения, энергия гравитационного поля. Четвертая сила значительно слабее гравитационной, еще менее ощутима, чем нейтрино. На основании сказанного выдвигается предположение, что Вселенная должна или, по меньшей мере, может иметь свою тень: во всем подобную ей призрачную копию, в основе которой лежит эта самая четвертая сила. Естественно, в совокупности это одна и та же Вселенная, тут и речи быть не может о новых измерениях или о чем-нибудь сверхъестественном. Просто материальная Вселенная имеет, по крайней мере, еще один аспект в виде вещества, или поля, или

структуры — называйте, как вам заблагорассудится, — неосязаемый для наших органов чувств или датчиков приборов.

— Что-то похожее я читал в одном из журналов, — сказал Бек, — но тогда не обратил особого внимания... Уверен, вы на правильном пути. Эта Вселенная «слабых» взаимодействий, или паракосмос, скорее всего, и является средой обитания нопалов, а также средой, где проявляются парапсихические феномены.

— Но вы же сами утверждали, что этот паракосмос четвертой силы никак нами не воспринимается! — воскликнула Маргарет. — Если телепатия необнаружима, то откуда нам знать, что она существует?

Тарберт рассмеялся.

— Очень многие говорят, что она не существует, однако мне доводилось видеть нопалов. — Он сделал кислую мину, глядя в пространство над головами Бека и Маргарет. — Факт тот, что этот паракосмос не такой уж неосязаемый. Будь он совершенно необнаружим, то никогда не были бы зарегистрированы те противоречия, которые привели к открытию четвертой силы.

— Приняв все это во внимание, — сказал Бек, — приходим к заключению, что четвертая сила, будучи должным образом сконцентрирована, может воздействовать на материю. А если точнее, то четвертая сила воздействует на материю, но только тогда, когда она настолько сконцентрирована, что мы замечаем произведенный ею эффект.

Ничего не поняв из объяснений Бека, Маргарет спросила: — Телепатия является проекцией этой четвертой силы или ее концентрированным излучением?

— Ни то, ни другое, — ответил ей Тарберт. — Не забывайте, наш мозг не в состоянии быть источником четвертой силы. Нам нет смысла отходить от традиционной физики для объяснения псионических явлений, как только мы допустим, что параллельная Вселенная существует.

— Все равно ничего не понимаю, — призналась Маргарет. — Телепатия ведь, как полагают, распространяется мгновенно? Если параллельная Вселенная абсолютно подобна нашей, то, значит, аналогичные события в ней должны протекать с точно такой же скоростью?

Тарберт на несколько минут задумался.

— Существует еще одна интересная гипотеза, я бы даже сказал — «индуктивное умозаключение». То, что нам известно о телепатии и о нопалах, наводит на мысль, что идентичные нашим частицы в этой паравселенной обладают более существенной степенью свободы — как, например, воздушные шары в сравнении с кирпичами. Иными словами, параллельный мир своим рисунком подобен нашему, но в пространственном отношении он совершенно другой. По сути, само понятие пространственной протяженности лишено в нем какого-либо смысла.

— Если так, то и скорость будет бессмысленным понятием в этом мире, а следовательно, и время. На этом принципе, возможно, основано перемещение ксексианских космических кораблей. Как вы думаете, не могут ли они каким-то образом проникать в паравселенную? — Бек поднятием руки остановил Тарберта, собиравшегося незамедлительно ему ответить. — Знаю, знаю, они наверняка уже в этой паравселенной. Нас не должны сбивать с толку наши собственные привычные представления о пространственно-временном мире, привычные четыре измерения.

— Верно, — согласился Тарберт. — Но вернемся к механизму связи между этими Вселенными. Мне нравится аналогия между воздушным шаром и кирпичом. К воздушному шару привязан кирпич. Кирпичи существенно влияют на свободу перемещения воздушных шаров, а вот обратное влияние выявить очень нелегко. Давайте рассмотрим, как такая аналогия может быть применена к телепатии. Импульсы тока в моем мозгу генерируют соответствующий поток импульсов в имеющемся в паракосмосе аналоге моего мозга — в моем, так сказать, отраженном мозге. Это соответствует случаю, когда кирпичи резко тянут вниз воздушные шары. Посредством какого-то неизвестного механизма — возможно, с помощью созданных моим двойником в паравселенной аналогичных колебаний, которые воспринимаются другим двойником, — воздушные шары дергают кирпичи. Нервные импульсы отправляются назад — в мозг-приемник. Если имеются подходящие для этого условия.

— Такими условиями, — без особого энтузиазма заметил Бек, — могут быть нопалы.

— Вот именно. Нопалы, по-видимому, являются существами паравселенной, по какой-то причине жизнеспособными в обеих Вселенных.

— А вот по-моему, нопалы, что ни говорите, в нашей Вселенной существовать не могут.

— Но ведь я вижу их! — воскликнул Тарберт.

— Возможно, вам только кажется, будто вы видите их. Предположим, что нопалы живут в другой Вселенной и терзают только наши эквиваленты. Вы же видите их при помощи ясновидения или, что даже вероятнее, их видит ваш аналог — и так ярко и четко, что вы считаете нопалов реальными материальными существами.

— Но моя дорогая юная леди...

— Вывод Маргарет не лишен смысла. Я тоже видел нопалов, — перебил его Бек, — и знаю, насколько реальными они могут казаться, но они не отражают свет и не излучают его. Будь иначе, их можно было бы увидеть на фотографии. Я не убежден в том, что они вообще связаны с реальностью какой-либо из Вселенных.

Тарберт пожал плечами.

— Если они позволяют нам их видеть в естественном состоянии, то они то же самое могут сделать, когда мы рассматриваем фотографии.

— Во многих случаях фотографии сканируются чисто механическими способами.

Тарберт бросил взгляд на плечи Бека.

— Если так, то почему этого не понимают ксексиане?

— Ну, они же признаются, что ничего не знают о нопалах.

— Вряд ли они могли оставить без внимания такие основополагающие факты, — возразил Тарберт. — Едва ли можно сказать, что ксексиане простодушны.

— Я не очень-то с вами согласен. Сегодня Птиду Эпиптикс вел себя просто неблагодарно. Если только не...

— Если только что? — спросил Тарберт, как показалось Беку, слишком резко.

— Если только ксексиане не руководствовались какими-то скрытыми побуждениями. Я понимаю, что это нелепо, потому что видел их планету и знаю, как они страдают, и все же...

— Мы в самом деле еще многого не понимаем,— признался Тарберт.

— Мне бы дышалось гораздо легче, если бы на моей шее не рассиживал нопал,— сказала Маргарет.— Если бы в действительности он докучал только моему аналогу...

Тарберт быстро подался вперед всем телом.

— Не забывайте, ваш аналог — часть вас самой. Вы не видите своей печени, но она там, где ей положено быть, и она функционирует. Вот так и ваш аналог.

— И все-таки Маргарет, возможно, права,— осторожно сказал Бек.— Что, если нопалы существуют только в паракосмосе?

— Это предположение ничуть не лучше других,— недовольно ответил Тарберт.— Взять хотя бы вот эти два контраргумента: во-первых, имеется нопалон, который я могу перемещать своими собственными руками; во-вторых, налицо контроль, который нопалы осуществляют над нашими эмоциями и восприятиями.

Бек, сорвавшись с места, размашистыми шагами забегал по комнате.

— Нопалы могут оказывать свое влияние через аналогов, так что, считая, что притрагиваюсь к нопалону, я лишь хватаю пальцами воздух, то есть на самом деле это за меня делает мой аналог в паравселенной. По сути, это укладывается в гипотезу Маргарет.

— В таком случае почему я не в состоянии с помощью создаваемых в моем сознании образов изрубить нопала воображаемым топором?

Беку вдруг стало до боли тревожно.

— Это мне кажется совершенно бессмысленным.

Тарберт смерил оценивающим взглядом обрывок нопалона.

— Ни массы, ни инерционности — по крайней мере, в базовой для нас Вселенной. Если мои телекинетические способности приложимы к этому материалу, то я бы имел возможность воздействовать на него.— Пленка из нопалона медленно поднялась в воздух. Бек с нескрываемым отвращением не отрывал от нее глаз, материал вызывал у него особую брезгливость: заставлял думать о смерти...

Тарберт резко повернулся в его сторону.

— Вы сейчас противодействуете мне?

Он становится совершенно невыносимым. Бек посмотрел на Маргарет и обнаружил, что та смотрит на Тарберта с ненавистью, не меньшей, чем его собственная. Вдвоем они, пожалуй, могли бы...

Бек испугался самого себя. Это нопал направляет его мысли по своему усмотрению, теперь у него не осталось ни малейшего сомнения. Но, с другой стороны, Тарберт и ксексиане — злостные враги Земли! Надо нарушить их планы, иначе все будут уничтожены. Бек неотрывно следил, как сосредоточивает свою волю Тарберт на обрывке нопалона.

— Работенка не из легких... В паравселенной этот материал, наверное, очень жесткий. Не угодно ли попробовать?

— Нет,— хрипло ответил Бек.

— Нопал досаждают? Он крайне возбужден,— произнес Тарберт.

— Что вы придрались к моему нопалу,— как бы со стороны услышал Бек свои слова.— Неужели нет других поводов для беспокойства?

Тарберт поглядел на него искоса.

— Да, весьма забавно такое слышать.

Бек перестал шагать, потер пальцем подбородок.

— Вот, вот, теперь, когда вы об этом сказали...

— Так, значит, нопал руководит вами, это он говорил за вас?

— Да нет... — Бек и сам не очень был уверен.— Но что-то на меня действительно нашло, какое-то интуитивное прозрение. Благодаря нопалу мне открылось нечто неожиданное...

— Что именно?

— Не знаю, не успел ухватить, промелькнуло и исчезло.

Тарберт, пробурчал что-то невнятное, снова сосредоточил внимание на куске нопалона, заставляя его подниматься и падать, изгибаться и вращаться в воздухе. Вдруг он неожиданно метнул ткань стрелой через комнату и мерзко расхохотался.

— Ну и досталось же нопалу от меня! — Тарберт резко повернул голову в сторону Бека, глядя в пространство над его головой.

Бек неожиданно для себя самого вскочил с места и, шатаясь из стороны в сторону, стал медленно надвигать-

ся на Тарберта, а в голове у него звучало теперь уже такое привычное утробное «ггер, ггер, ггер»...

Тарберт попятился назад.

— Не позволяйте этой дряни командовать вами, Бек. Она охвачена ужасом, она в отчаянии.

Бек остановился.

— Если вам не удастся ее одолеть, мы потерпим поражение в битве с нопалами еще до того, как она начнется.

Бек тяжело вздохнул.

— Вы правы,— севшим голосом произнес он.— Я должен сдерживаться. Ваши манипуляции с нопалоном как-то странно повлияли на меня. Вам ни за что этого не понять.

Тарберт ухмыльнулся и снова сосредоточил внимание на куске нопалона.

— Это весьма интересный процесс. Если хорошо поработать, то я научусь мысленно сворачивать непроницаемые для нопалов оболочки из нопалона... А теперь попробую образовать две половинки мешка из нопалона. Вот ловлю между ними нопала. Прижимаю половинки друг к другу... Чувствую сопротивление. И вот тварь обмякла, перестала биться... Ощущение такое, будто раздавил орех.

Бек поморщился. Тарберт с интересом на него поглядел.

— Вы, разумеется, ничего не почувствовали?

— Непосредственно? Нет.

— Ведь все происходило не с вашим собственным нопалом,— размышляя вслух, произнес Тарберт.

— Верно, всего лишь на мгновение я ощутил какую-то боль, страх. Который час?

— Почти три часа,— ответила Маргарет и с тоской посмотрела на дверь. Она, как и Бек, чувствовала себя усталой и опустошенной.

Тарберт же, всецело поглощенный уничтожением нопалов, выглядел свежим, будто только что прекрасно выспался. Отвратительнейшее занятие он себе нашел, подумалось Беку. Сейчас он был похож на противного мальчишку, получающего удовольствие от ловли мух. Тарберт бросил взгляд в его сторону, нахмурился, и Бек выпрямился в своем кресле, чувствуя, как снова все в нем напряглось. Он постепенно выходил из состояния

безучастного неодобрения, проявляя все растущий интерес к игре, пока не обнаружил, что его сила воли мобилизована для противодействия манипуляциям Тарберта с нопаоном. Он сделал свой выбор, и враждебность, которую мужчины испытывали друг к другу, стала очевидной. Оба были крайне напряжены, а кусок нопаона метался в воздухе...

И тут Беку пришло в голову, что это вовсе не праздное состязание двух умов, а нечто большее! Постепенно первоначальная догадка переросла в убеждение, что счастье, мир, сама возможность жить дальше зависят от исхода этой борьбы. Просто удерживать нопаон в неподвижном состоянии было уже недостаточно, он должен полностью овладеть им, хлестать им по Тарберту, перерубить ту незримую нить, что их связывала. Нопалон метался из стороны в сторону под напором воли Бека, но, тем не менее, неумолимо приближался к Тарберту. И вдруг случилось нечто непредвиденное и страшное: Тарберт как бы взорвался ментальной энергией, нопаон вырвался из мысленной хватки Бека и больше уже ему не подчинялся.

Игра подошла к завершению. То же самое можно было сказать и о состязании двух умов. Бек и Тарберт смущенно переглянулись, но оба были в равной степени ошеломлены.

— Что случилось? — устало спросил Бек.

— Не знаю. — Тарберт стал растирать лоб. — Что-то нашло на меня... Я почувствовал себя несокрушимым великаном. — Он невесело рассмеялся. — Ощущение было такое...

На какое-то время воцарилось молчание. Затем Бек произнес с дрожью в голосе:

— Ральф, я больше не могу доверять самому себе. Мне нужно освободиться от нопала, прежде чем он делает что-то совершенно невероятное.

Тарберт надолго задумался.

— По всей вероятности, вы правы, — сказал он в конце концов. — Если мы и дальше будем пикироваться, то ничего не достигнем. — Он медленно выпрямился. — Ладно, денопализирую вас. Если Маргарет сможет стерпеть два воплощения дьявола вместо одного.

— Я сумею выдержать, если надо.

— Вот и не будем дольше мешкать.— Бек встал и заставил себя направиться к денопализатору. Тарберт посмотрел на Маргарет.

— Вам лучше бы выйти.

Она отрицательно мотнула головой.

— Позвольте мне остаться.

Тарберт пожал плечами, а Бек был настолько взволнован, что не стал настаивать. С каждым шагом к денопализатору неистовство нопала возрастало, перед глазами Бека поплыли огненные круги, затем гулким набатом в голове загремело: «ггер, ггер, ггер».

Бек остановился, чтобы отдышаться. Цветные узоры перед глазами начали принимать причудливые очертания. О, если б он мог разобраться...

Тарберт, наблюдая за ним, нахмурился:

— Что-то стряслось?

— Нопал пытается показать мне что-то или дать возможность что-то разглядеть... У меня все смешалось... — Он прикрыл веки, пытаясь успокоить беспорядочное движение темных бесформенных пятен, золотистых колец, мотков синей и зеленой пряжи.

Откуда-то донесся раздраженный голос Тарберта:

— Давайте, Пол, смелее! Давайте разделаемся с этим.

— Погодите,— попросил Бек.— Я сейчас приноворюсь... Весь фокус в том, чтобы научиться видеть с помощью мысленного зрения — глазами своего разума. Глазами своего аналога в паравселенной. Тогда становится видно...

Голос Бека звучал все тише, пока не угас, перейдя в размеренное дыхание. Пляска пятен прекратилась, и его мысленному взору представилась упорядоченная картина. Перед ним развернулась совершенно необычная панорама из налагающихся друг на друга черных и золотистых пейзажей, и, как картина в стереоскопе, она было отчетливой и двоящейся, привычной и фантастической. Он увидел звезды и космическое пространство, черные горы, зеленые и синие сполохи, бесцветное дно какого-то моря, движущиеся молекулы, переплетение нервных волокон. Он увидел нопалов, здесь их вещественная основа проявлялась гораздо отчетливее, здесь они не были созданиями из эфирной пены, как казалось ему раньше. Но здесь, в этом паракосмосе, они были

явлением несущественным, вторичным в сравнении с чем-то поистине огромным и бесформенным, занимающим добрую половину обозримого космоса, они плавали, наполовину невидимые, как золотистые ядра, подобно луне за облаками. Из темной бесформенной массы, затмевающей нопалов, произрастало неисчислимое количество длинных и тонких ресничек, которые, струясь и колеблясь, протягивались во все уголки этого замысловатого мира. На кончиках ресничек Бек различил какие-то предметы, свободно болтающиеся, как куклы на шнурках, как повешенные на виселице. Тончайшие волоконца проникали во все, самые отдаленные места. Одно из них шло внутрь заводского корпуса «Электродин Инжиниринг», где крепилось к голове Тарберта с помощью чувствительного пальца, как резиновая присоска. Вдоль всей этой нити гроздьями теснились нопалы, которые, казалось, пытались перегрызть эту нить. Бек понял, что, если им это удастся, щупальце отодвинется, оставив череп открытым. Непосредственно над своей головой он увидел такой же предмет, заканчивающийся пустым колпачком-присоской. Бек проследил взглядом начало волоконца и увидел место, откуда оно исходило, — место, которое было столь же отдаленным, как край Вселенной, и столь же близким, как стена. Вот здесь-то он и увидел самое сердце ггера. Стекловидное желтое ядро изучающе разглядывало его с такой алчной, такой решительной и коварной злобой, что Бек стал что-то лепетать и запинаться.

— Тебе нехорошо, Пол? — услышал он встревоженный голос Маргарет.

Ее он тоже видел. Да, ошибиться он не мог, это была она, хотя черты ее были размытыми, колеблющимися. Вот он видит уже очень многих. При желании Бек мог бы даже поговорить с каждым из них, но они были так близко и одновременно так далеко...

— С тобой ничего не случилось? — спросил зрительный образ Маргарет, не издав ни звука.

Бек открыл глаза.

— Все нормально, — поспешил успокоить Маргарет Пол.

Видение длилось лишь секунду-две. Бек взглянул на Тарберта, и их глаза встретились. Вот оно что: ггер

осуществляя контроль над Тарбертом, ггер осуществлял контроль над ксексианами. Он осуществлял контроль и над Беком, пока нопал не перегрыз щупальце. Нопалы — маленькие надоедливые паразиты — в борьбе за существование раз за разом одолевали своего грозного противника!

— Начнем, пожалуй, — предложил Тарберт, посмотрев на Бека приторно ласково, и от этого взгляда у Бека пошел мороз по коже — ггер как бы наставлял исполнителя своей воли. Глаза его, как показалось Беку, источали едва уловимый золотистый блеск.

Бек встал и направился к Тарберту, ему хотелось сохранить объективность, но он лишь испытывал ненависть и страх.

— Ральф, — произнес он как можно спокойнее, — нам придется еще здорово попотеть. Я знаю, что такое ггер. Он управляет вашими эмоциями так же, как нопал — моими.

Тарберт покачал головой и осклабился.

— Вашими устами говорит нопал.

— А вами управляет ггер.

— Я в это не верю. — Тарберт и сам всей душой стремился быть как можно объективнее. — Пол, вы недооцениваете коварства нопалов!

Бек невесело рассмеялся.

— Мне это напоминает спор между христианством и мусульманством: каждый считает своего соперника заблудшим язычником. Ни один из нас не переубедит другого. Что же делать?

— По-моему, нужно срочно денопализировать вас.

— Ради пользы ггера?

— Что вы предлагаете?

— Сам не знаю. Нужно во всем разобраться.

— Давайте посмотрим, к какому же общему знаменателю мы сможем прийти, каким бы он малым ни оказался, — предложил Тарберт. — Насколько я понимаю, нашей главной задачей является денопализация Земли.

Бек отрицательно покачал головой.

— Наш первейший долг...

— Вот что!

Тарберт не стал мешкать. Кусок нопалона рванулся, изогнулся и накрыл голову Бека. Высокие иглы султана

но пала встопорщились, как парус, затем обмякли. Голову Бека ощутимо сдавило, он почувствовал, что ему стало нечем дышать, и сделал попытку отодрать ненавистную материю от головы, но у Тарберта было преимущество в стремительности нападения. Нопал вдруг затрепетал, затем раскрылся, как яичная скорлупа. Встряска, которую при этом испытал Бек, была так велика, что он чуть не потерял сознание. Сноп ярких синих молний резанул по глазам, рассыпался мириадами огненных искр, но уже через мгновение исчезла сила, сдавливающая голову, потухли угольки в глазах. Несмотря на всю ярость, которую в нем вызвало вероломство Тарберта, несмотря на боль, Бек сразу почувствовал невыразимое облегчение, как будто после удушья его легкие снова наполнились воздухом.

Однако сейчас не время заниматься самоанализом — нопал уничтожен, но что теперь делать с ггером? Бек сконцентрировал свое мысленное зрение. Повсюду кишели нопалы, возбужденно раздувая плюмажи, а щупальце ггера зависло у него над головой. Почему же оно мешкает? Но вот оно стало медленно опускаться... Бек пригнул голову, схватил клочья, оставшиеся от уничтоженного нопала, и натянул их себе на голову. Присоска снова опустилась, ощупывая пространство вокруг себя. Бек еще раз увернулся, поправив защитную оболочку вокруг черепа. Маргарет и Тарберт в изумлении наблюдали за его действиями. Нопал по соседству задержался и взволнованно затрепетал. Где-то угрожающе маячил ггер — как огромная гора, закрывая ночное небо.

Бек пришел в бешенство: он был свободен — так почему же теперь надо подчиняться ггеру?! Он схватил обрывок нопалона, мысленно вложил его в руку своего аналога и стал хлестать по присоске, по щупальцу. Щупальце подалось назад, как губа рычащего пса, качнулось несколько раз и раздосадованно убралось.

Бек разразился хохотом.

— Что, не нравится? А ведь я только начал!

— Пол,— вскричала Маргарет,— Пол!!!

— Минутку,— ответил Бек, не переставая хлестать по щупальцу.

Вдруг он почувствовал, что ему мешают. Оказалось, что рядом стоит Тарберт, вцепившись в кусок нопалона,

зажатый в руке Бека, и не давая тем самым отгонять чудовищную присоску. Бек потянул нопалон на себя, но безрезультатно. Стоп... Тарберт ли это? Бек прищурился. Тарберт сидел, развалившись в кресле и полуприкрыв глаза... Два Тарберта? Нет, один из них, естественно, аналог, повинующийся сознанию Тарберта. Но каким образом аналогу удалось отделиться от оригинала? Или он самостоятельное существо? А может быть, это разобщение — результат искажения восприятий в паракосмосе? Бек пристально всмотрелся в осунувшееся лицо друга.

— Ральф, вы меня слышите?

Тарберт пошевелился.

— Да, слышу.

— Вы верите тому, что я вам рассказывал о ггере?

Ответ он услышал не сразу.

— Да, верю. Только вот что-то — сам не пойму что — владеет мной.

— Я мог бы справиться с ггером, но вы мне помешали.

— И что тогда? Снова нопал? Или хуже?

— Ггер.

Тарберт закрыл глаза.

— Я не могу ничего обещать, но попытаюсь.

Бек снова заглянул в паракосмос. Где-то вдалеке — а может быть, и совсем рядом — в огромном глазном яблоке ггера мелькнула тревога. Бек, взяв кусок нопалона, попытался сделать из него нечто похожее на дубину, но в руках аналога нопалон был жестким и непокорным материалом. Только после невероятных усилий Беку удалось соорудить довольно корявую дубину, и с этим оружием он попытался противостоять огромной черной массе. Чтобы напасть, надо было перекрыть огромное пространство, разделяющее их. Бек прищурился. В самом ли деле так далеко? И так ли огромен ггер? Перспектива стала совсем иной, и ггер неожиданно стал просматриваться как бы зависшим в воздухе всего метрах в тридцати от Бека. А может, и того меньше — метрах в трех... Бек даже отпрянул в изумлении, но тут же замахнулся дубиной и ударил по черной бесформенной массе, которая сразу опала, как пена. Однако ггер никак не прореагировал, и это безразличие было куда более оскорбительным, чем враждебность. Бек с ненавистью взглянул на чудовище. Из черных глубин всплыл на

поверхность огромный глаз, и Бек увидел, как в нем серебристым блеском отсвечивались мириады тянувшихся через пространство капилляров. Бек нашел волоконце, присосавшееся к голове Тарберта, протянул к нему руку, обхватил пальцами и изо всех сил дернул. Щупальце явно не собиралось отделяться от головы ученого, но в конце концов не выдержало, и присоска, судорожно извиваясь, отскочила. Значит, это существо уязвимо! Теперь к ничем не защищенной голове Тарберта устремилось целое полчище нопалов, но Бек преградил им путь обрывком нопалона, которым тут же обернул голову Тарберта. Нопал разочарованно отпрянул, выпучив глаза. Да и ггер не благодушествовал: его золотой глаз полностью выкатился на поверхность массы и теперь разъяренно барахтался.

Внимание Бека переключилось на Маргарет. Ее нопал с нескрываемой злобой глядел на него, сознавая грозившую ему опасность. Тарберт поднял руку, чтобы предостеречь Бека от поспешных действий.

— Лучше подождать — нам может кто-нибудь понадобиться в качестве прикрытия. Ведь она все еще читуми.

Маргарет облегченно вздохнула, и ее нопал успокоился. Бек сел в кресло и налил себе чашку кофе. Сейчас его больше всего интересовал Тарберт, который смотрел отрешенным взглядом куда-то вдаль.

— Вы его видите?

— Да. Значит, вот он каков, этот ггер.

— А кто это? — встрепенувшись, спросила Маргарет.

Бек описал ей чудовище и то загадочное окружение, в котором он обитает.

— Нопалы — враги ггера. Они обладают зачаточным разумом, а вот у ггера обнаруживается то, что я бы назвал мудростью зла. Нопалы более активны, у них, похоже, месяц уходит, чтобы перегрызть волоконце и отбросить присоску ггера. Я попытался его убить, но безуспешно: он очень стоек к воздействиям — по-видимому, из-за огромного количества энергии, к которой имеет доступ.

Маргарет, потягивая кофе, критически посмотрела на Бека.

— Я считала, что освободиться от нопала можно только с помощью этой машины. А вот теперь...

— Теперь, когда у меня нет нопала, ты снова ненавидишь меня.

— Несильно, — сказала Маргарет. — Я в состоянии обуздать свои эмоции. Но как тебе удалось...

— Ксексиане были со мной откровенны. Они сказали, что нопала нельзя оторвать от мозга. Это им внушил ггер. А вот Тарберт оказался слишком проворным даже для ггера.

— Чистая случайность, — скромно произнес Тарберт.

— Почему ксексианам ничего не известно о ггере? — спросила Маргарет. — Почему нопалы не позволили им увидеть его или не показали, как они это сделали для вас?

— Не знаю. Возможно, ксексиане невосприимчивы к оптическим раздражителям, так как у них отсутствует зрение в том смысле, в каком понимаем его мы. Они образуют трехмерные модели у себя в мозге, которые обследуют с помощью тактильных нервных окончаний. Нопалы, не забывайте, — эфирные создания и не в состоянии манипулировать тяжеловесными ментальными процессами ксексиан. Ггер допустил ошибку, послав ксексиан для денопализации Земли. Он не учел нашей восприимчивости к видениям и галлюцинациям, поэтому нам и повезло, по крайней мере, временно. В первом раунде преимущества не добились ни ггер, ни нопалы. Они только привели нас в состояние боевой готовности.

— Вот-вот начнется второй раунд, — заметил Тарберт. — Трех людей убить нетрудно.

Бек поднялся.

— Если бы нас было больше... — Он скосил глаза на денопализатор. — По крайней мере, можно оставить без внимания эту зверскую машину.

Маргарет в тревоге посмотрела на дверь.

— Нам бы лучше куда-нибудь уйти, где ксексиане нас не найдут.

— Я не прочь затаиться, — согласился Бек. — Вопрос только — где? От ггера нигде не спрятаться.

Тарберт снова устремил взгляд куда-то вдаль.

— Довольно жуткое создание, — произнес он.

— И что оно нам может сделать? — дрожащим голосом спросила Маргарет.

— Он не может причинить особого вреда из паракосмоса,— ответил Бек.— Каким бы он ни был, воздействие его чисто мысленное.

— Размеров он прямо-таки ужасающих,— сказал Тарберт.

— Дело не в размерах, они относительны. Дело в том, сколько энергии он сможет на нас обрушить.

Маргарет вдруг заерзала на кресле, подняв руку.

— Чш...

Бек и Тарберт удивленно посмотрели на нее и прислушались, но ничего не услышали.

— Что ты там обнаружила? — спросил Бек.

— Ничего, но мне вдруг стало как-то непривычно холодно... По-моему, возвращаются ксексиане.

Ни Бек, ни Тарберт не усомнились в достоверности ее ощущений ни на секунду.

— Давайте выйдем через черный ход,— предложил Бек.— Вряд ли от них можно ожидать чего-нибудь хорошего.

— По правде говоря, я думаю, они придут сюда, чтобы нас убить,— сказал Тарберт.

— Пойду взгляну наружу,— прошептал Тарберт.— Они могут подкарауливать нас у выхода.

Тарберт растворился во тьме. Бек приложил глаза к щелке. Входная дверь в дальнем конце мастерской медленно приоткрылась. Бек увидел еще какое-то движение, затем все помещение озарила беззвучная фиолетовая вспышка.

Бек, шатаясь, отпрянул от щелки. Фиолетовые языки последовали за ним.

Маргарет схватила его под руки, не давая упасть.

— Пол! Что с тобой?

— Я ничего не вижу,— еле слышно прошептал Бек, растирая лоб,— а в остальном все в порядке.

Он решил прибегнуть к зрению своего аналога. По-немногу сцена начала проясняться: стали видны здание, заслон из кипарисов, зловещие очертания четырех ксексиан. Двое из них стояли в конторе, один караулил снаружи проходной, еще один кружил у входа на склад. От каждого тянулось щупальце к ггеру. Тарберт стоял у двери, что вела со склада наружу. Если бы он открыл ее, то напоролся бы на ксексианина.

– Ральф! – прошипел Бек.

– Я его вижу, – услышал он голос Тарберта. – Я закрыл дверь на засов.

Со стороны двери донесся негромкий звук – кто-то пробовал открыть ее снаружи. Пульс Бека грохотал, как отбойный молоток.

– Может, они уйдут, – прошептала Маргарет.

– Вряд ли, – произнес Бек.

– Но ведь они...

– Они убьют нас, если мы не помешаем им сделать это с нами.

– А как мы можем им помешать?

– Нарушить их связь с ггером. Это может заставить их отказаться от первоначального решения.

Скрипнула дверь.

– Они знают, что мы здесь, – прошептал Бек и снова устремил взгляд в пустоту, принуждая себя смотреть глазами своего аналога.

В мастерскую вошли двое ксексиан. Один из них, Птиду Эпиптикс, сразу же направился к двери, ведущей на склад. Пристально всматриваясь в паракосмос, Бек отыскал нить, связывающую мозг Эпиптикса с ггером. Выставив вперед руку аналога, он схватился за нить и резко дернул. На этот раз борьба была более ожесточенной. Ггеру удалось уплотнить свое волоконец, заставить его вибрировать, в результате чего Бек ощутил приступ страшной боли, но нить не отпускал и дергал все сильнее. Птиду Эпиптикс, хватаясь руками за голову, в бешенстве изрыгал потоки проклятий. Нить оборвалась, щупальце соскочило, однако на увенчанную гребнем голову ксексианина тут же шлепнулся нопал, самодовольно растопырив плюмаж, а Эпиптикс только горько застонал в отвращении.

Громко задребезжала наружная дверь склада. Бек отвернулся и увидел Тарберта, с силой выкручивающего другую нить. Она оборвалась – и еще один ксексианин потерял связь с ггером.

Бек снова прильнул к щелке двери. Эпиптикс застыл недвижимо, будто пораженный молнией. В мастерскую вошли еще двое ксексиан, в недоумении остановились. Бек вытянул руки своего аналога и оборвал одно щупальце, Тарберт другое. Теперь все ксексиане застыли

как вкопанные. Нопалы незамедлительно опустились им на головы.

У Бека в голове все перепуталось. Ксексиане не повинуются больше ггеру, но теперь они читуми, а он таупту, значит, желания убить не убавилось.

Маргарет потянула Бека за рукав.

— Выпусти меня отсюда.

— Нет, мы не должны им доверять.

— Они ничего плохого мне не сделают. Я чувствую.

Не дожидаясь ответа, Маргарет вышла вперед.

— Почему вы хотели убить нас?

— Потому что вы не выполнили наших наставлений — проскрежетал переводчик на груди у Эпиптикса.

— Неправда! Вы дали нам неделю на приготовление, а прошло всего лишь несколько часов.

Птиду Эпиптикс в явном замешательстве повернулся к двери.

— Мы уходим.

— Вы все еще намерены нас уничтожить?

— Я стал читуми. Мы теперь все читуми. Нам нужно подвергнуться очищению.

Бек, покинув свое убежище, прошел в мастерскую. Примостившийся на голове Птиду Эпиптикса нопал рассерженно вздыбил плюмаж. Эпиптикс вздернул руку вверх, но Бек оказался быстрее. Держа в руке кусок нопалона, он накрыл им голову ксексианина. Нопал хрустнул в пальцах Бека и скатился с увенчанной гребнем серой головы. Эпиптикса затрясло от боли, пошатываясь, как пьяный, он воззрился на Бека.

— Вы больше не читуми, — пояснил Бек. — И больше уже не подвластны ггеру.

— Ггеру? — повторил механический голос переводчика. — Мне непонятно, что такое ггер.

— Всмотритесь в другой мир, мир мысли, — и вы увидите ггера, — сказал Бек.

Птиду непонимающе уставился на Бека. Когда тот рассказал ему обо всем, ксексианин прикрыл глаза чешуйчатými перепонками, заменяющими ему веки.

— Ощущаю какие-то странные контуры. В них не чувствуется вещественной основы. Только какая-то податливость...

На какое-то время в мастерской воцарилась тишина. Ее нарушил вошедший Тарберт.

Нагрудные пластины ксексианина вдруг задрезбежали, как будто на них посыпался град. В пульте-переводчике что-то забулькало, заклокотало — в его словаре, очевидно, не хватало нужных понятий.

Затем все-таки голос зазвучал снова:

— Вижу ггера. Вижу нопалов. Они живут в пространстве, которое мой мозг не может смоделировать... Что они из себя представляют?

Бек устало плюхнулся в кресло, налил себе кофе, оставив пустым кофейник, и, вздохнув поглубже, принялся обсуждать с ксексианином то небольшое, что знал о паракосмосе, включая и чисто умозрительные заключения — свои и Тарберта.

— Ггер для таупту то же, что нопалы для читуми. Сто двадцать лет тому назад ггеру удалось удалить нопала с одного из ксексиан...

— Ставшего первым таупту.

— Ставшего первым таупту на Айксексе. Ггер и дал ему первый образец нопалона — откуда ему еще взяться? Таупту ггер уготовил роль воинов, которые, сражаясь за торжество его дела, крестовым походом должны пройти по планетам Галактики.

— Именно ггер послал вас сюда, на Землю, чтобы изгнать нопалов и сделать беззащитным мозг землян. Со временем все нопалы должны были быть уничтожены, ггер стал бы владыкой паракосмоса.

— Я должен вернуться на Айксекс, — сказал Птиду Эпиптикс. Даже механическому голосу переводчика не удалось скрыть, как сильно он пал духом.

Бек невесело рассмеялся.

— Вас схватят и возьмут под стражу, как только вы там появитесь.

— На моей голове шестизубый шлем. Я — повелитель космоса, — гордо произнес Эпиптикс.

— Для ггера это не имеет никакого значения.

— Значит, война разгорится с новой силой? Мы снова разделимся на таупту и читуми... — голос задрожал.

Бек пожал плечами.

— Куда более вероятно, что или нопалы, или ггер уничтожат вас до того, как вы начнете такую войну.

— Тогда давайте убьем их первыми.

Бек издал язвительный смешок.

— Очень хотел бы знать — как!

Ральф уже приготовился было что-то сказать, но снова погрузился в состояние отрешенности.

— Ральф, что вы там видите?

— Ггера. Похоже, он очень возбудился.

Бек перенесся в пара-космос. Ггер, дрожа и дергаясь из стороны в сторону, висел в воздухе на фоне неба-аналога, в окружении огромных пляшущих звезд. Центральное глазное яблоко выкатилось наружу. Бек завороченно всматривался в паракосмос, ему даже показалось, что где-то на заднем плане виднеется необычный пейзаж.

— Все, что есть во Вселенной, имеет аналог в паракосмосе и наоборот: все, что есть в паракосмосе, имеет свою копию в базовой Вселенной, — размышлял вслух Тарберт. — Какой предмет или существо в нашей Вселенной представляет собой оригинал, копией которого является ггер?

Тарберт продолжал рассуждать. Бек, встрепенувшись, внимательно слушал.

— Если б нам удалось отыскать оригинал ггера...

— Вот именно.

— Если это окажется верным в отношении ггера, то будет справедливым и в отношении нопалов, — забыв про усталость, закричал Бек.

— Да.

— Денопализируйте моих спутников, — вдруг вмешался в разговор Птиду Эпиптикс. — Мне хотелось бы увидеть вашу методику.

Даже в самой приятнейшей обстановке от ксексиан исходило не больше душевного тепла, чем от ящериц, подумалось Беку. Не произнося ни слова, он схватил кусок нопалона и одного за другим искрошил трех нопалов, покрыв пудрой из их субстанции увенчанные гребнем черепа ксексиан, затем без всякого предупреждения проделал то же с Маргарет. Та удивленно вскрикнула и рухнула в кресло.

Эпиптикс не обратил на нее никакого внимания.

— Эти люди ограждены от дальнейших неприятностей?

— По-моему, да. Ни нопалы, ни ггер не могут проникнуть сквозь эту оболочку.

Птиду снова замер, очевидно, всматриваясь в паракосмос. Через некоторое время скрежет грудных пластин дал знать, что он раздосадован.

— Мне не дано увидеть ггера достаточно четко. Вам он хорошо виден?

— Да,— ответил Бек.— Когда я концентрирую свою волю в желании его увидеть.

— И вы можете определить направление, откуда он вам видится?

Бек показал вверх и чуть в сторону.

Птиду повернулся к Тарберту:

— Вы согласны с этим?

Тарберт кивнул.

— Я тоже вижу его в этом направлении.

Снова заскрипели пластины на груди ксексианина.

— Ваша система восприятия в корне отличается от моей. Мне кажется, что он... — Здесь переводчик сбился на нечленораздельный лепет.— ...Просматривается со всех направлений.— Помолчав немного, Птиду добавил: — Ггер обрек мой народ на тягчайшие испытания.

Весьма сдержанное высказывание, отметил про себя Бек.

Эпиптикс повернулся к Тарберту.

— Вы что-то сказали по поводу ггера, смысла чего я не уловил. Вы не могли бы повторить?

Тарберт снова изложил свою версию об обязательном наличии аналогов. Эпиптикс стоял недвижно, как бы постигая смысл сказанного.

— Я согласен с вами. Мы должны отыскать чудовище и уничтожить его. Затем то же самое сделаем с нопалами.

Бек отвернулся от окна.

— Не думаю, что это будет благодеянием для жителей Земли. Подумайте, что произойдет, если все будут ясно-видцами и телепатами?

— Хаос и разводы,— подытожил Тарберт.

— Все это несущественно,— сказал Эпиптикс.— Пройдемте.

— «Пройдемте?» — ошеломленно спросил Бек.— Куда?

— В наш космический корабль. Быстрее. Уже светло, как днем.

— Мы не хотим,— сказал Тарберт,— и зачем это нужно?

— Так как своим мозгом вы в состоянии видеть в сверхмире, вы поведете нас к ггеру.

— Но мы...

— Идемте, иначе вы будете убиты.

Бек, Тарберт и Маргарет поспешили покинуть здание.

12

Троим землянам отвели такие же каюты, как и остальным членам экипажа. За все время полета Эпиптикс только раз заговорил с ними:

— В каком направлении расположен ггер?

Тарберт, Бек и Маргарет сошлись во мнении, что его надо искать где-нибудь в направлении созвездия Персея.

— И на каком удалении?

Никто не осмелился назвать что-то определенное, ограничившись лишь предположением.

— В таком случае мы будем двигаться, пока ггер не станет просматриваться отчетливее.

С этими словами ксексианин удалился.

— Увидим ли мы когда-нибудь Землю? — с горечью заметил Тарберт.

— Самому хотелось бы знать.

— Не дали взять даже зубной щетки, даже смены белья! — запротестовала Маргарет.

— Можешь позаимствовать что-нибудь у ксексиан. Вот Эпиптикс, например, одалживает Тарберту свою электробритву.

— Твой юмор неуместен,— кисло улыбнулась Маргарет.

— Хотелось бы знать, как работает эта штука,— сказал Тарберт, разглядывая силовую установку. Он жестом подозвал Эпиптикса.— Объясните нам, пожалуйста, принцип действия двигателей.

— Мне ничего не известно,— категорично заявил Эпиптикс.— Корабль очень стар, он был сооружен до начала великих войн. Что же касается того, чтобы мы поделились с вами нашими технологическими достижениями, об этом не может быть и речи. Ваша раса переменчива и склонна к удовлетворению собственных капризов. Не в наших интересах предоставлять вам шанс расселиться по всей Галактике.

— Грубые варвары,— пробурчал Тарберт, когда ушел Эпиптикс.

— Да, обаятельными их не назовешь,— согласился Бек,— зато они не ведают о некоторых свойственных людям пороках.

— Очень утешает,— хмыкнул Тарберт.— Вы хотели бы, чтобы ваша сестра вышла замуж за кого-нибудь из них?

Разговор прекратился.

Бек попробовал заглянуть в паракосмос, но увидел лишь размытые контуры корабля, ничего более.

А путешествие продолжалось. Дважды ксексиане выводили корабль в нормальное межзвездное пространство и предоставляли землянам возможность уточнить расположение ггера, после чего производилась корректировка курса и корабль снова устремлялся вперед. Во время этих остановок складывалось впечатление, что ггер как бы расслаблялся после злобной настороженности, в которой пребывал. Желтый глаз плавал на поверхности бесформенной массы, как яичный желток в чаше с молоком. Что касается расстояния до него, то определить его было все так же невозможно. В паракосмосе расстояние не поддавалось точному измерению, и Бек с Тарбертом тревожно задумывались о том, не обитает ли он в какой-нибудь удаленной Галактике. Но во время третьей остановки ггер больше не висел прямо перед ними, а сдвинулся в направлении кормы и располагался на том же азимуте, что и одинокая тусклая красная звезда. Теперь он был огромен и выглядел угрожающе, желтое глазное яблоко неуклюже ворочалось в студенистой массе, будто бы пытаясь занять наиболее удобное положение. Трудно было отделаться от ощущения, что оно является неким органом восприятия.

Ксексиане развернули корабль, и когда он в следующий раз вынырнул из квазикосмоса, красная звезда висела точно под ним в сопровождении единственной холодной планеты.

Сконцентрировав органы чувств, Бек различил размытые контуры ггера, наложенные на диск планеты. Она-то и была родным домом ггера. На заднем плане просматривался пейзаж: темная причудливая равнина, испещренная фосфоресцирующими топями, с обширными участками, покрытыми засохшей грязью. Ггер занимал центральное место на планете, раскинув шупальца во всех направлениях.

Корабль вышел на околопланетную орбиту. Поверхность планеты при наблюдении в телескоп оказалась ровной, лишенной каких-либо образований, покрытой коркой черных маслянистых болот. Ничто не указывало на наличие на планете разумной жизни, и на ней не было искусственных сооружений, руин или источников света. Единственно достойной внимания оказалась трещина в высоких широтах — борозда, похожая на трещину в старом шаре для игры в крокет.

Бек, Тарберт, Птиду Эпиптикс и еще трое ксексиан, облачась в скафандры, заняли места в корабельной шлюпке. Бек и Тарберт, медленно сканируя равнину, в конце концов пришли к убеждению, что ггер находится в озерке, расположенном в центральной части планеты. Шлюпка с воём пронзила верхние слои атмосферы и совершила посадку на невысоком бугре в полумиле от озера.

Все шестеро вышли наружу. В нескольких метрах от них виднелась черного цвета поросль, напоминающая какой-то чудовищный лишайник из мельчайших кристалликов, похожих на обугленную капусту. Над головой простиралось пурпурное небо, постепенно меняющее цвет до грязно-зеленого у горизонта. Озеро казалось угрюмым пространством, окрашенным лучами звезды в темно-лиловый цвет. Почва до самого горизонта была влажной и черной, постепенно переходя в болотную слизь и в центре превращаясь в большую лужу. Над поверхностью жидкости торчал невысокий бурдюк из черной кожи.

— Вот это и есть ггер,— сказал Тарберт, показывая на бурдюк.

— Не очень-то смотрится в сравнении со своим аналогом,— заметил Бек.

Эпиптикс сморщился, пытаясь проникнуть в паракосмос.

— Он знает, что мы здесь.

— Да, поэтому так и встревожен.

Эпиптикс приготовил оружие и зашагал вниз по склону. Бек и Тарберт последовали за ним, но вдруг остановились в изумлении. В паракосмосе ггер вздулся и задергался в судорогах, затем из всех его пор повалил пар, и он превратился в огромную тень, принявшую почти человеческие очертания. Реальный ггер при этом как будто обмяк, в то время как субстанция все больше сгущалась, контуры тени становились все более четкими, а она сама обрела жесткость материального мира. Бек и Тарберт окликнули Эпиптикса. Тот обернулся.

— В чем дело?

Бек показал рукой на небо.

— Ггер сооружает какое-то орудие нападения.

— В паракосмосе? Разве оно может нас поразить?

— Не знаю, если ему удастся сконцентрировать достаточное количество пусть самой слабой энергии...

— Именно это он сейчас и делает,— вскричал Тарберт.— Смотрите!

В ста метрах от них возникло мощное двуногое существо, напоминающее безголовую гориллу двух с половиной метров. Ее огромные передние лапы заканчивались клешнями, пальцы ног — острыми когтями. Огромными прыжками чудовище двинулось вперед. Ксексиане, прицелившись из своего оружия, открыли огонь. Багровая вспышка озарила созданное ггером чудовище, но оно не только не пострадало, но, совершив очередной огромный прыжок, обрушилось на стоявшего впереди ксексианина. То ли в приступе ярости, то ли в силу безрассудной смелости, ксексианин храбро встретил атаку чудовища, схватившись с ним в рукопашном бою. Результат был ужасным: чудовище разорвало ксексианина на куски, разбросав внутренности по черной болотной грязи. Тарберт подхватил валявшееся оружие

ксексианина и, прокричав прямо в ухо Беку «Ггер!!!», побежал, спотыкаясь, к воде.

Чудовище стояло, раскачиваясь на черных ногах, его торс ярко пылал, поливаемый пламенем излучателей ксексиан. Затем оно развернулось и бросилось за Тарбертом и Бекон, которые, скользя по липкой грязи, бежали к воде.

Окутанное клубами дыма, продырявленное, как решето, чудовище догнало Бека и обрушило на него удар такой силы, что он кувырком отлетел в сторону, а затем пустилось в погоню за Тарбертом, с огромным трудом преодолевающим цепкую трясиину. Чудовище, хотя тяжелое и неповоротливое, барахтаясь в болотной жиже, все-таки продолжало сокращать расстояние, отделяющее его от Тарберта. Оправившись после удара, Бек приподнялся и, как безумный, обшаривал взглядом почву вокруг себя.

Тем временем Тарберт, теперь уже находящийся достаточно близко от настоящего ггера, целился в него из непривычного оружия, а черная горилла приближалась к человеку сзади. Тарберт, продолжающий возиться с оружием, сделал попытку увернуться, но его ноги разъехались в скользкой грязи, и он упал. Горилла, прыгнув вперед, подмяла под себя Тарберта, а затем потянулась к нему клешнями. Бек, успевший подбежать к месту схватки, вцепился в чудовище сзади, изо всех сил толкнул твердое и тяжелое, как камень, тело, и, потеряв равновесие, горилла тоже повалилась в болотную грязь. Подняв оружие, Бек судорожно стал искать спусковой механизм, а чудовище, тем временем снова вставшее на ноги, уже тянуло к Беку свои отвратительные клешни. Прямо над ухом Бека с оглушительным треском вырвался сноп ярко-красного пламени, и реальный ггер, торчащий из лужи посреди болота, перестал существовать. В тот же миг безголовое черное чудовище, казалось, стало ноздреватым, затем расползлось, как туча, на рваные клочья. Паракосмос беззвучно взорвался, выбросив мощные потоки энергии. Когда Беку удалось восстановить свое экстрасенсорное видение, ггер бесследно исчез.

Подойдя к Тарберту, Бек помог подняться ему на ноги, и они заковыляли по направлению к более твердой почве.

— Крайне своеобразное существо,— тяжело дыша, сказал Тарберт,— и далеко не из приятных.

Они обернулись, чтобы посмотреть на озерцо, которое без ггера потеряло всю свою значительность, стало пустым и ненужным.

— Похоже, он был очень старым. Прожил, наверное, добрый миллион лет,— заметил Бек.

— Миллион? Гораздо больше.

— Мне кажется, в далеком прошлом наступил такой период, когда это существо больше не могло поддерживать свою жизнедеятельность, и оно создало паракосмос, став там паразитом.

— Весьма странный тип эволюции,— заметил Тарберт.— Развитие нопалов, возможно, происходит подобным же образом.

— Нопалы... На первый взгляд такие ничтожные создания... — Пока Бек рассматривал нопалов, пытаясь разгадать их структуру и происхождение, он вдруг услышал голос Тарберта:

— У вас не сложилось впечатления, что где-то здесь есть пещера?

Бек взгляделся в паракосмос.

— Вижу отвесные скалы... нагромождения камней... Расщелина? Та самая, на которую мы обратили внимание при посадке?

Тут их окликнул Эпиптикс.

— Пошли. Мы возвращаемся на корабль.— Настроение у него было самое мрачное.— Ггер уничтожен. Таупту больше нет. Одни читуми. Они победили, но мы изменим это.

Бек повернулся к Тарберту.

— Сейчас или никогда. Они готовы взяться за уничтожение нопалов, и мы их должны удержать.

Тарберт задумался в нерешительности.

— Мы можем предложить что-нибудь другое?

— Несомненно. Без нас ксексиане не отыскиали бы ггера, не найдут и нопалов. Вот нам и карты в руки. Если не удастся убедить их с помощью логики, придется прибегнуть кое к чему другому.

— К чему же именно?

— Пока еще не знаю.

Они последовали за ксексианами к шлюпке.

— Есть идея.— Бек, наклонясь к Тарберту, что-то сказал ему.

— А что, если сценические эффекты не произведут впечатления? — возразил Тарберт.

— Должны оказать, а аргументацию я беру на себя.

Тарберт мрачно усмехнулся.

— Я постараюсь придать ей максимальную убедительность.

Птиду Эпиптикс взмахнул рукой в их сторону.

— Пошли. Нас ждет главная задача — уничтожение нопалов.

— Ее не так-то просто осуществить, — уклончиво сказал Бек.

Ксексианин, сжав кулаки, поднял руки до уровня плеч — это был, как уже знали земляне, ликующий жест, жест триумфа, однако голос, прозвучавший из пульта, был ровным и спокойным:

— Как и у ггера, у нопалов должен быть материальный носитель в базовой Вселенной. Ггера вы отыскивали без труда, теперь то же самое сделаете в отношении нопалов.

Бек покачал головой.

— Ничего не выйдет. Придется придумать что-нибудь другое.

Эпиптикс уронил кулаки, и его незрячие глаза вперились в Бека.

— Я вас не понимаю. Мы должны победить в этой войне.

— Здесь замешаны интересы двух планет, и ни одна не может быть ущемлена. Для Земли внезапное уничтожение нопалов обернется бедствием. Наше общество построено на уважении к личности, на тайне мыслей и намерений. Если каждый обнаружит у себя псионические способности, наша цивилизация погибнет, а у нас нет ни малейшего желания навлечь беду на родную планету.

— Нас не интересуют ваши желания! Не вы, а мы терпели страдания, и вы должны следовать нашим наставлениям.

— Но не тогда, когда они нелогичны и безответственны.

— Вы ведете себя дерзко, хотя должны понимать, что я могу вас заставить подчиняться своей воле.

Бек пожал плечами.

— Возможно.

— И вы согласны терпеть этих паразитов?

— Какое-то время. Через несколько лет мы уничтожим их или научимся извлекать пользу для себя из сосуществования с ними. Но прежде чем это произойдет, у нас будет время, чтобы приспособиться к псионическим реалиям.

— Но, как вы старались подчеркнуть, здесь замешаны интересы двух планет, — в голосе слышалась издевка. — Как же быть с Айксексом?

— Уничтожение нопалов вашей планете принесет не меньший ущерб, чем нашей.

Эпиптикс с удивлением дернул головой.

— Чушь! Вы хотите заставить нас отказаться от борьбы, когда мы уже практически у цели?

— Вы одержимы идеей уничтожения нопалов, — сказал Бек, — все время забывая, что втянул вас в эту войну ггер.

— Ггер мертв, нопалы же существуют.

— И очень хорошо, потому что их можно использовать в качестве защиты. Измельченный нопал служит защитой от себя самого и от всех других паразитов паракосмоса.

— Ггер мертв. Мы уничтожим нопалов, и тогда нам не нужна будет никакая защита.

Бек издал язвительный смешок.

— Не знаю, кто сейчас говорит чушь. — Он показал рукой на небо. — Таких планет, как эта, миллионы. Неужели вы полагаете, что ггер и нопалы уникальны в своем роде и что в паракосмосе нет других паразитов?

Эпиптикс втянул голову в плечи, как встревоженная черепаха.

— В самом деле?

— Взгляните сами.

Эпиптикс вытянулся и напрягся, пытаясь проникнуть разумом в паракосмос.

— Действительно, какие-то образы формируются. Каких-то существ... Одно из них явно злонамеренное. — Эпиптикс посмотрел на Тарберта, затем снова обернулся к Беку. — А вы видите это существо?

Бек тоже стал всматриваться в небо.

— Вижу что-то очень напоминающее ггера... Раздутое бесформенное тело, два огромных глаза, хищный клюв, длинные щупальца...

— Да, именно это я и вижу. Вы правы, нопалы нужны нам для защиты. По крайней мере, на какое-то время. Идемте. Мы возвращаемся.

Он решительно двинулся вверх по склону. Бек и Тарберт шли слегка позади.

— Спроецированный вами осьминог был как живой, — признался Бек. — Мне самому стало как-то не по себе.

— Я пытался создать китайского дракона, — обиженно возразил Тарберт. — А осьминог был бы в самом деле уместнее.

Бек остановился и опять посмотрел в паракосмос.

— А ведь мы не очень-то погрешили против истины. Почему бы нопалам и ггеру не иметь родственников? Мне кажется, что я их даже вижу, очень-очень далеко, — вроде клубка дождевых червей.

— На сегодня с нас, пожалуй, довольно злостью, — неожиданно весело отозвался Тарберт.

— Не забываете, — засмеялся Бек, — что у нас в багажнике машины лежит сто килограммов золота.

— Зачем нам теперь золото? Все, что отныне требуется, — это ясновидение и дубовые столы Лас-Вегаса. Никому не устоять против нашей системы.

Они сели в шлюпку, которая, оторвавшись от поверхности старой планеты, быстро пошла вверх, наискосок пересекая грандиозную расселину, уходившую вниз неизвестно на какую глубину. Заглянув туда, Бек различил в поднимающихся воздушных потоках знакомые силуэты, увенчанные плюмажами. Один за другим устремлялись они в межзвездное пространство к тому месту в паракосмосе, где ярко светился зеленовато-голубой, пусть искаженной формы, но такой родной шарик.

— Дорогая старушка Нопалгарт, — тихо произнес Бек. — Вот мы и возвращаемся.

1. САБОТАЖ

Его звали Артур Хиддерс. Он был одет по земной моде и, если бы не длинные волосы и лихо закрученные усы, ничем не отличался бы от землянина. Он был сравнительно небольшого роста, 5 футов и 6 дюймов, и, казалось, состоял лишь из костей и мышц. Тонкие черты лица выглядели слишком мелкими на большой круглой голове.

Он отвернулся от иллюминатора и уставился на старика Пианцу с младенчески простодушным выражением.

— Это очень интересно, но не кажется ли вам, что вся затея... хм, фатальна?

— Фатальна? — с достоинством переспросил Пианца. — Я не совсем понимаю...

— Уже пятьсот лет, раз в поколение, Земля посылает комиссии на Большую Планету. Иногда комиссия возвращается. Чаще — нет. И в любом случае результаты равны нулю. Земля теряет людей, теряет деньги, раздражает местное население и ничего не добивается по сути.

— Вы правы, — серьезно кивнул Пианца. — Но на этот раз все пойдет по-другому.

Хиддерс поднял брови:

— А что, что-нибудь изменилось? Большая Планета? Или Земля?

— Изменились условия. — Пианца неуверенно оглядел каюту — пустая, если не считать застывшей в медитации Сестры Благодаяния. — Сильно изменились. наших предшественников посылали... скажем так, для очистки совести. Мы знали про убийства, пытки, террор — и надо было хоть что-нибудь делать. — Он печально улыбнулся. — Теперь на Планете появилось кое-что новенькое: Бэджарнум Бьюджулэйса.

— Да, да, я часто проезжал через его земли.

— На Большой Планете, вероятно, сотни не менее жестоких правителей, но Бэджарнум — вы это знаете — расширяет свою империю. И не только в пределах Большой Планеты.

— Да. То есть вы собираетесь расследовать Чарли Лисиддера?

— В общем, да. И мы можем это сделать.

На пороге каюты появился невысокий темнокожий человек. Он вошел стремительной походкой, все его движения были резкими, быстрыми и очень точными. Клод Клайстра, председатель Комиссии. Он оглядел каюту тяжелым, ищущим, почти подозрительным взглядом, подошел к иллюминатору, около которого стояли Хиддерс и Пианца, нашел прямо по курсу желтую звезду.

— Федра. Мы будем на Большой Планете через несколько часов.

Прозвенел гонг.

— Ленч, — сказал Пианца, с трудом скрывая облегчение. Клайстра направился к выходу и остановился, чтобы пропустить Сестру Благоедеяния.

— Чудная, — пробормотал Пианца.

Клайстра рассмеялся:

— На Большой Планете все чудные. Именно поэтому они там и живут. Если она хочет обратить их или присоединиться к ним — это ее право. И — за исключением манеры одеваться — такой вид чудачества сделает честь любой планете.

Хиддерс кивнул. Сестры Благоедеяния, подобно прежним Сестрам Милосердия, обладали высокой репутацией на всех цивилизованных мирах. И эта репутация была заслуженной.

— На Большой Планете совершенная демократия, да, мистер Клайстра?

Пианца с интересом ждал ответа. Чего за Клайстрой не числилось, так это разговорчивости. И Клайстра не подвел его.

— Совершенная анархия, мистер Хиддерс.

В молчании они спустились по лестнице в кают-компанию и заняли свои места. Один за другим появлялись члены Комиссии: большой и шумный Роджер Фэйн, Мосс Кетч, темный и молчаливый, Стив Бишоп,

самый молодой член Комиссии, человек с овечьим лицом, мозгом, наполненным всевозможными сведениями, и склонностью к ипохондрии. Он всегда таскал с собой аптечку и карманную библиотеку. Последним явился Брюс Дэррот, прямой и воинственный, с растрепанными волосами огненно-рыжего цвета.

Еда была вкусной, но растущий в иллюминаторах шар Большой Планеты отвлекал внимание путешественников.

От резкого толчка зазвенела посуда. Удар, ошутимая смена направления... Клайстру отбросило от иллюминатора. Лампы замигали, потом погасли, включилось аварийное освещение. Клайстра кинулся вверх по лестнице на мостик. На верхней площадке стоял приземистый человек — Эббидженс, радист.

— Что случилось? — резко спросил Клайстра.

— Не знаю, мистер. Я попытался войти. Дверь заперта.

— Корабль явно вышел из-под контроля. Мы можем разбиться?

— Не беспокойтесь, сэр. Если повреждение серьезно, автоматически включится механизм аварийной посадки. Нас может тряхнуть, но в салоне достаточно безопасно. — Он мягко взял Клайстру под руку.

Председатель Комиссии оттолкнул его и подошел к двери. Дверь выглядела солидно.

Он сбежал вниз, проклиная себя за то, что не принял мер на случай крушения. Приземлиться на Большой Планете вне Территории Земли — это беда... это катастрофа. Он стоял в дверях салона — белые лица повернулись к нему. Фэйн, Дэррот, Пианца, Бишоп, Кетч, Хиддерс и Сестра — все были на месте. Клайстра кинулся в машинное отделение. Дверь открылась. Эса Элтон, главный инженер, вытолкнул его из помещения.

— Мы должны перейти в спасательные шлюпки, — жестко сказал Клайстра.

— Шлюпок нет.

— Что значит «нет»? Что происходит?

— Повреждены. Нам придется остаться на корабле.

— А капитан и помощник... Что, собственно, произошло?

Ответ Элтона заглушила сирена, прибавив к мигающему свету страшный лязг.

В салон вошел Эббидженс. Он триумфально оглядел пассажиров и кому-то кивнул. Кому? Клайстра развернулся. Поздно. Он видел только белые изумленные лица. А потом — зрелище, которое он вряд ли забудет, — дверь отворилась, помощник шагнул в проем, сжимая рукой горло. Другой, дрожащей, он показал на Эббидженса, потом колени его подогнулись, и он упал. Клайстра шагнул к коротышке-радисту.

Он не успел. Потому что пол ударил его.

Клайстра медленно приходил в сознание. Он открыл глаза. Он лежал на низкой кровати в углу деревянного дома. Лихорадочным движением Клайстра оперся на локоть и уставился в дверной проем. Ему показалось, что он видит самое прекрасное зрелище в своей жизни.

Он смотрел на зеленый склон, пестревший желтыми и красными цветами. Склон поднимался к лесу. Сквозь листву виднелась изгородь, обыкновенная изгородь из потемневших от времени стволов. Все было залито бело-золотым сиянием, и Клайстра наслаждался чистотой и яркостью красок.

В поле три девушки в крестьянской одежде танцевали веселую джигу. Он слышал музыку.

А потом услышал шум шагов. Из-под полуприкрытых век он увидел, как в дом вошли Эли Пианца и Роджер Фэйн. Вслед за ними вошла девушка с двумя тонкими косичками. Она несла поднос.

Клайстра опять приподнялся на локте, но Пианца остановил его.

— Расслабься, Клод. Ты у нас больной.

— Кто-нибудь погиб? — перебил его Клайстра.

— Стюард. Он был в своей каюте. И Сестра: она тоже вернулась к себе, как раз перед крушением. Теперь они в 20 футах под землей. И, конечно, капитан и помощник. У обоих перерезаны глотки.

— Сколько времени прошло?

— Около четырех дней.

— Ну?

— Корабль погиб, — сказал Фэйн. — Развалился на куски. Чудо, что мы остались живы.

Девушка поставила поднос на кровать, наклонилась и приготовилась кормить Клайстру с ложечки. Он уныло поглядел на нее:

— И так было все это время?

— За тобой нужно было ухаживать, — сказал Пианца. Он положил руку на плечо девушки. — Это Натилиен Тлисса, короче, Нэнси. Отличная сиделка.

— Ты у нас счастливчик, — улыбнулся Фэйн.

Клайстра отвел руку девушки:

— Я сам. — Он перевел взгляд на Пианцу: — Где мы, Эли?

— Джубилит. Деревня на северо-восточной границе Бьюджулэйса.

Клайстра сжал губы:

— Хуже некуда. Я удивляюсь, что нас до сих пор не взяли.

— Место глухое, связи у них нет... Мы здорово перенервничали.

— Где Эббидженс?

— Исчез. — Пианца растерянно посмотрел на Фэйна.

— Почему вы не убили его?

Пианца покачал головой. Фэйн сказал:

— Он сбежал раньше.

— С ним был еще кто-то, — прошептал Клайстра.

Эли Пианца наклонился вперед, остро блеснули серые глаза.

— Кто?

— Не знаю. Эббидженс убил капитана и помощника. Второй повредил двигатель и спасательные шлюпки. — Клайстра заметался на кровати, Нэнси положила прохладную руку ему на лоб. — Я был без сознания четыре дня. Это странно.

— Мы накачали тебя успокоительным, — сказал Пианца. — Тебе был нужен отдых. Ты был не в себе.

2. ДОРОГА В СОРОК ТЫСЯЧ МИЛЬ

Не обращая внимания на протесты Нэнси, Клайстра сел, сжал руками раскалывающуюся голову и попытался встать. Пианца кинулся к нему:

— Ради бога, Клод, лежи!

Клайстра покачал головой:

— Нам нужно убираться отсюда. И быстро. Подумайте. Где Эббидженс? Он отправился с докладом к Чарли Лисиддеру. — Клайстра подошел к двери и застыл в столбе золотистого света. Пианца пододвинул ему кресло, и Клайстра сел.

Деревня и лес стояли на середине огромного — по земным меркам — склона. Горизонта просто не было: склон поднимался вверх и тянулся в голубую даль.

Фэйн подставил солнцу мускулистые руки:

— Я вернусь сюда, когда состарюсь. Мы зря отдали Большую Планету всем этим уродам.

Спина Нэнси выразила явное неодобрение. Девушка вышла из домика.

— Она считает, что я назвал уродом ее, — хихикнул Фэйн.

— Ты не доживешь до старости, Фэйн, — сказал Клайстра. — Если мы не уйдем отсюда. Где корабль?

— В лесу. Недалеко отсюда.

— Далеко ли до Бьюджулэйса?

— У Бьюджулэйса нет четких границ, — сказал Фэйн. — Выше по склону есть долина, видимо, вулканического происхождения. Теплые источники, гейзеры, родники — они называют ее Долиной Стеклодувов. В прошлом году Бэджарнум ввел туда войска, и теперь это часть Бьюджулэйса. Он пока не прислал в Джубилит сборщиков налогов, но их ждут со дня на день вместе с гарнизоном.

— С гарнизоном? Для поддержания порядка?

— Для защиты от кочевников-работорговцев. Их называют цыганами.

— Непохоже, чтобы они слишком страдали от кочевников... — сказал Клайстра, оглядев деревню. — Сколько отсюда до Гросгарта?

— Он в двухстах милях южнее. Ближайший гарнизон стоит в Монтмарчи. Насколько я понимаю, это в пятидесяти милях на юго-восток по склону.

— Пятьдесят миль, — повторил Клайстра. — Скорее всего, Эббидженс направился именно туда.

Со стороны леса послышался резкий металлический звук. Клайстра вопросительно взглянул на Пианцу.

— Они разбирают корабль. Это самый большой кусок металла, какой они видели в своей жизни. Мы сделали их миллионерами.

— Пока Бэдджарнум не конфискует все,— сказал Фэйи.

— Мы должны выбраться,— бормотал Клайстра.— Мы должны как-то дойти до Территории Земли...

Пианца закусил губу:

— Это сорок тысяч миль. На другой стороне планеты.

Клайстра с трудом поднялся на ноги, прислонился к стене:

— Мы не можем оставаться здесь. Мы как утки на болоте, Эли. Если не взлетим, Лисиддер нафарширует нас яблоками. Где остальные?

— В деревне. Нам дали большой дом. Хиддерс ушел.

— Куда?

— В Гросгарт. Сказал, что возьмет лодку до залива Марвен. А потом присоединится к какому-нибудь каравану.

— Так. Стюард и Сестра мертвы, капитан и помощник тоже, Эббидженс и Хиддерс ушли.— Клайстра считал по пальцам.— Нас восемь. Комиссия и двое инженеров. Зовите всех. Устроим военный совет.

Несколько минут Клайстра следил, как Фэйи и Пианца поднимаются к деревне, потом озабоченно перевел взгляд на тропинку, идущую вниз по склону. Если солдаты появятся днем, они не застанут землян врасплох. Клайстра возблагодарил бога за неметаллическую структуру Большой Планеты. Нет металлов — значит, нет машин, нет электричества и, конечно, нет радио и телефона.

Появилась Нэнси. Она сменила свою голубую юбку на костюм Арлекина, зеленый комбинезон весь в желтых и оранжевых заплатках. На мгновение Клайстра потерял дар речи. Нэнси закружилась вокруг него, сделала пируэт...

— Неужели все девушки Джубилита так же очаровательны, как вы?

Она подставила лицо солнцу и улыбнулась:

— Я не из Джубилита. Я здесь чужая.

— Откуда вы?

— С севера. Лес Вейво. Мой отец обладал пророческим даром, люди приходили к нему за сотни миль, чтобы узнать будущее. Мой отец разбогател. Он послал меня учиться. Я жила в Гросгарте, Каллиоппи, Вэйле. С бродячими трубадурами я путешествовала по разным странам, видела прекрасные земли, города и замки... и зло. Очень много зла.— Голос ее был тих и печален.— Когда я вернулась домой, я нашла там только пепел. Цыгане с севера совершили набег на деревню. Они сожгли дом моего отца. Вся моя семья погибла. Вот я и пришла в Джубилит. Здесь меня научат танцевать, и танец унесет мое горе.

Клайстра внимательно наблюдал за ней. Подвижное лицо, голос, то звонкий, то приглушенный, то почти поющий... И огромные, завораживающие глаза.

— Почему именно вы ухаживали за мной?

Нэнси пожала плечами.

— Я нездешняя. Я училась в Гросгарте по книгам с Земли. Нэйсука.

Клайстра удивленно повторил слово:

— Что это?

— Так говорят в Гросгарте. Ну... то, что заставляет человека действовать без всякой причины.

— Что там дальше, вниз по склону?

Нэнси уселась на траву рядом с ним.

— Границей Джубилита служит Тсаломбарский лес.— Она показала на темную линию деревьев.— Там, над триксодом, живут Древесные Люди.

«Еще одна местная идиома», — подумал Клайстра.

Со стороны деревни показались земляне. Клайстра смотрел, как они приближаются. Обвинить в предательстве кого-то из них было так же немыслимо, как обвинить в предательстве Нэнси. И все же кто-то помог Эббидженсу, кто-то испортил двигатели. Правда, этим человеком мог быть Артур Хиддерс. А он ушел.

— Садитесь, — пригласил Клайстра. Все пришедшие уселись на землю. Подавив минутную неуверенность, Клайстра заговорил: — Мы в крайне тяжелом положении. Я не думаю, что это нужно объяснять.

Все молчали.

— На помощь Земли рассчитывать нечего. В техническом отношении мы не только не превосходим людей деревни, мы уступаем им. Они умеют обращаться со своими примитивными инструментами, а мы — нет. Имей мы время, нам, наверное, удалось бы соорудить какое-то подобие передатчика и вызвать помощь. Времени у нас нет. В любую минуту здесь могут появиться солдаты, чтобы уволочь нас в Гросгарт. У нас есть только один шанс выжить — уйти как можно дальше от Бьюд-жулэйса.

Он остановился, вглядываясь в лица своих товарищей. Уклончивый взгляд Пианцы, напряженное, прорезанное морщинами лицо Фэйна, Кетч, ковыряющий землю кусочком гравия, удивленно вскинувший брови Бишоп, Дэррот, что-то бормочущий про себя, равнодушная улыбка Элтона...

Второй инженер Валюссер смотрел на Клайстру так, как будто считал его виновником всех бед. Он раздраженно спросил:

— Что случится, если мы скроемся? Куда нам бежать? — Он махнул рукой вниз по склону. — Там живут дикари. Они убьют нас. Или продадут в рабство, что немногим лучше.

Клайстра пожал плечами:

— Вы можете идти куда угодно и спасти свою шкуру любым способом. Лично я вижу только один путь. Тяжелый, долгий и опасный. Скорее всего, дойдут не все. Но если мы хотим выжить и вернуться домой, мы должны добраться до Территории Земли.

— Звучит хорошо, — сказал Фэйн. — И как мы это сделаем?

— Единственное средство передвижения, которым мы располагаем, — наши ноги, — ухмыльнулся Клайстра.

— Что? — взревел Фэйн.

— То есть нам предстоит укрепляющая пешая прогулка, — сказал Дэррот.

— Не будем обманывать себя. Это наш единственный шанс вернуться на Землю, — ответил Клайстра.

— Но сорок тысяч миль, — жалобно запротестовал Фэйн. — Я слишком толст, чтобы ходить пешком.

— Мы добудем вьючных животных, — сказал Клайстра. — Купим, украдем... как-нибудь.

— Но сорок тысяч миль!

— Долгий путь. Но если мы встретим реку, мы поплывем. Или спустимся до Черного океана и найдем корабль, идущий вдоль побережья.

— Не получится,— заговорил Бишоп.— Австралийский полуостров здесь изгибается на восток. Нам пришлось бы добираться до Хендерленда и обогнуть Черные Кордильеры, чтобы выйти к Пармабро. А согласно Альманаху Большой Планеты, навигация на Пармабро невозможна: рифы, пираты, плотоядные водоросли и ураганы каждую неделю.

Роджер Фэйн снова застонал. Клайстра поглядел на Нэнси и увидел, что она с трудом сдерживает смех. Он поднялся на ноги. Пианца с сомнением поглядел на него:

— Как ты себя чувствуешь, Клод?

— Слабость. Но завтра я буду как новенький. Со мной нет ничего такого, чего бы не вылечила маленькая прогулка. Единственное, за что мы должны быть благодарны судьбе...

— Что же? — спросил Фэйн.

— Наши ботинки. Непромокаемые, несносимые. Они нам очень пригодятся.

Фэйн оглядел себя:

— Я так хотел отрастить живот и выглядеть солидно. Теперь все сойдет.

— Есть еще идеи? — спросил Клайстра, обводя взглядом маленький кружок. — Валюссер?

— Я — как все.

— Хорошо. Наша программа: упаковать все необходимое. Весь металл, какой сможем унести. На Большой Планете это ценность. Каждый понесет пятнадцать фунтов. Лучше всего ножи и инструменты, но, в принципе, надо брать все, что только можно. Карты. Компас. Каждому взять нож, одеяло и, самое главное, оружие. Кто-нибудь обыскивал корабль?

Элтон сунул руку за пазуху и показал черный ствол ионного пистолета.

— Он принадлежал капитану.

— У меня два,— сказал Фэйн.

— В моей каюте должен быть один,— добавил Пианца.— Вчера я не смог до него добраться, может быть, сегодня повезет.

— И еще один в моей,— подытожил Клайстра.

Семь человек пропали за сине-зелеными стволами деревьев. Клайстра отошел от порога. Нэнси поднялась на ноги:

— Вам нужно поспать.

Медленно и осторожно, чтобы не вызвать нового приступа головной боли, Клайстра стал устраиваться на низкой кровати. Нэнси не сводила с него глаз.

— Клод Клайстра.

— Да?

— Возьмите меня с собой.

Он повернул голову и ошеломленно уставился на нее.

— Туда, куда идете вы.

Он решительно покачал головой:

— Вас убьют. У нас один шанс из тысячи.

— Мне все равно. Умирают только раз. А я хотела бы увидеть Землю. Я много путешествовала и много знаю. Я пригожусь...

Клайстра с трудом отогнал сон. Что-то было не так. Он напряженно вглядывался в ее лицо. Может быть, это просто влюбленность... Девушка покраснела.

— Вы легко краснеете,— отметил Клайстра.

— Я сильная, я могу работать, я не слабее Бишопа или Кетча.

— Хорошенькая девушка — это всегда неприятности.

— Женщины есть везде,— улыбнулась Нэнси.

Клайстра опустил обратно на кровать, все еще качая головой.

— Вам нельзя идти с нами, Нэнси.

Она наклонилась к нему:

— Скажите им, что я проводник. Я ведь могу пойти с вами до леса.

— Ладно. Но только до леса.

3. ВО ИМЯ СВОБОДЫ

Клайстра спал, всем телом впитывая отдых. Когда он проснулся, комнату заливал шафрановый поток солнечных лучей. Наверху в деревне праздник был в полном

разгаре. Цепочки юношей и девушек в разноцветных костюмах плыли взад и вперед в сложных движениях танца. Ветер доносил до Клайстры обрывки джиги — скрипка, концертино, гитара. Танцоры качались вперед и назад в местном варианте гусиного шага.

В дверях появились Пианца и Дэррот:

— Ты не спишь, Клод?

Клайстра спустил ноги с кровати и сел.

— Я свеж и бодр. — Он встал, потянулся, помассировал руками затылок. Боль почти прошла. — Все готово?

— Хоть сейчас в путь, — кивнул Пианца. — Мы нашли твой ионник и тепловой пистолет помощника. — Он странно посмотрел на Клайстру: — Нэнси включена в экспедицию?

— Нет. Я сказал, что она может проводить нас до леса. Это два-три часа пути.

Эли Пианца был полон сомнений.

— Она собрала вещи и сказала, что идет с нами.

— Мне это очень не нравится, Клод, — заговорил Дэррот. — Наш отряд не место для женщин. Начнутся трения...

— Я с тобой полностью согласен, Брюс, — ответил Клайстра. — Я отказал ей.

— Но она собрала вещи, — сказал Пианца.

— Я не знаю, как мы можем помешать ей идти, скажем, в ста ярдах позади нас.

— Да, конечно, — промычал неудовлетворенный Пианца.

Но Дэррот был непреклонен.

— Она много путешествовала, она была в Гросгарте... А что, если она — шпион Бэджарнума? Как я понял, они есть всюду, даже на Земле.

— Возможно. Возможно, что и ты, Брюс, тоже работаешь на Бэджарнума. Ведь кто-то из нас, определенно, его агент.

Дэррот фыркнул и отвернулся.

— Не беспокойся, — сказал Клайстра, похлопав его по плечу. — Как только мы дойдем до леса, я отошлю ее. — Он подошел к двери и вышел наружу.

Пианца сказал:

— Бишоп спас аптечку, пищевые таблетки и свои витамины. Они могут пригодиться: наша пища не всегда будет так хороша.

— Прекрасно.

— Фэйн нашел свое туристское снаряжение. Мы берем его с собой вместе с печкой и водоочистителем.

— Есть запасные батареи к ионникам?

— Нет.

— Плохо... Нашли тело Сестры?

Пианца покачал головой.

— Очень плохо,— сказал Клайстра, хотя особых угрызений совести он не чувствовал. Эта женщина не была для него живым существом. Он вспомнил тонкое белое лицо, черную рясу, ощущение силы, но воспоминание тут же погасло в его мозгу.

Со стороны деревни спускались земляне, окруженные пестрой толпой танцоров. Кетч, Элтон, Валюссер, Фэйн, Бишоп и Нэнси. Она шла отдельно и наблюдала за танцорами со странным безразличным выражением, как будто уже разорвала нити, привязывавшие ее к Джубилиту.

Клайстра поднял голову. Выше по склону группы танцоров кружили, высоко поднимая ноги, запрокидывая головы. Там звенела музыка, яркая и счастливая. Глядя вниз, на огромный склон, Клайстра вдруг ощутил страх перед долгим путешествием. Джубилит, казалось, сулил мир и безопасность. Он был почти домом. А впереди была только дорога. «Сорок тысяч миль,— подумал он.— Путешествие вокруг Земли... и еще столько же».

Глядя туда, где на Земле был бы горизонт, и где видны были земли земли, лежащие впереди, он различил лишь размытые контуры, могущие означать что угодно: равнину или лес, море или пустыню, горный хребет или... Он шагнул вперед и сказал через плечо:

— Пошли.

Веселая музыка еще долго следовала за ними. Лишь когда солнце ушло за лес и на землю опустились сумерки, музыка пропала вдали.

Дорога вела через заросли папоротника. Толстый ковер из серых стеблей приятно пружинил под ногами.

Склон был ровным и пологим. Темнота не сбивала путешественников, нужно было только идти вниз по склону.

Фэйн и Дэррот шли рядом во главе группы, за ними — Клайстра с Нэнси и Пианцей, затем Кетч и Бишоп, арьергард состоял из бесшумного Элтона и хромающего Валюссера.

Небо прояснилось, появились звезды. И не было в мире ничего кроме неба, планеты и людей, таких хрупких и ничтожных.

Нэнси шла спокойно и осторожно, но темнота заставляла ее идти почти рядом с Клайстрой.

— Какая из этих звезд — Старое Солнце?

Клайстра задрал голову. Созвездия были незнакомы. По дороге Цетус оставался за кормой. Это — Спика, а рядом черный шар Горшка с Овсянкой...

— Я думаю, вот эта звезда, прямо над яркой, белой, около туманности.

Нэнси смотрела в небо.

— Расскажите мне о Земле.

— Это мой дом, — сказал Клайстра. Он уже не смотрел на желтую звезду. — Мне там нравится.

— Земля красивее Большой Планеты?

— Это сложный вопрос. По сути — нет. Большая Планета... она большая, она поражает воображение. Гималаи на Земле — просто холмы по сравнению со Склаемонским хребтом или Черными Кордильерами.

— Где они?

— Кто? — на мгновение Клайстра потерял нить разговора.

— Эти горы.

— Склаемон в тридцати тысячах миль на северо-восток, этот район планеты называется Матадор. Там живут Снежные Люди. Черные Кордильеры лежат на юго-востоке, пять тысяч миль отсюда, на Австралийском полуострове, в Хендерленде.

— Так много еще надо узнать, увидеть... — Ее голос дрожал. — Земляне знают нашу родину лучше, чем мы сами. Это несправедливо.

Клайстра сухо рассмеялся:

— Большая Планета — компромисс между слишком многими идеями. А компромисс никому не нравится.

— Мы живем в варварстве, — страстно сказала она. — Мой отец...

— Варвар не сознает, что он варвар, — в голове Клайстры звучала насмешка.

— ...Был убит. Повсюду убийства, убийства и убийства. И голод.

Клайстра пытался говорить спокойно.

— Это не ваша вина. Но и не вина Земли. Мы никогда не пытались утвердить свою власть за Виргинскими Рифами. Те, кто переходят границу, предоставлены сами себе. И их дети платят за это.

Нэнси покачала головой. Она явно не была убеждена.

Клайстра чувствовал себя неловко. Он не мог мириться с болью и нищетой миллионов людей. Он был убежден, что власть Земли должна где-то кончаться. Невозможно запретить людям пересечь границу в поисках свободы. Но в этом случае многие страдали от ошибок немногих.

Нэнси испытала это на себе. Голод, убийства, несправедливость, усиливаясь в течение поколений, калечили племена, народы, континенты и, в конце концов, затопили целый мир. Это въелось в кровь и стало неотъемлемой частью сознания Нэнси. Его задачей было пробиться через этот заслон отрицательных эмоций.

— На Земле, с самого начала ее истории, Человечество было разделено. Одни люди жили в полном согласии со своим временем, другие — не соответствовали ему. Такие люди были несчастны в жестоком обществе, ибо не могли войти в его структуру. Они становились пионерами, исследователями, философами, преступниками, пророками, гениальными художниками...

Они шли через темноту. Под ногами хрустел папоротник, справа и слева раздавались приглушенные голоса их спутников.

Нэнси, все еще глядя на Солнце, сказала:

— Но это не имеет отношения к Большой Планете!

— Джубилит был основан балетной труппой, которая хотела в мирном одиночестве совершенствовать свое искусство. Вероятно, они хотели прожить здесь не-

сколько лет, но остались навсегда. Первые поселенцы, те, что прилетели шестьсот лет назад, были примитивистами — людьми, которые не принимали машинной цивилизации. На Земле примитивизм не запрещен, но считается формой чудачества. Поэтому примитивисты купили корабль и отправились за пределы Системы. И нашли Большую Планету. Сначала они решили, что она слишком большая, чтобы на ней можно было поселиться...

— Почему?

— Гравитация. Чем больше планета, тем сильнее гравитация. Но Большая Планета состоит из легких элементов, и сила тяжести здесь почти равна земной, хотя объем Большой Планеты в тридцать раз больше земного. Дело в том, что Земля состоит из тяжелых металлов. Примитивистам понравилась Большая Планета. Это был рай, солнечный, яркий, с мягким климатом и, что главное, с органической жизнью, аналогичной земной. Иными словами, местный протеин совместим с земной протоплазмой. Здешние животные и растения съедобны. Примитивисты поселились здесь и послали на Землю за своими друзьями. Здесь хватило места и для других меньшинств, бесконечно много места. Постепенно они перебирались сюда: различные культуры, мизантропические общества и просто люди. Иногда они строили города, иногда жили просто так, в тысячах миль от любого соседа. На Большой Планете нет рудных залежей, то есть нет базы для технической цивилизации. А Земля наложила эмбарго на продажу современного оружия. Поэтому местная цивилизация состоит из крошечных государств и городов и огромных неосвоенных пространств.

Нэнси попыталась заговорить, но Клайстра прервал ее:

— Да, мы могли бы организовать жителей Большой Планеты, дать им закон и порядок. Но, во-первых, Большая Планета лежит за пределами Системы. Во-вторых, все люди, прилетевшие сюда, пожертвовали своим местом в цивилизованном мире ради независимости. В-третьих, мы лишим убежища остальных неудачников, посылая их в открытый космос на поиски

новых миров, наверняка не столь пригодных для обитания. Правда, мы создали Территорию Земли с университетом и технической школой для тех, кто захочет вернуться на Землю. Туда приходят очень немногие.

— Конечно,— сморщилась Нэнси.— Это сумасшедший дом.

— Почему?

— Все это знают. Однажды Бэджарнум Бьюджулэйса отправился туда. Он посещал эту школу и вернулся другим человеком. Он освободил всех рабов, отменил наказания. Когда он объявил, что земля принадлежит всем, Совет Герцогов восстал и убил его, потому что он явно сошел с ума.

Клайстра слабо улыбнулся:

— Он был самым разумным человеком на планете.

Нэнси фыркнула.

— Да,— сказал Клайстра.— Очень немногие обращаются к нам. Большая Планета — их дом. Огромный, открытый. Человек здесь может избрать себе любой образ жизни. Правда, его могут убить в любую минуту. На Земле и других планетах Системы мы живем в жестком обществе со множеством законов. Впрочем, все идет гладко: большая часть нарушителей переселилась на Большую Планету.

— Скучно,— сказала Нэнси.— Глупо и скучно.

— Не совсем. Во всяком случае, на Земле живет пять миллиардов человек, и каждый из них — личность.

Нэнси умолкла на мгновение, а затем спросила почти с насмешкой:

— А нынешний Бэджарнум Бьюджулэйса? Он собирается покорить Планету. Он уже увеличил свои владения втрое.

Клайстра смотрел вперед, в бесконечную ночь Большой Планеты.

— Если Бэджарнум Бьюджулэйса, или Номарх Скена, или Девять Волшебников, или кто-нибудь еще покорит Планету, ее жители потеряют свою свободу еще более верно, чем в случае вмешательства Системы. Ибо должны будут подчиняться не нескольким разумным законам, а фантастическим искажениям, причем отличным от тех, к каким они привыкли.

Она опять не понимала:

— Меня удивляет, что Система считает Бьюджулэйс основанием для беспокойства.

Тонкая улыбка мелькнула по лицу Клайстры.

— Сам факт нашего присутствия здесь кое-что говорит о Бэджарнуме. У него агенты повсюду, в том числе и на Земле. Он постоянно нарушает наше эмбарго на ввоз оружия и металлов на Большую Планету.

— Человека можно убить и деревянным мечом и вспышкой света.

Клайстра покачал головой:

— У этого дела есть еще несколько аспектов. Откуда он берет оружие? Система запрещает нелегальное производство оружия. И очень трудно построить в тайне современный завод. Большая часть оружия украдена с заводов Системы или добыта путем грабежа. Его пираты грабят корабли и станции, а людей либо убивают, либо продают в рабство в Королевства-для-одного.

— Королевство-для-одного... Что это?

— Среди пяти миллиардов жителей Земли есть очень странные люди, — задумчиво сказал Клайстра. — Недостаточно странные, чтобы эмигрировать на Большую Планету. Очень богатые люди. Они колонизируют маленькие миры в стороне от космических трасс и становятся их королями. Пираты продают им рабов, а в их маленьких владениях их воля — закон. Через два-три месяца они возвращаются на Землю и становятся гражданами. Потом они устают от цивилизации — и снова царствуют в Королевстве-для-одного.

4. ВОСЕМЬ ПРОТИВ АРМИИ

Нэнси помолчала.

— Какое это имеет отношение к Чарли Лисиддеру?

Клайстра повернул голову, и она увидела его лицо — белую маску в темноте.

— Чем платит Бэджарнум за контрабандное оружие? Оно стоит дорого. Очень много крови и боли стоит каждый ионный пистолет.

— Я не знаю... Я не думала об этом...

— На Большой Планете нет металлов, но есть куда более ценный товар.

Нэнси молчала.

— Люди.

— Ох...

— Чарли Лисиддер — это чума. Он заразил полвселенной.

— Но что вы можете сделать? Вас восемь человек. У вас нет оружия, документов, нет даже плана действий...

— Только разум.

Нэнси снова погрузилась в молчание. Клайстра насмешливо посмотрел на нее:

— Это не производит на вас впечатления?

— Я... Я очень неопытна.

Клайстра попытался разглядеть в темноте ее лицо. Он не знал, насколько она серьезна.

— Мы — команда. Каждый из нас специалист. Пианца — организатор и администратор, Мосс Кетч — техник, Брюс Дэррот — эколог...

— Что такое эколог?

Клайстра поглядел вперед — Фэйн и Дэррот шли в ногу. Справа и слева уже встречались редкие деревья, а чуть ниже по склону шелестел Тсаломбарский лес, черное пятно на фоне ночного неба.

— Главная задача экологии — накормить людей. Голодные люди злы и опасны.

— Цыгане всегда голодны. Они убили моего отца.

— Они убили его, но не потому, что были голодны. Мертвецы работорговцам не нужны. Они пытались взять его живым... Ладно. Фэйн — геолог. Я — координатор и пропагандист. — Предугадав ее желание, он спросил: — Почему Бэджарнуму удастся покорять своих соседей?

— У него сильная армия... И он очень умен.

— А что, если армия перестанет подчиняться ему? Если люди не будут выполнять его приказы? Что он сможет сделать?

— Ничего. Он будет бессилён.

— Эффективная пропаганда может создать такую ситуацию. Я работаю с Бишопом. Бишоп занимается культурой, человеческим обществом. Он может поглядеть на наконецник стрелы и сказать, от кого унаследовал имя ее владелец, от отца или от матери. Он изучает группы людей, их особенности, болевые точки, кнопки — идеи, при помощи которых людьми можно управлять, как стадом... — Тут Клайстра вспомнил, что на Большой Планете нет овец. — Как стадом печавье.

— А вы тоже можете управлять людьми, как печавье? — улыбнулась она.

Клайстра покачал головой:

— Не совсем. Или, вернее, не всегда.

Они все еще спускались по склону. Деревья придвигались все ближе, и, наконец, отряд вошел в Тсаломбарский лес. Вокруг Клайстры плыло восемь темных теней. Он вздохнул и повернулся к Нэнси.

— Кто-то здесь — я не знаю кто — мой враг. Мне нужно вычислить его.

Нэнси задохнулась.

— Вы уверены? — испуганно спросила она.

— Да.

— Что он будет делать?

— Если бы я знал...

— Магический Фонтан Миртлисса может помочь. Он знает все.

— Где это, Миртлисс?

— Далеко на восток. Я там никогда не была. Путешествие опасно, если не ехать по монорельсу. А это стоит много металла. Отец рассказывал мне об оракуле Фонтана. Он говорит безумные вещи и отвечает на любые вопросы. А потом умирает, и Служители выбирают нового оракула.

Фэйн и Дэррот вдруг резко остановились.

— Тихо, — прошептал Дэррот. — Впереди лагерь. Огни.

Шелестящие ветви закрывали небо. Было очень темно. Впереди, за стволами деревьев, мерцал крошечный красный огонек.

— Возможно, Древесные Люди? — сказал Клайстра.

— Нет, — с сомнением ответила Нэнси. — Они никогда не покидают деревьев. И панически боятся огня.

— Все сюда, — скомандовал Клайстра. Темные тени качнулись ближе. Клайстра заговорил тихо и торопливо: — Я иду вперед на разведку. Я хочу, чтобы вы держались вместе. Это необходимо. Никто не оставит группу, не произнесет ни звука, пока я не вернусь. Нэнси — в центр. Остальные вокруг нее, касаясь друг друга локтями. Проверьте соседей и следите, чтобы они не двигались.

Он обошел группу:

— Каждый касается двух других? Хорошо. Назовите себя.

Тихо прозвучали имена.

— Я вернусь, как смогу. Если буду нуждаться в помощи, позову. Так что держите уши открытыми.

Прямо на середине поляны был разложен большой костер. Пятьдесят или шестьдесят человек с беспечным видом сидели вокруг костра. Они носили свободную голубую одежду: шаровары, подвязанные под коленями, и перетянутые черными кушаками халаты. На груди был нашит красный знак — треугольник острием вниз. У солдат были ножи, пращи и тяжелые колчаны, набитые дротиками.

Они не были красавцами: приземистые, плотные, с плоскими коричневыми лицами, остроконечными бородками, узкими глазами и крючковатыми носами. Они пили что-то из черных кожаных бурдюков и громко переговаривались. Им явно не хватало дисциплины.

Невдалеке, повернувшись к костру спиной, стоял человек в черной форме — Эббидженс. Он давал указания офицеру, очевидно, командиру отряда. Офицер слушал и кивал.

На краю поляны стояло несколько очень странных животных. Они вытягивали длинные шеи, со свистом вдыхали воздух, бормотали и выли. Узкие плечи, высокая холка, шесть сильных ног, копьевидная, не вызывающая доверия голова — сочетание верблюда, лошади, козы, собаки и ящерицы. Погонщик не позаботился

снять с них груз. С внезапным интересом Клайстра стал разглядывать выюки.

В одном было три металлических цилиндра, в другом — большая труба и связка металлических прутьев. Клайстра узнал механизм. Бластер. Полевое орудие, способное снести Джубилит с лица земли. Земного производства. Клайстра неуверенно огляделся. Странно, что они не выставили часовых.

Его внимание привлек шум на другой стороне поляны. Там столпилось около десятка солдат. Они стояли, задрав головы, глядя строго вверх, и оживленно размахивая руками. Клайстра тоже запрокинул голову. На высоте в две сотни футов в воздухе висела деревня: сеть деревянных переходов, мостки из лиан, домики-гнезда. В деревне было темно. Из-за стволов виднелись белые, испуганные лица жителей. Древесные Люди передвигались осторожно и медленно, лишь иногда совершая резкие прыжки. Видимо, солдаты только что заметили деревню. Но не это было поводом для энтузиазма. Они заметили там девушку. С лицом цвета сыворотки, с тусклыми глазами, но все же девушку.

Клайстра смотрел на выючных животных, оценивая свои шансы увести их в лес, пока солдаты отвлечены воздушной деревней. Не бог весть какие шансы.

А на краю поляны положение изменилось. Какой-то хвостун со смешными усиками пытался добраться до домика девушки. Это было несложно — на высоте человеческого роста в стволе дерева начинались ступени. Солдат, подогреваемый одобрительными криками товарищей, взобрался по лестнице, влез на деревянную платформу и скрылся в ветвях. Какое-то движение, свист, удар, шум потревоженных ветвей. Искалеченное, извивающееся тело вылетело из темноты и с тяжелым стуком упало на землю.

Ошеломленный Клайстра отступил назад и поднял глаза — никто из жителей деревни не двинулся с места. Очевидно, солдат попал в ловушку. Ступил не туда, и его сбросило с платформы. Теперь он лежал и стонал. Его товарищи бесстрастно наблюдали за ним. В их взглядах,

обращенных на Древесных Людей, не было ни следа враждебности.

Эббидженс и офицер подошли к краю поляны и остановились около упавшего солдата. Тот подавил стон и лежал теперь спокойно, с побелевшим от боли лицом. Офицер заговорил. Клайстра слышал общий тон речи, но не мог разобрать слов. Лежащий солдат ответил, потом попытался встать. Ему это почти удалось, когда его нога подломилась, и он снова упал.

Офицер что-то сказал Эббидженсу. Потом заговорил Эббидженс, показывая рукой на деревню. Офицер кивнул одному из солдат, отвернулся. Солдат поглядел на своего раненого товарища, пробормотал что-то извиняющимся тоном, вынул свой меч и заколол лежащего.

Клайстра проглотил комок.

Офицер быстро шел через поляну, выкрикивая приказы. Теперь Клайстра хорошо слышал его.

— Встать! Всем на ноги! Построиться! Быстро: мы окружены! Погонщик, смотри за животными!

Эббидженс подошел к офицеру, что-то коротко сказал, офицер кивнул и отдал приказ. Клайстра опять не слышал слов, но увидел, что солдаты отвели в сторону двух верблюжщеров, тех, что несли пушку.

Клайстра прищурился. Неужели они используют пушку против деревни?

Солдаты собрали аппарат и установили его на металлической треноге. Отблески костра играли на гладком вороненом стволе. Канонир поводил дулом вправо-влево, покачал треногу, проверяя устойчивость орудия, затем снял предохранитель, прицелился и нажал на спуск. Из дула вырвался фиолетовый луч, вспыхнула трава, в воздухе запахло озоном.

Проверка. Теперь бластер в боевой готовности.

Канонир поставил орудие на предохранитель, подошел к верблюжщерам, выбрал самого сильного. Тут возмутился погонщик и налетел на канонира, размахивая руками. Началась бурная дискуссия.

Клайстра шагнул вперед, заколебался, остановился. Собрал всю свою решимость, действовать нужно было сейчас. Он вышел на поляну. Руки у него дрожали.

Скорее от нетерпения, нежели от страха. Он развернул бластер, поставил регулятор на минимум и снял предохранитель. Все было до смешного просто.

Один из солдат заметил его и закричал.

— Не двигаться! — громко и ясно произнес Клайстра.

5. ЗАХВАТ

Люди на поляне застыли, ошеломленно уставившись на него. Потом канонир с яростным воплем кинулся к пушке. Клайстра нажал на спуск. В воздухе развернулся фиолетовый веер. Канонир был мертв, как и пятеро других, оказавшихся в пределах досягаемости.

— Пианца! Фэйн! — крикнул Клайстра.

Солдаты не двигались. Лицо Эббидженса было блее мела.

Шум шагов.

— Кто это? — спросил Клайстра.

— Эли Пианца и все остальные.

— Хорошо. Идите с той стороны, вы окажетесь в мертвом пространстве. — Он повернул голову: — Эй, вы, бюджулэйсцы! Все в центр поляны справа от костра. Быстро!

Солдаты угрюмо столпились в центре поляны. Эббидженс шагнул к ним, но резкий окрик Клайстры остановил его.

— Эббидженс, руки на голову и марш ко мне. Пианца, заberi у него оружие. — Клайстра повернулся к офицеру: — Вы — вперед, руки за голову! Кто-нибудь, Элтон, общите его.

Элтон шагнул вперед, за ним, хромая, потянулся Валуэссер.

— Остальным стоять на месте, — рявкнул Клайстра. — Эта штука щекочется.

У Эббидженса оказался ионник, у офицера — ракетный пистолет.

— Положите оружие на землю и свяжите этих типов.

Через минуту Эббидженс и офицер лежали на земле.

— Нэнси!

— Да.

— Точно выполняй мой приказ. Подними оба пистолета. За стволы. Принеси мне. Не становись между бластером и солдатами.

Нэнси прошла через поляну к тому месту, где на земле блестили брошенные пистолеты.

— За стволы! — выдохнул Клайстра.

Она искоса поглядела на него, остановилась. Клайстра с каменным выражением лица наблюдал за ней. Не та была ситуация, чтобы доверять кому-либо. Она наклонилась, осторожно подняла оба пистолета и принесла ему. Клайстра запихал их в сумку и посмотрел устало на своих спутников. Кто-то из них сейчас яростно просчитывал положение. Кто?

Это был критический момент. Кем бы он ни был, он постарается зайти Клайстре за спину.

— Я хочу, чтобы вы все встали на той стороне поляны. — Он указал направление. — Теперь, солдаты, по одному переходите через поляну.

Через полчаса солдаты сидели в кругу на корточках — угрюмая, внешне расслабленная группа. Эббидженс и офицер лежали там, где их оставили. Эббидженс спокойно следил глазами за Клайстрой. Клайстра тоже не спускал с него глаз, пытаясь определить, на кого надеется радист.

Эли Пианца с сомнением разглядывал пленных.

— Они станут проблемой... Что ты собираешься делать с ними, Клод?

Клайстра, все еще стоящий у бластера, расслабился, потянулся:

— Мы не можем освободить их. Если нам удастся скрыть этот маленький эпизод от Бэджарнума, мы выиграем время. Нам придется или убить их или взять с собой.

Пианца покачал головой:

— Взять их с собой?

— В нескольких милях вниз по склону начинается степь. Земли кочевников. Если нам придется драться, лишние руки не помешают.

— Но у нас есть бластер. Нам не нужны мечи и дротики!

— А если нас застанут врасплох? Налетят со всех сторон? Бластер хорош, когда видишь мишень.

— С ними будет трудно.

— Я подумал об этом. Пока мы в лесу, мы свяжем их друг с другом. А в степи они будут идти перед бластером. Конечно, нам придется быть очень осторожными.

Клайстра поставил бластер на предохранитель, направил ствол в землю и подошел к Эббидженсу.

— По-моему, нам пора поговорить.

Эббидженс облизнул губы:

— Конечно, я буду говорить. Что вы хотите знать?

Клайстра нехорошо улыбнулся:

— Кто помогал тебе на борту «Витторио»?

Эббидженс посмотрел на белые лица землян.

— Пианца, — объявил он.

Эли Пианца протестующе поднял брови. Еще одно лицо изменило выражение, на долю секунды.

Клайстра отвернулся от пленника. Единственным человеком, которому он сейчас доверял, был он сам. Он обратился к Дэрроту и Элтону:

— Вы дежурите у бластера. Не доверяйте друг другу. Враг среди нас. Мы не знаем, кто он, и мы не можем дать ему шанс уничтожить всех нас. — Он отступил на шаг, поднял свой ионник. — Эли, у тебя есть пистолет?

— Да. Фэйн отдал мне один из своих.

— Повернись ко мне спиной и положи его на землю.

Пианца подчинился без возражений. Клайстра подошел к нему, провел рукой по одежде, заглянул в сумку — другого оружия не было.

Точно так же он отобрал ионник у Фэйна и Кетча, у Валюссера и Бишопы были только ножи, у Нэнси не было ничего.

Сложив весь арсенал в свою сумку, Клайстра направился к бластеру и отобрал ионник у Элтона. Теперь у него было пять ионников, считая принадлежавший Эббидженсу, ракетный пистолет офицера и тепловой покойного помощника.

— Теперь, когда мы разоружились, мы можем поспать. Кетч и Валюссер, возьмите мечи и разойдитесь по сторонам поляны. Не становитесь между бластером и солдатами, в этом случае, если что-нибудь произойдет, вы погибнете первыми. Дэррот, Элтон, вы слышали? Стреляйте, если заметите тень движения.

— Хорошо, — сказал Элтон. Дэррот кивнул.

Клайстра поглядел на Нэнси, Пианцу и Бишопа:

— Мы сменим их через четыре часа... Здесь у огня есть местечко вне радиуса действия бластера.

Папоротник был сухим и мягким. От костра веяло теплом. Клайстра улегся поудобнее, расслабился и чуть не потерял сознание от боли. Весь этот час его мышцы были напряжены до предела, теперь с трудом возвращаясь в нормальное состояние.

Он лежал, закинув руки за голову и размышляя. Прямо над ним белели лица лесных жителей. Казалось, Древесные люди не сдвинулись с места с того момента, как он впервые их увидел.

Стив Бишоп устроился рядом с ним и вздохнул. Клайстра на мгновение почувствовал жалость к нему. Стив Бишоп был кабинетным ученым, любил комфорт и не имел тяги к приключениям... Из леса вернулась Нэнси. Клайстра глядел на нее с нарастающим подозрением, потом расслабился. Невозможно наблюдать за всеми сразу. Он напомнил себе: первое дело на утро — отослать Нэнси обратно в Джубилит.

На поляне было тихо, только в толпе солдат слышалось какое-то бормотание. Дэррот и Элтон застыли у бластера. Кетч медленно обходил свою часть поляны, Валюссер — свою. Рядом с Клайстрой лежала тихая и теплая Нэнси. Бишоп спал как младенец. Пианца раздраженно всхрапывал во сне.

Напряжение росло. Клайстра пытался определить его источник. Что это — настороженность Элтона, жесткое лицо Дэррота? Или то, что за его спиной лежит Нэнси? Или что-то неестественное в дыхании Бишопа и Пианцы? Он безуспешно пытался определить, за кем наблюдает Эббидженс.

Текли минуты, прошло полчаса, час. Воздух казался стеклянным.

Мосс Кетч сделал несколько шагов к бластеру, взмахнул рукой, что-то пробормотал и отступил назад. Солдаты задвигались, резкий крик Дэррота заставил их замереть. Теперь в лес углубился Валюссер. Солдаты снова зашевелились, и снова команда Дэррота принудила голубые мундиры к спокойствию.

Черная тень метнулась к бластеру, свист меча, стон... Потом топот и снова блеск стали.

Клайстра вскочил, сжимая в руке ионник.

Около бластера стоял только один человек, и он медленно наводил дуло на Клайстру. Клайстра видел это, видел, как рука человека потянулась к спуску, и выстрелил первым. Фиолетовая вспышка. Голова человека у бластера обуглилась, потом исчезла. Ствол бластера был погнут в трех местах. Клайстра развернулся к солдатам. Те уже вскочили, не зная, атаковать им или бежать.

— Сесть, — приказал Клайстра. Тихий голос его говорил о смерти. Солдаты медленно подчинились.

Клайстра открыл свою сумку и отдал два пистолета Пианце и Бишопу.

— Следите за ними. У нас больше нет бластера.

Он подошел к разбитому полевому оружию и увидел тела. Элтон был жив. Мертвое лицо Брюса Дэррота искажено яростью. Рядом с ним лежал Валюссер. Клайстра перевернул скрюченное маленькое тело:

— Так это был Валюссер. Интересно, чем его купили.

Мосс Кетч распаковал аптечку, и они наклонились над Элтоном. Рана на шее инженера сильно кровоточила. Клайстра промыл ее антисептиком, залил коллодием и заклеил эластичной пленкой. Когда пленка высохнет, она стянет края раны.

Потом Клайстра встал и подошел к Эббидженсу:

— Ты больше не нужен. Я знаю то, что хотел знать.

Эббидженс тряхнул головой, отбрасывая со лба прядь волос.

— Ты собираешься убить меня? — спокойно спросил он.

— Поживем — увидим, — ответил Клайстра. Он посмотрел на часы. — Ровно двенадцать. — Он протянул пистолет Элтона Кетчу, повернулся к Пианце и Бишопу: — Ложитесь спать. Мы с Моссом подежури́м до трех.

6. ЦЫГАНЕ

Дэррота и Вальюссера похоронили в одной могиле с упавшим с дерева солдатом и теми шестью, которых убил Клайстра, когда захватил бластер.

Когда яму засыпали землей, Эббидженс облегченно вздохнул. Клайстра улыбнулся, очевидно, радист считал, что будет в могиле десятым.

Солнечные лучи, густые и яркие, пробивались сквозь листву. От догоревшего костра поднимался белый дым. Пора было в путь.

Клайстра оглядел поляну. Где Нэнси? Она стояла около выючных животных с самым невинным видом, какой только может изобразить юная очаровательная девушка. За ее спиной ввысь вздымались три дерева, подобные колоннам античного храма. Солнечный свет играл на их гладких стволах.

Она почувствовала, что на нее смотрят, и ответила Клайстре быстрым взглядом и улыбкой. Клайстра почувствовал, что его сердце бьется сильнее. Резко обернулся. Лицо Элтона было непроницаемо. Клайстра сжал губы и начал:

— Нэнси, вам лучше вернуться в Джубилит.

Улыбка медленно сползла с ее лица, уголки рта опустились, глаза заволок туман. Явно понимая бесполезность спора, она молча повернулась, пересекла поляну. На краю леса она остановилась, оглянулась...

Клайстра молча смотрел на нее.

Она пошла вперед. Какое-то время он видел в пролетах между стволами, как она поднимается вверх по склону, в Джубилит.

Через полчаса колонна тронулась в путь. Солдаты Бьюджулэйса шли тесной группой, их руки были связаны, и каждый был пристегнут к идущему впереди. Они

несли свои мечи и плащи. Дротики были связаны во вьюк и нагружены на одного из верблюдащеров.

Первым шел офицер, последним — Эббидженс. За ним двигались вьючные животные. В носилках, висящих между первой парой, лежал Элтон. Элтон был в сознании и в прекрасном настроении. Он охранял колонну солдат с тепловым пистолетом в руках.

Воздушная деревня пристально наблюдала за ними. Путь колонны через лес сопровождался топотом ног по деревянным переходам, скрипом веревочных мостиков. Иногда сверху раздавались голоса или детский плач. В воздухе висела сеть из переплетенных живых и засохших ветвей, лиан, ярких красных и желтых цветов. Второй этаж леса тянулся на огромное расстояние. На головы путников все время сыпались сухие листья и обрывки лиан.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Пианца.

— На первый взгляд напоминает висячий сад, — ответил Клайстра. — У нас больше нет эколога. Брюс что-то да знал бы про это.

Сад кончился, и лучи солнца снова пробивались сквозь листву. Клайстра направился к голове колонны. Офицер бьюджулэйсцев шел, глядя строго перед собой.

— Ваше имя?

— Морватц. Командир руки Зармандер Морватц. Сто двенадцатый в Военной Академии.

— Какой приказ вы получили?

Офицер явно не знал, стоит ли отвечать на вопрос. Он был чуть ниже среднего роста, круглолицый и темноглазый. Его акцент сильно отличался от речи его солдат. Морватц был исполнен самоуважения.

— Каков был приказ!?

— Нас отдали в распоряжение землянина. — Морватц кивнул в сторону Эббидженса: — У него был приказ, подписанный Лисиддером. Это очень большая власть.

— Приказ был адресован лично вам?

— Командиру гарнизона Монтмарчи.

— Хм. — Где Эббидженс мог достать приказ за подписью Бэджарнума Бьюджулэйса? Здесь было что-то, чего Клайстра не понимал, из-за чего не мог соединить

фрагменты в единое целое. Измена Валюссера вовсе не объясняла событий последней недели.

Он задал еще несколько вопросов и узнал, что Морватц по рождению Гуэрдон, то есть принадлежит к мелкой знати, чем очень гордится. Морватц родился в Пеллисаде, деревеньке южнее Гросгарта. Он считал, что на Земле живут безмозглые роботы, исполняющие все действия по звонку.

— Мы, бюджулэйсцы, скорее умрем, чем позволим так искалечить себя! — пламенно заявил он.

«Он мог бы служить подтверждением земного стереотипа. Типичный житель Большой Планеты, вспыльчивый и безрассудный», — подумал Клайстра. Улыбнувшись, он спросил:

— Мы что, выглядим так, как будто нам не хватает свободы воли?

— Вы — явно элита. Мы в Бьюджулэйсе не знаем такой тирании, какую вы установили на Земле. Нам о вас известно все, от тех, кто изучал вас. — Он внимательно поглядел на Клайстру: — Почему вы смеетесь?

— Нэйсука, — рассмеялся Клайстра. — По причине отсутствия причины.

— Вы использовали слово из лексикона высших каст, — подозрительно сказал Морватц. — Даже я чувствую себя неловко, произнося его.

— Ну и ну. — Клайстра поднял брови. — Вы не имеете права произносить некоторые слова, зато вы не живете при тирании.

— Именно. Как это и должно быть. — Морватц собрал всю свою отвагу, чтобы спросить:

— А что вы сделаете с нами?

— Если вы будете подчиняться приказам, получите равные с нами шансы. Я рассчитываю на вас и ваших людей, как на защитников. Как только мы прибудем на место, вы свободны.

— А куда вы направляетесь?

— На Территорию Земли.

— Я не знаю, где это, — покраснел Морватц. — Сколько лиг?

— Сорок тысяч миль. Тринадцать тысяч лиг.

Морватц споткнулся от неожиданности:

— Вы с ума сошли.

Клайстра рассмеялся:

— Поблагодарите за это Эббидженса.

Морватц собрался с мыслями.

— Впереди Земли Кочевников, цыгане. Если они захватят нас, они запрягут нас в повозки и погонят как зипанготов.— Он кивнул в сторону верблюжщеров.— Они другой расы и терпеть нас не могут.

— Я не думаю, чтобы они позарились на большой, хорошо вооруженный отряд.

Морватц покачал головой.

— Шесть лун назад Этман Бич Божий напал на Бьюджулэйс. Там, где он прошел, осталась только земля.

Клайстра посмотрел вперед, где в просветах между деревьями уже виднелась открытая местность.

— Впереди Земли Кочевников. А что потом?

— За ними,— Морватц наморщил лоб,— река Уст. За ней болота и Болотный Остров. После болот...

— Что же?

— Я плохо знаю восток. Дикие земли, дикие люди. На юго-востоке Фелиссима, Кристиендэйл, монорельс к Фонтану Миртлисса и оракулу. За Миртлиссом земля Камней, но о ней я ничего не знаю, Миртлисс очень далеко на восток.

— Сколько лиг?

— Несколько сотен. Трудно сказать точно. Отсюда до реки пять дней пути. Чтобы пересечь ее, вам придется воспользоваться Эдельвейсской воздушной дорогой, до Болотного Острова. Или пойти по берегу на северо-запад, к Бьюджулэйсу.

— Почему нельзя переправиться на лодках?

— Гримоботы,— с умным видом сказал Морватц.

— А это что?

— Хищные речные звери. Ужасные.

— Так. А за рекой? Что там? Где кончаются болота?

— Если идти на восток — четыре дня,— подсчитал Морватц,— это если наймете хорошую болотную лодку. А если свернете на юг, сможете поехать по монорельсу через Гибернскую Марку к Кристиендэйлу. Затем, если вы, конечно, поедете дальше...

— Почему нет?

— Некоторые остаются, — хитро улыбнулся Морватц. — ...От Кристиендэйла монорельс идет на запад в Гросгарт, на юг — в Фелиссиму и на восток — к Фонтану.

— Как далеко от Кристиендэйла до Миртлисса?

— Два-три дня по монорельсу. Иначе путешествовать опасно. В горах разбойники.

— А за Миртлиссом?

— Пустыня.

— А за ней?

— Спросите у оракула, — пожал плечами Морватц. — Если у вас есть металл, он ответит на любой вопрос.

Листва над головой поредела, и теперь колонна шла под ослепляющим солнцем Большой Планеты. Склон переходил в открытую вересковую пустошь, волнуемую ветром. Не было и следа человека. Только с севера ветер доносил запах дыма.

Клайстра остановил колонну и перегруппировал солдат, построив их в каре вокруг зипанготов. Выюки с дротиками охранял Элтон, удобно лежащий на носилках. У него была праща, дротик и тепловой пистолет в кобуре, уложенный так, что никто, кроме инженера, не мог до него дотянуться. Эббидженс шел в первом ряду. Морватц — в арьергарде. Справа и слева от каре двигались Пианца и Фэйн с ионниками. Сзади — Бишоп и Кетч.

Два часа они шли через вереск, чувствуя, как под ногами разравнивается склон.

Клайстра услышал бормотание солдат, они заметили что-то в степи. В их глазах был страх. Клайстра поглядел в том направлении и увидел дюжину зипанготов, беспечной рысью приближавшихся к ним.

— Кто это, цыгане?

Морватц, прищурившись, рассматривал пришельцев.

— Цыгане. Но не казаки. Воины высокой касты, возможно, политбюро. Только они ездят на зипанготах. Мы можем отбиться от казаков. У них нет ни мужества, ни дисциплины, ни разума. Но политбюро... — голос офицера дрогнул.

Клайстра посмотрел на Бишопа:

— Ты о них что-нибудь знаешь, Стив?

— Короткая глава в «Сборнике Большой Планеты» Вандома. Но больше об их происхождении, чем о культуре. Сначала были Киргизские пастухи с Земли, по моему, из Туркестана. Когда метеорологи усилили дожди в Закавказье, они откочевали на Большую Планету, где степи остаются степями. Ехали третьим классом вместе с племенем цыган и полинезийским семейством. По дороге Панвилсап — предводитель цыган — убил вождя киргизов и женился на Старшей Матери полинезийцев. К тому времени как их выгрузили на Планету, он руководил всей группой. В результате их культура — это смесь киргизской, полинезийской и цыганской, очень сильно деформированна личностью Панвилсапа.

Цыгане были теперь на расстоянии мили и все еще не увеличили скорость.

Клайстра повернулся к Морватцу:

— Как они живут?

— Они разводят зипанготов, кроликоловов, печавье, молочных крыс. Ловят черепах в горячих источниках, собирают личинки цикад. Весной и осенью совершают набеги на Бьюджулэйс, за рабами. Еще они грабят Кератен на севере и Рамспур на юге. Уст отделяет их от Фелиссимы и Реббиров из Гнезда. Ах, — мечтательно вздохнул он, — какая могла быть война между Реббировыми и цыганами.

— Типично кочевое общество, — заметил Бишоп. — Почти не отличаются от древних скифов.

— Я понимаю, почему вас так интересует их образ жизни, — раздраженно сказал Морватц. — Этой ночью мы будем тащить их повозки.

7. ЭТМАН БИЧ БОЖИЙ

Солнце было в зените, серо-зеленый вереск пах медом. По мере того как всадники приближались, к ним присоединялось все больше пеших казаков. Они бежали за медленно трусящими зипанготами.

— Это их обычный способ нападения? — спросил Клайстра.

Морватц почесал в затылке:

— У них нет обычных способов.

— Прикажите вашим людям взять по пять дротиков из व्यока и быть наготове,— приказал Клайстра.

Морватц явно пришел в себя. Он побежал вдоль фронта, выкрикивая приказы. Бьюджулэйсцы подтянулись, подравняли строй. Они по очереди подходили к зипанготам, брали дротики и возвращались в каре.

— Ты не боишься, что...— проговорил Бишоп.

— Я боюсь выглядеть испуганным,— сказал Клайстра.— Без оружия они кинутся к лесу, как кролики. Это вопрос выдержки. Мы должны вести себя так, как будто цыгане — прах под нашими ногами.

— Теоретически ты прав.

Всадники остановились в сорока ярдах от каре, как раз вне предела досягаемости пращей. Их зипанготы были больше бьюджулэйских, холеные, с длинными тяжелыми шеями, с блестящей кожей. На них была кожаная сбруя с грубыми украшениями, и у каждого на морде было что-то вроде носорожьего рога.

На первом зипанготе сидел высокий дородный человек в голубых сатиновых штанах, коротком черном плаще и голубой шапке. В каждом его ухе висело по большому медному кольцу, на груди он носил медаль из полированного железа. Лицо было круглым, мускулистым, с тяжелыми веками.

Клайстра услышал бормотание Морватца:

— Этман Бич Божий.

Клайстра оглядел вождя цыган, спокойно кивнул. Равнодушие всегда поражает больше самоуверенности. За Этманом стояла дюжина всадников, а за ними крадось около сотни мужчин и женщин в темно-красных шароварах, синих и зеленых блузах и остроконечных колпаках.

Клайстра повернулся, чтобы проверить строй,— что-то просвистело мимо его лица. Он отскочил, наклонился и взглянул в невозмутимое лицо Эббидженса, медленно опускающего пращу.

— Морватц, заберите у него оружие, свяжите руки и ноги.

На мгновение Морватц заколебался, затем отдал приказ.

Клайстра уже не обращал внимания на свалку за спиной, ибо Этман и его политборо спешили и направлялись к нему.

Этман остановился в нескольких шагах от Клайстры, улыбаясь и поигрывая хлыстом.

— О чем вы думали, вторгаясь в земли цыган? — речь его была легкой и стремительной.

— Мы идем в Кристиендэйл, дорога лежит через ваши земли.

— Выходя в степь, вы рискуете свободой.

— Работорговцы рискуют больше.

— Нам ли бояться солдат? — презрительно отмахнулся Этман.

И тут Клайстра услышал крик:

— Клод!

Он окаменел, потом понял, что Этман с удовольствием следит за ним.

— Кто назвал мое имя?

— Женщина со склона, которую мы поймали в лесу. За нее дадут хорошую цену.

— Отдай ее мне. Я заплачу.

— Так ты богат? Это удачный день для цыган, — лениво сказал Этман.

— Приведи ее сюда, или я пошлю за ней человека.

— Человека? Одного? — Этман насмешливо сощурился. — Кто вы? Вы не из Бьюджулэйса, а для жителей Монвира у вас слишком темная кожа.

Клайстра осторожно вытащил ионник.

— Мы — электрики, — он улыбнулся собственной шутке.

Этман потер свой тяжелый подбородок:

— Где живет ваш народ?

— Это не народ, а профессия.

— А... Таких среди нас нет. Мы воины, убийцы, работорговцы.

Клайстра уже нашел решение. Он повернул голову:

— Приведите Эббидженса. Электрики, видите ли, могут убивать взмахом руки.

Эббидженса вытолкнули вперед. Клайстра сказал:

— Если бы твоя смерть не была нужна для дела, я, клянусь, доставил бы тебя на Территорию Земли для исправления.— Он поднял ионник.

Эббидженс вскинул голову и рассмеялся:

— Неплохую шутку сыграл я с вами, Клод Клайстра! Через мгновение Эббидженс был мертв.

Этман не казался испуганным.

— Отдай мне женщину. Иначе я убью тебя,— властно сказал Клайстра.— Быстро!

Этман удивленно поднял брови, что-то пробормотал, потом махнул своим.

— Дайте ему ее.

Нэнси упала, дрожа и плача, к ногам Клайстры. Он даже не посмотрел на нее.

— Идите своей дорогой, а мы пойдем своей,— сказал он.

Но Этман быстро сравнял счет.

— Я уже видел такие штуки. Наши копья убивают так же верно. Особенно когда темно и копья летят со всех сторон.

Клайстра повернулся к Морватцу:

— Командуйте «марш».

Морватц вскинул руки вверх и опустил.

— Вперед.

Этман улыбнулся и кивнул:

— Возможно, мы еще встретимся.

Великий Склон остался позади. Впереди была степь, широкая как океан, поросшая серо-зеленым вереском с темными пятнами папоротника в ложбинах. Позади остались цыгане: пешие казаки и политборо на своих зипанготах.

В середине дня на горизонте появилось темное пятно.

— Похоже на деревья. Вероятно, родник,— сказал Фэйн.

Клайстра напряженно всматривался в степь.

— По-моему, это единственное укрытие на десятки миль. Мы станем лагерем здесь.— Он посмотрел назад, на темные точки в степи.— Боюсь, что у нас еще будут неприятности.

В глубине рощи был маленький родник, обложенный камнями. Вода была подозрительного цвета, но быюджулэйсцы пили ее с удовольствием. Около родника лежала большая куча веток со странного вида желтыми плодами и чан с чем-то, напоминавшим пиво.

Солдаты с воплями ринулись к чану. Морватц выкрикнул приказ, остановил их. Крайне недовольные, солдаты повернули обратно.

Клайстра достал из выюка кружку и протянул Морватцу:

— Норма на каждого.

Он услышал восторженные крики солдат и сказал Пианце:

— Если бы мы могли каждый вечер поить их грогом, нам не пришлось бы их охранять.

Пианца покачал головой:

— Совсем как дети. Никакого контроля над эмоциями. Надеюсь, они не напьются.

— Напьются или нет, главное, что мы можем расслабиться. Ты с Фэйном — первая вахта. Через четыре часа вас сменю я с Бишопом. Не спускайте глаз с выюка с дротиками. — Он пошел сменить Элтону повязку, но увидел, что с раненым уже сидит Нэнси.

Быюджулэйсцы, распевая, разожгли костер и подкинули в огонь несколько веток из кучи, от которых дым приобрел острый, пряный запах. Пианца был явно обеспокоен.

— Они уже пьяны. И, боюсь, могут стать неуправляемыми.

Клайстра смотрел на солдат с растущим раздражением. Те, толкаясь и крича, пытались пробиться туда, где дым был гуще. Их лица расплывались в идиотских улыбках. Те, кого вытолкнули, с проклятиями пытались проваться обратно.

— Какой-то наркотик, — сказал Клайстра. — Местный аналог марихуаны. Морватц!

Красноглазый Морватц вышел из дыма и несколько раз тряхнул головой, будто сметая опьянение.

— Накормите ваших людей и устраивайтесь на ночлег. Хватит дышать дымом.

Морватц кивнул и после недолгих, хотя и яростных пререканий привел лагерь в порядок.

Сварили котел каши. К каше полагалась добавка — горсть сушеного мяса и зелень.

Клайстра подошел к Морватцу. Тот ел отдельно от своих солдат.

— Что это за дым?

— Это зигаге, очень сильное зелье, очень ценное. Но только низшие касты вдыхают дым — очень вульгарно, да и ощущения не те.

— А как же его используют высшие касты?

Морватц тяжело вздохнул:

— Обычно я вообще им не пользуюсь. Зигаге высасывает жизнь — дым, жидкость, трубка, — люди дорого платят за эту радость. Простите, а что глотает ваш спутник?

Стив Бишоп запивал водой очередную порцию витаминов.

— Это другое дело, — улыбнулся Клайстра. — Бишоп думает, что это укрепляет его здоровье. Если скормить ему мел вместо витаминов, он не заметит.

— Еще один странный и бесполезный обычай землян, — сказал озадаченный Морватц.

Клайстра вернулся к своим товарищам. Нэнси уже закончила перевязку и теперь сидела рядом с зипанго-тами.

Со стороны костра донеслась ругань. Какой-то солдат снова подбросил зигаге в огонь, и теперь Морватц пытался оттащить его от костра. Солдат с налитыми кровью глазами отчаянно сопротивлялся.

Клайстра встал.

— Дисциплина. Ладно. Надо дать им урок.

Морватц вытаскивал из костра дымящиеся ветви. Солдат, не помня себя, вскочил и ударил его. Морватц упал лицом в огонь.

Роджер Фэйн кинулся вперед, чтобы помочь стонущему Морватцу. Трое солдат навалились на него и сбили с ног. Пианца выхватил ионник, но не стрелял — боялся попасть в Фэйна. Солдаты окружили его, но прежде, чем его повалили, он убил троих.

Вскоре земляне лежали безоружные, руки скручены за спиной.

Рядом лежал несчастный Морватц. Тот солдат, что ударил его, вынул свой меч и добил офицера. Потом подошел к своим пленникам. Провел острием меча по подбородку Клайстра.

— Ваши жизни не в моих руках. — Солдат взмахнул мечом. — Мы вернемся в Гросгарт. Мы получим деньги и звания. Пусть Лисиддер разбирается с вами.

— А цыгане? — выдохнул Клайстра. — Они доберутся до нас.

— Тьфу. Грязные животные! — рассмеялся солдат. — Мы убьем их, если они придут. — Он дико взревел, потом взял охапку веток из кучи и швырнул в костер. Поднялся густой дым, и солдаты ринулись в него, отталкивая друг друга.

Клайстра заворочался в веревках, но они крепко держали его. Он чуть не свернул себе шею. Где Нэнси?

Он уловил дальний звук, прислушался — со стороны степи доносилось пение, перелив четырех нот, изредка прерываемый звуком горна.

Поднялся ветер. Дым зигаге несло прямо на них. Не вдыхать его было невозможно. Едкий и приторный, он просачивался сквозь ноздри.

Первым ощущением была удвоившаяся, утроившаяся сила. Цвета, запахи, звуки стали ярче и четче. Каждый лист на дереве был неповторим, каждое биение пульса открывало вселенную.

Казалось, мозг не выдержит этого наплыва счастья. И одновременно другая часть мозга яростно работала. Проблемы становились удивительно простыми. Трудности вроде скрученных рук и перспективы встречи с Чарли Лисиддером выглядели едва ли заслуживающими внимания.

А пение звучало все ближе. Клайстра отчетливо слышал его, наверное, бюджулэйсцы слышали его тоже.

Пение гремело совсем рядом, и солдаты опомнились. Они оторвались от костра — налитые кровью выпученные глаза, испытанные лица, перекошенные рты, жадно хватающие воздух.

Их командир — убийца Морватца — запрокинул голову, как волк, и завыл.

Остальные подхватили. Смеясь и крича, они расхватали дротики и кинулись в беспорядке навстречу цыганам.

Командир что-то выкрикнул, солдаты на бегу приняли какое-то подобие строя и исчезли в темноте.

Роща была пуста. Клайстра перекатился на колени, встал на ноги и огляделся, пытаясь найти хоть какое-нибудь средство снять свои путы. Пианца прохрипел:

— Подожди. Я посмотрю, могу ли я развязать веревки. — Он тоже встал на колени, потом на ноги, прижался спиной к спине Клайстры, потом сказал со вздохом:

— Мои пальцы затекли. Я не могу ими двигать...

Солдаты уже выбежали в степь, на которую опустились сумерки. Пение цыган умолкло, и только горн продолжал звучать. Было трудно что-либо разглядеть. Клайстра видел падающие тела и отчаянную атаку быд-жулэйсцев.

Сражение поглотила ночь.

8. ПРОБЛЕМА ВИТАМИНОВ

Клайстра безуспешно пытался разорвать веревки на запястьях Пианцы. Его пальцы тоже распухли и потеряли чувствительность. Он почувствовал внезапную слабость, мысли двигались с трудом — видимо, сказывались последствия наркотика.

Шум боя то нарастал, то затихал. Из колодца-вылезла дрожащая и мокрая Нэнси.

— Нэнси! Скорее сюда.

Она растерянно поглядела на Клайстру, нервно шагнула вперед, остановилась, глядя в степь, где все еще шла свалка.

До пленников донесся победный крик солдат.

— Нэнси! — крикнул Клайстра. — Освободи нас, пока нас всех не перебили!

Нэнси поглядела на него со странным презрительным выражением.

Глубокие сильные голоса наполнили воздух. Крики солдат оборвались. И четко стало слышно, кто ведет боевую песнь — Этман Бич Божий.

— Нэнси! Сюда! Развяжи нас. Они будут здесь через минуту!

Она кинулась вперед, вытаскивая нож. Земляне вставали, разминая затекшие запястья. Боль от восстанавливавшегося кровообращения усиливало наркотическое похмелье.

— В конце концов, нам больше не придется сторожить быоджулэйсцев, — пробормотал Клайстра.

— У цыган сегодня праздник, — сказал Бишоп. Он был единственным, кто сохранил силы, как будто и не получал своей порции дыма зигаге. Клайстра с завистью наблюдал, как Стив носится на поляне, собирая вещи. Его собственные мускулы сейчас напоминали тряпки.

Мосс Кетч с усилием поднял что-то с земли:

— Чей-то ионник.

Клайстра обшарил поляну и нашел свой пистолет там, где его беспечно бросили.

— Вот мой. Их это не заинтересовало. — Ветердохнул ему в лицо дымом. Клайстра снова почувствовал себя счастливым. — Черт! Сильное зелье.

Стив Бишоп лег на землю и стал отжиматься. Заметив ошеломленные взгляды остальных, он легко вскочил.

— Я чувствую себя великолепно, — улыбнулся он. — Этот дым — прекрасный допинг.

Степь молчала. Высоко в небе мерцали чужие звезды.

И тут снова зазвенела боевая песнь цыган. Громко и совсем рядом. Что-то свистнуло в вышине, прошелестело сквозь листву.

— Ложись, — прошептал Клайстра. — Стрелы. Все от огня!

А песнь становилась все громче. Четыре ноты в странном, прыгающем ритме и непонятные слова.

Голос Этмана звучал как гром.

— Выходите, чужестранцы, жалкие бродяги, выходите... Я Этман Бич Божий. Этман Работорговец. Ваша жизнь — бремя для вас, ваши мысли тяжелы. Выходите, я привяжу вас к своей повозке, вы будете есть траву, и вас не беспокоят мысли. Выходите ко мне.

Они увидели его силуэт и кольцо зипанготов за ним. Клайстра прицелился, потом опустил пистолет. Это было все равно что рубить вековое дерево.

— Лучше оставь нас в покое, Этман! — крикнул он.

— Ба! — Сколько презрения было в этом звуке. — Вы не смеете встретиться со мной. Я пойду к вам, одолею ваши электрические штуки, согну ваши шеи.

Клайстра опустил пистолет еще ниже, затем собрался, смахнул с себя чары этого человека и нажал на спуск. Багровый луч вошел в грудь Этмана — и ничего не произошло. «Он заземлен» — в панике подумал Клайстра.

Фигура Этмана четко виднелась на фоне костра. Огромная, больше, чем жизнь...

Бишоп поднялся на ноги и медленно пошел к Этману. Цыган пригнулся. Внезапно Бишоп резко взмыл вверх и приземлился за спиной противника. А тот совершил замечательное сальто-мортале и упал. Бишоп вскочил ему на спину, взмахнул рукой, потом встал, отряхивая ладони. Клайстра, все еще ничего не понимая, кинулся к нему.

— Что ты сделал?

— Попробовал на нем прием дзюдо, — скромно ответил Бишоп. — Этот тип выигрывал сражения голосом и гипнотизмом. На деле он совершенно безобиден. Кажется, я убил его первым ударом.

— Я не знал, что ты владеешь дзюдо.

— Я не владею. Несколько лет назад я прочел книжку о дзюдо. А сейчас вспомнил. Черт! Ты посмотри, сколько зипанготов.

— Они, наверное, принадлежали тем политборо, которых убили солдаты. Теперь они принадлежат нам.

— А где же остальные цыгане?

Клайстра прислушался. В степи было тихо.

— Ушли.

Они вернулись в рощу, ведя за собой зипанготов.

- Нам пора отправляться,— сказал Клайстра.
- Сейчас? — возмутился Фэйн.
- Сейчас,— огрызнулся командир.— Мне это нравится не больше, чем вам. Но,— он показал на зипанготов,— теперь мы можем ехать верхом.

Утро, день и вечер земляне провели верхом, едва держась в седлах от слабости. Из-за резкой, прыгающей походки верблюдащеров спать в седле было невозможно. Наконец, небо потемнело.

Они развели в ложбине костер, сварили и съели кашу, выставили часовых и улеглись спать.

На следующее утро Клайстра открыл глаза и увидел, что Бишоп делает пробежки туда и обратно по склону ложбины. Командир протер глаза, зевнул и с усилием поднялся на ноги. Он чувствовал себя полностью разбитым. Шатаясь, он подошел к Бишопу:

— Какая муха тебя укусила? Ты раньше никогда не делал зарядку.

Длинное некрасивое лицо Бишопа пошло красными пятнами.

— Сам не понимаю. Я в прекрасной форме. Я никогда не чувствовал себя так хорошо. Наверное, действовали витамины.

— Они почему-то не действовали, пока мы не надышались зигаге. Вот тогда это пошло как лавина, и ты разделал Этмана на котлеты.

— Как ты думаешь, это навсегда?

Клайстра потер подбородок.

— Если так, то это замечательно. Но почему тогда остальные чувствуют себя отвратительно? Ведь мы ели и пили одно и то же. За исключением тебя,— он удивленно посмотрел на Бишоп.— Ты ведь накачал себя витаминами, прежде чем нас связали?

— Ну да. Это так. Интересно, может, тут есть какая-то связь... Очень интересно.

— Если мне еще когда-нибудь придется вдыхать зигаге,— пробормотал Клайстра,— я узнаю наверняка.

Четыре дня от восхода до заката они ехали по степи, не видя людей, пока в середине четвертого дня не натолкнулись на двух девушек-цыганок. Им было лет по шест-

надцать. Они пасли стадо грязно-желтых животных — печавье. Девушки носили полосатые халаты, ноги их были обмотаны тряпьем. Завидев всадников, девушки бросили свое стадо и кинулись к ним.

— Вы чужеземцы-работоторговцы? — радостно спросила первая. — Вы не возьмете нас?

— Простите, — сухо сказал Клайстра. — Мы просто путешественники. Ваш народ тоже торгует рабами. Зачем искать чужеземцев? И откуда столько энтузиазма?

Девушки захихикали, и Клайстра почувствовал, что сказал глупость.

— Рабов часто кормят, и едят они с тарелок, им позволяют укрываться от дождя. Цыгане не продают людей своей крови, и мы живем хуже, чем рабы.

В нерешительности Клайстра разглядывал девушек. Если он будет исправлять каждую несправедливость по дороге, то никогда не доберется до Территории Земли. Он обернулся к своим.

Элтон поймал его взгляд.

— Я могу взять хорошую служанку, — легко сказал он. — Ты, как тебя зовут?

— Мотта. А это — Вайли.

— Есть еще желающие? — устало спросил Клайстра.

Пианца покачал головой. Фэйн засопел и отвернулся.

Стив Бишоп произнес с видом экспериментатора:

— Я, пожалуй, возьму.

Еще три дня в степи, и каждый похож на предыдущий. На четвертый день рельеф начал меняться. Вереск стал выше, и сквозь него труднее было ехать. Иногда встречались роскошные кусты высотой около шести футов с листьями, похожими на хвост павлина. Впереди блестела голубая полоса. Цыганки сказали, что это река Уст.

В середине дня они добрались до Эдельвейса, деревянного форта с трехэтажными башнями по углам.

— Иногда южные казаки нападают на Волшебников, — объяснила Мотта. — Их не пускают на распродажу:

вид голых ног сводит их с ума, и они начинают убивать. Но они ценят серую соль, которую привозят с верховьев Уста, из Гаммерея. У волшебников ее много. Поэтому Эдельвейс хорошо охраняется.

Город в свете полуденного солнца казался игрушечным, собственной миниатюрной копией — коричневые дома с черными окнами и двускатными красно-зелеными крышами. В центре города стояла высокая мачта с большим шаром наверху, напоминавшая смотровую надстройку на паруснике.

— Здесь начинается воздушная дорога до Болотного острова. А еще отсюда наблюдают небо. Самые мудрые из волшебников могут читать судьбу по облакам.

— По облакам?

— Так говорят. Но мы, женщины, знаем мало.

Они ехали по направлению к реке и во второй половине дня достигли ее. Широкий Уст тек с севера и потом поворачивал на запад. На поверхности бурлили водовороты, как будто какое-то подводное чудовище всасывало воду. Другой берег, пологий и низкий, порос густым лесом. Посредине реки лежал небольшой остров.

— Смотрите! — хрипло закричал Фэйн. И без его крика все глаза уже были прикованы к воде. Со стороны острова подплывало черное чудовище. Его тело было круглым и гладким, а голова, напоминавшая лягушечью, была перерезана огромным ртом. Голова качалась в разные стороны, что-то подхватывала с поверхности воды и, чавкая, жевала. Зверюга описала круг и скрылась в зарослях у противоположного берега.

Фэйн облегченно вздохнул:

— Это да. Неплохое соседство.

Пианца внимательно оглядел реку:

— Меня удивляет, что кто-то отваживается пересекать ее.

— Все пользуются воздушной дорогой, — ответил Элтон.

Тонкий серый провод тянулся от башни в центре Эдельвейса до одного из деревьев на другом берегу. На середине реки он висел всего в пятидесяти футах над водой.

Клайстра раздраженно фыркнул:

— Они действительно сшили два берега. Нам придется просить перевоза.

— Вот так волшебники и получили свое богатство,— сказала Мотта.

— Они обдерут нас как липку,— проворчал Фэйн.

Клайстра провел рукой по волосам:

— У нас нет выбора.

И они направились вдоль берега к Эдельвейсу.

Перед ними возвышались стены города: балки двухфутовой толщины, связанные наверху лианами и скрепленные штифтами. Дерево казалось теплым и мягким. Клайстра подумал, что решительный человек легко мог бы прорубить себе дорогу топором.

Когда они подошли к воротам, то увидели, что ворота распахнуты и ведут в маленький, окруженный стенами двор.

— Странно,— сказал Клайстра.— Ни стражи, ни привратника. Никого.

— Они напуганы,— хихикнула Вайли и закричала: — Волшебники! Выходите и проводите нас к воздушной дороге!

Нет ответа. Что-то прошуршало за стенами.

— Выходите! — завизжала Мотта.— Или мы сожжем стены!

— Боже мой,— пробормотал Пианца. Бишоп зажал уши руками.

Вайли не хотелось отстать от подруги.

— Выходите и приветствуйте нас, иначе мы перебьем всех!

Стив Бишоп заткнул ей рот:

— Вы с ума сошли!

— Мы перебьем всех волшебников и снесем город в реку!

В проеме что-то зашевелилось. Из него вышли трое лысых дрожащих старцев. Их голые, не прикрытые лохмотьями ноги состояли из костей и вен.

— Кто вы? — спросил первый. — Идите своей дорогой, у нас ничего нет.

— Мы хотим пересечь реку, — сказал Клайстра. — Перевезите нас, и мы больше не будем вас беспокоить.

Старцы о чем-то посоветовались, бросая на Клайстру подозрительные взгляды:

— Вы опоздали. Вы должны подождать.

— Подождать? Чего? — потребовал Клайстра.

— Мы мирные волшебники, безобидные заклинатели и торговцы. А вы — люди из Разбойничьих земель и, конечно, собираетесь отнять у нас наше добро.

— Восьмером? Ерунда! Мы хотим переправиться.

— Это невозможно, — дрожащим голосом ответил старец.

— Почему?

— Это запрещено. — Все трое кинулись в проем. Ворота захлопнулись.

Клайстра закусил губу.

— Какого черта!

Эса Элтон показал на мачту:

— Там гелиограф. Они посылали сигналы на запад. У них приказ Бэджарнума.

— В этом случае, — сказал Клайстра, — мы должны переправляться немедленно. Здесь мы в ловушке.

Фэйн оглядел берег:

— Лодок не видно.

— И плот не из чего сделать.

— Плот нам не поможет, — нахмурился Фэйн. — У нас нет ни парусов, ни весел.

Клайстра рассматривал стену Эдельвейса. Элтон улыбнулся.

— Пари, что мы думаем об одном и том же.

— Кусок стены, что стоит параллельно реке, это готовый плот.

— Ну и что, — сказал Фэйн. — Здесь такое течение, что нас снесет до Марванского залива.

— Есть очень простой способ, — сказал Клайстра. Он снял с вьюка веревку и сделал из нее лассо. — Я лезу на стену, а вы прикрываете меня снизу.

Он закинул лассо на балку, подтянулся, осторожно взобрался на стену и поглядел вниз.

— Никого нет. Тут крыши. Кто-нибудь... Элтон, давай ко мне.

Когда Элтон залез на крышу, за темными стенами и закрытыми окнами не было слышно ни звука.

9. ГРИМОБОТ

Он услышал треск: Мосс Кетч тоже взобрался на стену.

— Хотел посмотреть на Эдельвейс изнутри. Мерзкое местечко.

— Посмотрите на стену, — сказал Клайстра. — Если мы разрежем веревки и сломаем штифты здесь и здесь, то сможем спустить стену прямо в реку.

— А как с великими речными змеями — гримоботами? — спросил Кетч.

— Неизвестное в нашем уравнении. Придется рискнуть.

— Они могут поднырнуть под плот?

— Наверное, — сказал Клайстра. — Ты хочешь остаться здесь?

— Ну нет.

Элтон взмахнул руками:

— Давайте займемся делом.

Клайстра поглядел на небо:

— До заката еще час. Достаточно, чтобы управиться, если все пойдет хорошо. Кетч, давай вниз и гони всех, включая зипанготов, на берег под обрыв. Будь осторожен, когда мы обрушим стену. Если плот упадет в реку, тащите его на берег, чтобы не уплыл.

Кетч спрыгнул на землю.

— Мы должны сделать дело, прежде чем они поймут, чем мы заняты. — Клайстра поглядел вниз. В двадцати футах кончался обрыв и еще пятьдесят футов до берега. — Стена поедет вниз под собственной тяжестью.

— Пятидесяти футов будет достаточно, — сказал Элтон. — Очень легкое дерево.

— Мало. Но это все, что мы можем взять. Я не думаю, что волшебники будут стоять и смотреть, когда мы начнем работу.

На берегу появились зипанготы, Кетч, Пианца, Фэйн, Бишоп и девушки. Клайстра кивнул Элтону, вынул свой нож и полоснул по первой веревке. Сзади послышались внезапные крики ярости. Из ниоткуда, крича и воя, вынырнули четыре старухи. Рядом с ними появилось несколько волшебников, худых, белокожих, размалеванных зеленью.

Веревка разошлась.

— Пора, — сказал Клайстра. — Пока они не навалились на нас. — Он вытащил ионник. Раз, два, три. Стена зашаталась. Они уперлись в нее плечами и толкнули. Стена перекосилась и застыла.

— Вниз, — скомандовал Клайстра. — Там есть еще несколько веревок. — Он нагнулся и заглянул под крышу. — Придется стрелять вслепую. Ты — со своей стороны, я — со своей.

Две полосы багрового света протянулись вниз. Нижние концы бревен охватил огонь. Стена подалась и затрещала.

— Двигаем! — крикнул Клайстра. — А теперь быстро назад! — Стена развалилась, часть ее поползла вниз, упала ребром на берег, закачалась и с грохотом рухнула в реку.

Клайстра проследил, как Кетч закрепляет плот у берега, и развернулся, чтобы встретить атаку волшебников. Они яростно кричали, но отступили назад, встретив взгляд Клайстры. Женщины размахивали руками, ругались и кричали, но тоже не двигались вперед. Клайстра поглядел на реку. Стена, ставшая плотом, мирно покачивалась на воде, удерживаемая веревкой Кетча. Фэйн и Пианца стояли рядом, задрав головы.

Клайстра закричал:

— Заведите животных на плот и стреножьте.

Бишоп закричал что-то, чего Клайстра не понял. Волшебники подбирались все ближе.

— Назад, — жестко сказал Клайстра, — или я перерублю ваши длинные ноги. — Его слова не оказали действия,

волшебники продолжали наступать. В руках у них появились длинные острые пики.

— Похоже, нам придется уложить нескольких, — сказал Клайстра, — если они не остановятся. — Он прицелился в крышу и прожег дыру в футе от ближайшего волшебника. Тот даже не повернул головы и продолжал идти вперед.

— Чертовы истерики, — пробормотал Клайстра. — Бедняги. Мне это не нравится. — Он нажал на спуск. Объятые пламенем люди падали с крыш, скатывались по лестницам.

Клайстра перегнулся через стену и крикнул:

— Заканчивайте скорей и будьте готовы!

Элтон глядел на мачту.

— Нам нужно повредить все: и мачту, и веревки. Смотри, три провода ведут вверх. Еще три — к креплению в середине. Если мы перережем три верхних, мачта тихо сломается.

Клайстра проверил магазин своего ионника:

— Надо беречь энергию. У нас не так много осталось. — Он прицелился и выстрелил. Со звуком лопнувшей струны три кабеля, извиваясь, опустились на крыши Эдельвейса. Мачта треснула, как морковка, и рухнула у самых ног землян. Крики прекратились.

Элтон крикнул вниз:

— Внимание! Идет!

Кабель, соединявший берега, был натянут очень туго и теперь, когда напряжение исчезло, поволок обломков мачты по крышам, через пролом, за обрыв.

— Держите его, — крикнул Клайстра, — привязывайте к плоту! — Он начал спускаться по стене. Элтон за ним. Они скатились по обрыву и вылетели на берег.

— Скорей, — звал Пианца. — Наш якорь долго не выдержит! Он может порваться в любую минуту.

Клайстра и Элтон вбежали в воду, вскарабкались на плот.

— Поехали.

Плот тронулся, оставляя за собой обрыв и опустошенный, опечаленный Эдельвейс.

— Бедняги, — сказал Клайстра.

Течение сносило плот на запад, но кабель разрушенной воздушной дороги удерживал его на курсе.

— Ах! — воскликнул Фэйн, тяжело опускаясь на выюки. — Мир, покой — какая прелесть!

— Придержи восторги до того берега, — сказал Кетч. — Или до встречи с гримоботом.

Фэйн вскочил.

— Я совсем забыл о них! Боже! Где они... Не одно, так другое!

— Посмотрите, — тихо сказал Бишоп. Все обернулись и увидели темное пятно почти рядом с краем плота. Что-то плоское, блестящее и, видимо, очень большое. Оно зашевелилось и вспрыгнуло на плот... Шесть дюймов в диаметре.

Эли Пианца рассмеялся. Бишоп наклонился к «чудовищу»:

— Мне казалось, что это кончик щупальца.

— Местная разновидность пиявки.

— Однако, вид у нее. — Бишоп сбросил гостью обратно в реку.

Плот дернулся, остановился, вода вокруг заволновалась.

— Что-то прямо под нами, — шепнул Клайстра.

Мотта и Вайли заплакали.

— Тихо, — скомандовал Клайстра. Девушки умолкли. Движение прекратилось, и вода успокоилась.

Бишоп дотронулся до руки Клайстры:

— Посмотри на Эдельвейс.

Над одной из башен города появился фонарь. Он вспыхивал и гас, вспыхивал и гас.

— Клод, они с кем-то разговаривают. Наверное, с Болотным островом. Надеюсь, они не собираются перерезать свой конец кабеля.

— Фэйн может сплавить на тот берег с сообщением, — предложил Элтон. Фэйн недовольно вздохнул. Элтон хихикнул.

Из-за острова, задрав голову, выплыл гримобот. Мрак скрывал его очертания, но не мог скрыть огромных горящих глаз. Вода журчала, смыкаясь за ним. Гримобот что-то урчал про себя.

— Он видит нас, — сказал Клайстра, вытаскивая ионник. — Надеюсь, я смогу ранить или отогнать его. На то, чтобы убить его, у нас не хватит энергии.

— Целься в голову, — сказал Пианца, — в глаза. Пусть он не видит нас.

Клайстра кивнул. Пламя охватило голову животного, но гримобот не изменил направления. Клайстра прицелился в туловище. Звук рвущейся ткани. В боку гримобота открылась рваная рана, из которой сыпалось что-то белое.

Клайстра перевел прицел на уровень ватерлинии. Чудовище закричало человеческим голосом.

— Копья! — крикнул Клайстра. — Они бросают копья!

Удар. Что-то вонзилось в дерево за его спиной. Затем еще удар, еще, потом странный звук и гортанный крик. Клайстра вскочил:

— Кетч!

Мосс Кетч попытался вытащить копьё из своей груди, упал на колени, все еще сжимая древко руками.

— Они идут на абордаж! — вскрикнул Фэйн.

— Разойдитесь, — сказал Пианца. Он приподнялся на локте.

Оранжевое пламя вырвалось из теплового пистолета, упало на волшебников, сметая их с плота в реку.

Гримобот, глубоко сидя в воде, плыл по течению, прочь от плота.

Клайстра осторожно перевернул Кетча. Руки Мосса застыли на древке копья. Клайстра встал и поглядел на темные стены Эдельвейса.

— Фэйн, помоги.

Он поднял Кетча за ноги. Фэйн наклонился, взял мертвеца за плечи.

— Что ты собираешься делать?

— Бросить его в реку. Что мы еще можем?

Фэйн открыл рот, что-то пробормотал. Клайстра ждал. Наконец, Фэйн заговорил подчеркнуто вежливым тоном:

— Мы могли бы похоронить его. Я имею в виду — настоящему.

— Где? В болотах?

Фэйн поднял тело.

Клайстра стоял, глядя на удаляющийся Эдельвейс.

— Гримобот — мошенничество. Коммерческое предприятие — отпугнуть людей от реки, чтобы они пользовались воздушной дорогой...

Ночь опустилась на Большую Планету. Берег казался черным. На плоту молчали. Они плыли вниз по реке, уносимые течением. А в сторону берега их тянул кабель бывшей воздушной дороги.

Над ними возвышались сосны Болотного острова. Уши забивало жужжание и гудение бесконечных насекомых. Было очень темно.

Плот медленно вошел в прибрежный ил и остановился.

— Мы подождем до рассвета, — сказал Клайстра. — Давайте поспим.

Но никто не уснул. Все сидели, глядя на черную воду, поглотившую Кетча. Их охватило странное ощущение пустоты. Так бывает, когда болит давно ампутированная рука.

Рассвет пришел как бы из ниоткуда, серебристый, мягкий. Потом восток окрасился желтым, оттеняя черный лес Болотного острова.

Крик Мотты разорвал тишину.

Клайстра мгновенно обернулся, кровь стучала в его висках. Огромное черное тело плыло через реку, над ним вздымалась бочкообразная голова, перерезанная узким ртом. Голова покачивалась на длинной шее, изредка погружалась в воду. Когда она выныривала, рот был забит желтоватым мхом. Зверюга покружилась на месте, потом скрылась из глаз.

Люди на плоту обрели способность двигаться. Женщины были в истерике.

Клайстра покачал головой:

— Значит, гримоботы все-таки существуют.

— Готов поклясться на Библии, — заявил Фэйн.

— Но они вегетарианцы. Волшебники пустили слух о хищниках, чтобы заменить лодки воздушной дорогой. Ладно, пошли.

Освобожденный плот медленно уплывал вниз по реке. Навьюченные и оседланные зипанготы в нетерпении били копытами и изгибали длинные шеи.

Клайстра прошел немного в глубь болота, пробуя землю. Из-за крутых кочек, покрытых серо-зеленым мхом, трудно было определить маршрут далее чем на сто ярдов, но, в общем, дорога была приемлемой. Только кое-где между кочками плескалась черная вода.

Клайстра вернулся к реке. Зипанготов построили в линию так, чтобы голова последующего чуть ли не упиралась в хвост предыдущего.

— Вперед! — сказал Клайстра.

Река осталась позади и скоро исчезла из виду. Караван полз, как змея в высокой траве, изгибаясь влево и вправо, тщательно огибая «окна» черной воды.

Солнце уже встало, и тени полосами ложились на стволы деревьев.

10. МОНОРЕЛЬС

Около полудня они увидели перед собой просвет — озеро. Серебристую поверхность морщили мелкие волны, в глубине отражались облака. У противоположного берега качалось несколько узких лодок под латинскими парусами. А дальше виднелся Город-на-Болотах. Он висел в воздухе у самых вершин деревьев, как мираж, и напоминал Клайстре старинные рыбацьи поселки на сваях.

Какое-то время путешественники разглядывали город. Пронзительный крик заставил их обернуться, что-то маленькое и пестрое пролетело над их головами, бешено работая крыльями.

— На мгновение, — сказал Фэйн, — мне показалось, что это опять волшебники.

Они вернулись в лес. Снова пошли зигзагами, им почти не удавалось идти по прямой. Огромное солнце плыло по небу вслед за ними. Через несколько часов Клайстра увидел в вышине стены Города-на-Болотах. Через пять минут караван вошел в его тень.

— Минуточку, — сказал спокойный голос. Путешественники обернулись и увидели, что окружены отрядом солдат в зеленых мундирах.

— Какое дело привело вас сюда? — спросил офицер.

— Мы путешествуем.

— Путешественники? — офицер поглядел на зипанготов. — Откуда вы прибыли?

— Из Джубилита, что на севере Бьюджулэйса.

— Как вы переправили этих животных через Уст? Не по воздушной дороге — это точно, иначе наш агент сообщил бы нам.

— Мы переправились на плоту, прошлой ночью.

Офицер дернул себя за ус:

— А как же гримоботы...

— Волшебники морочили вам голову, — улыбнулся Клайстра. — Гримоботы — безобидные вегетарианцы. Единственный плотоядный среди них — муляж с солдатами внутри.

Офицер пробормотал что-то по адресу волшебников.

— Торд Виттельхэтч будет рад услышать это. Волшебники и их тарифы приводят его в ярость. Учитывая то, что кабель протянул он...

— Кабель заинтересовал меня. Он металлический?

— Конечно, нет, — рассмеялся офицер, красивый молодой человек с выразительным лицом и роскошными усами. — Пойдемте, я покажу вам, где вы сможете отдохнуть. По дороге посмотрите наши мастерские. Мы делаем лучшие веревки в мире.

Клайстра не двинулся с места.

— Мы хотели бы продолжить путь и пройти как можно дальше до наступления ночи. Вы не укажете нам дорогу?

— Когда богатый человек спешит, он едет по монорельсу, — сказал офицер. — Это стоит много металла... вам лучше поговорить с Виттельхэтчем.

— Прекрасно.— Клайстра махнул своим спутникам, и они двинулись за офицером через кварталы ремесленников. Сеть веревочных переходов охватывала площадь примерно в пятьсот квадратных футов, практически очищенную от деревьев. Их было оставлено ровно столько, чтобы выдерживать тяжесть города.

— Наши канаты непревзойденного качества,— сказал офицер, гордо подкрутив ус.— Легкие, крепкие, непромокаемые. Мы производим канаты для монорельсов Фелиссимы, Боговера, Тельмы, для Гросгартской линии и для Миртлисса.

— Хм... А что такое монорельс?

Офицер рассмеялся:

— Вы меня разыгрываете. Вперед, я провожу вас к Виттельхэтчу. Он обязательно устроит пир в вашу честь. У него лучшая кухня на острове.

— Но наши вьюки, наш багаж... И зипанготов еще не кормили, на ваших болотах им негде пастись.

Офицер поднял руку, и четверо солдат выступили вперед.

— Возьмите животных, накормите и вычистите их, смажьте потертости, обмойте и перевяжите ноги. Поставьте в стойла.— Он повернулся к Клайстре.— Ваш багаж в безопасности. На Болотном острове нет воров. Здесь живут только торговцы и ремесленники. Грабеж не в их привычках.

Лорд Виттельхэтч оказался краснолицым толстяком, добродушным и раздражительным. Он был одет в белую рубашку, расшитую лягушками, красный жилет, голубые штаны в обтяжку и черные сапоги. Он носил золотые серьги, пальцы его были украшены металлическими перстнями. Он встретил гостей, сидя в парадном кресле, куда, очевидно, только что втиснулся, ибо все еще фыркал и пытел, устраиваясь поудобнее.

Офицер, почтительно поклонившись, представил Клайстру:

— Путешественник с запада, милорд.

— С запада? — Виттельхэтч прищурился и погладил один из подбородков.— Насколько мне известно, воздушное сообщение прервано, и нам придется восстанавливать линию. Как вам удалось переправиться?

Когда Клайстра объяснил суть дела, Виттельхэтч взорвался:

— Ах, негодяи! Постойте, но мы можем приобрести дурную славу из-за такого соседства!

— Мы хотим продолжить путешествие, — со сдержанным нетерпением сказал Клайстра. — Ваш офицер порекомендовал монорельс.

Виттельхэтч немедленно обрел деловой вид.

— Сколько вас?

— Восемь человек и багаж.

Виттельхэтч повернулся к офицеру:

— Как ты думаешь, Озрик, пять одиночных и грузовик?

— Багажа немного. Лучше два грузовика и два одиночных. И проводника: они не умеют обращаться с тележками.

— Куда вы направляетесь?

— Как можно дальше на восток.

— В Миртлесс. Очень долгое путешествие — плата сверх обычной. Если вы купите тележки — девяносто унций железа. Если наймете — шестьдесят, плюс плата проводнику, плюс компенсация за обратный рейс порожняком — еще десять унций.

Клайстра вежливо кивнул и сбил арендную плату до пятидесяти унций. Вдобавок Виттельхэтч получал зипанготов, но зато проводнику платил он.

— Ты поведешь эту партию, Озрик?

— С удовольствием.

— Хорошо, — сказал Клайстра. — Мы отбываем немедленно.

Ветер наполнял паруса, и колеса тележки легко скользили по монорельсу, полудюймовому канату из белой болотной веревки. От Города-на-Болотах дорога вела с дерева на дерево, через топи к скалистой равнине, проходя всего в шести футах над базальтовыми зубьями. Через каждые пятьдесят футов в землю были вкопаны мачты с захватами, поддерживающими монорельс. Они были сделаны так хорошо, что тележки проносились мимо креплений, не останавливаясь ни на мгновение.

Озрик вел первую тележку, Клайстра – вторую. Затем шли два трехколесных грузовика с багажом: едой, одеждой, металлом, витаминами Бишопа, туристским снаряжением Фэйна и всяким хламом, оставшимся от солдат Бьюджулэйса. На первом ехали Элтон, Мотта и Вайли, на втором – Бишоп, Пианца и Нэнси. Фэйн в одиночной тележке замыкал колонну.

Исследуя свое средство передвижения, Клайстра понял нежелание Виттельхэтча расставаться с ним даже временно. Деревянные части тележки были так точно подогнаны, что механизм работал не хуже своих металлических собратьев с Земли.

Большое колесо было собрано из семи частей, тщательно притертых друг к другу и отполированных до блеска. Ножка сиденья была когда-то суком, росшим непосредственно из пола. Веревки, управляющие парусами, сходились к передку тележки. Здесь же, почти на уровне пола, располагались педали, напоминающие велосипедные. Они позволяли преодолеть самый крутой подъем и служили двигателем в безветренную погоду.

Около полудня рельеф изменился. Холмы стали выше, и путешественникам пришлось остановиться и перегрузить тележки на следующий уровень монорельса.

В конце дня они заночевали в свободном коттедже около станции и на следующее утро перевалили через горы, Озрик назвал их Вискильским хребтом. Монорельс шел через узкие долины от утеса к утесу, иногда облака закрывали от путников землю. Тележки проносились через впадины со страшной скоростью, благодаря силе инерции, и замедляли ход только у следующей вершины, и тут уж приходилось пускать в ход паруса и ноги, чтобы перевалить через нее.

Вечером третьего дня Озрик сказал:

- Завтра в это же время мы будем в Кристиендэйле.
- Народ там недружелюбный?
- Напротив.
- Кто правит ими?

Озрик напряженно задумался.

– Вы знаете, когда вы спросили меня, я вспомнил, что никогда не слышал о правителе или правителях

Кристиендэйла. Они, наверное, сами управляют собой, если их жизнь можно назвать управляемой.

— Сколько займет дорога от Кристиендэйла до Миртлисса?

— Никогда не ездил этим маршрутом. Он не очень приятен. Иногда Реббири спускаются из Гнезда, чтобы грабить путешественников. Так что, несмотря на усилия Служителей Фонтана, дорога небезопасна.

— Что лежит за Фонтаном Миртлисса?

Озрик презрительно махнул рукой:

— Пустыня. Земли пожирающих огонь дервишей, отщепенцев, говорят, там появляются вампиры.

— А потом?

— Горы Пало Мало Се и озеро Бларенгорран. Из него берет начало река Мончевиор. Она течет на восток, и вы можете проплыть часть пути на лодках. Я не знаю, как далеко, нижнее течение реки мало исследовано.

Клайстра подавил вздох. Когда они достигнут Мончевиора, им останется всего тридцать девять тысяч миль пути.

Ночью начался дождь, и не было спасения от ветра.

Продрогшие и мокрые, они встретили серый рассвет. Дождь прекратился на некоторое время, хотя тучи висели так низко, что, казалось, их можно достать рукой. Забравшись в тележки, они поставили паруса на самый малый и отправились в путь.

В течение двух часов они неслись вдоль горного кряжа. Ветер толкал их в спины, шипел и свистел. Внизу гнулись и тресали деревья, летели листья. Слева от них была темная, заполненная испарениями долина, панораму справа скрывал туман. Зато когда они пересекли кряж, их глазам открылась чудесная картина: зеленые холмы, леса, блестящие озера, большие каменные замки.

Озрик посмотрел на Клайстру и показал вниз:

— Долина Галатундин. Под нами Гибернская Марка. Герцоги, рыцари и бароны — и все воюют друг с другом. Здесь тоже опасно путешествовать.

Ветер все усиливался. Раскачиваясь из стороны в сторону, тележки неслись на восток со скоростью шесть-

десять миль в час. Если бы не благоразумно убранные паруса, скорость была бы еще больше.

Через час Озрик приподнялся и дал знак свернуть паруса совсем.

Тележки причалили к платформе. От нее вниз в долину вел монорельс, тонкая нить, скрывающаяся в тумане.

Нэнси глянула вниз и передернула плечами.

Озрик улыбнулся:

— Спускаться здесь легко. А вот на подъем требуется около двух суток.

— Мы спустимся вниз? — раздраженно спросила Нэнси.

— Мы погибнем, если будем двигаться так быстро, — сказал Озрик. — Ветер просто снесет нас с монорельса. За мной. — Он развернул свою тележку и через мгновение исчез внизу.

— Кажется, я следующий, — сказал Клайстра.

Это было... как ступить в пустоту, как нырнуть в море с утеса. Первые минуты — просто свободное падение. И еще ветер, поддувающий в спину. Над головой высоким голосом пели колеса, белая линия монорельса тянулась вниз, скрываясь из глаз.

Клайстра почувствовал, что скрип колес утих, спуск стал менее крутым, и земля приближалась.

Он пролетел над желто-зеленым лесом, над селением, маленькими беленькими домиками, вокруг которых бегали ребятишки в белых халатах. Потом впереди, в ветвях огромного дерева, он увидел платформу, а на ней — Озрика.

Клайстра взобрался на платформу. Озрик с улыбкой следил за ним.

— Как вам понравился спуск?

— Я бы не прочь двигаться с такой скоростью хотя бы три недели, мы бы добрались до Территории Земли.

Веревка задрожала. Подняв глаза, Клайстра увидел первый грузовик с Элтоном, Вайли и Моттой.

— Мы должны спуститься дальше, иначе платформа не выдержит, — сказал Озрик.

И тележки тронулись. Судя по тому, как полоскал парус, они явно попали в глаз циклона. Монорельс вел

от одной верхушки дерева к другой, и иногда черно-зеленая листва царапала дно тележек. Внезапно Озрик свернул свой парус и затормозил.

— Что-то не в порядке?

«Тише», — просигналил проводник, Клайстра подобрался вплотную к тележке Озрика.

— Что случилось?

Через просветы в листве Озрик внимательно рассматривал землю.

— Это опасное место. Солдаты — они грабят лесных людей, бандиты — иногда перерезают линию и убивают путешественников.

Клайстра увидел сквозь листву какое-то движение, мелькание серого и белого. Озрик выбрался из тележки на дерево, осторожно спустился на несколько футов. Клайстра напряженно следил за ним. Услышав за спиной скрип грузовика, Клайстра обернулся и дал им знак остановиться.

Озрик махнул ему рукой. Клайстра вылез из тележки и схватился за огромный сук, на котором уже стоял проводник. Отсюда было хорошо видно людей. Они наблюдали за монорельсом, как кот — за мышинной норой. Луки и стрелы наготове.

— Это ученики. Если вырастут, будут совершать набеги на города Марки и всей долины. — Озрик спокойно подкрутил винт своего арбалета.

— Что вы собираетесь делать?

— Убить старшего. Я спасу этим много невинных жизней.

Клайстра толкнул его под руку. Стрела срезала ветку над головой будущего убийцы. Клайстра увидел посеревшие лица мальчишек. Потом они, как зайцы, рванули в лес.

— Зачем вы это сделали? — яростно спросил Озрик. — Теперь они смогут убить меня, когда я поеду обратно.

Сначала Клайстра не находил слов, потом пробормотал:

— Простите... Полагаю, вы правы. Если бы это произошло на Земле...

Лес кончился. Теперь их дорога вела через речную долину. Речку Озрик назвал Тельма. Они перебрались на

другой берег и снова поплыли над фермами, каменными домиками. Крыши домов почему-то были утыканы колючками.

— Почему на крышах колючки и терновник? — спросил Клайстра.

— Это ловушки для призраков, — ответил Озрик. — Здесь полным-полно призраков, и почти каждый дом имеет своего. Они любят выпрыгивать на крышу и бегать туда-сюда. А колючки им мешают.

Монорельс шел над старой грунтовой дорогой. Несколько раз караван обгонял большие красные повозки фермеров, нагруженные дынями, бутылками вина, корзинами с зеленью. Босые мальчишки, погонявшие зипанготов, носили высокие колпаки и длинные вуали, закрывающие лицо.

— Чтобы обмануть призраков? — спросил Клайстра.

— Да.

По мере того как день клонился к закату, местность становилась все привлекательнее. Каждый клочок земли был тщательно ухожен. Фермы остались позади. Казалось, что караван плывет над огромным парком.

Озрик показал вперед:

— Видите белую водокачку? Это граница Кристиендэйла, самого прекрасного города в долине.

11. КАЖДЫЙ — МИЛЛИОНЕР!

Первое время они ничего не видели, кроме белых пятен между деревьями да коричневых мостиков. Тележки пролетели над пастбищем с красно-зеленой травой, затем деревья расступились, и они увидели город, поднимающийся из травянистой равнины. Далеко на восток за ним сверкали вершины гор.

Город был самым большим поселением людей, какое видели земляне на Большой Планете. Это не был земной город. Он напоминал Клайстре иллюстрацию к волшебной сказке.

Монорельс повернул, и путники увидели сцену в карнавальных тонах.

Игра была в самом разгаре. На поле стояло пятьдесят мужчин и женщин в очень сложных и красивых костюмах: шелковых, бархатных, атласных, украшенных бесконечными кружевами и позументами.

Поле было разбито на квадраты рядами разноцветной травы. Каждый игрок занимал свой квадрат. В воздухе над полем висели большие воздушные шары, с которых свисали шелковые занавесы.

Игроки перебрасывались легкими разноцветными мячами и ловили каждый по-разному, очевидно, в зависимости от цвета мяча и квадрата, на котором стоял игрок. Мячи мелькали в воздухе, сверкая, как драгоценные камни. Иногда кто-то из играющих умудрялся поймать сразу несколько и мгновенно разбросать по сторонам. Когда чей-нибудь мяч касался шелковой занавески, счет увеличивался, к большой радости части игроков.

Несколько сотен зрителей наблюдало за игрой из-за края поля. Эти люди были одеты не менее элегантно, чем игроки, и носили поразительные по сложности головные уборы.

Монорельс обогнул поле. Ни участники игры, ни зрители не обратили на него внимания. Клайстра увидел служителя, толкающего столик с прохладительными напитками:

— Пианца, посмотри, во что он одет!

Эли Пианца расплылся в улыбке:

— Это тукседо. Обеденный жилет. Черный галстук, темные брюки и кожаные башмаки. Замечательно.

— Интересно,— крикнул Фэйн,— как они относятся к футболу?

Клайстра перегнулся назад через край тележки:

— Стив, что ты знаешь о Кристиендэйле?

Бишоп сел на край своего грузовика, прямо под ведущим колесом.

— Тут есть какая-то тайна. Парадокс Кристиендэйла, кажется, так. Я только что вспомнил. Этот город основал синдикат миллионеров, чтобы не платить налоги Системе. Они переехали сюда вместе со слугами, тридцать семейств. То, что мы видим,— это результат.

Веревки закрипели, и тележки, похожие на огромных бабочек, пронесли под аркой и затормозили у платформы.

Трое носильщиков в темных ливреях выступили вперед и без единого слова сняли выюки с тележек и поставили на тачку с высокими колесами. Клайстра попытался остановить их, потом повернулся к Озрику:

- Что такое?
- Они считают, что вы богаты.
- Хм,— сказал Клайстра.— Я должен подтолкнуть их?
- Что?
- Дать им денег?

Озрик явно ничего не понимал.

- Ну, металл.
- А, металл.— Озрик подкрутил ус.— Это как хотите.

Подошел главный носильщик, высокий, чисто выбритый худошавый человек, явно с чувством собственного достоинства.

Клайстра вручил ему три маленьких кусочка железа:

- Вам и вашим людям.
- Спасибо, сэр. Куда прикажете доставить багаж?
- Что вы можете предложить?
- Отели «Савой», «Метрополь» и «Ритц-Карлтон».

Все отлично и дорого.

- Сколько?
- Около унции в неделю. «Караван-сарай» и «Фэйрмонт» тоже дорогие гостиницы, но в них потише.

— Есть ли приличная гостиница с более умеренными ценами?

- Я бы рекомендовал «Охотничий клуб».

Он отвел их к изящному ландо, покоившемуся на золоченых эллиптических колесах. Экипаж смотрелся замечательно, но у него отсутствовала всякая движущая сила — ни зипанготов, ничего.

Главный носильщик с поклоном отворил дверь. Шедший впереди Фэйн внезапно остановился:

— Это что, розыгрыш? После того как мы сядем, вы уйдете и оставите нас одних?

- Ни в коем случае, сэр.

Фэйн с трудом протиснулся в дверь и уселся. Остальные последовали за ним.

Главный носильщик осторожно захлопнул дверь. Четверо в облегающей темной униформе подхватили кожаные ремни, свисавшие с передка, и впряглись... Экипаж двинулся в центр города.

В Кристиендэйле было поразительно чисто. Стекла блестели, стены домов и тротуары были вымыты и вычищены, всюду росли цветы. Основным типом постройки были огромные башни, обвитые винтовыми лестницами и завершающиеся круглыми куполами.

Въехав в центр, они направились к большому цилиндрическому зданию. Покрывавший стены виноград и ряды высоких окон придавали достаточно тяжеловесному строению легкость и элегантность.

Они миновали роскошную вывеску с надписью «Отель Метрополь».

— Хм, — сказал Фэйн. — Это место выглядит прилично. После всех... неудобств нашего путешествия я могу выдержать недельку-другую роскоши.

Но экипаж продолжал ехать вдоль здания. Появилась следующая вывеска — «Отель Савой». Следующим был классический портик с надписью «Ритц-Карлтон». И снова Фэйн жалобно оглянулся, когда они проехали мимо.

— Могли бы остановиться.

Ландо оставило за собой вход в восточном стиле в «Караван-сарай» и еще через сто ярдов остановилось перед бело-зеленой вывеской «Охотничий клуб».

Швейцар помог им сойти на тротуар и широко распахнул дверь.

Путешественники проследовали коротким коридором, увешанным картинами, представляющими сцены охоты, и вошли в холл. Невдалеке был еще один вход, в глубине коридора мерцали зеркала.

Клайстра оглядел холл. Там были и другие двери, явно ведущие на улицу. Улыбаясь, он повернулся к Пианце:

— «Метрополь», «Савой», «Ритц-Карлтон», «Караван-сарай» — одна и та же гостиница.

Озрик свирепо закрыл ему рот рукой:

— Тише. Кристеры очень серьезно к этому относятся. Вы оскорбляете их.

– Но...

– Я должен был сказать вам, – торопливо добавил Озрик, – что вход, которым вы пользуетесь, обозначает ваше положение в обществе. Номера одинаковые, но благопристойнее входить через «Метрополь».

– Я понял, – сказал Клайстра. – Мы будем осторожны.

Швейцар провел их через холл к круглому столу из полированного дерева. Стол был разделен на секции, за которыми сидели клерки. Вокруг стола летали яркие бабочки.

Швейцар указал им на секцию, украшенную цветами «Охотничьего клуба». Клайстра обернулся и пересчитал своих, как курица цыплят. Все еще красный Фэйн разговаривал с усталым Пианцей. Элтон и Бишоп стояли около Вайли и Мотты, у девушек прекрасное настроение, рядом с ними – Нэнси, бледная и утомленная. За плечом Клайстры дышал Озрик. Все на месте.

– Простите, сэр, – сказал клерк. – Вы мистер Клод Клайстра с Земли?

– Почему вы спрашиваете? – удивился Клайстра.

– Сэр Уолден Марчион передает вам привет и ни-жайше просит вас и ваших друзей оказать ему честь и остановиться у него на то время, что вы будете в Кристиендэйле. На случай, если вы примете приглашение, он прислал экипаж.

Клайстра повернулся к Озрику и холодно спросил:

– Как этот сэр Уолден узнал о нашем прибытии?

– Главный носильщик спросил меня, кто вы... Я не видел причины молчать, – с достоинством ответил Озрик.

– Быстро здесь распространяются новости... Что вы думаете об этом приглашении?

Озрик повернулся к клерку:

– Кто такой сэр Уолден Марчион?

– Один из самых богатых и влиятельных жителей нашего города. Очень достойный джентльмен.

Озрик улыбнулся Клайстре:

– Я не вижу причины для отказа.

– Мы принимаем приглашение, – сказал Клайстра. Клерк кивнул.

— Я уверен, что вы сочтете ваше пребывание в замке сэра Уолдена приятным. К его столу неоднократно подавали мясо. Мэнвилль, если вы не против... — Он сделал жест в сторону клерка «Савоя». Тот, в свою очередь, кивнул молодому человеку в яркой желтой ливрее. Юноша вскочил, стремительно нырнул в коридор «Савоя» и вскоре появился через коридор «Охотничьего клуба». Он подошел к Клайстре и поклонился.

— Экипаж сэра Уолдена, сэр.

— Благодарю вас.

Осторожно, чтобы не совершить бестактности, выйдя через «Караван-сарай», путешественники выбрались на улицу и сели в ожидавшую их берлину. Швейцар захлопнул за ним дверь.

Кучер сказал:

— Ваш багаж будет доставлен к сэру Уолдену.

— Такое благородство, — пробормотал Клайстра. — Просто не верится...

Фэйн с блаженным выражением лица откинулся на сиденье:

— Боюсь, что я начинаю привыкать к феодализму.

— Интересно, — сказал Клайстра, глядя в окно, — что имел в виду клерк, говоря о мясе?

Озрик надул щеки:

— Легко объяснить. Из-за стечения обстоятельств в долине могут жить только зипанготы. А мясо у них поразительно жесткое, просто несъедобное. Кристеры — вегетарианцы. Они едят овощи, фрукты, рыбу, личинки насекомых. Мясо привозят из Кэлленвилли, и здесь оно деликатес.

Влекомая шестью лакеями в ливреях сэра Уолдена берлина грохотала по мостовой. Проехали мимо ряда магазинов, внутри первого были выставлены сложные изделия из шелка и газа, во втором — флаконы с разноцветными жидкостями и голубоватое мыло, следующий предлагал роскошные головные уборы, два ювелирных, с витринами, заполненными сверкающими украшениями из золота, серебра, стекла и железа.

— Меня интересует их экономика, — сказал Фэйн, — Это все должно где-то производиться. Где? Кем? Рабы?

Нужна мощная индустрия, чтобы поддерживать такой образ жизни.

Клайстра потер затылок:

— Не знаю, как они управляются. Все это невозможно вывезти с Земли.

— Их секрет, — сказал Пианца. — Парадокс Кристиендэйла.

— Кажется, это всем подходит, — подытожил Фэйн. — Все вокруг выглядят счастливыми.

— Все, кого мы видим, — сказал Элтон.

Вайли и Мотта шептались между собой. Их глаза горели от возбуждения. Клайстра представил себе, что должно твориться в их головах. Они пополнили, их щеки больше не напоминали ямы, волосы были вымыты и причесаны — девушки были очаровательны. Элтон и Бишоп имели полное право гордиться ими. Элтон погладил Мотту по голове:

— Тебе здесь что-нибудь нравится?

— Конечно! Драгоценности и металлы, и одежда, руши и кружева, и еще эти сандалии...

Элтон подмигнул Бишопу.

— Тряпки, тряпки и тряпки, — ответил Бишоп.

Экипаж повернул и очутился среди леса башен, изящных строений с шарами домов на вершинах.

Берлина остановилась у высокой зеленой колонны. Лакей распахнул дверь:

— Замок сэра Уолдена Марчиона...

12. ИДИЛЛИЯ КРИСТИЕНДЭЙЛА

Путешественники вывалились из экипажа.

— Прошу сюда.

И они начали подъем к куполу замка.

Элтон потрогал ступени.

— Дерево... Похоже, лестница растет прямо из стены. — Он наклонил голову, рассматривая крепления. — Они действительно растут! Это просто большие деревья.

Лакей обернулся и посмотрел на Элтона с неодобрением:

— Это замок сэра Уолдена, сэр.

— Вероятно, я ошибся, и это вовсе не гигантский желудь.

— Конечно, нет, сэр.

Лестница сделала последний поворот, и гости оказались на широкой платформе, обвеваемой прохладным бризом.

Слуга распахнул дверь и застыл около нее. Гости сэра Уолдена вошли в его воздушный замок.

Они стояли в большом, светлом и прохладном зале, обставленном с ненавязчивой роскошью. Пол был неровным и наклонялся к центру комнаты, где находился бассейн с голубоватой водой. Вокруг него летали стрекозы и бабочки.

— Располагайтесь,— сказал лакей.— Сэр Уолден немедленно выйдет к вам. Прошу вас, прохладительные напитки. Надеюсь, вам понравится.— Он поклонился и вышел. Гости остались одни.

Клайстра тяжело вздохнул:

— Выглядит все это неплохо...

Через пять минут появился сэр Уолден, высокий, сухошавый, очень красивый джентльмен. Он начал с извинений за то, что заставил дорогих гостей ждать, неотложные дела задерживали его в другом месте.

Клайстра при первой же возможности шепнул Пианце:

— Где мы могли его видеть?

— Понятия не имею,— покачал головой Пианца.

В зал вошли двое юношей четырнадцати и шестнадцати лет, одетые в роскошные красно-желто-зеленые одежды. Они поклонились:

— К услугам путешественников с Матери-Земли...

— Мои сыновья,— сказал сэр Уолден.— Тэйн и Хэлмон.

— Мы рады встретить такое гостеприимство, сэр Уолден...— начал Клайстра.— Но теряемся в догадках, чем оно вызвано. Мы — чужеземцы, в Кристиендэйле у нас нет друзей...

— Пожалуйста,— с элегантным жестом ответил сэр Уолден.— Мы поговорим об этом позже. А сейчас вы,

наверное, устали и нуждаетесь в отдыхе.— Он хлопнул в ладоши.— Слуги!

Из ниоткуда бесшумно появилось несколько мужчин и женщин.

— Ванну нашим гостям. Аромат.— Сэр Уолден задумчиво потер рукой подбородок, как бы решая важную проблему.— Найгали № 20, это самое подходящее. И подберите новые костюмы.

— Ванна,— сказал Фейн.— Горячая вода...

— Спасибо,— сказал Клайстра. Причины радушия все еще были темны.

Его проводили в уютный будуар, бесстрастный молодой человек в ливрее забрал его вещи:

— Ванная за дверью, лорд Клайстра.

Клайстра шагнул в небольшую комнату со стенами из перламутра, теплая вода лизнула подошвы, поднялась до шиколоток, до колен, до груди, охватила его целиком. Клайстра вздохнул, расслабился, напряжение последних дней ушло, оставляя только приятную усталость.

Уровень воды постепенно понижался, Клайстру обвил теплый ветер. Он толкнул дверь. Лакей исчез. В будуаре стояла улыбающаяся девушка с подносом.

— Я ваша горничная. Если вам неприятно, я могу уйти.

Клайстра схватил полотенце и завернулся в него.

— Где моя одежда?

С тем же выражением лица она подала ему кристиендэйльский костюм и помогла разобраться в его бесконечных крючках, ремешках и застежках.

Наконец она объявила, что он одет. На нем был зелено-голубой наряд, в котором он чувствовал себя смешным и неловким. Девушка настаивала, что мужчина не может появляться в обществе без головного убора, и, в конце концов, Клайстра позволил ей надеть черный бархатный берет на свою жесткую шевелюру. Прежде чем он успел что-либо сказать, девушка прицепила к его уху нитку красных бус.

Горничная отступила назад, с удовольствием разглядывая Клайстру.

— Теперь мой господин выглядит как король...

— Как король ослов,— буркнул про себя Клайстра.

Он спустился в главный зал. Лучи заходящего солнца били в хрустальные окна. В центре зала был накрыт стол на четырнадцать персон.

Посуда была мраморной, тонкой и хрупкой, явно ручная работа. Столовые приборы выточены из железного дерева.

Один за другим в зале появлялись спутники Клайстры. Мужчины выглядели странно в своих новых костюмах, девушки, наоборот, блистали красотой. Когда в зал вплыла Нэнси в свободном бледно-зеленом одеянии, Клайстра на мгновение потерял дар речи. Она отвела взгляд. Клайстра сжал зубы и отошел к бассейну.

Вошел сэр Уолден с сыновьями, дочерью и высокой женщиной в пышном наряде, которую он представил как свою жену.

Обед был грандиозным: несколько перемен блюд, каждое из кушаний было новым и поразительно вкусным. Разнообразие еды привело Клайстру в шок, особенно, когда он сообразил, что все блюда вегетарианские.

После обеда они пили темные тягучие ликеры и разговаривали.

Клайстра повернулся к гостеприимному хозяину:

— Прошу прощения, сэр, но вы так и не объяснили причины столь горячего интереса к случайным проезжим.

Сэр Уолден слегка поморщился:

— Это обычное дело. Поскольку мне нравится ваше общество, а вам все равно надо где-то остановиться, то какая разница?

— Это беспокоит меня, — сказал Клайстра. — Каждый поступок человека является результатом какого-то импульса. Природа импульса, заставившего вас послать за нами своего лакея, занимает мой ум... Надеюсь, вы простите мою настойчивость.

— Некоторые, — улыбнулся сэр Уолден, — из жителей Кристиендэйла верят в Доктрину Нелогичного Действия, которая несколько противоречит вашей теории причинности. Есть еще Догмат о Текущем Времени, очень интересный, хотя я не вполне согласен с позицией его сторонников. Возможно, основные постулаты этой

теории неизвестны на Земле. Утверждают, что, так как река времени течет сквозь нас, точнее, наш мозг, его деятельность искажается этим потоком. Отсюда вывод, что, когда поток времени станет управляемым, возможно будет также управлять творческими способностями людей. Что вы на это скажете?

— Что я все еще теряюсь в догадках о причине вашего радушия.

Сэр Уолден беспомощно рассмеялся:

— Вы должны понять, что наш мир, наш город, наша жизнь мало обременены причинностью. — Он наклонился к уху Клайстры, будто сообщая важную тайну. — Мы, кристеры, любим все новое, свежее, неизведанное. Вы — земляне. Уже пятьдесят лет земляне не появлялись в Кристиендэйле. Ваше пребывание в моем замке не только доставляет мне удовольствие и новые впечатления, но и существенно поднимает мой престиж в обществе. Видите, я откровенен в ущерб себе.

— Я вижу, — сказал Клайстра. Объяснение было приемлемым. — Без сомнения, вы получили бы дюжину других в течение часа.

— У меня есть связи в транспортном отделе.

Клайстра попытался вспомнить главного носильщика на вокзале. Наверняка, именно он сразу же передал информацию сэру Уолдену.

Вечер закончился. Лакей провел слегка ослотившего Клайстру в его покои.

Утром ему прислуживал тонколицый молодой человек. Он приготовил гостю утреннюю ванну и, в полном молчании, помог Клайстре одеться.

Клайстра торопливо спустился в зал, надеясь найти Нэнси, но ее там не было. За столом сидели Пианца и Элтон и ели дыню.

Клайстра пробормотал приветствие и тоже уселся. Через минуту появилась Нэнси, свежая и отдохнувшая, еще более красивая, чем вчера. За завтраком он попытался прозондировать ее. Она отвечала вежливо, холодно и спокойно.

Через полчаса в зале собрались все. Кроме...

— Где Роджер? — спросил Пианца. — Он еще спит? — Он повернулся к лакею. — Вы не могли бы разбудить мистера Фэйна?

Лакей вернулся и сказал, что Фэйна в его комнатах нет.

Его не было весь день.

— Возможно, — сказал сэр Уолден, — Фэйн отправился пешком осматривать город.

Поскольку другие гипотезы нельзя было высказать вслух, Клайстра вежливо согласился. Если Фэйн действительно бродит по городу, он вернется, когда устанет. Если его похитили, Клайстра бессилен что-либо предпринять. «Следует покинуть Кристиендэйл как можно скорее», — подумал он и объявил об этом за обедом.

Вайли и Мотта переглянулись.

— Мы лучше останемся здесь, — сказала Вайли. — Здесь все веселые, женщин не бьют, и всем хватает еды.

— Конечно, здесь нет мяса, — уточнила Мотта. — Но кого это волнует? Зато здесь хорошая одежда и духи, и... — она переглянулась с Вайли и хихикнула.

Стив Бишоп вспыхнул и отпил из своего бокала. Элтон сардонически поднял брови.

— У меня для вас приятный сюрприз, — сказал сэр Уолден. — Сегодня к ужину будет мясо. В честь наших гостей.

Он оглядел путешественников, ожидая вспышки энтузиазма.

— Но, вероятно, для вас мясо не такая роскошь, как для нас... И еще, милорд сэр Кларенс Эттлви просил передать, что он приглашает в свой замок на вечер. Он устраивает прием в вашу честь. Я надеюсь, вы примете приглашение.

— Спасибо, — сказал Клайстра. — Лично я приду с удовольствием. Он поглядел на своих спутников. — Думаю, мы все пойдем. Даже Фэйн, если он вернется к вечеру.

В середине дня сэр Уолден провел своих гостей на «розлив» — церемонию получения цветочного вина. Присутствовало около сотни аристократов в зеленых и серых головных уборах. Сэр Уолден сказал, что это традиция.

Пажи подавали присутствующим хрустальные бокалы с несколькими каплями вина. Сэр Уолден сказал:

— Проведите языком по жидкости, но не пробуйте по-настоящему.

Клайстра последовал совету. Волна жидкого огня прокатилась через горло в ноздри. Перед глазами поплыли яркие пятна, голова закружилась, он на мгновение застыл в экстазе.

— Божественно,— выдохнул он, когда смог говорить.

Сэр Уолден кивнул:

— Это сбор «Байе-Жоли». Следующий — «Красное дерево», потом «Морской сад», «Розовый дурман» и, наконец, мой любимый «Урожай луга».

13. СЕКРЕТ

Когда Клайстра и его спутники возвратились в замок сэра Уолдена, им сказали, что Роджер Фэйн не появился.

Этим вечером сэр Уолден был еще более великолепен и радушен, чем когда-либо. Он постоянно поднимал тосты за здоровье своих гостей и Матери-Земли. Зеленое вино сменялось оранжевым, оранжевое — красным, и у Клайстры звенело в голове еще до окончания первой перемены блюд.

Печеные, тушеные, маринованные фрукты и овощи, салаты, супы, соте и, в заключение, огромный, пропитанный ромом арбуз.

Сэр Уолден сам подавал мясо, тоненькие кусочки, тушенные в коричневом соусе.

Клайстра обнаружил, что совершенно сыт, и только вежливость заставила его доесть свой кусок.

— Что за животное мы едим?

Сэр Уолден пожал плечами:

— Это очень большой зверь, редко встречающийся в наших краях. Забрел сюда из северных лесов. Мы его поймали. У него удивительно нежное мясо.

— О да,— сказал Клайстра. Обернувшись, он заметил, что Элтон с Бишопом сохранили аппетит и с удо-

вольствием расправляются с мясом, девушки-цыганки тоже.

За десертом Клайстра сказал:

— Я думаю, сэр Уолден, завтра мы покинем Кристи-ендэйл.

— Что? Так скоро?

— Перед нами далекий путь, линия монорельса идет лишь до Миртлисса.

— Но ваш друг... Фэйн...

— Если он найдется... — Клайстра помолчал. — Если он найдется, он, вероятно, сможет догнать нас. Я считаю, что нам следует уехать, прежде чем еще кто-нибудь «забудится».

— Мы отвыкаем от суровой походной жизни, — сказал Пианца. — Еще две недели, и мы не сможем заставить себя уйти.

Сэр Уолден был искренне расстроен:

— Я пригласил вас как достопримечательность, но вы стали моими друзьями...

Прибыл экипаж, чтобы отвезти землян в замок сэра Кларенса. Сэр Уолден, однако, не поехал с ними.

— Этим вечером я занят, — сказал он.

Клайстра опустил на мягкое сиденье, автоматически провел рукой по бедру и вспомнил, что оставил пистолет в комнате. Он шепнул Элтону:

— Не пей много сегодня вечером. Нам потребуются свежие головы. Для чего?.. Пока не знаю.

— Ясно.

Экипаж остановился перед бело-голубой колонной. Сэр Кларенс, человек с тяжелым подбородком и острыми глазами, встречал гостей на вершине винтовой лестницы. Клайстра внимательно смотрел на него. Почему-то лицо сэра Кларенса казалось ему знакомым.

— Мы не встречались с вами раньше, сэр Кларенс? На розливе?

— Не думаю, — ответил сэр Кларенс. — Я был занят другими делами. — Он проводил гостей в дом. — Позвольте вам представить мою жену и мою дочь Валерию.

Клайстра открыл рот. Это была та самая девушка, что одевала его после ванной. Он пробормотал:

— Счастливи познакомиться.— И она отошла к другим гостям.

Наблюдая за надменной юной леди в шуршащих шелковых одеждах, Клайстра все более уверялся, что это та самая девушка.

Бишоп склонился к его уху:

— Происходит что-то очень странное.

— Что же?

— Наш хозяин, сэр Кларенс... Я видел его раньше.

— И я.

— Это он.— Бишоп хрустнул пальцами.

— Кто?

— Сэр Кларенс был или есть швейцар «Охотничьего клуба».

Клайстра недоуменно уставился на Бишопа, потом на сэра Кларенса, мирно беседовавшего с Нэнси. Бишоп был прав.

За его спиной раздался громкий хохот, переходящий в рев.

— Господи! Вы только посмотрите!

Смеялся Элтон, а с ним это редко случалось.

Клайстра обернулся и столкнулся с Роджером Фэйном.

Фэйн был одет в черную ливрею с маленьким золотым эполетом и катил перед собой столик, уставленный всякой снедью.

Клайстра, Пианца и Бишоп разразились дружным хохотом. Фэйн вспыхнул, кровь прилила к его щекам и шее. Он испуганно поглядел на сэра Кларенса, невозможно наблюдающего за происшествием.

— Фэйн,— сказал Клайстра.— Может быть, ты введешь нас в курс дела? Ты, что, решил подработать на каникулах?

— Не хотите ли пирожного,— спокойно осведомился Фэйн.

— Нет. Я не хочу есть, я хочу, чтобы ты объяснил...

— Спасибо, сэр,— сказал Фэйн и двинулся дальше.

Клайстра догнал Фэйна, который, казалось, был занят только своими обязанностями лакея.

— Роджер! Стой, или я разобью твою чертову посуду!

— Тише,— шепнул Фэйн.— Неучтиво поднимать такой шум.

— Слава богу, я не аристократ!

— Но я — аристократ! И ты вредишь моему престижу! Здесь все живут так же,— ответил Фэйн.— Каждый кому-нибудь служит. Иначе им не удавалось бы поддерживать такой уровень.

Клайстра сел:

— Но...

— Я решил, что мне здесь нравится. Я остаюсь. Мне надоело тащиться по джунглям и рисковать жизнью. Я спросил сэра Уолдена, могу ли я остаться. Он сказал «да», но объяснил, что мне придется работать. В мире нет более трудолюбивых людей, чем кристеры. Они знают, чего хотят, и создают это. Каждый час всемогущества и аристократизма оплачивается двумя часами труда в магазинах, на фабриках, в домах. Вместо одной жизни они живут двумя, тремя... Им это нравится. Они гордятся этим. Мне это тоже нравится. Назовите меня снобом.— Фэйн почти кричал.— Вы будете правы. Но когда вы уйдете, я буду жить здесь как король!

— Все в порядке, Роджер,— сказал Клайстра.— Или, вернее, сэр Роджер. Почему вы не сообщили мне о своих планах?

Фэйн отвернулся:

— Я думал, что вы будете со мной спорить.

— Вовсе нет. Вы свободный человек. Желаю удачи.— И Клайстра вернулся в главный зал.

Утром следующего дня к дому сэра Уолдена подкатил экипаж. Среди людей в упряжке Клайстра узнал сына сэра Кларенса.

Вайли и Мотта отсутствовали. Клайстра спросил Бишопа:

— Где твоя служанка?

Бишоп покачал головой.

— Она знала, что мы уезжаем?

— Ну... да.

Клайстра развернулся к Элтону:

— Где Мотта?

Элтон с улыбкой посмотрел на Бишопа.

— Надо глядеть правде в глаза, мы не можем сравняться с Кристиендэйлом.

— Вы собираетесь искать их?

— Здесь им будет лучше,— покачал головой Элтон.

— Поехали,— сказал Бишоп.

На вокзале главный носильщик распахнул дверцу экипажа, потом отвез на тачке багаж и перегрузил его в тележки. Клайстра подмигнул своим спутникам. Носильщиком был сэр Уолден Марчион.

С непроницаемым лицом Клайстра вручил ему еще три куска железа.

— Большое спасибо, сэр,— сэр Уолден низко поклонился.

Кристиендэйл исчез на западе. Как и прежде, впереди ехал Озрик, за ним следовал Клайстра, потом первый грузовик с Элтоном и Нэнси и второй с Бишопом и Пианцей. Тележка Фэйна осталась в Кристиендэйле.

«Наши ряды редеют,— Клайстра вспоминал последние недели.— Кетч, Дэррот, Валюссер — убиты, Фэйн ушел; Эббидженс, Морватц и их солдаты либо мертвы, либо в рабстве; Этман, его люди, волшебники в гримоботе — тоже мертвы. Кто последует за ними?» — Эти мысли как туча висели в его мозгу, пока они плыли над берегом тихой речки, восточного притока Тельмы. Здесь росли земные дубы, кипарисы и ясени, посаженные первыми поселенцами и привившиеся на чужой почве. Были и растения Большой Планеты: колокольчики, платочное дерево, кусты бронзовника, сотни безымянных цветов и трав. В речных долинах стояли фермы и мельницы.

Речка сворачивала на север, а линия монорельса тянулась дальше на юго-восток. Местность изменилась. Зеленые луга и леса превратились в темные пятна слева и сзади. Впереди была саванна, а за ней в небо поднимались голубые вершины гор.

— Гнездо,— сказал Озрик.

В полдень третьего дня Озрик обернулся к землянам:

— Подъезжаем к озеру Пеллитанат.

Над болотистой низменностью монорельс повернул на юг. Какое-то время они ехали над дюнами, поросши-

ми сухой желтой травой, и белыми песками, чей блеск слепил глаза. Высокая трава тянулась к тележкам, как пена на гребне волны, и снова сгибалась под ветром.

Тележка Озрика вдруг пропала из виду. Желтая трава внезапно зашевелилась и... голые, худые, размалеванные желтыми и черными полосами и поразительно высокие люди выскочили из травы и кинулись к монорельсу. Они двигались большими прыжками. Раздался резкий крик, и нападающие подняли копыя. Вспыхнул фиолетовый луч... Великаны попадали как подкошенные. Они не были мертвы, а стонали и извивались от боли.

Озрик поднялся с земли, прохлюпал через болото и добил раненых их же собственными копиями.

Вокруг было тихо. Клайстра осмотрел магазин ионника и покачал головой.

— Выдохся, — он хотел выбросить его, но, вспомнив, что металл представляет ценность, сунул пистолет под сиденье.

Озрик вернулся к своей тележке, ругаясь и шипя.

— Эти чертовы разбойники, чума их побери, перерезали линию! — большего преступления в глазах Озрика, очевидно, не существовало.

— Что это за народ? — спросил Бишоп, спустившийся вниз по веревке.

Озрик пожал плечами и равнодушно сказал:

— Называют себя Станези. Они часто беспокоят путешественников.

Бишоп перевернул тело одного из нападавших, заглянул ему в рот:

— Зубы подпилены. Тип черепа хамитский. Племя шиллуков эмигрировало сюда из Судана около трех столетий назад. Они предпочли изгнание подчинению Мировому правительству. Возможно, это их потомки.

Озрик достал из своей тележки блок и моток веревки. Под его руководством путешественники соединили обрезки монорельса. Озрик залез на одну из опор и закрепил место обрыва еще одной веревкой. Потом блок убрали, и монорельс был готов.

Тележку Озрика подняли наверх, он распустил паруса, и караван снова двинулся на восток.

Когда они обогнули лагуну, Клайстра посмотрел вниз и увидел, как Станези, крадучись, приближаются к желто-черным телам. «Что за трагедия,— подумал он,— весь цвет племени погиб за доли секунды».

Монорельс приближался к полосе деревьев, окружавших озеро Пеллитанат. Ветер был слабым, и скорость тележек не превышала скорости бегущего человека. Озеро было похоже на зеркало. Противоположный берег скрывался в тумане. Посередине озера виднелось несколько лодок. По словам Озрика, здесь жило племя рыбаков, суеверных людей, чьи ноги никогда не касались земли.

Поздно вечером они все еще катили над приозерным лесом, когда с востока появились тележки торговцев.

Озрик остановил свою тележку, глава второй группы сделал то же самое, и они обменялись приветствиями.

Торговцы были из Мирамара, что в Келанвилли, южнее Кристиендэйла, и возвращались от Миртлисского Фонтана. Это были ясноглазые высокие люди в белых льняных одеждах. Красные повязки на головах придавали им пиратский вид. Озрик, однако, не проявлял и тени недоверия, и Клайстра немного расслабился.

Торговый караван состоял из четырнадцати тележек, нагруженных рафинадом. По обычаю, земляне, у которых было всего четыре тележки, должны были спуститься на землю и уступить торговцам дорогу.

Ночь уже опускалась на озеро, и Клайстра решил, что пора становиться лагерем. Глава торговцев решил расположиться рядом.

— В эти печальные времена,— сказал он,— приятно иметь честного соседа, пусть только на одну ночь.

14. ОБМАН

Спать было еще рано. Торговцы сидели у костра, склонившись над длинным ящиком, в котором по дорожкам скакали кузнечики. Рядом сидела Нэнси. Ее темные глаза неотрывно смотрели в огонь. Эли Пианца полиро-

вал ногти, Стив Бишоп возился с записной книжкой. Элтон расслабленно прислонился к дереву, из-под опущенных век наблюдая за лагерем. Озрик, напевая сквозь зубы, чинил свою тележку.

Клайстра спустился к берегу и стал следить, как на озеро наползает темнота. Запад был оранжевым, зеленым и серым, восток же был уже черным. Ветер утих. Поверхность озера была молочно-белой.

Из-за деревьев вышла Нэнси, волосы ее были как золотой туман. Она села рядом с ним.

— Зачем вы пришли сюда?

— Так, бродил... думал.

— Вы жалеете, что покинули Кристиендэйл?

— Конечно, нет, — удивленно ответил он.

— Вы избегаете меня, — просто сказала Нэнси.

— Вовсе нет.

— Наверное, женщины Кристиендэйла нравятся вам больше. — В ее голосе ясно слышалась обида.

Клайстра рассмеялся:

— Я почти не разговаривал с ними... Как вам тамошние мужчины?

— Как я могла думать о ком-нибудь другом? Я сходила с ума от ревности.

Клайстре вдруг стало легко, как будто с него сняли огромную тяжесть. Он лег и притянул ее к себе.

— За Миртлиссом нет монорельса.

— Нет.

— Я собирался вернуться в Кристиендэйл...

Он почувствовал, как она напряглась.

— И построить там планер, достаточно большой, чтобы поднять нас всех. Потом я понял, что мы не сможем лететь все время, во-первых, и что без горючего мы вообще не взлетим, во-вторых...

— Ты слишком волнуешься, Клод, — она погладила его по руке.

— Одна идея может сработать: воздушный шар, наполненный горячим воздухом. Но здесь сильный юго-восточный ветер, и нас снесет в море. — Он подавил вздох.

— Давай прогуляемся по берегу туда, где нас не увидят.

Когда они возвратились, торговцы откупорили большую бутылку вина, и все снова уселись вокруг огня, весело беседуя. Клайстра и Нэнси пили совсем немного.

Яркий солнечный свет заливал лагерь. Клайстра заставил себя проснуться. Почему так сухо во рту? Почему его не разбудили, чтобы сменить часовых?

Он оглядел лагерь.

Торговцы ушли!

Клайстра вскочил. Под монорельсом вниз лицом лежал Эли Пианца...

Тележек не было. Четыре тележки, сотни фунтов металла, одежды, инструментов...

И Эли был мертв.

Они похоронили его в полном молчании. Клайстра поглядел на монорельс, потом на свой маленький отряд:

— Не будем обманывать себя. Это настоящий удар.

— Вино, — зло сказал Озрик. — Нам не надо было пить. Они смазали стаканы сонным зельем. Никогда нельзя доверять торговцам.

Клайстра все качал головой, глядя на могилу Пианца. Прекрасный товарищ, добрый, умный... Он повернулся к группе:

— Озрик, вам нет смысла оставаться с нами. Тележки похищены и наш металл тоже. Вам лучше вернуться в Кристиендэйл и забрать тележку Фэйна, в ней вы сможете добраться до Болотного острова.

Они оставались вчетвером: Элтон, Бишоп, Нэнси и он сам.

— Вы тоже можете вернуться. Впереди опасности и смерть, каждый, кто хочет вернуться в Кристиендэйл, имеет на это право.

— Почему ты не повернешь, Клод? — спросила Нэнси. — У нас вся жизнь впереди, рано или поздно мы сможем послать сообщение...

— Нет. Я иду вперед.

— Естественно, — сказал Бишоп.

— Мне не нравится Кристиендэйл, — улыбнулся Элтон. — Они слишком тяжело работают.

Нэнси опустила плечи.

— Ты можешь вернуться с Озриком,— предложил Клайстра.

Она печально поглядела на него:

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

— Я с самого начала был против твоего участия в походе.

— Я не поверну назад,— упрямо сказала она.

Озрик встал, подкрутил соломенный ус и вежливо поклонился:

— Я желаю вам удачи. Разумнее было бы вернуться со мной в Город-на-Болотах. Виттельхэтч — не самый плохой хозяин.— Он оглядел их.— Нет?

— Желаю счастливо добраться домой,— сказал Клайстра.

Он следил, как Озрик шел к деревьям, размахивая на ходу руками. Арбалет остался в тележке, а тележка...

— Стойте!

Озрик обернулся. Клайстра протянул ему тепловой пистолет:

— Снимаете предохранитель и нажимаете на эту кнопку. Здесь очень мало энергии, так что не тратьте по пустякам.

— Спасибо,— сказал Озрик.

— До свидания.

Он исчез за деревьями.

Клайстра вздохнул:

— Два или три заряда в этой пушке дали бы нам несколько миль пути или нескольких мертвых реббиров. Ему они спасут жизнь... Так, с этим кончено, что у нас осталось?

— Пакеты с концентратами, мои витамины, водоочиститель и четыре ионника.

— Зато не тяжело,— сказал Элтон.

Озеро было около сорока километров в диаметре, два дня они спокойно шли лесом. Вечером второго дня они наткнулись на реку, текущую на юг, и разбили лагерь на ее берегу.

На следующее утро они построили плот. Яростной греблей четверка переправила хрупкое сооружение на другой берег в трех милях ниже монорельса.

Они выбрались на берег и огляделись. На северо-востоке в небо врезался хребет Гнездо, окруженный справа и слева более низкими рядами утесов.

— Похоже,— сказал Элтон,— нам придется посвятить этим скалам как минимум три дня.

— Хорошо, что мы идем пешком,— сказал Бишоп.— Я представляю себе всю эту возню с перегрузкой.

Клайстра внимательно разглядывал ближний берег озера.

— Что вы там видите?

— Десяток всадников на зипанготах,— ответил Элтон.

— Торговцы говорили об отряде реббиров... Похоже.— Он кивнул.

— Как хорошо было бы ехать верхом,— вздохнула Нэнси.

— Именно об этом я и думаю,— улыбнулся Клайстра. Бишоп печально вздохнул:

— Месяц назад я был цивилизованным человеком. Я и не думал, что стану конокрадом.

— Ты еще больше удивишься, если вспомнишь, что шестьсот лет назад реббиры тоже были цивилизованными людьми,— ухмыльнулся Клайстра.

— Ну и что мы будем делать? — спросил Элтон.— Спустимся и убьем их?

— Если они подождут нас,— ответил Клайстра.— Я надеюсь, что мы уложимся в один мегаватт, потому что,— он проверил магазин ионника Пианцы,— тут только два.

— У меня столько же,— сказал Бишоп.

— Мне хватит на два хороших залпа,— заключил Элтон.

— Если они тихо проедут мимо, мы будем знать, что это мирные люди, и не тронем их,— сказал Клайстра,— но если...

— Они заметили нас!— закричала Нэнси.— Они едут к нам!

Через равнину летели всадники на бешеных зипанготах, черные плащи развевались по ветру. Зипанготы отличались от тех, что Клайстра продал Виттельхэтчу: они были больше, тяжелее, их белые костлявые головы наминали черепа.

— Демоны, — пробормотала Нэнси.

— Все наверх, — скомандовал Клайстра. — Нужно задержать передних, пока все не окажутся в радиусе действия...

Боевой клич реббиров летел над равниной, земляне уже могли различить лица передних всадников.

— Всего тринадцать, — шепнул Клайстра. — Бишоп, твои те, что справа, Элтон — слева, я возьму пятерых в центре.

Всадники выстроились полукругом, огибая холм, на котором стояли четверо. Три вспышки. Тринадцать реббиров на земле.

Через несколько минут отряд отправился через равнину к черной линии утесов. Они взяли самых лучших зипанготов, остальных отпустили. Сабли, ножи и металл реббиров брякали в седельных сумках. На землянах были черные плащи и белые шлемы.

Нэнси все это не нравилось.

— От реббиров разит козлом, — морщилась она, — их плащи ужасны, а шлемы грязные внутри.

— Вытри, — посоветовал Клайстра, — и надень, если хочешь живой добраться до Миртлисса.

Вскоре они добрались до скалистого склона. В высоте над ними проплыл караван из шести грузовых тележек под полными парусами. Задрав головы, путники следили за ним, пока тележки не исчезли в тени леса.

На третий день они достигли хребта. Линия монорельса резко поднималась вверх, к острию утеса.

— Так они спускаются из Миртлисса. — Клайстра посмотрел на кабель, сливающийся с меловой стеной утеса. — Вверх подниматься тяжело. Сплошные перегрузки. А вниз... Помните, как мы въезжали в Долину?

— Здесь было бы еще хуже, — голос Нэнси дрожал.

Путники подъехали к нижней платформе монорельса. От нее вверх вела тропинка, сворачивавшая влево и назад, огибавшая мелкие скалы и превращавшаяся в узкий проход, врезаемый в утес. Двести ярдов вперед, затем назад, наискосок вправо, влево, вправо, влево... Плечи животных упирались в стены, нужно было скорчиться в седле, чтобы не ушибиться. Зипанготы, впрочем, двигались без особого напряжения.

Вверх, вперед, назад, вверх. Земля отдалялась и росла, там, где глаза Клайстры привыкли видеть горизонт, была только земля. Вдали серебряным зеркалом блестело озеро.

Вверх. Тучи закрыли солнце, и земляне почти не видели дороги, ветер ревел над их головами.

Отряд остановился на краю утеса. Ветер прижимал их к скале. Плато было голым и безжизненным. Серая плоскость тянулась на двадцать миль и терялась в не менее серой тени. Высоко над ней дрожал белый канат монорельса, единственное, что придавало картине объемность.

— Ну что ж, — сказал Клайстра. — Ничего в виду...

— Смотри. — Рука Элтона показывала на север.

Клайстра чуть не вылетел из седла.

— Доброе утро! Реббиров.

Словно колонна муравьев, они ползли по хребту в нескольких милях от землян. Их было около двух сотен. Клайстра хрипло сказал:

— Нам лучше ехать... Если мы пойдем под монорельсом, не очень быстро, может быть, они не тронут нас.

— Тогда поехали, — сказал Элтон.

Беспечной рысью караван двинулся на восток прямо по тени, отбрасываемой монорельсом. Клайстра не спускал глаз с реббиров:

— Мне кажется, что они не следуют за нами...

— Уже следуют, — сказал Элтон.

Дюжина всадников вырвалась из рядов реббиров с явным намерением догнать маленький отряд.

— Нам придется прибавить скорость, — прошипел Клайстра.

Он сжал коленями бока зипангота, тот взвыл и рванулся вперед, закидывая костлявую голову.

Двадцать четыре ноги тяжело били в базальт. А сзади неслись реббиры в черных развевающихся плащах.

15. РЕББИРЫ

«Кошмарная скачка, — подумал Клайстра, — быть может, я сплю?» Кошмарные скакуны, черные всадники и равнина, как из «Ада» Данте.

Клайстра отогнал это ощущение. Обернувшись, он посмотрел на реббиров. Теперь их преследовала вся армия. Первый десяток был еще далеко. Клайстра пришпорил своего зипангота:

— Скачи, милый.

Миля за милей серая равнина и топот сотен ног. Глядя вперед, Клайстра увидел, что базальт кончается. Впереди были дюны, белые, как соль, и блестящие, как битое стекло.

Реббиры приближались. Оглянувшись, Клайстра увидел зрелище, которое при других обстоятельствах показалось бы ему прекрасным: преследователи стояли на спинах несущихся животных. Каждый из них, откинув капюшон, натягивал тетиву большого черного лука.

— Берегись! — выкрикнул Клайстра. — В нас стреляют! — И прижался к спине зипангота.

Стрела пропела над его головой. Впереди росли дюны. Клайстра услышал, что топот зипанготов стал глуше, теперь они скакали по песку... Зипангот устал, дыхание с хрипом вылетало из пасти. Через несколько миль животные сдадут, и тогда им всем конец.

Через дюны, через небольшую долину к молочно-белым утесам. Цепочка черных всадников, летящих через дюны, была похожа на огромный черный шарф.

Беглецы достигли утесов. Сзади топот ног и резкий боевой клич... Вперед по высохшему руслу реки... Зипанготы спотыкались о камни, все ниже наклоняли головы.

С двух сторон в утесах открывался проход. Клайстра кивнул влево.

— Сюда! — Он погладил своего задыхающегося зипангота. — Быстро! Если мы оторвемся, имеем шанс...

Он прыгнул в проход, за ним — Нэнси, бледная, с синим кольцом вокруг губ, Бишоп, Элтон.

— Тихо, — сказал Клайстра. — Все в тень.

Рокочущий звук прокатился по старому руслу. Боевой клич прозвучал совсем рядом, потом затих.

Потом топот стал звонче, преследователи явно переменили направление. Их крики больше не содержали угрозы, реббиры разговаривали между собой. Клайстра посмотрел через плечо. Овраг, в котором они стояли, под немыслимым углом упирался в склон горы. Он повернулся к Нэнси:

— Вверх по склону. Бишоп и Элтон — за ней.

Нэнси пришпорила своего скакуна, он двинулся, затем остановился и попытался повернуть назад. Нэнси дернула поводья. Кашляя и шипя, зипангот начал взбираться на гору.

— Быстрее, — сказал Клайстра. — Они могут появиться в любой момент.

Бишоп и Элтон последовали за Нэнси... Крики становились все ближе. Клайстра поднял своего скакуна на склон. Позади, пригнувшись в седлах и размахивая саблями, скакали реббиры.

Проход был забит разгоряченными людьми и животными. Они сплелись в тесный клубок и не могли вырваться из прохода.

Нэнси первой перевалила хребет, потом — Бишоп, потом — Элтон и Клайстра.

Элтон знал, что делать. Он смеялся, показывая белые зубы. Его ионник был наготове. Он прицелился в первого зипангота. Белая голова превратилась в красное пятно. Животное упало и покатилося вниз по склону, сшибая с ног остальных.

Клайстра повел свой отряд вдоль хребта. Они ехали с максимально возможной скоростью. Они скакали по наплывам лавы, огибая утесы и провалы.

Минут через пять Клайстра свернул в один из проходов и остановился лишь доехав до запиравшей его скалы.

— Они будут долго нас искать, если вообще будут... До темноты мы, во всяком случае, в безопасности.

Он поглядел на тяжело вздымающиеся плечи своего зипангота:

— На вид ты не очень-то хорош, приятель, но тебе цены нет.

Ночью они вернулись на плато и тихо поехали на восток. Кряж расширялся и становился более пологим, иногда острые зубья скал тонули в океане песка.

Когда они выехали на равнину, издалека донесся клич, клекот орла. Клайстра остановил своего зипангота и прислушался. Тишина.

Зипангот всхрапывал, перебирал ногами. Клич повторился. Клайстра пришпорил его:

— Нам лучше убраться подальше от реббиров пока темно. Или найти укрытие.

Они тихо поехали по светящемуся песку. Клайстра наблюдал за равниной позади. Метеориты чертили яркие линии в темном небе. А позади снова раздался клич.

Начинался рассвет. На востоке появились неясные тени деревьев. Федра поднялась в небо, и путешественники ясно видели теперь зеленый остров в море песка. Из центра оазиса поднималось полукруглое здание, будто сделанное из белого металла.

— Должно быть Миртлисс,— сказал Клайстра.— Фонтан Миртлисса.

Безжизненный песок пустыни резко оборвался. На границе оазиса рос высокий голубоватый мох, а за несколько дюймов до этой границы земля была сухой и пыльной.

Они вошли под тень деревьев как в райский сад. Клайстра соскользнул со своего зипангота, привязал поводья к дереву и помог Нэнси сойти на землю. Лицо ее было бледным и усталым. Бишоп сразу же растянулся

на траве. Глаза Элтона горели лихорадочным огнем, рот был сжат в тонкую белую линию.

Зипанготы, обнюхав мох, опрокинулись на спины и начали кататься по нему. Клайстра кинулся снимать груз, прежде чем его сотрут в порошок.

Нэнси растянулась под деревом рядом с Бишопом.

— Голодна? — спросил Клайстра.

— Нет, — она покачала головой. — Просто устала. Здесь мир и покой... Слышишь... это птица?

Клайстра прислушался:

— Это только похоже на птиц.

Эса Элтон открыл пакет, смешал пищевой порошок с витаминами, долил воды, замешал тесто, выложил его в микроволновую печь Фэйна, опустил шторку и через пять минут достал готовый пирог.

Клайстра лег на мох:

— Открываю военный совет.

— В чем дело? — спросил Элтон.

Клайстра смотрел на густую листву, на белые прожилки листьев...

— Выживание... Когда мы вышли из Джубилита, нас было восемь, не считая Нэнси. Ты, я, Бишоп, Пианца, Фэйн, Дэррот, Кетч и Валюссер. С Нэнси — девять. Мы прошли тысячу миль, и нас осталось четверо. Впереди пустыня, нам придется пересечь значительную часть Палари. Потом горы, озеро, река Мончевиор, потом полная неизвестность.

— Он нас пугает, — сказал Бишоп.

— Когда мы оставили Джубилит, — продолжал Клайстра так, как будто не слышал, — я думал, что у нас есть приличные шансы на то, что мы дойдем. Сотрем ноги, вымотаемся, но дойдем. Я был неправ. Итак, пока это возможно, каждый, кто хочет вернуться по монорельсу в Кристиендэйл, получает мое благословение. В саблях реббиров достаточно металла, чтобы сделать нас всех богачами. Если кто-то предпочитает быть живым кристером, а не мертвым землянином, сейчас самое время сделать выбор.

Он ждал. Все молчали.

Он продолжал смотреть в небо.

— Мы отдохнем здесь, в Миртлиссе, день или два, а потом те, кто все еще хочет идти на восток...

Клайстра осторожно шагал по поляне, разглядывая своих спутников. Бишоп сопел, Элтон спал как невинный младенец, Нэнси снился кошмар: она стонала во сне. Клайстра думал: «Торговцы убили Пианцу потому, что он остался дежурить той ночью. Почему они остановились? Они очень легко могли перерезать всех нас, сонных. У этих торговцев явно не было ни совести, ни иных спасительных предрассудков. У землян была ценная одежда с металлическими застежками. Ионники сами по себе были огромной ценностью. Почему же торговцы все-таки не убили нас? Или их переубедил кто-то, обладавший большим авторитетом... вероятно, в виде ионного пистолета».

Клайстра повернул обратно. Боль комком стояла в горле. Он вернулся на поляну. Мох был мягким, пружинистым и пушистым, как звериная шкура. В воздухе был разлит покой. Солнечные лучи пробивались сквозь листву и придавали роще вид волшебного леса из сказки об эльфах. Откуда-то доносился музыкальный свист, щелканье, снова свист. Пела не птица, какое-то насекомое или ящерица, на Большой Планете не было птиц. А со стороны круглого здания раздавался отчетливо слышимый звук гонга.

Он услышал шорох за спиной. Резко обернулся. Нэнси. Клайстра облегченно вздохнул:

— Ты меня напугала.

— Клод, — шепнула она, — давайте вернемся, все вместе. — Она жадно хватала ртом воздух. — Я не имею права так говорить, я — незваная гостья ... Но ты погибнешь, а я не хочу, чтобы ты умирал... Почему мы не можем просто жить, ты и я? Если мы вернемся в Кристиендэйл, мы проживем жизнь в любви и покое.

Он покачал головой:

— Не уговаривай меня, Нэнси. Я не могу повернуть назад. Но думаю, что ты — должна.

Она отступила назад, глядя на него расширенными глазами:

— Я тебе больше не нужна?

— Конечно, нужна, — рассмеялся он устало. — Я жить без тебя не могу. Но то, что мы забрались так далеко, — это чудо. А чудо должно когда-нибудь кончиться.

— Конечно! — крикнула она. — Поэтому я и хочу, чтобы ты повернул назад! — Она положила руки ему на грудь. — Клод, я прошу тебя...

— Нет.

Слезы текли по ее щекам. Он растерянно смотрел на нее, пытаясь подобрать успокаивающие слова. Они застревали в его горле. Не найдя ничего лучшего, он сказал:

— Тебе следует отдохнуть.

— Я больше никогда не буду отдыхать.

Он удивленно посмотрел на нее. Нэнси отошла к краю оазиса, прислонилась к дереву и стала смотреть в пустыню.

И Клайстра снова пошел кругами. Мягкий мох заглушал звук его шагов.

Прошел час.

Он подошел взглянуть на Нэнси. Она спала, заложив руки за голову. Что-то в ее позе, в напряженности спины сказало Клайстре, что их отношения никогда уже не будут прежними.

Он подошел к спящему Элтону и коснулся его плеча. Инженер открыл глаза.

— Твоя очередь. Разбудишь Стива через час.

Элтон зевнул и встал.

— Хорошо.

Звук. Хриплый глухой звук. Клайстра очень устал, но не мог снова погрузиться в сон. Дальний, беспокоящий звук не позволял ему. Опасность. Он должен проснуться!

Он вскочил на ноги, хватаясь за рукоятку ионника.

Рядом лежал спящий Элтон.

Бишоп не было видно. Нэнси тоже. Голоса. Удар, еще удар. Звуки затихли вдали.

Клайстра побежал, раздвигая ветви деревьев, перепрыгивая через стелющиеся по земле лианы. Он обо что-то споткнулся и остановился. Он споткнулся о труп.

Об окровавленный безголовый труп Стива Бишоп. Голову убийцы унесли с собой.

«Где теперь эта круглая голова, этот мозг, заполненный знаниями? Где Бишоп? Куда он ушел?»

Кто-то схватил его за руку.

— Клод!

Он взглянул в лицо Элтона:

— Они убили Стива.

— Вижу. Где Нэнси?

— Где Нэнси...

Он обернулся, потом остановился и стал внимательно смотреть под ноги.

— Те, кто убил Стива, забрали ее с собой, — сказал Элтон. — На земле остались следы...

Клайстра глубоко вздохнул, еще раз, еще раз. Посмотрел на следы. Его охватило неудержимое желание действовать. Он кинулся к круглому зданию. Он пробежал кипарисовую рощу и вылетел на мощеную дорожку, ведущую прямо к храму. Отсюда храм был виден целиком, от колоннады справа до колоннады слева. Ни Нэнси, ни ее похитители не появлялись.

На мгновение Клайстра остановился, потом снова побежал. Он бежал через сад, мимо длинной мраморной скамьи, мимо каскада фонтанов с желтой водой, вниз по дорожке, вымощенной черным и белым мрамором.

Старик в сером шерстяном халате подрезал розы. Увидев Клайстру, он распрямился.

— Куда они пошли? — прохрипел Клайстра. — Люди с девушкой?

Старик тупо смотрел на него.

Сзади подбежал Элтон:

— Он глухой.

Клайстра побежал дальше. В конце дорожки была дверь. Наверное, именно через нее Нэнси втащили внутрь. Он ударил в нее плечом. Дверь не поддавалась.

Он заколотил в стену руками, крича:

— Откройте! Откройте, я приказываю вам!

— Колотясь в эту дверь, ты ничего не добьешься. Разве что получишь стрелу в горло, — сказал Элтон.

Клайстра остановился. Внимательно осмотрел стену. Солнечный свет играл на ней с тенями деревьев. Очень спокойно Клайстра сказал:

— В моем ионнике хватит зарядов, чтобы поглядеть на цвет их крови.

— Ты успокоишься, наконец?! — нетерпеливо сказал Элтон. — Во-первых, мы должны позаботиться о зипанготах, куда их не украли.

Клайстра с усилием оторвал глаза от стены и повернулся к Элтону.

— Ладно, ты прав... Бедняга Бишоп.

— Вряд ли мы переживем его хотя бы на сутки, — ровно сказал Элтон.

В отсутствие хозяев зипанготы объели половину кустов на поляне и теперь мирно стояли, вытягивая шеи и тихо подвывая. Не говоря ни слова, Клайстра и Элтон разгрузили вьюки. Имущество Бишопы и Нэнси казалось им много тяжелее их собственного.

— Знаешь, что бы сделал я, если бы руководил нашим походом? — спросил Элтон, на мгновение прекратив работу.

— Что?

— Поехал бы строго на восток и не оглянулся бы.

Клайстра покачал головой:

— Я не могу, Эса.

— Тут что-то очень не так.

— Знаю. И хочу понять, что именно. Я теперь воюю за мертвое дело. Ты еще можешь вернуться в Кристиендэйл.

— Вот еще, — фыркнул Элтон.

Они сели в седла и поехали по направлению к храму.

16. ПОИСКИ

Воздух был полон звуков: «птичий» свист, жужжание и зудение мелких насекомых, шорох теплого ветра. Они шагом проехали через рощу. Там стояла девочка, возившаяся с игрушечным чертенком. У нее было треугольное лицо и большие темные глаза. На ней были только зеленые сатиновые бриджи и красные шлепанцы. Она наблюдала за чужеземцами, приоткрыв рот, совсем по-

забыв о своей игрушке. Она была похожа на земного ребенка. Что станет с ней, когда она вырастет?

Они ехали мимо длинной стены из тесаного камня, поросшей тем же голубоватым мхом. Стена уперлась во флигель храма. Обогнув его, они поехали по чистой узенькой улочке, вдоль которой протекал канал с желтоватой водой. Справа появились маленькие лавки, потом открылась базарная площадь; путешествуя между звезд, Клайстра видел сотни таких.

С прилавков свисала одежда, пояса, матерчатые украшения, тут же лежали кучи фруктов и дынь, рядами выстроились горшки, миски, тарелки, рядом стояли корзины с зеленью и просто корзины и, конечно, вино. Никто не обращал внимания на проезжающих мимо землян.

Над самой большой и чистой лавкой в качестве вывески висел меч. Клайстра остановил зипангота.

— У меня есть идея. — Он слез, вытащил из седельной сумки две сабли, отбитые у реббиров, и шагнул в темноту лавки.

Невысокий, очень толстый человек поднял голову от стола. Его лицо было бледным, в волосах пробивалась седина, а нос и подбородок выдавали реббира, чуть смягченного цивилизацией.

Клайстра швырнул сабли на стол:

— Сколько вы дадите за них?

Толстяк изменился в лице. Он не пытался скрыть интерес.

— Где вы это взяли? — он взял саблю, провел пальцем по лезвию. — Это прекрасная сталь... Такую изготавливают только кузнецы Южных реббиров.

— Я их недорого отдам.

Глаза оружейника загорелись.

— Чего вы хотите? Может быть, роскошный шлем, отделанный перламутром, с магическим горным опалом на шишаке? Еще я могу предложить вам...

— Нет, — сказал Клайстра, — еще дешевле. Час назад мою женщину силой увели в тот большой дом, или храм, ну, как он называется... Я хочу получить ее назад.

— Две таких сабли за женщину? Вы шутите? За эти сабли я приведу вам пятнадцать девушек, прекрасных, как утренняя заря!

— Нет. Мне нужна только моя женщина.

Торговец с отсутствующим видом потер лоб и снова провел рукой по лезвию клинка.

— По правде говоря, я очень хочу получить эти сабли... Но и голова у меня только одна.— Он положил саблю на место.— Знаете, эти служители совершенно непредсказуемы. Иногда они ведут себя как выжившие из ума олухи, а потом все это оборачивается таким умом и коварством, что честному торговцу остается только руками разводиться.

Клайстра нервничал. Время шло. Минуты капали, как вода на обнаженный мозг. Нэнси, что с ней?

— Ну и что? — спросил он оружейника.

— Чего вы хотите от меня?

— Я хочу эту женщину. Она молода и красива, вероятно, кто-то из служителей взял ее себе.

Оружейник покачал головой, как бы удивляясь невежеству клиента:

— Мудрецы хранят целомудрие. Скорее всего, ее взяли в ямы для рабов.

— Я не знаю ничего о храме. Мне нужен кто-то, кто знает.

— Понятно,— кивнул торговец.— Так вы пойдете сами?

— Да,— зло сказал Клайстра.— Но не думай, что не будешь рисковать своей шеей.

— Не буду,— холодно ответил торговец.— Я — не буду. Кое-кто другой.— Он стукнул ногой в пол. Через минуту в комнату вошел бледный молодой человек, чье лицо было более жестким и костлявым, чем у его отца. Его взгляд упал на сабли, и юноша подавил восхищенный вздох.

— Мой сын Нимэстер.— Оружейник повернулся к юноше:— Один из клинков — твой. Ты должен провести этого человека в храм через проход Зеллю. Оденьте рясы, возьмите одну с собой. Этот человек укажет тебе женщи-

ну, без сомнения, она в камере. Ты подкупишь Коромутину. Пообещай ему кинжал из порфирита. Приведи женщину сюда.

— Это все? И сабля моя?

— Тогда да.

— Пошли,— сказал юноша Клайстре.

— Минуточку,— Клайстра распахнул дверь.— Элтон!

Элтон скользнул в комнату, бесстрастно оглядел ее.

— Если я вернусь вместе с Нэнси, отдай ему эти две сабли. Если мы не вернемся — убей его.

Торговец попытался протестовать. Клайстра улыбнулся:

— Неужели ты думаешь, что я тебе доверяю?

— Доверяю? — удивился тот.— А что такое доверие? Клайстра одарил Элтона волчьей улыбкой:

— На случай, если не вернусь, желаю удачи. Делай карьеру, становись императором.

Нимэстер и Клайстра вышли из лавки, обогнули стену и двинулись по аллее между двумя живыми изгородями. Нимэстер остановился у маленького сарайчика, нажал на что-то и открыл дверь. Достал оттуда сверток и протянул его Клайстре.

— Одевайтесь.

Это была белая ряса с капюшоном, Клайстра натянул ее, затем серебряный халат без завязок и черную мантию, тоже с капюшоном.

Нимэстер натянул такой же наряд.

— Это одеяние Мудреца, средний ранг у Служителей. В храме на нас никто не обратит внимания,— он связал третий комплект в плотный узел, быстрым взглядом изучил аллею.— Сюда, скорее...

Они пробежали сотню футов до отверстия в ограде и проникли в сад.

Тут Нимэстер остановился, осторожно двинулся вперед, снова замер и дал Клайстре знак остановиться тоже. Глядя вперед через переплетение виноградных лоз, Клайстра увидел высокого тощего человека с серым лицом и крючковатым носом, мирно греющегося на солнышке. В руках у него был хлыст, и он лениво по-

хлопывал им себя по сапогу. Невдалеке шестеро ребят-шек разного возраста работали в винограднике, подпирая лозы длинными палками.

Нимэстер наклонился к Клайстре и шепнул:

— Чтобы добраться до стен, надо миновать Зелло. Он не должен видеть нас, иначе поднимет крик.

Нимэстер наклонился, подобрал камешек и швырнул его в одного из мальчишек. Тот закричал, но быстро замолк и вернулся к работе.

Зелло зашевелился, как ленивый питон, и пошел через виноградник, поднимая хлыст.

— Пора, — шепнул Нимэстер. Они ринулись через открытое пространство и остановились в тени стены.

Нимэстер остановился и стал внимательно разглядывать купол Миртлисского храма.

— Иногда там стоит жрец и наблюдает за пустыней. Это когда они ждут важного гостя и хотят вовремя приготовить оракула, — юноша кивнул. — Так и есть. Вот он.

Клайстра увидел на краю крыши темную тень, подобную Нотрдамской химере.

— Не беспокойтесь, — сказал Нимэстер, — он не заметит нас. Мы ведь не в пустыне. — Он начал карабкаться по стене, используя выступы и выщербины как ступени. На полдороге пропал из виду. Добравшись до середины стены, Клайстра обнаружил узкий лаз, невидимый снизу.

Из лаза раздался гулкий голос Нимэстера:

— Эту стену строили для престижа, она пустая внутри, и тут можно пройти.

Послышалось клацанье, затем вспыхнул огонь. Нимэстер зажег фонарь и пошел вперед. Шаги его были легки и очень осторожны.

Они прошли две сотни ярдов внутри стены, затем проход загородил большой черный камень. Рядом с ним была яма, в которую скользнул Нимэстер.

— Осторожно, — пробормотал он, — ступеньки очень узкие. Держитесь крепче.

Клайстра протиснулся в щель в фундаменте здания и вылез в темный коридор.

— Теперь мы под полом Главного Соборания. Над нами Вердиктаториум — место, где сидит оракул.

Над ними звучали шаги. Торопливые, легкие, но какие-то странные.

— Это надсмотрщик, старый Капер. Когда он был молодым, его наложница смазала зубы ядом и укусила его за бедро. Бедняга так и не оправился. Его левая нога не толще моей руки.

Еще одна скала преградила им путь.

— Это пьедестал, где сидит оракул. Теперь нужно вести себя очень осторожно. Прячьте лицо от света и молчите. Если нас остановят и узнают...

— Что тогда?

— Зависит от того, кто это делает. Самые опасные — послушники в черных рясах. Они сверхподозрительны. И Иерархи с золотыми кистями на капюшонах. Остальные не так внимательны.

— Каковы твои планы?

— Этот коридор ведет к камерам, где содержат пленников, рабов и преступников, прежде чем использовать их.

— Использовать? В качестве оракула?

— Ни в коем разе, — покачал головой Нимэстер. — Чтобы давать ответы, оракул нуждается в мудрости четырех человек. Поэтому вместе с ним используют еще троих. Сам он тоже служит следующему оракулу.

— Нам пора, — в приступе нетерпения сказал Клайстра.

— Очень тихо, — предупредил Нимэстер. Он вытащил откуда-то грубую деревянную лестницу и приставил ее к скале. Взобравшись на нее, он привязал фонарь к веревке и оставил висеть, а сам пополз по новому лазу. Клайстра последовал за ним. Каменный потолок давил ему на спину.

— Быстро за мной, — шепнул, обернувшись, Нимэстер.

Он исчез. Клайстра провалился в узкую дыру и приземлился на каменном полу рядом с Нимэстером. Под его ногами текла вонючая вода. Нимэстер двинулся к источнику света, фонарю, висевшему над лестничным

пролетом. Он поднялся по ступеням и без колебаний вошел в освещенное помещение. Клайстра — за ним.

Воздух был горячим и несвежим, Клайстра почувствовал тошноту. Из-за широкой арки доносилась какая-то возня.

Героическим усилием Клайстра проглотил комок и двинулся за дрожавшим от нетерпения Нимэстером.

Люди в рясах проходили мимо по двое, по трое, не обращая на них никакого внимания. Нимэстер остановился:

— Камера за стеной. Посмотри в щель и найди свою женщину.

Клайстра прижался к холодной стене и стал всматриваться через небольшую дыру как раз на уровне глаза. Около двух десятков человек стояло в середине камеры или сидело на каменных скамьях. Головы рабов были обриты и окрашены в желтый, зеленый и голубой цвета.

— Ну, где она? — спросил Нимэстер. — Та, в дальнем углу?

— Нет, — сказал Клайстра. — Ее здесь нет.

— Ха, — пробормотал юноша, — это проблема... Очень сложно и, как мне кажется, за пределами нашего соглашения...

— Ерунда! Ты подрядился найти женщину и спасти ее, где бы она ни была... Проведи меня к ней, или я убью тебя здесь и сейчас!

— Я не знаю, где искать ее, — спокойно объяснил Нимэстер.

— Так узнай!

— Я спрошу Коромутина. Подожди здесь.

— Нет, я пойду с тобой.

Нимэстер тихо выругался и пошел вниз по коридору до небольшой двери, открыл ее и просунул голову внутрь. Человеку внутри было лет пятьдесят. Он носил белоснежную тунику и безукоризненный кружевной воротник. Он совершенно не удивился, увидев Нимэстера, и лишь всем своим видом немедленно создал ощущение, что он важная персона и каждая его минута на счету.

Нимэстер заговорил с ним шепотом. Слова едва доносились до Клайстры. Коромутин поднял глаза и попытался заглянуть под капюшон землянина.

— ...Он говорит, что она не в камере, он не уйдет без нее.

Коромутин задумчиво нахмурил брови:

— Очевидно, женщина наверху. Если так, то сколько заплатит твой отец? Я бы не отказался от кинжала их хорошего Филемонского порфира.

— Он будет твоим,— кивнул Нимэстер.

Коромутин потер руки, встал и поглядел на Клайстру с интересом.

— Эта женщина, конечно, королева. Мой дорогой сэр,— он поклонился,— я восхищен вашей верностью. Позвольте мне помочь в ваших поисках.— Он отвернулся, не дожидаясь ответа.

Они поднимались по мраморной лестнице. Сверху слышались шаги. Коромутин низко и раболепно поклонился.

— Кланяйтесь,— шепнул Нимэстер,— Мудрейший.

Клайстра склонил голову. Он увидел богатые одежды Мудрейшего. Белая ряса была шелковой, красная — шерстяной и мягкой, как бархат, черная — из более плотной шерсти. Брюзгливый голос произнес:

— Где ты был, Коромутин? Оракул скоро будет готов, а где же мудрость? Ты нерадив.

Коромутин рассыпался в извинениях, и Мудрейший повернул обратно. Коромутин тоже вернулся в свой закуток, где натянул длинное одеяло с высоким воротником, накидку, расшитую красными пауками, и высокий колпак с вуалью, почти полностью скрывавшей его лицо.

— Что за задержка? — прошипел Клайстра.

— Коромутин занимает пост Вводящего, а это — его церемониальное одеяние. Придется подождать.

— У нас нет времени. Объясни ему.

— Невозможно,— покачал головой Нимэстер.— Коромутин привязан к оракулу. Да и я сам хочу посмотреть на ритуал. Я никогда не видел откровения.

Клайстра использовал все мыслимые угрозы, но Нимэстер был непоколебим.

— Ждите. Коромутин приведет нас к женщине. Ее нет в камере, вы сами видели.

Клайстре пришлось согласиться.

17. ОРАКУЛ

Коромутин продолжал свои приготовления. Он достал из сейфа сосуд с мутной оранжевой жидкостью и набрал немного жидкости в примитивный шприц.

— Что это?

— Мудрость,— ответил Коромутин с самодовольством посвященного.— На каждую порцию идут мозговые железы четырех человек, это концентрированные знания.

«Гормоны плюс мозговая жидкость»,— подумал Клайстра.

Коромутин поставил жидкость обратно в сейф и спрятал шприц в рукав.

— Теперь в Вердиктаториум.

Он провел Клайстру и Нимэстера по коридору, по широкой лестнице в главный зал храма, огромный, отделанный перламутром двенадцатигранник, залитый бледно-серым светом. В центре зала на постаменте из черного дерева стояло простое кресло.

Рядом с ним полукругом стояло около дюжины Мудрых, выводивших жутковатый мотив.

— Дежурные,— пробормотал Коромутин.— Лорду Воеводе это не понравится. Он ставит мудрость оракула в зависимость от количества жрецов в зале... Я должен подождать здесь, в нише,— голос Коромутина был глухим и усталым.— По обычаю, я сопровождаю оракула.— Он оглядел зал: — Вам лучше стать в тень, пока какой-нибудь послушник не заглянул под ваши капюшоны и не поднял крик.

Нимэстер и Клайстра спокойно стали около стены. Через минуту в зал внесли яйцевидный паланкин с шелковыми занавесками. Четверо негров в красных бриджах

служили носильщиками, сзади шли две девушки с креслом и кипой разноцветных подушек.

Носильщики поставили паланкин. Из него выпрыгнул маленький краснолицый человек и уселся в мгновенно подставленное кресло.

Он оглядел присутствующих яростным взором.

— Скорей, скорей! — зашипел он. — Жизнь уходит. Свет меркнет в моих глазах, пока я сижу здесь!

Мудрейший, поклонившись, приблизился к нему:

— Вероятно, лорд Воевода отдохнет во время предварительных церемоний?

— К черту церемонии! — яростно сказал Воевода. — Я вижу, что только горсть жрецов решила почтить меня своим присутствием. Я обойдусь без ваших ритуалов. Давайте прямо к прорицанию. Только пусть это будет мужчина в расцвете сил: реббир, бод или джиллард.

— Мы приложим все усилия, милорд, — склонил голову Мудрейший. — Оракул идет.

Двое жрецов вошли в зал, поддерживая темноволосого человека в белом халате. Он затравленно оглядывался по сторонам.

— И этот урод будет давать мне советы! — проревел Воевода. — Да он способен только дрожать от страха!

— Вы ошибаетесь, лорд Воевода, — уверенно сказал Мудрейший. — Он обладает мудростью четырех человек.

Несчастливого оракула посадили в кресло, где он скорчился, дрожа.

Лорд Воевода бросил на него полный злобы и презрения взгляд.

— Наверняка я могу сказать ему больше, чем он мне, даже если его мудрость учетверена, он не знает ничего, кроме страха. И я даром трачу драгоценное мгновение своей жизни. Наверняка есть и лучшие оракулы.

Мудрейший пожал плечами:

— Мир широк. Возможно, где-нибудь найдется оракул сильнее нашего. Лорд Воевода свободен отправиться на поиски.

Воевода нахмурился, но промолчал.

Появился Коромутин, прямой и церемонный. Он поднялся на возвышение, извлек шприц и, со всеми необходимыми ритуальными жестами, вонзил иглу в

шею оракула. Оракул дернулся, изогнул спину, запрокинул голову. Какое-то мгновение он сидел прямо, потом бессильно осел в кресле, прижав руки ко лбу.

В зале стояла мертвая тишина. Оракул продолжал сжимать лоб.

Потом он дернул ногой, тряхнул головой. Из рта полились бессвязные звуки. Он с удивлением оглядел зал. Его руки тряслись. По подбородку стекала белая пена. Он закричал страшным, хриплым голосом. Его тело качалось из стороны в сторону все быстрее и быстрее...

Клайстра не мог оторвать глаз от этого зрелища.

— Это и есть мудрость? — спросил он.

— Именно. Тише.

Оракул был в агонии. Его глаза горели лихорадочным огнем.

Лорд Воевода наклонился вперед, кивнул и, улыбаясь, что-то сказал почтительно склонившемуся Мудрейшему. Слов из-за рева оракула не было слышно. Мудрейший спокойно кивнул, выпрямился и стал покачиваться на носках, заложив руки за спину.

Оракул замер. Теперь он сидел спокойно и прямо, как будто агония смысла все его эмоции, оставив только разум.

В наступившей тишине Клайстра легко расслышал слова Мудрейшего, обращенные к Воеводе.

— Он готов. У вас есть пять минут мудрости, потом он умрет.

Воевода кивнул:

— Оракул, отвечай хорошенько. Сколько мне осталось жить?

Оракул устало улыбнулся:

— Тривиальный вопрос, легко ответить. Почему нет? Итак, из положения твоего тела, из ритма дыхания и пульса я делаю вывод, что ты болен раком. Твое дыхание гнилостно. Ты не проживешь и года.

Воевода с искаженным лицом повернулся к Мудрейшему:

— Убрать его, он лжец! Я дал вам рабов, а он лжет мне!

Мудрейший поднял руку:

— Не приходи к Фонтану за ложью и лестью, ты услышишь только правду.

— Как могу я продлить свою жизнь?

— Я не врач. Умеренность в еде, разумный режим дня, отказ от вина и наркотиков. Благотворительность, для облегчения совести.

Воевода снова яростно уставился на Мудрейшего:

— Вы снова обманываете меня. Этот урод несет чушь. Почему он не откроет формулу?

— Какую формулу? — непонимающе спросил жрец.

— Эликсир вечной жизни! — проревел воевода. — Что еще?

— Спросите его самого, — пожал плечами Мудрейший.

Воевода повторил вопрос. Оракул покачал головой:

— Я не знаю такой формулы, и мне не хватает знаний, чтобы вывести ее.

— Спрашивайте только о том, что реально. Оракул — не обманщик, как витторы или волшебники из Эдельвейса.

Воевода густо покраснел:

— Как могу я закрепить свою власть за своим сыном?

— В государстве, изолированном от внешнего влияния, можно править благодаря традиции, благодаря силе или по желанию подданных. Последнее гарантирует режиму стабильность.

— Дальше, — крикнул Воевода. — Ты можешь сейчас умереть.

— Странно, — сказал оракул, — а я только начал жить.

— Говори, — резко приказал Мудрейший.

— Твоя династия началась с тебя, когда ты отравил прежнего Воеводу. Ты не можешь опираться на традицию. Поэтому твой сын должен править силой. Механизм прост: он должен убивать всякого, кто осмелится оспорить его власть. Это создаст ему новых врагов, их он тоже должен уничтожить. Если он сможет убивать быстрее, чем его противники, он останется у власти.

— Невозможно! Мой сын — неженка. Я окружен предателями, мерзавцами, которые ждут только моей смерти, чтобы начать грабить и убивать.

— В этом случае твой сын должен показать себя таким способным правителем, чтобы ни у кого не возникло желания заменить его.

Глаза Воеводы затуманились. Его мысли были далеко, наверное, с его сыном.

— Чтобы подготовить почву, ты должен изменить внутреннюю политику. Следует рассмотреть каждое действие твоих чиновников с точки зрения непривилегированных слоев населения. И внести соответствующие изменения в политику. Тогда после твоей смерти твой сын сможет опираться на доверие и лояльность простого народа.

Воевода откинулся на спинку кресла и насмешливо поглядел на Мудрейшего.

— И за это я заплатил двадцать рабов и пять унций меди?

— Он наметил вам план действий. Он ответил вам.

— Но,— запротестовал Воевода,— он не сказал мне ничего приятного.

Мудрейший спокойно смотрел на перламутровую стену:

— Лесть и фантастические бредни оставьте придворным магам. У Фонтана вы услышите только правду.

Воевода вздохнул, фыркнул:

— Хорошо. Еще вопрос. Люди Дельты совершают набеги на Криджинскую долину и угоняют скот. А мои солдаты не могут преследовать их, тонут в грязи и теряют следы в протоках. Как мне покончить с этой напастью?

— Посади дикий виноград на Имсдиптонских холмах.

Воевода крикнул, Мудрейший торопливо сказал:

— Объясни.

— Люди Дельты выращивают кламов. Твои стада пачавье пасутся на Имсдиптонских холмах и каждый год объедают там всю растительность. Осенние дожди смывают почву в реку Паннарик. Вещества, содержащиеся в ней, смертельны для кламов. Они гибнут от соприкосновения с ней, и оголодавшие люди Дельты крадут твой скот. Ты можешь покончить с бедой, устранив ее причину.

— Они коварны, они разбойники и обманщики, я жажду мести!

— Ты ее не получишь,— сказал оракул.

Воевода вскочил на ноги. Он схватил каменный сосуд из своего паланкина и швырнул в оракула. Сосуд попал бедняге в грудь. Мудрейший яростно вскинул руку, Воевода ответил ему бешеным взглядом, оттолкнул девушек и нырнул в паланкин. Носильщики подняли его на плечи и вышли из зала.

Оракул закрыл глаза. Он тяжело дышал, жадно хватал воздух. Его пальцы смыкались и размыкались... Завороженный Клайстра шагнул вперед, но Нимэстер схватил его за рукав:

— Вы сошли с ума!

Коромутин прошел мимо них, прошептав:

— Ждите меня в коридоре.

— Пошли,— сказал Клайстра.

Коромутин еще раз кивнул и скрылся в проходе. Через десять бесконечных минут он вернулся в своем обычном белом одеянии. Не говоря ни слова, он стал подниматься по широким белым ступеням, ведущим на галерею, опоясывающую здание. Сквозь высокие арки был виден не только оазис, но и пустыня и черные голые вершины Гнезда.

Они поднялись еще на один пролет и вышли в узкий коридор, тоже идущий вокруг главного зала, туда можно было заглянуть через окна справа. Коромутин заглянул в небольшую комнату. Человека, сидевшего за столом, можно было назвать близнецом Вводящего. Коромутин махнул Клайстре и Нимэстеру и вошел в комнату. Подошел к столу и начал переговоры.

Потом обернулся к Нимэстеру:

— Это Жентиль, Хранитель порядка. Он поможет вам, если твой отец согласится расстаться еще с одним порфировым кинжалом.

— Хорошо,— вздохнул Нимэстер.

Коромутин кивнул, и коротышка, как будто ожидавший этого сигнала, встал и вышел в коридор.

— Он видел, как ее допрашивали,— тихо сказал Коромутин,— и может провести вас к ней. Я оставляю вас

на его попечение. Будьте осторожны, здесь очень опасно.

Они пошли за Жентилем по бесконечным коридорам, снова вверх по лестнице. Клайстра различил звук, который заставил его остановиться, ровный ритмичный гул.

Жентиль нетерпеливо махнул рукой:

— Идемте, я покажу вам женщину и развяжусь с этим делом.

— Откуда идет этот звук? — спросил Клайстра.

— Загляни сквозь решетку, ты увидишь его источник. Это организм из стекла и металла. Он разговаривает разными голосами. Это могучая вещь и не нашего ума дело. Пошли.

Клайстра впился глазами в комнату за решеткой. Он увидел современное электронное оборудование. Люди, которые устанавливали его, знали, с чем имели дело. На грубом столе стоял микрофон с наушниками, а дальше на рамах располагались печатные схемы, заменявшие конденсаторы, сопротивления, проводники... Клайстра как следует оценил открывшуюся возможность.

— Идем, скорее, — хрипел Жентиль. — Я хочу сохранить свою голову на плечах.

— Сколько нам еще идти? — спросил Нимэстер.

— Несколько шагов. Потом вы увидите вашу женщину. Но, ради бога, осторожней. Иначе они поймают нас и высосут наши мозги.

— Что? — чуть не взревел Клайстра. Нимэстер схватил его за руку.

— Не спорьте со старым дураком, — шепнул он, — иначе мы вообще не найдем ее.

18. ЧАРЛИ ЛИСИДДЕР

Они шли по коридору, выстланному толстым зеленым ковром, совершенно скрадывавшим звук шагов. Сделали несколько поворотов. Наконец Жентиль остановился перед тяжелой деревянной дверью. Он затравленно оглянулся, потом привычным, выдававшим боль-

шой опыт движением подобрал рясу, нагнулся и заглянул в замочную скважину.

Потом повернулся к Клайстре:

— Посмотрите. Убедитесь, что это она, и мы пойдем. В любую минуту здесь может появиться Настоятель.

Клайстра сдержал улыбку и тоже заглянул в скважину.

Нэнси. Она сидела на подушках, закинув голову и полузакрыв глаза. На ней была свободная зеленая пижама, волосы были вымыты и расчесаны. Она выглядела так, как будто только что вышла из ванны. Лицо ее было лишено выражения, вернее, это выражение было незнакомо Клайстре.

Левой рукой Клайстра нашел язычок замка, правой вытаскивал ионник. Толстый Хранитель порядка зарычал:

— Отойдите! Отойдите немедленно! Нам надо бежать!

Он схватил Клайстру за один из капюшонов.

Клайстра оттолкнул его:

— Нимэстер, держи этого болвана.

Дверь не была заперта. Он распахнул ее. Глаза Нэнси вспыхнули:

— Клод!

Она медленно поднялась на ноги. Она не кинулась к нему, плача от радости. Это была Нэнси.

— Что с тобой сделали? — спокойно спросил он.

— Ничего. Я в порядке. — Ее голосу не хватало жизни.

— Пошли. У нас мало времени.

Нимэстер держал Жентиля за шиворот в дюйме от пола. Клайстра заглянул в испуганные злобные глаза Служителя.

— Отведи нас к радио. — Ноги Жентиля коснулись пола. Он облегченно закрутил головой и повел их вниз по коридору.

Вниз по лестнице, назад по извилистым проходам. В правой руке Клайстра держал ионник, левой сжимал руку Нэнси.

Тот же ровный гул.

Клайстра ворвался в комнату. От аппарата поднялся тощий человек в голубом халате.

– Не двигайтесь, и вас не тронут, – сказал Клайстра. Оператор не сводил расширенных глаз с ионника.

– Вы знаете, что это, – сказал Клайстра. – Вы землянин?

– Да. И что из этого?

– Вы установили рацию?

Оператор бросил короткий взгляд на оборудование:

– Ну и что?... Разве что-нибудь неправильно? Чего вы хотите?

– Свяжите меня с Территорией Земли.

– Нет, сэр. Я этого не сделаю. Я дорожу жизнью, мистер. Вызывайте сами. Я не могу удержать вас, у вас пистолет.

Клайстра шагнул вперед. Лицо оператора даже не дрогнуло.

– Станьте к стене, рядом с этим... Нэнси!

– Клод?

– Зайди, встань у стены, не загораживай проход, не двигайся.

Она медленно вошла и встала, куда он показал. Внимательно осмотрела комнату. Облизала пересохшие губы, хотела что-то сказать, потом передумала.

Клайстра сел за стол и оглядел рацию. Энергия идет от небольшого источника, обычной батарейки, такие есть во всех магазинах Системы.

Он нажал на кнопку с надписью «вкл»:

– Какая у них частота?

– Не имею понятия, – ответил оператор.

Клайстра открыл справочник на букву Т. Территория Земли. Официальный код – «181933». На контрольной панели было шесть рукояток. Под первой значилось «0», под второй – «10», под третьей – «100», и так до шестого порядка. «Очевидно, – подумал Клайстра, – каждая из них обозначает порядок частоты». Он поставил шестую рукоятку на «1», следующую – на «8», поднял голову и прислушался.

В коридоре слышались чьи-то тяжелые шаги, на лице Нэнси было написано отчаяние.

– Тихо, – шепнул Клайстра. Он переключил следующую «1», «9»...

Дверь распахнулась. В проеме появилось тяжелое смуглое лицо. Жентиль упал на колени:

— Простите! Это не я, меня заставили!

Меркодион кивнул через плечо в коридор:

— Внутрь. Схватить их.

Клайстра шелкнул рукояткой «3». Еще одна... Служители вломились в комнату. Нэнси оторвалась от стены, лицо ее было белым, бескровным. Она встала на линию огня.

— Нэнси! — крикнул Клайстра. Он поднял свой ионник. Нэнси стояла между ним и настоятелем. — Извини, — прошептал он, — это больше, чем твоя жизнь.

Он нажал на спуск. Фиолетовый свет ударил в белые лица. И погас. Энергия кончилась.

Трое в черных рясах навалились на Клайстру. Он сражался отчаянно и яростно, как реббир. Стол затрещал и опрокинулся. Несмотря на усилия оператора, рация рухнула на пол. В этот момент Нимэстер оглушил своего противника и выскочил из комнаты. Никто не обратил на это внимания.

Клайстра пробивался к двери. Он орудовал кулаками, локтями, коленями. Послушники сбили его с ног, несколько раз ударили по голове и заломили руки за спину.

— Свяжите его хорошенько, — сказал Меркодион. — А потом — в камеру!

Они поволокли его по коридорам, вниз по лестнице, вдоль галереи с видом на оазис.

Черная точка плыла высоко в небе. Из горла Клайстры вырвался радостный крик:

— Аэрокар! Это землянин! — Он пытался задержаться у окна. — Земной аэрокар!

— Земной аэрокар. Да, — улыбнулся Меркодион, — но не с Земли. Из Гросгарта.

— Гросгарт, — прошептал Клайстра. — Только у одного человека в Гросгарте может быть аэрокар...

— Именно.

— Знает ли Бэджарнум?...

— Он знает, что вы здесь. Неужели вы думаете, что в его аэрокаре нет радио? — Настоятель повернулся к послушникам. — Отведите его в камеру. Я должен встречать

Чарли Лисиддера... Следите за этим человеком. Он очень опасен.

Клайстра стоял на середине камеры, усталый и несчастный. Его голова была обрита. Его новая одежда пахла чем-то, напоминавшим виноградный уксус.

Подземные камеры Фонтана. Воздух можно было резать ножом. Клайстра старался дышать ртом, чтобы не чувствовать запаха. Он вздохнул. Странно. Один из компонентов аромата – едкий, приторный – был ему знаком.

Он попытался вспомнить. Ничего не получилось. Каменный пол охлаждал его босые ноги. Несколько женщин, скорчившихся около стены, непрерывно стонали. Из соседней комнаты, где шла «подготовка» к откровению, тянуло сквозняком. Сквозь щели в стене проходил не только ветер, но и свет и звуки работы: шум кипящей воды, треск, бульканье и громкие голоса.

Кто-то глядел на него из коридора через дыру в двери. Глаз моргнул и исчез... Нереальность... Почему он здесь? Эли Пианце повезло: он лежал в мягкой земле под рыжими соснами озера Пеллитанат. Роджеру Фэйну повезло еще больше. Он носит красную нитку бус в ухе и играет в слугу и хозяина.

Это была слабость. Он очень ослаб. Будто часть его человеческого достоинства, часть его мужества сбрили вместе с волосами... Едкий сладкий запах стал еще сильнее. Он был очень знаком... Вербена? Мирра? Розовое масло? Нет. Что-то щелкнуло в голове Клайстры. Зигаге! Он подошел к стене и заглянул в щель.

Прямо перед его глазами кипел котел. Рядом лежали ветки с желтыми плодами. Действительно, зигаге. Он с любопытством следил за происходящим. Плотный и усталый человек в черных бриджах и с красным шейным платком отобрал пригоршню плодов зигаге и бросил их в котел.

Зигаге! Клайстра отвернулся от щели. Мозг его напряженно работал. Если откровения базируются на зигаге, то зачем мозговая жидкость? Возможно, просто так, возможно, это символ мощи оракула. Конечно, тут нет уверенности, но не похоже, чтобы гормоны и мозго-

вая жидкость могли вызвать такие поразительные изменения, которые он наблюдал в Вердиктаториуме. Скорее, активным ингредиентом является зигаге, аналог земных марихуаны, пейотля, опиума, кураре и прочих наркотических зелий.

Он подумал о своем личном опыте: резкий подъем сил, затем истощение. Реакция оракула была такой же, только на ином уровне. Клайстра восстановил в памяти всю сцену. Несчастный перепуганный разум и хладнокровие.

Это поразительное превращение вытащило на поверхность латентные способности человека. Как действует это зелье? Мысли Клайстры крутились вокруг этого. Задача для ученых. «Жаль, — подумал Клайстра, — что человек может достичь этой высокой ступени только на мгновения. Да, это действует как истощение, после того как вдыхаешь дым...» Вдруг он почувствовал пустоту внутри, так, как будто часы в его голове перестали тикать. «Стив Бишоп не испытал истощения. Бишоп.», — Он вспомнил состояние Бишопы после того, как тот надышался зигаге. Очевидно, привычка глотать витамины предотвратила истощение.

Витамины... Наверное, оракул умер от недостатка витаминов. Тут было о чем подумать. Клайстра медленно ходил кругами по камере.

Желтоволосая женщина бессмысленно наблюдала за ним. Остальные плакали.

— Тсс.

Клайстра поглядел на дверь. Сквозь отверстие смотрели злые глаза. Клайстра подошел к двери.

Нимэстер. Его круглое лицо было искажено яростью.

— Ты в тюрьме, — сказал он тихо. — Ты скоро умрешь. Что будет с моим отцом? Твой друг унесет сабли и убьет моего отца, потому что ты так приказал.

«Он прав», — подумал Клайстра. Нимэстер верно служил ему.

— Добудь мне бумагу, — сказал он. — Я напишу Эл-тону.

Нимэстер просунул в отверстие грязный кусок бумаги и осколок графита.

— Ты что-нибудь слышал о...

— Коромутин сказал, что ты будешь оракулом. Для самого Чарли Лисиддера. Так сказал ему Мудрейший, пока бил его.

— Ты не можешь выкупить меня? — спросил Клайстра. — У меня есть металл, такие же сабли.

Нимэстер покачал головой:

— Тонна железа ничего не изменит. Этим вечером Меркодион сказал, что сам выжжет твой мозг для Лисиддера.

И тут Клайстра понял, что значат эти слова. Он сжал руки, чтобы не дрожали:

— Ты можешь провести Элтона сюда?. Получишь еще одну саблю.

— Конечно, — ответил Нимэстер. — Я смогу... Это смертельный риск, но я проведу его.

— Тогда отнеси ему эту записку, и возвращайтесь скорее.

Теперь звуки и запахи камеры не имели для него значения. Он спокойно ходил взад-вперед, что-то насвистывая про себя.

Туда и обратно, туда и обратно, каждый раз всматриваясь в отверстие. Когда же появится Элтон?

Внезапный холод пронзил его. Он начал понимать механику заговора против комиссии. После того как провалился Морватц, после того как они обогнали второй отряд, переправившись через Уст и обрезав воздушную дорогу, им позволили идти в Миртлисс. И все это время, начиная с Болотного острова, они шли в заранее поставленную ловушку. Стратегия была ясна. А исполнителем был он сам. А что, если Элтон тоже был частью плана? В этот момент предположение не показалось Клайстре невыносимым.

— Клайстра.

Он поднял глаза, подошел к отверстию. Это был Эса Элтон в одеждах жреца, как всегда спокойный и насмешливый.

— Как идут дела?

Клайстра прижал лицо к двери.

— Ты принес? — прошептал он.

Элтон передал ему пакет:

— Что теперь?

Клайстра невесело улыбнулся:

— Не знаю. На твоём месте я бы отправился в Кристиендэйл. Тебе нечего здесь делать.

— Ты мне ещё не объяснил, что собираешься делать с витаминами.

— Съесть.

— Ты болен? — удивился Элтон.

— Нет. Но у меня есть блестящая идея.

Элтон чем-то зашуршал:

— Я мог бы пробить дыру в стене...

— При первом звуке сюда сбежится полхрама. Иди обратно к оружейнику. Ждите до утра. Если я не вернусь на заре, я не вернусь вообще.

— В моём магазине есть ещё два заряда, — тихо сказал Элтон. — У меня есть слабая надежда, — Клайстра видел, как блеснули глаза инженера, — повстречать здесь кое-кого.

— Я не могу поверить в это, — сказал Клайстра, хрипя внезапно пересохшим горлом.

Элтон молчал.

— Она не убивала Бишоп. Я уверен, это был несчастный случай... Или он хотел остановить её.

— Твоя точка зрения не имеет значения, её роль от этого не меняется. Погибло четверо хороших людей: Бишоп, Пианца, Дэррот, Кетч. Валюссер не в счёт, он получил по заслугам. Я долго наблюдал за ней, фактически с того момента, как она присоединилась к нашему маленькому клубу самоубийц.

Клайстра коротко хохотнул.

— Я думал, что она... — Он не мог закончить.

— Я знаю, — кивнул Элтон. — Единственное, что я могу сказать в её пользу: она тоже ставила свою жизнь. И ей повезло, теперь она там, — он поднял палец, — а ты здесь. Боже правый, что за дыра. Что они там варят?

— Видишь ли, — мирно сказал Клайстра, — они выцеживают из людей мозговую жидкость, смешивают с зигаге и вводят оракулу. Это действует на оракула примерно так же, как дым на солдат Бьюджулэйса, только в тысячу раз сильнее.

— И оракулы гибнут.

- Как мухи.
- Сегодня на очереди ты?.

Клайстра подбросил в воздух пакет, принесенный Элтоном:

– У меня есть эта штука. Я не знаю, что произойдет. С этого момента я играю на слух, и, возможно, я ошибаюсь, но события этим вечером могут принять очень интересный и совершенно непредвиденный оборот. В общем, я не беспокоюсь.

Рядом с Элтоном появился Нимэстер:

– Идем, по лестнице спускается префект. Скорее!

Клайстра плотнее прижался к отверстию:

– Счастливо, Эса.

Элтон небрежно помахал ему рукой.

19. МУДРОСТЬ ДЛЯ ЛИСИДДЕРА

Солнце садилось за деревья Фонтана Миртлисса. Высоко в небе проплывали золотистые облака. С востока, где ночь уже опустилась на поля, города и замки, наплывали сумерки.

У восточного края храма стоял мраморный павильон, соединенный колоннадой с основным зданием. Он стоял на середине пруда. Вода светилась в сумерках, и в ней перекрещивались черные ветви деревьев. Из дверей храма вышло четверо молодых людей с факелами. Все они были высокими и тонкими, длинные белокурые волосы заплетены в множество мелких косичек. Они были одеты в роскошные ливреи, украшенные драгоценными камнями. Юноши поставили факелы на подставки из черного дерева и вернулись в храм.

Через несколько минут шестеро мужчин в черных килотах принесли квадратный стол, который поставили в центре павильона. Юноши в ливреях принесли стулья. Люди в черных юбках ушли.

Юноши накрыли стол богато расшитой скатертью. В центр стола поставили миниатюрную копию Миртлиссского Фонтана со всеми деталями, вплоть до павильона, стола в павильоне и пятерых людей, сидящих за столом.

Бутылки с вином выставили на лед. Стол украсили хрустальными вазами с фруктами, сушеными насекомыми, блюдами с пирогами, пирожками и пирожными. Затем лакеи замерли рядом с факелами.

Шли минуты. Сумерки сменились ночью. Мерцали звезды. Через колоннаду пронесся мягкий, теплый бриз, играя с пламенем факелов.

Со стороны храма зазвучали голоса. В колоннаду вошли Меркодион, высокий Настоятель, Декан Фонтана Миртлисса, и Чарли Лисиддер, Бэджарнум Бьюджулэйса. Меркодион был в своих парадных одеждах, украшенных жемчугами и металлами. Бэджарнум был в сером комбинезоне, темной куртке и высоких сапогах.

За ними шли Мудрейший и два дворянина из свиты Лисиддера.

Лисиддер с одобрением посмотрел на накрытый стол и застывших, как статуи, юношей и уселся.

Разлили вино, подали еду. Чарли Лисиддер был в отличном настроении, и все присутствующие смеялись его шуткам. Когда за столом возникало молчание, стоявшая в углу девушка начинала наигрывать на флейте, немедленно замолкая, если кто-то возобновлял разговор.

— Ну, а теперь, — сказал Бэджарнум, — перейдем к нашему оракулу, Клоду Клайстре. Честно говоря, я планировал допросить его под пыткой, но ваш вариант облегчает положение всех заинтересованных сторон. Он человек больших знаний и опыта, ему будет чем поделиться.

— Жаль, что мы так недолго сможем черпать из этого источника знаний.

— Вы должны всерьез заняться проблемой продления жизни ваших оракулов, Меркодион. Теперешнее положение меня не удовлетворяет.

Настоятель склонил голову:

— Все будет согласно вашим желаниям... А теперь я прикажу приготовить оракула, и мы перейдем в зал.

Зал был заполнен толпой перешептывающихся жрецов. По обычаю, жрецы снимали капюшоны на ночь. Их заменяли белые повязки: верхняя, охватывающая лоб и

часть щек, и нижняя, спускающаяся до груди. Открытыми оставались только глаза.

Жрецы негромко пели церемониальные гимны. Двенадцать хоров — каждый у своей стены — сливали голоса в сложной полифонии.

Бэджарнум, Меркодион и их свита вошли в зал и уселись на длинной скамье перед креслом оракула. Из боковой двери вышла девушка со строгим лицом и облаком золотых волос. На ней были серые брюки и серо-зеленая свободная блуза. На мгновение она остановилась, потом медленно пересекла зал. Единственная женщина среди сотен мужчин, жаворонок среди воронов. Все глаза следили за ней.

Она остановилась рядом с Бэджарнумом, посмотрела на него со странным, ищущим выражением. Меркодион вежливо поклонился. Лисиддер холодно улыбнулся:

— Садись.

Лицо девушки снова стало пустым и холодным. Она села рядом с Бэджарнумом. Зрители отреагировали на это шепотом, гулом, шорохом ряс. По слухам, женщина была новой служанкой Настоятеля. На нее бросали испытующие взгляды и тут же отводили глаза; смертельным холодом, чем-то спокойным и беспощадным веяло от нее.

Последний печальный звук гимна прозвенел и угас в огромном зале. Бэджарнум, казалось, только что заметивший присутствие жрецов, недовольно пробормотал что-то Настоятелю. Тот кивнул и встал:

— Всем выйти. Немедленно.

Недовольно бормоча, белые, черные и серебристые рясы вылились из зала. Теперь он был пуст, и незаметное раньше эхо сопровождало каждый звук.

Звон гонга огласил приближение оракула. Справа и слева от него стояли два префекта, позади шел Вводящий в торжественном одеянии.

Оракул был облачен в красные и серые шелка, лицо его закрывала вуаль. Он шел медленно, но без колебаний. У постамента он остановился, и префекты подняли его в кресло.

Тишина в зале была тишиной ледяной пещеры. Ни шепота, ни звука, ни дыхания. Даже ветер стих.

Префекты взяли оракула за руки, Вводящий шагнул вперед, вынул шприц, поднял его.

Настоятель вскочил и хрипло сказал:

— Стойте!

— Да, Настоятель?

— Снимите вуаль, Бэджарнум хочет видеть его лицо.

Префект заколебался, затем поднял руку и осторожно потянул белую ткань.

Оракул поглядел в глаза Бэджарнума:

— По-моему, это мой старый приятель Артур Хиддерс, торговец кожами.

Бэджарнум покачал головой:

— Меня обычно зовут Чарли Лисиддер. А вы нервничаете, Клайстра.

Клод Клайстра резко рассмеялся. Огромная доза витаминов, amino- и нуклеиновых кислот сильно разрегулировала его двигательную систему.

— Вы оказываете мне честь, какой я едва ли достоин...

— Поглядим,— очень легко сказал Бэджарнум.

Клайстра посмотрел на Нэнси. На мгновение она встретила с ним взглядом, потом отвернулась. Рядом с человеком, которого он знал как Артура Хиддерса, Нэнси приобрела новые черты. Очень знакомые черты.

— Сестра Благодения! — воскликнул Клайстра.

— Хороший ход, не правда ли? — кивнул Лисиддер.

— Хороший... но зачем?

— Торговец кожами может спокойно собрать достаточно денег, чтобы оплатить паломничество на Мать-Землю, но вряд ли он станет брать с собой свою молодую талантливую секретаршу.

— Талантливую — это правда.

Лисиддер повернулся и с одобрением посмотрел на Нэнси.

— Мне, право, жаль, что она стала орудием в политической игре, она достойна лучшего... Но этот болван Эббидженс разбил корабль слишком далеко от Гросгарта, и у меня никого не было под рукой. Да, жаль, теперь ей придется искать другого покровителя.— Он бросил веселый взгляд на Меркодиона.— Ей не придется искать долго, не так ли, Настоятель?

Меркодион вспыхнул и сердито посмотрел на Лисиддера:

— Мои вкусы в некоторых областях не менее изысканны, нежели ваши, Бэджарнум.

Лисиддер откинулся на спинку кресла:

— Не имеет значения. Для нее найдется работа в Гросгарте. Давайте займемся предсказанием.

Меркодион махнул рукой:

— Продолжайте.

Вводящий поднял шприц.

Игла глубоко вошла в шею Клайстры. Он почувствовал давление, резкую боль.

Префекты крепко прижали его руки к ручкам кресла. Он заметил, что Нэнси смотрит в пол. Бэджарнум Бьюджулэйса наблюдал за процедурой с неподдельным интересом.

Огромная темная ладонь опустилась на мозг Клайстры. Его тело стремительно росло: руки достигли двадцатифутовой длины, ноги стали подножием утеса, глаза — огромными окнами, ведущими в мир. Голос Бэджарнума звучал как шепот в подземной пещере:

— Ага. Он корчится. Началось.

Префекты продолжали сжимать руки Клайстры.

— Посмотрите, — весело сказал Бэджарнум. — Смотрите, как он извивается. Он причинил мне массу беспокойства. Теперь он платит за все.

Но Клайстра не ощущал боли. Он потерял чувствительность. Он снова переживал свою жизнь, от первого крика до нынешнего момента, каждую деталь, каждое мгновение. Он следил за собственной жизнью, как опытный садовник за ростом дерева. И каждый раз, обнаруживая ошибку, непонимание, прокол, он восстанавливал реальный ход событий, стирая туман, доселе заполнявший его мозг.

Детство, юность на Земле, учеба на планетах Системы. Большая Планета, растущая в иллюминаторе, крушение на Великом Склоне под Джубилитом, решение идти на восток. Он отследил свой маршрут через Тсаломбарский лес, Земли кочевников, Эдельвейс, Уст, Болотный остров, по монорельсу до Гибернской Марки и Кристиендэйла, через пустыню к Фонтану Миртласса.

Он ворвался в настоящее, как поезд из туннеля. Он был более в сознании, чем когда-либо. Опыт всей его жизни, тщательно разобранный, рассортированный и разложенный по полочкам был к его услугам.

Он услышал голос Настоятеля:

— Его мозг чист. Теперь вы должны торопиться, через пять минут его силы истощатся, и он умрет.

Клайстра открыл глаза. Его тело было одновременно горячим и холодным. Его чувства обострились в несколько раз. Он ощущал в себе страшную, переполняющую организм силу.

Клайстра оглядел зал, встревоженных людей перед собой. Они были жертвами, рабами собственных недостатков. На белом лице Нэнси жили только глаза. Клайстра видел ее как она есть, проникал в ее мотивы.

— Он выглядит вполне счастливым, — разочарованно сказал Бэджарнум.

— Это обычное состояние, — ответил Меркодион. — На первых порах все они чувствуют себя прекрасно. Потом умирают. Торопитесь, Бэджарнум, торопитесь, если хотите что-то узнать.

— Кого мне надо подкупить, чтобы брать оружие непосредственно у Комитета Контроля над Вооружением? — громко спросил Чарли Лисиддер.

Клайстра смотрел вниз на Бэджарнума, на Меркодиона, на Нэнси. Все это было поразительно смешно, и он с трудом сдерживал себя.

Бэджарнум настойчиво повторил вопрос.

— Попробуйте с Аланом Марклоу, — сказал Клайстра, будто открывая страшную тайну.

Бэджарнум против своей воли наклонился вперед:

— Марклоу! Председатель Комитета? — Бэджарнум снова откинулся на подушки, полуудивленный, полурассерженный. — Итак, Алана Марклоу можно купить. Черт бы побрал этого святейшего негодяя!

— С таким же успехом, как и остальных членов Комитета... — сказал Клайстра. — Единственное, что заставляет меня остановиться на его кандидатуре, так это соображение, что всегда проще купить босса, чем возиться с его командой.

Бэджарнум удивленно поднял брови. Настоятель заворочался на скамье.

— Как я понимаю, — сказал Клайстра, — вам нужно оружие, чтобы расширить вашу империю, не так ли?

— Именно, — едко ответил Бэджарнум.

— А зачем?

Меркодион вскочил на ноги, собираясь что-то сказать, потом передумал и сел, сжав губы в тонкую линию.

— Я хочу покрыть себя славой, сделать Гросгарт столицей планеты и покарать своих врагов, — сформулировал Лисиддер.

— Смешно и безнадежно.

Лисиддер был невозмутим. Он повернулся к дрожащему от ярости Настоятелю:

— И всегда так?

— Первый случай, — прохрипел Настоятель. Он больше не мог сдерживать себя, вскочил и взмахнул рукой.

— Отвечай прямо! Что ты за оракул, если ты спо-ришь, крутишь и противишься действию зелья мудрости. Приказываю тебе говорить по существу, ибо ты скоро умрешь, а Бэджарнуму нужны знания.

— Вероятно, мой вопрос был... неточен, — спокойно сказал Бэджарнум. Он повернулся к Клайстре. — Каков наиболее простой способ добыть оружие по низкой цене?

— Присоединитесь к Патрулю. Вам бесплатно выдают вибронож и ионник.

Меркодион подавил ругательство. Бэджарнум покачал головой. Допрос шел как-то не так. Он попробовал в третий раз.

— Собирается ли Земля объединить Большую Планету?

— Сильно сомневаюсь, — совершенно честно ответил Клайстра. — Земля не собиралась. — Он подумал, что уже пора осесть в кресле.

— Совершенно неудовлетворительно, — рявкнул Меркодион.

Лисиддер закусил губу и внимательно разглядывал Клайстру. Глаза Нэнси были пустыми. Несмотря на свои новые способности. Клайстра не мог прочесть ее мысли.

— Еще вопрос,— сказал Бэджарнум,— как могу я продлить свою жизнь?

Только страшным усилием смог Клайстра удержаться от улыбки. Он сказал усталым, слабым голосом:

— Дай Служителям накачать тебя по уши зигаге, как меня.

— Черт! — плюнул Меркодион.— Он невыносим! Если бы он не был на три четверти мертв, я убил бы его собственными руками... О да!

В этот момент Клайстра остановил дыхание.

— Отнесите падаль в хранилище,— проревел Меркодион.— Это была ошибка, Бэджарнум, если вы желаете, я прикажу приготовить нового оракула.

— Нет,— сказал склонившийся над телом Клайстры Бэджарнум.— Интересно, что он имел в виду.

— Это был бред.

Префекты вынесли тело из зала.

— Странно,— сказал Лисиддер.— Он выглядел вполне здоровым, как очень далекий от смерти человек... Что же он хотел сказать?

Человек крался через ночь, человек, от которого пахло смертью. Он пробрался через виноградник Зелло, нырнул в темную аллею, вышел на улицу.

Никого. Прижимаясь к стене, тень среди теней, он торопился к дому оружейника.

Сквозь шторы пробивался желтоватый свет. Он постучал. Нимэстер открыл дверь и застыл с открытым ртом. Из комнаты вышел другой человек, Элтон, подозрительно взглянул на пришельца...

— Клод...— выдавил он,— ты...

— У нас мало времени,— сказал Клайстра.— И я хочу принять ванну.

Элтон кивнул.

— Это тебе явно необходимо.— Он повернулся к Нимэстеру.— Ванну. И что-нибудь из одежды.

Нимэстер послушно кивнул.

— Они отнесли меня на ледник. Когда пришел смотритель, я вылез, и он упал в обморок. Я переоделся в его костюм и выбрался через стену.

— Они сделали тебе инъекцию этой гадости?

— Это интересный опыт,— кивнул Клайстра. Уже из ванны он дал Элтону и Нимэстеру полный отчет о событиях в храме.

— И что теперь? — спросил Элтон.

— Теперь мы доберемся до Лисиддера.

Через полчаса они разглядывали мраморный дворик, где стоял аэрокар Бэджарнума. Прислонившись к машине, стоял человек в красной тунике и высоких сапогах. На боку у него висел ионник.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Клайстра.

— Я могу управлять им,— ответил Элтон,— если попаду внутрь...

— Хорошо. Я зайду часовому в спину, а ты отвлечешь его внимание.— Клайстра исчез.

Элтон подождал две минуты, а потом вышел из кустов, поднимая свой ионник.

— Не двигаться! — приказал он.

Часовой раздраженно заговорил:

— Какого черта...— Но тут позади него появился Клайстра. Глухой звук, и часовой упал наземь. Клайстра протянул его оружие Элтону.

— Летим,— сказал он.

Под ними проплывал Фонтан Миртлисса. Клайстра весело рассмеялся:

— Мы свободны, Эса, мы сделали это!

Элтон поглядел на землю вниз:

— Не поверю, пока не увижу Территорию Земли.

— Территорию Земли? — удивился Клайстра.

— Ты предлагаешь лететь в Гросгарт? — осведомился Элтон.

— Нет. Но подумай. Чарли Лисиддер сидит в Миртлиссе без аэрокара, без связи...

— А монорельс? — спросил Элтон.— Он будет в Гросгарте через четыре дня.

— Монорельс. Он поедет по монорельсу. И там мы его возьмем.

— Легче сказать, чем сделать. Он будет вооружен до зубов.

— Не сомневаюсь. Он может послать человека в Гросгарт, если у него есть второй аэрокар. Мы прове-

рим. Есть место, где монорельс проходит под обрывом, мы там и засядем.

— Я бы не играл с судьбой, — сказал Элтон.

— Мы не нуждаемся в удаче. Мы больше не жалкие беглецы, какими мы были, мы знаем, что делаем. Раньше Бэджарнум охотился на нас, а теперь мы на него. Вот здесь... — показал Клайстра. — Этот обрыв. Мы устроимся наверху и подождем. Рано утром мы увидим, если увидим вообще, Чарли Лисиддера, несущегося домой на всех парусах.

20. ВАКАНСИЯ В БЬЮДЖУЛЭЙСЕ

Через два часа после рассвета с востока появились белые паруса.

— Это Бэджарнум, — с удовлетворением сказал Клайстра.

Тележка приближалась, слегка покачиваясь на ветру. Это был длинный грузовик с двумя латинскими парусами. Он плыл по воздуху, как белый лебедь.

Со скрипом колес и шорохом парусов воздушный корабль скользнул мимо землян. На платформе стояли четверо: Чарли Лисиддер, двое аристократов из его свиты и Нэнси.

Клайстра следил взглядом за удаляющимся грузовиком.

— Какие нахмуренные лица...

— У них у всех ионники, — отметил Элтон. — До них будет трудно добраться.

— Я не собираюсь добираться до них. — Клайстра встал и направился к аэрокару.

— Поскольку я следую за тобой, я хотел бы знать, что у тебя на уме, — с легким раздражением сказал Элтон. — А что до моего мнения, то мне кажется, что ты со своим суперменством слишком далеко заходишь.

— Я, что, действительно произвожу такое впечатление? — остановился Клайстра. Он задумчиво поглядел на серую пустыню, на зеленый остров Миртлисса. — На-

верное, это нормальная реакция психики на такой тяжелый шок.

— Что ты называешь нормальной реакцией?

— Интраверсию. Эгоцентризм.— Он вздохнул.— Понимаешь, я все время пытаюсь собрать себя из кусочков.

— Наверное, мне тоже неплохо бы проглотить этой отравы.

— Я тоже об этом подумал. Но сейчас давай поймем Лисиддера.— Клайстра скользнул на сиденье аэрокара.

Они летели на запад, над черными обсидиановыми скалами, над холмами белого песка, над скалистой равниной, перевалили через огромный утес.

Монорельс, тянувшийся к вершине утеса, казался тоненькой паутинкой в небе. Клайстра повернул на восток, поднялся на милю над нижней платформой и причалил к одной из промежуточных станций.

— А теперь мы нарушим первую заповедь Озрика: перережем линию. Нам нужно расстояние в сотню футов, веревки между двумя станциями будет достаточно.

Они перерезали линию и закрепили веревку так, что роль нижней платформы монорельса теперь выполнял аэрокар.

— Они будут здесь через час,— сказал Клайстра,— или скорее, если ветер усилится.

Время шло. Федра, огромная и рыжая, висела в темно-голубом небе Большой Планеты. Насекомые, напоминающие сказочных драконов, мелькали в серых ветвях деревьев. В скалах грелись на солнышке розовые круглые жабы с глазами на антеннах. На вершине утеса появилось белое пятно.

— Они,— сказал Элтон.

— Смертельный номер,— кивнул Клайстра.

Белое пятно перевалило утес и начало спускаться.

— Хотел бы я видеть лицо Бэджарнума,— улыбнулся Клайстра.

Он нажал на рычаг, аэрокар вынырнул из-под платформы и поднялся вверх на уровень вершины утеса. Тележка скатилась на нижнюю точку линии и беспомощно повисла там. В ней виднелись четыре темных

точки — пассажиры монорельса, испуганные, неуверенные, непонимающие.

Клайстра подлетел к вершине и приземлился на верхней платформе. Он аккуратно закрепил прочную болотную веревку на носу аэрокара и так же тщательно привязал ее к линии монорельса. А затем обрезал линию выше узла. Теперь тележка вместе с четырьмя ее пассажирами висела в воздухе под аэрокаром.

Клайстра поглядел вниз:

— Вот мы и поймали Бэджарнума Бьюджулэйса, находясь в сотне ярдов от него и его оружия.

— Но оружие все еще у него, — заметил Элтон. — И он сможет использовать его, как только мы сядем, даже если мы доведем его до Территории Земли.

— Я подумал об этом. Небольшое купание в озере охладит ярость Лисиддера и разрядит магазины его пистолетов.

Лицо стоящего на песчаном берегу Бэджарнума было бледным и напряженным. Его глаза блестели как ртуть, но он не смотрел ни вправо, ни влево. Его придворные каким-то образом ухитрялись сохранять свое достоинство, несмотря на воду, хлюпающую в ботинках. Волосы Нэнси прилипли к щекам. Лицо ее напоминало мраморную маску. Она сидела на песке, дрожа и стуча зубами от холода.

Клайстра протянул ей свой плащ. Она завернулась в него, отошла в сторону и стала снимать свою промокшую одежду.

Клайстра все еще сжимал ионник.

— По одному заходите в машину. Элтон обыщет вас на предмет ножей, кастетов и прочих средств аргументации. — Он кивнул Бэджарнуму. — Вы первый.

Один за другим пленники проходили мимо Элтона. Получилось три кривых сабли, четыре севших ионника и маленький пульверизатор черт знает с чем, отобранный на всякий случай.

— В хвост аэрокара, — приказал Клайстра. — Загони их как можно дальше, Элтон.

Голос Бэджарнума был мягок и спокоен:

— Вы ответите за это, Клайстра, даже если мне придется гоняться за вами всю жизнь.

— Чушь. Вас ослепляет ярость, — рассмеялся Клайстра. — Позже вы поймете, что отвечать придется вам за сотни тысяч мужчин, женщин и детей, проданных в космос.

— Откуда вы взяли эту цифру? — удивленно спросил Лисиддер.

— Ладно, все равно. Тысяча или сотня тысяч, суть преступления не меняется.

Клайстра сел в кресло рядом с пилотским и развернул его, чтобы наблюдать за пленниками. Эмоции Лисиддера были ясны: холодная ярость, тщательно скрываемая под маской насмешливого спокойствия. Оба аристократа были одинаково угрюмы и встревожены. Нэнси? Ее лицо казалось спокойным, мысли блуждали где-то далеко. Клайстра не чувствовал в ней ни злости, ни сомнений, ни страха. Ее лоб был чист, и такой же четкой и чистой была линия рта. Полуприщуренные глаза смотрели твердо и почти весело.

«Только что, — подумал Клайстра, — закончилось раздвоение личности. До сих пор она боролась с собой. Теперь ее подхватил поток, превышающий ее силы, она расслабилась и поплыла по течению. Она чувствует вину, она знает, что ее ожидает наказание. Она подчинилась».

Он повернулся к Элтону:

— Поехали. Ты сможешь найти Территорию?

— Надеюсь. — Он нажал на педаль. — Пойдем по радиомаяку, как только выберемся в их полушарие.

— Хорошо.

Аэрокар поднялся в воздух и полетел на запад. Озеро осталось далеко позади.

Лисиддер сосредоточенно выжимал воду из плаща. Он успокоился, в глазах его больше не было злобы.

— Я думаю, вы здорово ошиблись, Клайстра. Я действительно продал несколько умиравших от голода бродяг, чтобы положить конец голоду. Средство, конечно, не из лучших, но разве люди не погибали на Земле до ее объединения?

— То есть вы хотите объединить Большую Планету?

— Да.

— И с какой целью?

— О, дьявол! Ну кто-то должен навести во всем этом минимум порядка!

— Никакого порядка у вас не получилось бы, сами знаете. Большую Планету нельзя объединить путем завоеваний. По крайней мере, не бюджулэйским солдатам, посаженным на зипанготов, и не в течение вашей жизни. Я сомневаюсь, чтобы вас интересовал мир и порядок. Вы использовали свою армию, чтобы оккупировать Вэйл и Глэйтри, маленькие тихие фермерские общины, а реббиров и цыгане грабят и убивают как хотят.

Нэнси с удивлением поглядела на Бэджарнума. Чарли Лисиддер потер подбородок.

— Нет,— сказал Клайстра,— причиной завоеваний на самом деле являются ваше честолюбие и эгоизм. Вы просто Этман Бич Божий, только руки моете.

— Слова, слова, слова...— улыбнулся Лисиддер.— Комиссии приходят и уходят. Большая Планета остается как была. И все дела землян исчезают, как круги на воде.

— Не эта комиссия. Я принял руководство, только когда мне гарантировали всю полноту власти. Я не советую, а приказываю.

Бэджарнум все еще держался.

— Немного осталось от вашей полномочной комиссии. Да, кстати, что вы собираетесь делать?

— Не знаю. У меня есть идеи, но нет программы. Во всяком случае, с убийствами и работоторговлей надо кончать.

— Ну да,— кивнул Бэджарнум.— Вы вызовете военные корабли, перебьете цыган, реббиров, вообще всех кочевников на Планете и постройте империю земного типа там, где я строил бы империю Бьюджулэйса.

— Нет,— сказал Клайстра.— Вы совершенно не улавливаете сути проблемы. Людям Большой Планеты нельзя навязать объединение. С таким же успехом вы можете создать Федерацию, объединив муравьев, слонов, мартышек и белых медведей. Пройдут тысячи лет, прежде чем здесь образуется единое государство. В случае вмешательства Земли управление Большой Планетой будет

почти таким же тираническим и бессмысленным, как и в вашей Бьюджулэйской Империи.

— Так что же вы планируете?

— Региональная организация, местные силы самообороны...

— И прочий земной идеализм,— фыркнул Лисиддер.— Через пять лет ваши мировые судьи будут куплены с потрохами, а ваша полиция превратится в бандитов или, что еще вероятнее, в завоевателей.

— Да, это возможно,— признал Клайстра.— Здесь мы должны быть очень осторожны.

Он поглядел в окно на залитую солнцем землю Большой Планеты. Леса, зеленые горы, уже обжитые долины, широкие реки, бесконечные равнины, поросшие вереском и высокой травой.

Он услышал подавленный крик и резко обернулся. Двое аристократов в красных туниках стояли, готовые наброситься на него. Он поднял ионник, и они вернулись на место. Лисиддер прошипел что-то, чего Клайстра не слышал. Нэнси прижалась к борту машины.

Десять минут напряженного молчания. Потом Бэджарнум спросил:

— И что, в свете сказанного, вы собираетесь делать с нами?

Клайстра снова посмотрел в окно:

— Разрешите, я отвечу вам через несколько часов.

Они пересекли море с пригоршней мелких островов, серую пустыню, горный хребет, ошетилившийся белыми пиками. Над холмистой равниной, покрытой виноградниками, Клайстра сказал:

— Мы пролетели достаточно. Садись, Эса.

Аэрокар коснулся земли.

Клайстра увидел, как напряглись мышцы Лисиддера. Бэджарнум готовился драться, но голос его был ровен:

— Что вы собираетесь делать?

— Ничего. Отпустить вас. Если хотите, попытайтесь вернуться в Гросгарт. Сомневаюсь, что вы дойдете. Если вы останетесь здесь, вам придется зарабатывать себе на хлеб, худшего наказания для вас я не могу придумать.

Лисиддер и оба аристократа осторожно вышли в яркий полдень. Нэнси отшатнулась назад. Лисиддер сердито взглянул на нее:

— Нам будет о чем поговорить.

Нэнси отчаянно поглядела на Клайстру:

— Вы не могли бы высадить меня в другом месте?...

Клайстра закрыл дверь:

— Взлет, Эса. Я тебя вообще не собираюсь высаживать.

Чарли Лисиддер и двое его спутников превратились в маленькие, кукольные фигурки. Застывшие, неподвижные, они наблюдали за набирающим высоту аэрокаром. Лисиддер, уже не сдерживая ярости, поднял кулак и прокричал что-то нелестное. Но слов уже не было слышно. Клайстра улыбнулся:

— Похоже, в Бьюджулэйсе образовалась вакансия. Элтон, тебе нужна работа?

— Из меня получился бы приличный король. Надо будет подумать. Ты знаешь, — сказал Элтон, — я всегда хотел стать феодалом в стране, где делают хорошее вино... Ладно, вноси меня в список.

— Должность твоя, и если мне нужно сказать еще что-то, то необходимо...

— Спасибо. Моим первым ордонансом будет отмена всей этой мерзости Фонтана Миртлисса. Или моя империя туда не доходит?

— Если тебе так нужен Фонтан, тебе придется взять пустыню Палари и реббиров в придачу.

— И навести переправу через Уст, — добавил Элтон. — Но это я уже один раз делал.

Большая Планета проплывала под ними, леса, реки, поля; в какой-то момент Клайстра понял, что больше не может игнорировать молчащую фигурку в хвосте машины. Он отошел от приборной доски и сел рядом с ней.

— Ну, насколько я понимаю... — неуверенно сказал он, — мне хотелось бы верить, что ты была невольной помощницей, и я вижу, что...

Она прервала его. Теперь ее голос был низким и страстным:

— Я никогда не смогла бы заставить тебя поверить, что мы стремились к той же цели.

Клайстра печально улыбнулся, вспомнив их путешествие на восток. Дэррот, Кетч, Пианца, Бишоп мертвы, если не от ее руки, то при ее участии.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала она, — дай мне договорить, потом можешь посадить меня где угодно, хоть посреди океана.

— Цыгане сожгли мой дом и мою семью, — продолжала она. — Я уже рассказывала тебе. Все это правда. Я пришла в Гросгарт. Чарли Лисиддер увидел меня на Празднике Лета. Он звал к крестовому походу против внешнего мира, я думала, что мы можем сделать жизнь безопасной, уничтожить таких, как цыгане. Он пригласил меня на службу, я дала согласие. Может ли девушка отказать императору? Он взял меня на Землю, по дороге обратно мы узнали о ваших планах. Вы собирались, не более и не менее, как уничтожить Чарли Лисиддера. Я ненавидела землян. Они жили в мире и безопасности, когда нас — а в нас тоже земная кровь — пытали, грабили, убивали. Почему они не помогли нам?

Клайстра попытался заговорить, но она не дала ему:

— Я знаю, что ты скажешь: Земля может править только ограниченной частью пространства, тот, кто пересекает границу, отказывается от безопасности ради независимости. Может быть, это было так для первых поселенцев, но жестоко наказывать детей за беспечность отцов и позволять страдать им вечно... И мало того, что вы не хотели помочь, вы собирались уничтожить единственного человека, который пытался хоть что-то сделать, я говорю о Лисиддере. Это причиняло мне боль, потому что, — она бросила на него быстрый взгляд, — я полюбила тебя, но должна была уничтожить вас.

— Почему ты не сделала этого? — спросил Клайстра.

— Не могла... Мне было очень плохо... Не понимаю, почему вы не заподозрили меня.

— Когда я вспоминаю, — сказал Клайстра, — мне кажется, что я все время знал, но не мог заставить себя поверить. Сотни случаев. Например, когда солдаты Морватца связали нас, ты не решилась освободить нас,

пока не стало ясно, что солдаты мертвы и приближаются цыгане. Ты сказала, что насекомые Миртлисса поют, как птицы. На Большой Планете нет птиц. А когда погиб Бишоп...

— Я не знала об этом. Я пыталась незаметно войти в храм. Он пошел за мной, стражники убили его и забрали голову.

— А Пианца?

Она покачала головой.

— Он был уже мертв. Я не дала им убить остальных. Но я позволила забрать тележки, я думала, что мы вернемся в Кристиендэйл и заживем мирно и счастливо...— Губы ее дрожали.— Ты не веришь ни единому моему слову.

— Наоборот. Каждому. Хотел бы я обладать таким же мужеством.

От приборной доски донесся голос Элтона:

— Вы отвлекаете меня, мешаете вести машину. Обнимитесь и кончайте эту ерунду.

Клайстра и Нэнси сидели молча. Потом Клайстра сказал:

— У нас масса незаконченных дел... Кстати, на обратном пути надо будет завернуть в Кристиендэйл и проследить, чтобы наш экипаж ташил именно сэр Роджер Фэйн.

— Я поеду с вами,— сказал Элтон.— И возьму большой кнут.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВОРЕЦ ЛЮБВИ

Перевод с англ. Н. Николаевой 5

УМЫ ЗЕМЛИ

Перевод с англ. Н. Николаевой 197

БОЛЬШАЯ ПЛАНЕТА

Перевод с англ. Л. Михайлик 313

Литературно-художественное издание

Джек Вэнс

ДВОРЕЦ ЛЮБВИ

Перевод с английского

Ответственный редактор *И. Петрушкин*

Художественный редактор *Е. Соболева*

Обложка *Н. Зубков*

Иллюстрации *Е. Кузнецова*

Технические редакторы *Ю. Жихарев, Е. Шараева*

Корректор *В. Рошаль*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.06.97.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84. Тираж 11 000 экз. Заказ 1311.

Оригинал-макет подготовлен ТОО Агентство «Сфинкс СПб».
195269, Санкт-Петербург, а/я 149.

Издательство «Северо-Запад».

Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:

197110, Санкт-Петербург, а/я 171

E-mail: sevzap @info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика

в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

•Северо-Запад®•